

ДРУГИЕ
МИРЫ

Галина Гончарова

ТАНГО
С ДЕМОНОМ

ТАНГО НУЭВО

Annotation

Щуку съели, а зубы остались. Так и после изгнания демона из мира Римата остались те, кого он еще не успел обратить, те, кто служил ему по доброй воле, с радостью, без изменения. Что им нужно? Власть, деньги, сила... это равно нужно и людям, и нелюдям. Но кто будет делиться? Умер старый король, на трон садится новый монарх. Власть неустойчива, кажется, сейчас и время оторвать для себя кусок?

Или нет? Все так хрупко, так беззащитно, и некромантов в столице нет, а мединцы есть, и самое время нанести удар... Семейство Ксаресов, приехав из колоний, незаметно для себя оказывается в центре событий. Но как можно стоять в стороне, когда твоим друзьям угрожает опасность? Как не вмешаться, когда видишь несправедливость? Как можно пройти мимо – в семнадцать лет? Как можно не влюбиться... и разумеется, не в того человека. Впрочем, об этом ритана Феола не думает. Она просто живет. Или – танцует?

И снова танец с демоном, танец, в кругу опасности, танец – уклоняясь от щупалец монстра. Маэстро, музыку!

-
- [Гончарова Г.](#)
 -
 -
 - [Герои](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
-

Гончарова Г.
Танго с демоном. Танго нуэво

© Галина Гончарова, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Галина Гончарова

**ТАНГО
С ДЕМОНОМ
—
ТАНГО НУЭВО**

Москва

Герои

Лоуренсио Хулио Ксарес – старший сын семьи Ксаресов

Алисия Катарина – старшая сестра

Феола Амадина – младшая сестра, прозвище – Канси, огонек

Отец – тан Хулио Патрисио Ксарес

Мать – Катарина Мария Ксарес

Ритана Долорес Эухения Падиля – сопровождала сестер из колоний

Адэхи – шаман, учил Феолу

Тан Карлос Амадо – сын Альбы и Амадо Риалонов

Тан Анхель Хуан Толедо – друг Лоуренсио

Рауль Хосе Ортис – тан, достаточно богатый, не любит Анхеля

Самуэль Гонсало Веласкес. Сеньор Веласкес. Убитый купец

Виржиния Моника Веласкес. Сеньора Вирджиния. Джинни – жена купца, бывшая любовница Серхио

Дети Вирджинии – старшая – Мерседес Вирджиния, средний – Гонсало Самуэль, названный в честь деда, и младший – Хавьер Николас

Мария Соледад Перальта – служанка у Веласкесов

Хавьер Маркос Карраско – некромант в управлении

Наталия Марина Арандо – сеньора, мать Джинни Веласкес

Хуана Сесилия Варгос – соседка матери Джинни

Идана Мерседес Веласкес – мать убитого Веласкеса, свекровь Джинни

Гонсало Николас Веласкес, отец убитого Веласкеса, несчастного Самуэля Гонсало

Мария Пилар Наранхо – модистка

Тереса Мария Наранхо – помощница модистки

Сеньор Гильермо Хосе Агирре – ювелир, учитель Мерседес Вирджинии Веласкес

Тан Херардо Диас Мальдонадо – ювелир, эпатажник

Сальвадор Пабло Коронель – ювелир

Асунсьон Мария Салинас – портниха, знакомая Тересы

Мария Ленора Наранхо – мать Тересы

Сеньор Хуан Карлос Наранхо – отец Тересы
Альберто Карлос Наранхо – дядя Тересы, женат на Пилар
Эктор Паскуаль Кинтеро – картежник, старик, владелец
«Шахматки»
Сезар Мигель Вальверде – секретарь мэра
Тан Патрисио Эудженио Ксарес – глава семейства Ксаресов
Роза Эухения Ксарес – дочь Патрисио. Не замужем, потому
как стерва и пакость
Элена Фелиса Торо – экономка у Ксаресов, в столице
Висента Анна Дельрио – сестра Москита-Хуана
Хуан Валерио Дельрио – Москит, см. «Танго с призраком.
Милонгеро»
Эмералд – почти невеста Рауля, покончила с собой из-за Анхеля
Алехандра Патрисиа Роблес – любовница Хоселиуса Аурелио
Лидия Консепсьон Бенитес – родила от мединца. Эллора Лидия –
родная дочь, Дарья Лидия – нет
Кармело Луна Эскобар – жених Эллары
Тан Диего Хосе Овьедо – мажордом при королевском дворце
в Римате
Ритана Консуэла Анна Варгас – кастелянша

Пролог

Великий город Римат.

Прекрасный город Римат!

Траурный город Римат...

Столица как-никак. Обязаны одеться в траур, украсить дома черными флагами, прикрепить к одежде нечто подходящее. Ониксовую брошь, к примеру.

Нет у тебя такой?

Не надо, но хоть черную ленту повяжи на рукав в знак сочувствия. Не абы кто помер – его величество Аурелио Августин! Помер не в столице, в Каса Норра, в котором жил безвылазно последние десять лет, а если уж между своими – и жизнь у него последние лет десять была сложная, и помер он, говорят, не просто так, но это – тсссс!

В допросную никому неохота. А за сплетни о королевской семье можно там и оказаться. Быстро и весело.

Хотя как удержишь слухи?

Говорят, что его величество последние пять лет вообще не покидал своих покоев.

Говорят, он что-то такое... да кто ж его знает? Говорить могут что угодно, все же – король! И представьте себе, правил больше пятидесяти лет.

На трон он тоже вступил не юношей, то есть королю было за девяносто. И он сам столько прожил? Просто так, без помощи магии, без каких-нибудь ритуалов... тсссс! Конечно, народ всему верит! А кто-то сомневается?

А те, кто сомневаются, могут пожаловать в ту же церковь. Там как раз занимаются человеческими душами, сомнениями, метаниями и терзаниями. Очень, очень пристально занимаются.

И побеседуют, и успокоят, и сообщат, куда нужно.

Тайна исповеди?

А она и нарушена не будет! Намекнуть – оно всегда возможно. Аккуратно, не нарушая своего слова, обходя клятву... намек же!

Так что лучше промолчать. Вот послушать соседа и помолчать. Сосед – сам разберется.

А сплетни шли.

И в бедных кварталах, и в богатых. И среди сеньоров, и среди танов.

И чем это все обернется?

Наследовал королю его величество Хоселиус Аурелио. Правда, пока не величество, пока еще просто высочество. Величеством он станет после коронации, а та должна пройти ровно через сорок дней после похорон. Похороны, кстати, тоже состоятся в столице.

Мало ли что его величество умер в Каса Норра? Похоронен он должен быть в Римате, в семейной спальне, и вообще, королевские похороны – это церемониал. Потому его величество забальзамировали и везут в Римат.

Вот, со дня внесения тела в склеп отсчитывается сорок дней.

Почему так?

Срок строгого траура – первое.

Срок проверки – второе.

Если уж так прикинуть – мало ли что за сорок дней произойдет? Нового короля много кто захочет попробовать на зубок, часть альянсов распадется, часть сложится, начнутся интриги, подковерные змеиные переползания с места на место, в поисках лучшего, а результат?

Будет видно.

Впрочем, ничего принципиально нового за это время не произойдет. Все уже было, все еще будет. А именно – сильные усилятся, сожрав часть слабых, поборются между собой, потом или договорятся, или борьба перейдет в затяжную фазу – кто его знает? Имена тут не важны, важен принцип.

Но это – историкам.

А вот для современников хотелось бы конкретнее, кто будет на троне, его величество – или его младший брат, или еще кто-то. Кто будет у трона, какие сложатся группировки, радикалов, консерваторов, либералов... да много в политике разных извращений! Куда до них маньякам!

Впрочем, все еще сложится. А для простых людей...

А что им?

Им надо, чтобы апельсины цвели, селедка ловилась, ну и налогами не душили. А что там наверху и кто там на троне? Можно

подумать, если корове на стену портрет его величества повесить, так она доиться лучше будет! Или если на рога флаги намотать!

Простых людей смерть короля вообще не касалась. Ну, поносят траурные ленты. Ну, посмотрят в столице на похороны и коронацию.

И только.

Лишь бы налоги не подняли...

А вот тем, кому было что терять...

Наступало смутное время. Сложные дни, в которые многие желали половить рыбку в мутной воде. А что выловят? И кого?

Она ж рыбка – такая, может и рыбака в воду утянуть. А то и закусить особо умным.

Запросто.

Итак, пожелаем рыбке приятного аппетита – и отправимся гулять по улицам Римата. Определенно, там будет много всего интересного. И начнем с порта, в который скоро прибудет симпатичный корабль с синей полосой на борту...

А потом заглянем в следственное управление, зайдем в церковь, на рынок, послушаем людей... Но началась эта история – с корабля.

Корабль «Синяя чайка» следовал к месту назначения.

Глава 1

– Мы молим о возвращении!

– Мы молим... – послушно откликаются присутствующие.

– Мы взываем к тебе, богиня Синэри!

– Мы взываем... [1]

Голоса звучат.

Нельзя сказать, что они все красивые и певучие, некоторые из них настолько низкие или настолько высокие, что их даже не различить человеческим ухом.

Но присутствующим это и не нужно.

Потому что та, к которой они взывают, – не откликается.

Пятнадцать лет...

Страшных, горьких, кошмарных лет, прошедших с того безумного дня.

Как это описать?

Когда на тебя обрушивается бушующая стихия? Когда рядом с тобой умирают твои близкие... те, кого ты привык видеть рядом.

Когда ты перестаешь чувствовать ЕЁ.

Владычицу Синэри Ярадан.

Как рассказать о боли, о страхе, о кошмарном чувстве полного одиночества – для того, кто привык всегда – ВСЕГДА! – ощущать за плечом ее присутствие, ее дыхание, ее силу? И в единый миг ты лишаешься всего, и стоишь один, совсем один...

Пятнадцать лет тому назад, да.

Когда демонесса была изгнана из мира, те, кто был с ней тесно связан, конечно, погиб. Как выжить существу, у которого остался лишь огрызок души?

Никак.

Но были ведь и другие.

Были маги. Были дети, не сотворенные, а рожденные, были те, кто еще не удостоился чести слиться с Богиней.

Нельзя сказать, что их было много. Что их число увеличилось за прошедшие годы. Нет, оно скорее уменьшилось.

Кровь смешивалась с человеческой кровью, и рождались почти что люди. Они все дальше и дальше уходили от Богини, все больше приближались к обычным... к тем, кто не умел плавать, кто не ощущал морскую глубину как часть себя, кто не сливался с Богиней в экстазе единения.

Ладно-ладно, из выживших не сливался никто.

Но КАК это бывает – они знали. Видели. И сила Синэри задевала их, хотя и самым краешком.

А на что готов наркоман, чтобы получить дозу?

На всё.

Убить, украсть, кого-то уничтожить...

Кого-то? Если речь идет об обычном человеческом стаде – так что же? Плевать на них шесть раз! Хоть сто тысяч погибнет, но Богиня сможет вернуться! И это будет так чудесно, так восхитительно, так правильно и нужно, что ее паства не остановится ни перед чем.

Под сводами пещеры продолжают звучать молитвы. Пусть Богиня пока не может их услышать, но так получается, что обстоятельства складываются в их пользу.

Скоро, очень скоро у мединцев появится шанс.

А вот этот разговор состоялся уже после богослужения.

Мужчина и женщина.

И разговаривают... вы представьте – не о любви! О чем-то другом. Хотя женщина явно смотрит... ей нравится этот мужчина. А вот его глаза холодны и равнодушны. Мединцы вообще не умеют любить.

– Ты разговаривала с ней?

– Нет еще, брат Эро.

– Ты меня разочаровываешь, Дари.

– Я исправлюсь. Клянусь!

– У нас не так много времени, сестра. Поторопись.

– Я клянусь. В ближайшие же дни...

– Помни. Возвращение Владычицы зависит и от тебя. И наше будущее – тоже.

Мужчина уходит, а девушка остается стоять, глядя в стену.

Наше. Будущее...

Наше.

Ах, если бы действительно – наше...

* * *

– Тяните! ТЯНИТЕ ЖЕ!!!

Рыжеволосая девушка лет шестнадцати на вид задорно подпрыгивала на палубе, глядя на матросов, которые вытягивали сеть. Что ж не побаловать пассажиров свежей рыбкой? К обеду или к ужину, смотря как получится.

Матросы добродушно улыбались.

Пассажирку эту они преотлично изучили за три недели, ну, интересно девушке – она и лезет! И пусть ее! Под руку не подворачивается, капитану не ябедничает на случайно сорвавшемся словечко, да и приятно, когда на тебя так смотрят! Словно ты фокусник и достаешь не сеть из воды – рутинное и обыденное занятие, а кролика из цилиндра. И вот-вот...

К чести матросов, никаких сексуальных побуждений у них девушка не вызывала. И не потому, что была слишком молода. Все нужные округлости и выпуклости у нее присутствовали. И возраст уже был такой, когда можно и помечтать, и попробовать... закон не возразит.

Но вот вела себя ритана так, что не воспринималась как объект интереса. Не получалось за ней ухаживать – и хоть ты тресни! Младшая сестренка, подруга, но не возлюбленная.

Слишком уж она яркая, живая, непосредственная... как-то у нее это получалось. Непонятно как, но если ее старшую сестру провожали похотливыми взглядами (нет-нет, ничего такого, поймите правильно, месяц без женщины – и козу пожелаешь), то на долю девушки доставались в основном покровительственные. А ведь и разница в возрасте там невелика. Год, может, два...

Дождаться сети не удалось, идиллию разорвал высокий тонкий голос:

– Ритана Ксарес, вы ведете себя неподобающе.

Феола сморщила нос, обернулась на говорящую.

– Да, ритана Долорес.

А что ей еще ответишь? Если сейчас огрызнешься, так она же на два часа заведется, хуже всякой зуделки. А если согласиться со всем и сразу – пятнадцать минут нудятины – и счастье! Тебя оставят в покое. Феола Амадина Ксарес уже проверила это на своем личном опыте.

Скучно, скучно, скучно!!!

Главный минус морского путешествия на небольшом корабле – это скука! И заняться-то и правда нечем! Вот подумайте сами!

Это – корабль.

Не слишком большой, библиотеки на нем нет. Модной синематики – тоже.

Чем заниматься во время путешествия? А тут уж кто чем.

Вот ритана Долорес преотлично вышивает, за двадцать шесть дней плавания она целый покров вышила. На алтарь. Потом подарит в храме, и ей, безусловно, спишется самый ее страшный грех – занудство.

Алисия Катарина вышивает и читает любовные романы. А если уж совсем честно, Феола видела у нее книжку с картинками. Такими, неприличными. Даже пролистала, но не поняла, зачем так заплетаться руками и ногами. Можно же не распутаться? И почему у всех на картинках открытые рты? Орут от счастья?

Хотя с точки зрения анатомии... и чего она там не видела? В той анатомии? Ничем, вот как хотите – ничем мужчины на картинках от других голых мужчин не отличались. Разве что зверски глупым выражением лица. Наверное, автор книжки считал его очень заманчивым. А Феола такое видела... когда одного мужчину при ней оса ужалила. Пониже поясницы. Просто копия...

Ладно. Пусть Алисия читает. У нее все равно одни парни на уме. Восемнадцать лет, взрослая, понимаете ли... а вот Феола для нее теперь малявка! Рыбу ей, что ли, в тувельки подсунуть?

Феоле было откровенно скучно.

Все книги, которые были взяты с собой, были прочитаны, даже рунный справочник изучен, а руны она тренировалась писать по два часа в день, хотя та же ритана Долорес прилежно жужжала над ухом.

Недостойно! Не подобает! Руки в чернилах! На лице заумное выражение. И вообще – девушке вредно читать! У нее от этого морщины появляются.

Ага, а еще она думать начинает. Вот где беда-то получается! Нет бы уши власть под лапшу подставлять, а она размышляет, сопоставляет, какую-то логику ищет... зачем женщине логика? Ей надо молиться, детей рожать и ту книжку, с неприличными картинками. И все. Ну, может, еще одну книжку. По домоводству.

Когда почтенная ритана Долорес была молода, лет этак сорок-пятьдесят назад, девочек в «хороших семьях» воспитывали именно так.

И не сильно интересовались, что об этом думают сами девочки. Возвращаясь выше – зачем им еще и думать? Молиться, вышивать и растить детей. И хватит.

Почтенная сопровождающая умела это преотлично. Кстати, и деньги именно так зарабатывала.

Девушке из хорошей семьи нельзя путешествовать в одиночку. Ей нужно сопровождение. Или – им нужно. Алисии и Феоле.

Вот она и сопровождала.

Из Колоний в метрополию, потом обратно с кем-нибудь поедет. На корабле почтенная ритана чувствовала себя великолепно, морской болезнью ничуть не страдала, а девушек блюла неусыпно. Куда там морскому дракону, у него, по слухам, всего какая-то паршивая тысяча глаз, а тут, по мнению Феолы, и глаз тысяча, и ушей, и носов, и вообще... какая-то она вездесущая. И всепроникающая.

Может, нечисть?

Феола незаметно коснулась обсидианового браслета на левой руке. Глупость, конечно. Но была бы нечисть – браслет похолодел бы. А он приятно теплый, глубоко наплевав на то, что вулканическое стекло очень плохо нагревается от человеческих рук. Особенно вот так, в браслете, не имея постоянного соприкосновения с кожей^[2].

– Ритана Ксарес, извольте привести себя в порядок и следовать за мной.

Феола только вздохнула.

– А что со мной не так?

Показывать пальцем вульгарно и бестактно, поэтому ритана Долорес ограничилась кивком на ногу девушки.

– Вот.

Действительно, ужас-ужас! Или просто – УЖАС?! Пока Феола прыгала, юбка слегка задралась, оборка завернулась, и всем стало

видно ее колено. Одно. Левое.

Как теперь жить? Вечный позор...

Удалиться в монастырь и до скончания веков сей грех отмаливать, не иначе.

Увидела бы почтенная ритана Адэхи! И... наверное, умерла бы на месте. Если бы Адэхи позволил.

Жаль, что пришлось расстаться. Но наставник не поедет на материк. Ему нельзя. Там властны другие боги.

Феола незаметно вздохнула и поправила оборку.

– Да, ритана Долорес.

Почтенная ритана смягчилась при виде такого послушания.

– Феола, вы должны понимать, я все делаю только ради вашего блага. Скажем честно, вам не настолько повезло с внешностью, как вашей сестре, поэтому имеет смысл сделать ставку на доброту, благочестие и послушание. Уверю вас, эти добродетели не останутся незамеченными.

Феола послушно кивала головой в нужных местах, пропуская мимо ушей проповеди почтенной ританы и думая о своем.

Да-да, конечно... не повезло ей с внешностью. Может быть...

А может и не быть.

Алисии повезло, тут и гадать нечего. Старшая сестра просто красотка. Высокая, стройная, с округлостями в нужных местах. А еще белокожая, синеглазая и с золотыми локонами. И их даже завивать не приходится.

Потрясающая красотка, даром, что мгновенно обгорает на солнышке, а потому постоянно ходит в шляпках, носит вуали и шарфы и мажется сметаной.

Феола не такая.

У нее ярко-рыжие волосы, насыщенные, медные, словно пламя костра. Друзья-индейцы прозвали ее «Канси», что значит огонек. Глаза напротив – светлые, бледно-серые, почти белые. Брови и ресницы, правда, черные, но веснушек на лице... ладно. На лице не так много, но нос весь в веснушках.

Черты лица? Вроде бы правильные, но пока ничего сказать точнее нельзя. И о фигуре тоже.

Шестнадцать лет!

Самый гадкоутеночий возраст! Может, и не у всех так складывается, но у Феолы так точно. И что там из нее вырастет? То ли ослепительная красотка, то ли девушка, при виде которой окружающие начинают вежливо бормотать: «да-да, она такая умничка, и так животных любит...»

Ритана Долорес явно уповала на второе и заранее учила бедную девочку уму-разуму. Оно и понятно, сама-то ритана выглядела так.... Ее в море засунуть, так из воды вся рыба сбежит.

Представьте себе стерлядь. Большую. Дополните ее очарование жидким пучком седых волос и пенсне. Облачите несчастную рыбину в платье с корсетом по моде полувековой давности. Только цвета выбирайте помрачнее. Серый, черный, можно – серый с черной отделкой. И вот – перед вами почтенная дуэнья.

Да, и не стоит забывать зонтик. Якобы – от солнца. Он же трость, он же, по мнению Феолы, оружие ближнего боя. Таким, да по человеку – протез придется заказывать.

И сейчас все это очарование неумолимо влекло Феолу с палубы в каюту. Девушка уперлась ногами так, что в досках палубы едва вмятины не появились.

– Ритана Долорес! Я не могу в каюте! Меня там мутит!

– Но вы там спите, ритана Феола!

– Но я не могу спать круглосуточно!

– Хорошо, ритана. Я сейчас принесу вам молитвенник. В прошлый раз мы остановились на сорок шестой странице...

– Да, ритана Долорес, – безрадостно откликнулась Феола. Она преотлично помнила, что в молитвеннике триста шестьдесят пять страниц.

Молитвы на каждый день. Простите – триста шестьдесят шесть, просто одна из страниц реже используется. Каждый день находится под покровительством своего святого, каждому святому полагается своя молитва, каждому – за свое. Одному от поноса, второму от запора, третьему во здравие... и попробуй перепутай!

Дома Феоле было глубоко плевать, что там и кто там молится. А вот здесь... выбора нет. Приходится учить. Алисия же...

Совести у сестры нет!

Но с точки зрения дуэньи она ведет себя идеально. Сидит в каюте, бережет кожу от солнечных лучей, разве что вечером выходя

на променад, вышивает, читает книги... прелесть, а не подопечная.

А тут – Феола!

Понятно же, кому достается большая часть оплеух.

Сопровождающая удалилась.

Феола поглядела на солнце.

Высоко... до вечера далеко. Да чтоб ты онемела, стерлядь такая!

– Не огорчайтесь, ритана, завтра, край послезавтра – Римат, – один из матросов оказался совсем близко.

– Спасибо! – Феола искренне обрадовалась, улыбнулась в ответ. – Дядюшка Джок, спасибо!

– Держите, ритана, все не так тоскливо будет!

Феола с радостью сунула в рот лакричный леденец. Нравятся, нравятся ей именно эти сладости! Они замечательные!

– Спасиво...

Получилось не очень внятно, но матрос подмигнул – и удрал, прежде чем на палубе появился тысячеглавый дракон с молитвенником наперевес. Интересно, она все молитвы наизусть знает? И если да – то зачем?

– Итак, сегодня у нас день святой Дульсинеи, покровительницы девушек...^[3]

* * *

– Как работа?!

Амадо молчал.

А что он должен сказать на эту тему?

Прости, дорогая, я сейчас брошу работу – и вперед? С тобой по подругам?

А жить на что? Сына на что содержать? Да-да, вот такое отвратительное начальство, совершенно не понимает, что у подчиненных бывают потребности! То есть у их супруг...

Альба топнула изящной ножкой.

– Поменяйся с кем-нибудь!

– Это невозможно, дорогая.

– Невозможно! Только потому, что ты сам этого не хочешь! – затопала ножками красавица.

Пятнадцать лет брака пошли Альбе Инес только на пользу. Красота ее ничуть не померкла, даже наоборот, стала еще ярче. Четче обозначились черты точеного лица, после родов округлилась фигура... правда, рожала она только раз. Тогда, в юности.

Сына.

Карлоса Амадо Риалона. Больше детей у них с Амадо не получалось, да мужчина и не настаивал. Чего уж там... за каждый благородный поступок следует свое наказание.

Или нет?

Или это разминка?

Он не знал, но и не радовался жизни. Пятнадцать лет назад все было просто и понятно. Вот он, вот девушка, которой требуется помощь, вот крайне сложная жизненная ситуация.

В чем сложная?

Умершая мать, отец, который собирается жениться второй раз, да еще на девушке, которая жутко нравится самому Амадо, полная потеря ориентиров в пространстве...

Благородный поступок стал тем стержнем, на который Амадо принялся наматывать свою новую жизнь, словно клубок. Только вот клубочек оказался ведьминым. Увы...

Роды вообще тяжелое испытание для женщины. Альба Инес исключением не оказалась. Сначала она закатывала истерики, потом она закатывала истерики, а к третьему году жизни сына истерики стали привычным средством общения с мужем.

Причина?

Да основная! Деньги и снова деньги!

Почему у подруги есть, а у меня нет? Почему у Антонии свое поместье, а у нас – нет? Почему у Паулины свой мобиль, а у меня нет? Почему, почему, почему...

Мобиль, шубка, бриллианты, загородный дом... да хоть бы что! Хоть и туфли из змеиной кожи, которые стоят жутких денег. Нет-нет, речь сейчас не об обычных гадюках, а о редком радужном питоне. Который совершенно против того, чтобы из него делали туфельки и сумочки, и активно доносит свое мнение до охотников. То хвостом, то пастью...

Потому и стоят туфельки столько, что на них надо полгода работать. А еще не есть, не пить и муниципалитету не платить.

Или взятки брать, что ли. А не хочется, потому как ловится и карается. И вообще, такое уметь надо. Талант иметь, если хотите.

Альба это в расчет не принимала, и молодая семья задыхалась от безденежья, как рыба без воды. Конечно, помогали родители. И большинство «хочух» Альбы оплачивали именно Араконы, понимая, что преподавателю университета, даже и Королевского, это просто не под силу.

Помогал отец, который хоть и не купался никогда в деньгах, но зарабатывать умел.

Помогала даже Паулина.

Собственно, она единственная, кто искренне сочувствовал Амадо. И именно она посочувствовала ему, столкнувшись на свадьбе. Случайно, он просто пригласил сестру жены на танец...

Вот Паулина ему и пожелала терпения. И не пожалеть о своем благородстве.

Тогда Амадо не понял, сейчас было уже поздно. Разводы, увы... они были возможны, но не приветствовались. Да и сына он любил, благополучно забывая, кто его настоящий отец. Тем более Карлос был маминой копией. Такой же темноволосый, темноглазый, ослепительно красивый...

Десять лет назад он был еще совсем малышом. А требовалось много, так много.... Ей-ей, на взрослого человека расходов меньше, чем на ребенка. И Амадо решился.

Университет он попросту бросил. Магистр? Профессор?

Вы не знаете, о чем вы говорите. Вы просто этого не знаете. Чтобы защититься, требуется очень много всего. Деньги, связи, знакомства, с одними исследованиями вы можете до старости сидеть в младших помощниках старшего писаря и никуда не сдвинуться.

У Амадо знакомств не было.

Не в том количестве, чтобы пролезть вперед и выше. Вот и получилось... плохо получилось, в общем. Один маститый профессор получил в морду, а один сопливый преподаватель был вежливо выставлен на улицу. И пошел туда, где смог найти место.

А именно – в следственное управление.

Да, и что такого?

Муж свояченицы, Игнасио, которого в семье все называли Реем, взялся натаскивать Амадо в следственной науке. А выбора не было.

Можно пробоваться помощником писаря, можно копиистом, можно секретарем, но зарплата там... Мизер.

Магии у Амадо как не было, так и не прибавилось. Ноль и есть ноль, на что ни умножай. И что осталось? Только карьера следователя.

Сначала по простым делам, все равно там зарплата не меньше, чем в университете, а потом и по особо важным. Благо наставников хватало. И Вальдес, и Шальвейн, да и родной отец – все трое наперебой вкладывали юноше ума. То одно объясняли, то второе, там подсказывали, здесь информатора помогли завербовать... и постепенно увлекся Амадо этой работой так, что куда там индейцам!

Индейцы – были и ушли.

А вот преступный мир столицы... такой сложный, разветвленный, непредсказуемый... Это – да. Это по-настоящему интересно...

Жаль, что Альбу Инес это не устраивало. Ей нужен был богатый муж. Который будет сидеть дома, рядом с ней... вести такую же жизнь, как ее отец рядом с матерью. Но у Амадо такой возможности не было. И содержать его не станут, и родители не вечны, и деньги он считать научился... И с отцом постепенно помирился. Как-то оно так получилось...

Когда смотришь со стороны матери, у которой постоянно скандалы с мужем... отец все время пропадает на работе, не дает достаточно денег, не помогает, не, не, не...

Когда сам оказываешься на месте отца, все воспринимается как-то иначе. Даже совсем иначе. Начинаешь понимать, что ты все же неблагодарная скотина. Тебе все дали, а ты еще вредничаешь? Того тебе мало, этого не хватает... да ты двадцать лет с хвостиком прожигал свою жизнь! С позволения отца и его содержания.

А теперь – отрабатываешь. Фактически долги отдаешь.

– Все, все будут на похоронах! А ты!

– А я буду обеспечивать их безопасность. Чтобы все спокойно прошло.

– Можно подумать, без тебя там не разберутся! Амадо, я последний раз предупреждаю!

– Лучше в первый раз подумай, – устало отозвался Амадо. – Альба, к чему этот скандал? Я тебе еще декаду назад сказал, что не смогу присутствовать на торжествах. Чего ты сейчас возмущаешься?

– Поменяйся с кем-нибудь!

– Альба, мы это уже обговаривали. Ни с кем я поменяться не могу. Не получится.

С одной стороны, следовательно – не конная полиция. Не гвардия, даже не уличная стража.

С другой... кому, как не ему знать о преступном мире? Так что вся полиция будет на улицах, он будет придан к десятку городской стражи, и смена закончится, когда все уже будет завершено. Печально, но факт.

Так происходит постоянно. Так происходит регулярно. И за десять лет Альба могла бы уже сто раз смириться и не устраивать нервоотрепку. Но – увы.

– Мам, пап, привет... что случилось?

Карлос очаровательно улыбался. Амадо невольно улыбнулся ему в ответ.

– Ничего страшного, сынок.

– Опять ссоритесь? Мам, хватит папе печень кушать! Ясно же, что он на работе будет!

– Работа... вечно эта работа! Она у меня крадет мужа, она...

– Мам, я тоже рано или поздно работать буду, – юный Риалон поцеловал мамочку в щеку. – Пап, не дашь денег на синематограф? Мы с ребятами сходить хотели?

Амадо достал из кармана бумажник, посмотрел, сколько в нем денег... потом отсчитал пару купюр сыну. Ладно уж... скоро аванс.

– Иди, сынок, погуляй.

– Пап, спасибо...

– И я пошел на работу, – использовал свой шанс Амадо. И тут же удрал.

Карлос поцеловал маму в щечку еще раз и удрал. Альба осталась в комнате одна. Посмотрела на вазу, примерилась – да и швырнула ее в стену. И не жалко!

Все равно мужу подарили!

А вот ее! В осколочки!

Ну какая сволочь, какая сволочь!!!

На любую проблему есть две точки зрения: моя и неправильная. Вот Альба Риалон была убедительным примером и доказательством этого тезиса.

Естественно, правильным было ее мнение. Неправильным – все остальные. И мнение ее было такое: ах, как она просчиталась! Как она в свое время просчиталась!!!

Да уж...

Пятнадцать лет назад казалось, что жизнь кончена. Любимый мужчина оказался вруном и подонком, сбежал и где-то помер. В животе рос его ребенок. А брак...

А вот брака и не случилось, и Альбе предстояло стать посмешищем всея столицы. Знаете, как за нее взялись бы подруги? А модистки? А...

Альба надолго стала бы героиней салонных сплетен, еще бы и внукам припомнили. Повезло... тогда ей так казалось, что повезло. Амадо Риалон сделал ей предложение.

М-да.

Замуж-то она вышла. И ребенка родила в законном браке, а сплетни... и что? Бывает... не дотерпели до свадьбы! С кем не случается? Об этом даже сплетничать неинтересно.

Самое страшное прошло мимо. Альба выдохнула... казалось. А потом поняла, что самое-то страшное – оно только-только началось.

Обсуждения, слухи, сплетни и пересуды... да, это страшно. А жизнь с мужчиной, которого ты... ладно, наедине с собой можно сказать честно. Амадо она почти что презирала. Может, если бы ей не было с кем сравнивать... но ведь было!

И было с кем, и было о ком... и Амадо был... он был не хуже или лучше, он просто был другим!

Не тот запах, вкус, улыбка, слова, не то, не так...

И побежала трещинка, расширяясь и углубляясь. Побежала, полетела... а потом еще унижительное безденежье, и скука, и муж, который вечно на работе...

Самой пойти куда-то работать?

Этот вариант Альба даже не рассматривала. Хотя... та же Антония держала антикварный магазинчик. Небольшой, для своего удовольствия, но все дело.

И Паулина нашла себе занятие.

Родила троих детей подряд, тут ни отдыха, ни продыха. Да еще старший у них оказался некромантом! Свекор, Эрнесто Риалон, как посмотрел, так сразу и сказал – мол, благословение Ла Муэрте.

А малолетний некромант – это проблема. Да еще какая...

То одно, то другое... пришлось Паулине что ни день таскаться к Лассара. Там Антония постепенно ее и к делу приставила. Идеально Паулина в антиквариате не разбиралась, и чутья Антонии у нее не было, но ведь кто-то должен и рутинной заниматься? Так женщины и сработались. Вместе воспитывая шестерых детей, четырех мальчиков, двоих девочек, и четверо из них – некроманты. Как-то у них так получилось, и у Паулины два мальчика и девочка, и у Антонии... только у Антонии все некроманты, а у Паулины только старший.

А сейчас они вообще все в Лассара.

Причина весьма серьезная.

Антония Лассара ждет четвертого ребенка – раз.

У старших мальчишек началось половое созревание, а с ним и магия пошла вразнос, стала нестабильной. Это лучше пережить в глуши... это некроманты! Люди совершенно без понимания относятся к зомби... Альба с отвращением вспомнила некромуху, которую в три года поднял племянничек.

Дохлая, а ползает...

А мальчишка смотрит своими голубыми глазами... говорить-то еще не умеет толком, а туда же!

Фу, гадость!

Альба с отвращением сморщила нос, потом решительно взяла накидку и задрапировалась в нее перед зеркалом. Пойдет она, пожалуй, погуляет.

Да, погуляет по парку, скушает мороженое...

Или телефонировать кому-то из подруг? Напроситься в гости?

Но ей будут сочувствовать. Ах, бедная девочка, опять одна, а муж все на работе и на работе...

Пожалуй, сегодня она просто погуляет в парке. Одна.

* * *

– Как ты себя чувствуешь, радость моя?

Эрнесто положил ладонь на живот Тони. Ребенок толкнулся в нее изнутри, приветствуя отца. Мужчина и женщина поглядели друг

на друга и одновременно заулыбались.

Дети... ах, эти дети!

Обычно некроманты не столь плодовиты, но видимо, сработало благословение Ла Муэрте. Забавно? Но факт, богиня Смерти благословила чету Риалонов плодиться и размножаться. И – получилось.

Эрнесто подозревал чуточку иную причину, но не собирался ни обнародовать ее, ни спорить. Некромантия не слишком предназначена для размножения. Некроманткам бывает сложно родить даже одного-двух детей, куда уж больше! Но в том-то и дело, что Тони вычерпала себя до дна, сражаясь с демоном. И потому легко забеременела. Первые дети у них получились погодками. Через шесть лет родился третий малыш. Сын, дочь, сын – и вот еще один ребенок!

Вряд ли получится больше. Уже сейчас Тони чувствует себя не слишком хорошо, и попросила отвезти ее в Лассара. Долорес уверенно выпаивает ее травяными отварами, проводит ритуалы, Тони уже носит на себе не меньше десятка разных амулетов, но не жалуется. Еще хотя бы три месяца надо потерпеть.

Конечно, ни о какой работе у Эрнесто и речи теперь не идет. Он должен быть рядом с женой – и точка!

Его высочество отнесся к вопросу с пониманием.

А если еще честнее...

Когда тебе, глядя в глаза, говорят, что или отпуск до рождения ребенка и хотя бы пару месяцев после рождения – или увольнение...

Принц выбрал отпуск. Лучше потерпеть какое-то время, чем лишиться ценного специалиста.

Правда, смерть короля чуточку спутала планы.

– Ты поедешь? – Тони смотрела на мужа. Как хорошая жена, она была в курсе его дел. И знала о письме его высочества, в котором принц просил своего личного некроманта вернуться.

Эрнесто только головой качнул.

– Я уже написал ответ.

– Ты уверен?

Тони даже знала, о чем написал супруг. Не читала, но была уверена в нем. Полностью.

Эрнесто только плечами пожал.

– Тони, работа и проблемы будут всегда. Да, найдется тот, кто с ними справится. Пусть без меня, пусть я не буду так полезен, пусть принц затаит обиду. Но ты и дети... не будет вас – и мне будет все равно. Кто там, что там... плевать мне на любую работу, если за нее придется платить – вами.

Тони кивнула.

– Спасибо, любимый.

Взяла руку мужа, коснулась поцелуем ладони и приложила ее к щеке. И замерла так, впитывая родное тепло. Они молчали.

Эрнесто знал – его любят. Его бы отпустили, скажи он хоть слово. И поняли, и не осудили, и приняли бы обратно в любую секунду.

Только вот зачем ему чужие проблемы, решенные такой ценой? За счет своих любимых и близких? Не нужно.

Может, кто-то другой сделает иной выбор. Но не Эрнесто Риалон, который осознал ценность любимых и любящих. Второй рукой он мягко обнял жену за плечи, притянул к себе – и на долю секунды они так и замерли.

Ненадолго.

Если в доме шестеро детей – покой не будет долгим по определению. Так, секунд тридцать можете урвать, если замуруетесь в погребе и как следует задвинете засов. Вряд ли больше...

Вопли с улицы разрушили идиллию. Да, секунд через пятнадцать.

Тони встрепенулась, Эрнесто повернул голову к окну...

– Что-то случилось. Обычно они орут тише.

– Прогуляешься со мной, дорогая?

– Да, конечно.

Эрнесто помог жене подняться. Четвертая беременность давалась Тони тяжелее. Отекали ноги, руки, лицо, она быстро уставала, подолгу лежала, спала...

Стоило им выйти во двор, как стало ясно – предчувствие не подвело.

Рейнальдо был во дворе, на носилках, весь мокрый, с серьезной ссадиной на макушке...

Дети закружились вокруг, загудели, словно осиное гнездо.

– Мам, пап, я не виноват...

– Дядя Эрни, я не рассчитал...

Потребовалось всего десять минут и три обещания перепороть всех, не разбирая правых и виноватых, чтобы услышать истину. Точнее, чтобы ее изложил кто-то один, а остальные помолчали.

Ничего нового в истории не оказалось.

Дети – это существа, которые обязаны проверять на крепость родительские нервы. А еще им природой назначено лезть совершенно не туда, куда бы стоило. И не всегда они могут вылезти оттуда самостоятельно и без потерь.

В частности, сегодня они решили проследить за мельником.

Кто, вот КТО рассказал им, что мельники всегда считались друзьями всякой нечисти? Естественно, четырех юных некромантов это заинтересовало. А двое остальных так привыкли следовать за друзьями, что даже не задумались – что они делать-то будут?

Так, если нежить или нечисть действительно окажется на мельнице? Ладно некроманты. А обычные дети? Нормальные... насколько могут быть нормальными дети, у которых в друзьях малолетние некроманты.

Хотя за визит на мельницу Эрнесто детей ругать не собрался. Как говорится – ваша нечисть, вы ее и спасайте. А стихийные выбросы от четырех некромантов....

Там и Костяной Дракон не устоит.

Есть подозрения, что если эти четверо организуют свой союз – им и лич преградой не станет. А то и кто-то из демонов...

Только вот никакой магический потенциал не спасет юного некроманта от падения в запруду. Некромантку. А плавать малышка Дениза Лоренца не умела.

Колдовать? Пожалуйста!

Оживить выплеском ВСЮ дохлую рыбу в запруде – тоже.

А вот выплыть не получилось бы.

Хорошо еще, Рейнальдо успел вовремя.

Успел?

Эрнесто взялся за виски и ощутил неодолимое желание все-таки надрать уши малявкам! Нет, ну надо же! Отлично знают, что мамы и папы будут против их затеи, знают, что Рей может легко вычислить их планы – и устроили ему на утро «отвлекалочку». Письмо прислали, все, как положено...

К счастью, на чем-то прокололись, и Рейнальдо, понимая, что ничего безопасного их дети задумать не могут, помчался обратно.

И успел к запруде как раз вовремя, чтобы вытащить малышку из воды.

Только вот цена вопроса...

Шишка на голове – одна штука.

Сломанная нога – одна штука.

Синяки – несчетно.

Прыгать-то пришлось практически под мельничное колесо, как еще обоих не затянуло... не иначе – Ла Муэрте решила еще лет двести пожить спокойно. И правильно, когда у нее в гостях окажутся эти демонята, спокойная жизнь по ту сторону грани будет закончена. Раз и навсегда.

– Убью, паршивцы, – как-то даже обреченно сказал некромант.

Куда там!

Дети облепили со всех сторон и заговорили, жалуясь на жизнь. И как им было страшно, и как папа (дядя Рей) спас Дези, и как...

Конец представлению положило явление сеньоры Долорес.

Вот уж кто никогда и ни с кем не церемонился... шесть подзатыльников прозвучали один за другим, с разницей в четверть секунды.

– Отвар от простуды на кухне. Если кто-то посмеет не выпить – волью через заднее место. Клизмой!

Сказано было увесисто и убедительно. Эрнесто едва сам не помчался пить, забыв, что взрослый. И вообще... Некромантов так учить не полагается.

Когда дети улетучились в направлении кухни, он вопросительно поглядел на ведьму, которая уже осматривала Рейнальдо и бормотала что-то про мелких поганцев, которых пороть крапивой бы... для воспитания. А то и их родителей за компанию.

– Что с ними случится?

– Ничего страшного, полежат недельку на животах – поумнеют, – отмахнулась ведьма.

Вот уж не проблема – заговорить зелье так, чтобы у малолетних интриганов прыщи пошли по задним местам. Не особенно крупные и не вредные для здоровья, но достаточно болезненные.

Дня через три-четыре пройдет. А все ж спокойнее будут.

Пороть нельзя?

Долорес была сторонницей негуманной теории воспитания. И искренне считала, что мозги даются всем при рождении, но помещаются в нижние полушария. А когда их начинаешь стимулировать крапивой или розгой, мозгу становится больно, и он плавно переползает наверх.

Да, а без стимуляции никак. Нет, не получится...

И вообще, если один подзатыльник заменяет два часа воспитательных бесед...

Что-то в этом есть такое... правильное.

– А со мной что будет? – знаменитый сыщик чуточку побаивался ведьмы, которая не питала к нему никакого почтения, а пару раз и уши надрала.

– Тоже ничего страшного. Полежишь месяц в кровати, нога и срастется. Ходить, правда, нельзя... ну, с женой полежишь, – отмахнулась ведьма.

Паулина покраснела.

Только вчера они с Тони разговаривали о том, что и им бы завести ребенка... почему нет? Вот и шанс представился!

– А раньше никак? – деятельная натура сыщика требовала движения. После заточения в пещере... будешь тут и двигаться, и лезть, и воспринимать любые ограничения как вражеские происки.

– Запросто, – отмахнулась ведьма. – Только на хромоту мне потом не жалуйся.

Рейнальдо закатил глаза.

Потом пригласили доктора из города – так, для проформы. Доктор поворчал, вздохнул...

А спустя два дня вернулся еще раз.

Расписаться на королевском письме.

Его величество требовал от Шальвейна прибыть в столицу, на коронацию и похороны... а какое прибыть, когда он ходить не может? Разве что дома лежать, но толку с того?

Никакого.

Но не отпишешь ведь его величеству просто так?

Потребовались свидетельства доктора, мэра, ну и двоих некромантов. Паулина, как лицо неофициальное, права подписи не получила, хотя и предлагала.

Сеньора Долорес тоже. И даже не предлагала – нужен ей тот король! Трижды ха!

Ее дело – ее семья.

Ее родные, близкие, чтобы все у них было хорошо и спокойно, и...

Есть все же ведьминское чутье. И оно тихо нашептывало своей хозяйке сидеть ровно. Потому как ничего, ничего хорошего ее в столице не ждет.

Вообще.

А неприятностей и она, и ее родные могут получить столько, что на три поколения вперед хватит.

Сидим – и тихо! И между нами говоря, сеньора Долорес даже противоядие от своего зелья детям подсунула. Чтобы прыщи рассосались побыстрее.

Вот казалось ей, что нечего им делать в столице, а тут и повод такой роскошный. И ведь все – чистая правда! А за это мелким негодьям многое простить можно.

* * *

Гонки!

Как много в этом слове!

Страсти, азарта, вдохновения, скорости – и даже страха смерти!

Ах, этот риск! Пьянящий и захватывающий! Для настоящих мужчин! Для тех, кто не боится рисковать собой! Своей жизнью!

Недавняя мода захлестнула Римат.

Гонки на мобiliaх.

Понятно, раньше, когда мобили едва ползали, ни о каких гонках и речи не шло! Это как на черепахах ездить верхом! Но сейчас!

Когда иные мобили могут развивать скорость до сорока километров в час! А если еще облегчить мобиль?

А если поколдовать над двигателем?

А если...

О, тут столько простора для воображения! Можно бы нанять водителя, найти гонщика, но это неспортивно! И вообще – фу!

В среде золотой молодежи популярен был именно такой вид гонок. Когда сам за рулем своего мобиля...

Что делают с твоим мобилем мастера?

Это вопрос второй, в железяках аристократу разбираться как-то не пристало. А вот лететь навстречу ветру, чувствовать, как покоряется твоей руке грозный стальной конь, укладывать под колеса сложную дорогу – и приходить первым! Восторг победы!

Азарт счастья!

Что еще нужно настоящему тану?

Тан Лоуренсио Хулио Ксарес был счастлив!

Это надо понимать! Он недавно приехал из Колоний, вот совсем недавно, двух месяцев не прошло, и уже принят в свете. И стал своим во всех столичных кругах!

Иной и захочет попасть на гонки – и не сможет!

И клубы есть... закрытые.

И вечеринки для своих.

Есть. Все это есть. И все это ему доступно! Стоило только правильно подобрать себе друзей! Или...

Или это друзья почувствовали в нем настоящего тана!

Мысль о том, что друзья почувствовали в нем родительские деньги, Лоуренсио в голову не приходила. А что ей там делать? Тихо, пусто... красиво, ничего не скажешь, но и только. Лоуренсио был великолепен.

Светлые кудри до плеч, стянутые прихотливой золотой заколкой, большие голубые глаза, смуглая кожа, тронутая легким загаром, отличная фигура, высокий рост...

Девушки ахали и укладывались штабелями. И под него, и на него, и просто на его пути. Да что там! Его случалось, даже в борделях обслуживали бесплатно!

Хотя заплатить Лоуренсио как раз мог. Родители отправили его в столицу с наказом купить дом и подготовить все для выхода старшей сестры в свет. А где ей прикажете мужа искать? В Колониях?

На островах?

Алисия Катарина была решительно против.

Она хотела в метрополию, в столицу, хотела выйти замуж за человека, которому не надо ехать на острова, следить за плантациями, вникать во все это...

Ксаресы пожали плечами и смирились. Пусть едет в столицу, пусть выходит замуж. Сначала старшая, потом младшая...

Тем более что и сами не хотели постоянно жить на плантации. Сейчас уже можно себе это позволить. И в метрополию сплавать, и попутешествовать... Наймут управляющего, и будет потом Лоуренсио два раза в год плавать, его контролировать. А может, зять. Один или другой... вот, Феола всегда интересовалась плантациями. Ей это в удовольствие, и нравится. Она родителям может подходящего зятя найти.

В крайнем случае, хотя и не хочется уступать дело, в которое вложили всю душу, они просто продадут плантации и разделят деньги по справедливости между детьми. И им хватит на безбедную жизнь. Или на хорошее приданое...

Дом Лоуренсио купил.

И тут же попался на глаза одному из столичных «фигляров».

Да, их называли именно клоунами, вкладывая в это слово толику презрения. Потому что к благородному искусству лицедейства эти люди отношения не имели.

Есть актеры – и актеры.

Одни из них геройствуют на подмостках, изничтожая драконов и спасая принцесс. Вторые – в обычной жизни. И вот от вторых-то и плачут все их родные. А иногда в этот хор и чужие добавляются.

Кому ж понравится такое поведение?

У столичного «фигляра» нет ни гроша за душой, а если и есть, то мало. Он практически нигде не работает, разве что числится, но всегда на каком-то громком месте. Ему же нужно как-то о себе говорить в хвалебном тоне? Обязательно!

Дело жизни «фигляра» – развлечения. Жить весело, хорошо, для себя, в свое удовольствие, не считаясь с другими – вот оно, счастье! И другого ему не надо.

Быть в центре событий, получать удовольствие как от созерцания, так и от пересказа происходящего везде быть своим, улыбаться, танцевать, флиртовать, крутиться по столице и ее окрестностям...

Кому-то нравится?

Да, такая жизнь всегда красиво выглядит со стороны. Если не думать, что на нее нужны деньги, деньги, деньги...

И откуда их взять?

А вот тут наступает на человека большой и острый знак вопроса. Ложится сверху и колется. Больно.

Либо у тебя должны быть доходы, и не так, чтобы маленькие. Ты ведь обязан выглядеть и представляться! Да-да, тебе нужны костюмы от модных портных, шляпы из определенной мастерской, сапоги, ботинки, аксессуары, да тот же мобиль стоит очень и очень прилично! Так что к доходам тут же будут и расходы.

А еще – карты, азартные игры, бега, скачки, гонки... и везде надо ставить. И не так, чтобы помалу. И не так, чтобы тебе всегда везло...

Шулерство?

Уметь надо. Равно, как и воровать, и просто нарушать закон. Надо – уметь.

Есть вариант пристроиться к кому-то на содержание или выгодно жениться. Выйти замуж, как вариант, ведь «фиглярами» бывают и мужчины, и женщины. Какая разница?

Всех их объединяет одно и то же: любовь к развлечениям. И частенько за чужой счет.

Но где ж на всех наберешь столько дураков с деньгами?

Есть еще один вариант – пойти на содержание. Но тут понимать надо... и момент чувствовать, и за свои деньги, бывает, всю душу вымотают, какие уж тут развлечения?

Так что частенько «фигляры» ищут не покровителей, а... «дойную коровку». Дурачка, к которому хорошо бы прилепиться и сладко петь о его великих достоинствах. Да, именно так!

Ты такой замечательный, умный, лучше тебя не бывает... ты же оплатишь другу билетик на скачки?

Конечно! Мы же друзья... и я потом тоже для тебя что-то сделаю... хочешь – познакомлю с теми и теми-то? Или введу куда-то?

Фигляры ведь много куда вхожи. Они – фигляры. Клоуны, побрякушки, они развлекают гостей... польза от них, безусловно, есть.

Кто пригласит на танец некрасивую девушку? Кто развлечет заскучавшего дядюшку?

Кто скажет комплимент престарелой родственнице, да так, чтобы она перестала кушать окружающим мозг десертной ложечкой?

Они милы, очаровательны... они прилипали, подхалимы и паразиты.

Есть и другие, но их – единицы. А большинство именно таково. Вот такого друга себе и нашел Лоуренсио.

Анхеля Хуана Толедо.

Милейший тан Толедо был из породы прожигателей жизни. Да так давно и уверенно, что и забыл, когда он жил-то? Все время развлекался и развлекался... работать?

А зачем? Это скууууучно!

Намного интереснее погулять с друзьями в отличной компании, закатиться в бордель или кабак, потом под утро вернуться домой и уснуть. И к вечеру – снова то же самое!

Все хорошо при таком образе жизни, чудесно и замечательно. Только вот откуда деньги на развлечения брать?

А вот так...

На одежду – договориться с сапожником и портным. С каждого клиента ему... нет, не деньги даются! Это вульгарно! Это просто фи!

Но скажем, клиент, приведенный Анхелем, закажет себе трое ботинок – и еще одни пошьют Анхелю. Хороший мастер найдет, как нолик к счету приписать.

То же самое с костюмами, шляпами, перчатками... с мобиллями не получилось! Но и тут Анхель умудрился договориться, и мобиль время от времени ему предоставляли напрокат. За активную рекламу мобиллей именно этой марки.

Вот с таким замечательным человеком и подружился Лоуренсио.

Анхель активно занялся гардеробом молодого человека, его развлечениями, знакомствами... ну и себе получал крохотный профит. А еще серьезно задумывался о сестре Лоуренсио.

Если на то пошло...

Жениться на богатой дурочке – мечта! Жаль, не всегда достижимая, дураков на всех хватает, а вот с деньгами куда как хуже. Но у Лоуренсио деньги есть, у его родителей тоже, а родители-то далеко.

А сестра-то рядом! И в качестве присмотра с ней только старший брат! Неужели он не захочет, чтобы его сестра была счастлива? Особенно если ее счастье может составить его лучший друг? Это ж такое дно золотое... Нельзя его упускать!

Сестра приплывет со дня на день, так что Анхель не отпускал друга далеко от себя. Лоуренсио глуп, как пробка, еще разболтает

кому... и невесту смогут перехватить!

Нельзя, нельзя такого допускать! Это ж катастрофа!

Забавно, что Анхель обманывался насчет глупости Лоуренсио. Юноша не был отчаянно и бесповоротно глупым, и дураком тоже не был. Просто...

Колонии и плантации.

Есть остров, на нем есть несколько плантаций, так же и на соседних островах... плантаторы все друг друга знают, все давно дружат или враждуют, все в курсе всех дел... Вообще – всех!

Понятно, что в такой атмосфере не разовьются должным образом ни критичность восприятия, ни недоверчивость к миру. А зачем? Все известно заранее. И когда плантатор Бакуа в очередной раз поколотит свою жену, напившись рома, с ним будут холодны дамы. А когда жена плантатора Вельяминос опять загуляет с рабом, выбрав себе какого покрепче и посимпатичнее, на нее будут смотреть осуждающе.

Но молчать из сострадания к ее мужу.

Все знают, и все молчат. Есть подозрения, что и муж тоже знает, но вдруг ему так нравится?

А саму ритану не любят. Не принято такое в обществе, чтобы с рабами... это моветон. Фу и еще раз фу! Вот если бы она подобрала себе сердечного друга, если бы романтические чувства... тогда общество поймет.

А просто так плоть потешить, да еще с чернокожими... какая гадость! Ладно-ладно, и не такое случалось в кругу плантаторов, откуда-то же берутся и мулаты, и квартироны, и прочие смески. Но все равно это не принято!

И как в такой обстановке научиться критически оценивать собеседника? Правильно, вот и Лоуренсио никак не мог. Потом он научится, наверное. Но это потом, а Анхель-то рядом уже сейчас. И дружески поддерживает под локоть, и дает советы.

– Друг мой, я думаю, надо ставить на «Звезду»! «Стелла» великолепная марка, поистине звездная, и водитель умелый и опытный, он не раз брал все призы...

– Думаешь? – сомневался Лоуренсио. – А «Марина»?

– Тоже неплохой мобиль, но не такой подвижный и легкий...

– Кто бы судил!

Анхель дернул головой.

Вот еще... и как рядом оказался этот наглец? Рауль Хосе Ортис! Можно сказать – заноза в известном месте! Да какая еще заноза и зараза!

Богат, возмутительно родовит, а еще... ну совершенно никакого такта у человека! Зато как стреляет!

На дуэль такого не вызовешь – жить хочется!

А терпеть... Анхель и терпел, стискивая зубы. Потому как разногласия между ними были давние и серьезные... обычно он старался выбирать места, в которых Рауля не бывает, или отслеживал его перемещения по званым вечерам, чтобы не столкнуться со старым недругом. Но вот не получилось в этот раз! А ведь клялись, что Ортис занят... сволочи!

– Простите, тан, но мы разговариваем с другом, – вежливо улыбнулся Лоуренсио.

– С другом? Разве у слизней бывают друзья?

Анхель вспыхнул. Конечно, он бы ответил. И преядовито.

Не успел. Лоуренсио, верный своим принципам, вступился за приятеля.

– Полагаю, об этом судить не вам, тан. О чужой дружбе. А о слизнях... вы, наверное, биолог?

Рауль даже на миг растерялся, давно ему никто не решался ответить. Но быстро нашелся.

– Специалист по пресмыкающимся. И подхалимствующим. Много вы на этого слизня тратите, тан?

– Попрошу в таком тоне о моем друге не говорить, – сдвинул брови Лоуренсио. – С Анхелем мы знакомы давно, и он заслуживает уважения, а вас, тан, я вижу впервые.

– А я эту тварь еще дольше вас знаю. Думаете, почему он меня не заткнет? Да просто боится!

Лоуренсио пожал плечами.

– Боится вызывать на дуэль того, кто сильнее? Это не храбрость или трусость, это просто глупость. Ясно же, кто выйдет победителем. Но не докажет, кто из вас двоих прав.

– Вот именно! – подтявкнул Анхель, чуточку приободрившись.

Рауль смерил его уничижительным взглядом.

– Молчи, ничтожество. Даже если тебя по лицу отхлестать, все равно стерпишь! Слизень!

– Вы повторяетесь, тан. Вот что должен сделать Анхель, чтобы вы не считали его слизнем? Умереть от вашей руки? Весьма сомнительное предприятие...

Лоуренсио все же старался разрешить дело миром. Трусом он не был, но дуэль...

Вот как это может быть – и зачем? Чтобы убить человека просто так, из-за пары слов? По глупому задору? Как-то это... нет, лучше обойтись без дуэлей. А кроме того...

Траур. Сейчас Астилия в трауре. И будет в нем пребывать еще достаточно долго.

Что сделают с любым нарушителем порядка – даже представить сложно. Полиция сейчас зла и опасна, порвут в клочья и скажут, что заговорщики. Или еще чего придумают.

– Хм...

– А оскорблять просто так человека, который не может вам ответить – тоже недостойно.

Рауль хищно улыбнулся. Блеснули черные глаза.

– Значит, вы, тан, отстаиваете честь этой мокрицы?

– Да сколько ж можно, тан! – сдвинул брови Лоуренсио.

– Тогда предлагаю вам принять мой вызов.

– Вызов?

– Если Анхель отвечает за свои слова, пусть докажет, что «Стелла» лучше «Марины». Сядет за руль и обгонит меня!

– Я плохо вожу мобиль...

Действительно, водителем Анхель был паршивым. Компании, не питая относительно «фиглярика» никаких иллюзий, предоставляли ему мобили с водителями. Зачем технику-то калечить об дурака?

– И так во всем... может, проще добить этого несчастного, чтобы не мучился? А вы, тан, тоже ничего не умеете делать?

Лоуренсио сдвинул брови.

Мобиль он как раз водить умел – и неплохо. На острове без него сложновато... ладно, дороги там не самые лучшие, но рабы есть, вытянуть мобиль можно. А вот лошади...

По какой-то причине лошади на островах долго не жили. Год, максимум два – и погибали. То ли климат, то ли вода, то ли еще какая причина... некоторые ветеринары вообще грешили на насекомых, но точно никто ничего не знал. Так что лошадей было не навезти и не

накупиться. Проще обзавестись мобилем и успокоиться. Этот – не сдохнет. В крайнем случаеотремонтируем!

Вот на нем Лоуренсио и ездил. Нельзя сказать, что гонял, но доехать из одной точки в другую, не завязнув в грязи и не помяв мобиль, – мог.

Сказать об этом и нарваться на очередной виток насмешек?

– Если вы поведете мобиль сами, то я рискну с вами соревноваться.

– А этот... составит вам компанию?

Анхель вскинул голову.

Он бы отказался! И с огромным удовольствием! Но... Не в этой ситуации. От него ведь ничего не требуется, просто сопровождение. И как он будет выглядеть, если даже это окажется ему не под силу? Позорище... А позориться можно только до какого-то предела, потом тебя и в обществе принимать перестанут.

– Я не брошу своего друга!

– Как это мило – слизнячья верность!

Лоуренсио сдвинул брови.

– Полагаю, у вас тоже есть сопровождающий?

– Я в нем не нуждаюсь.

– Даже для уравнивания? По массе?

Рауль медленно кивнул.

Так-то да, кажется, что все зависит от мобиля и мастерства. Но вес тоже надо учитывать.

– Сопровождающего я себе найду. Что ж, тогда через пятнадцать минут на старте.

Рауль поклонился и отошел в сторону, к распорядителю.

– Наглец, – прошипел Анхель. – Скотина...

– Что между вами случилось? – поинтересовался Лоуренсио. – Это личная неприязнь, я же вижу...

Анхель скривился, словно ему под нос гуано на лопате подсунули.

– Так получилось...

– Хотя бы в двух словах?

– Его невеста предпочла меня. И сбежала ко мне из родительского дома.

Лоуренсио сочувственно кивнул. Да, такое бывает. И это обидно.

Признавать, что другой, что соперник оказался лучше тебя, что не ты, а он, что любимая готова на все ради него, не тебя... Тяжело. На такое способны далеко не все, и уж конечно, Анхель не виноват в том, что его полюбили, а Рауля – нет. Кто-то другой смирился бы, но Рауль не смог. Кстати...

– Я не знаком с твоей супругой. Может быть, она поможет моим сестрам освоиться в столице?

Анхель опустил бесстыжие глаза долу.

– Я не женат. Это печальная история, друг мой, и я обещаю рассказать ее при случае. Но сейчас у нас нет времени.

Лоуренсио согласился с этим и хлопнул друга по плечу.

– Пойдем. Надо будет осмотреть мобиль перед гонкой.

Распорядитель был сух и корректен. Вежливая улыбка, гладко зачесанные назад волосы, холодные глаза...

– Гонка пройдет в условиях пригорода. Вы объезжаете город слева, по виа Паллани, выезжаете через оливковую рощу, на побережье и заканчиваете гонку у креста на взморье. Победитель тот, кто уложится в меньшее время. Выедете с разницей в десять минут. Сначала тан Ортис, потом тан Ксарес.

Мужчины согласно кивнули.

– В среднем это расстояние мобиль может преодолеть минут за пятнадцать, – распорядитель решил дать кое-какие объяснения. – Время отметят на старте и на финише. И пусть победит сильнейший.

Снова два кивка от мужчин.

– Вы, тан Ортис, едете на мобиле марки «Марина», вы, тан Ксарес, на мобиле марки «Стелла». Если мобиль будет разбит, вы выплатите его стоимость.

– Почему это? – строптиво встрял Анхель. – Тану Ортису вы такого не говорите!

– Тан Ортис едет на своем мобиле, а не на предоставленном, – вежливо разъяснил распорядитель.

Анхель поджал губы и отошел в сторону.

– Условия понятны, таны?

– Да.

– Понятны.

– Вы по-прежнему желаете этой дуэли?

– Да.

– Да.

– Тогда – с Богом! Тан Ортис, займите свое место.

Рауль послушно направился к мобиле. Действительно красивому, лакированному, с синими и золотыми вставками. Лоуренсио подумал, что надо, надо себе купить мобиль! Вот, Анхель подскажет, какую именно марку и где, он в этом хорошо разбирается... и отошел к своему. Тоже симпатичному. Алому с золотом. И звездами, нарисованными по бокам.

Анхель разговаривал с каким-то человеком, и Лоуренсио не стал вмешиваться в их беседу. Да друг и не задержался. Попрощался и направился к мобиле.

– Уехал... этот?

– Да.

Анхель нервным жестом бросил в рот конфету из серебряной бонбоньерки. Подумал секунду и протянул другу.

– Будешь?

– Что это?

На конфеты это похоже не было. Скорее – пастилки.

– Это для настроения. Помогает...

Лоуренсио пожал плечами и сунул пастилку в рот.

– Бери две. По одной не дают...

Вторая отправилась за первой, расцветая на языке нотками апельсина и ванили. Лоуренсио улыбнулся.

Ночь показалась светлее, жизнь лучше... вот что сладкое с человеком делает.

В мобиль он уже садился, весело улыбаясь...

Старта тоже было ждать легко и приятно.

Минута, две... вот опускается флажок. Анхель вскрикивает рядом, но Лоуренсио уже сорвался с места и помчался по крутой дороге на предельной для мобилы скорости.

Дорога послушно ложилась под колеса.

– Рен, у меня есть идея! Сейчас, в пригороде, сверни налево!

– Зачем?

– Делай, как сказал! Если там через бедняцкие кварталы срезать путь, мы там столько сэкономим! Минуту точно! Я дорогу знаю!

– Хм...

В другом состоянии Лоуренсио еще подумал бы. И вряд ли согласился. Но душа пела, мир звенел, а оскорбленная гордость жаждала выигрыша.

И кто тут за ними следить будет?

Им сказано доехать? Они доедут... ну, чуток срежут! Может, Рауль тоже так поступил!

И Лоуренсио послушно вывернул руль, сворачивая на улочку, на которой не было ни единого фонаря.

Темно?

Нет, нельзя сказать, что так уж темно. Звезды, луна, да и ночь светлая, хотя и осень.

Поворот, потом еще один, и еще...

Как это получилось – Лоуренсио и сказать потом не смог. Даже осознать.

Даже сам себе... все сливалось в мешанину радужных пятен.

Только что мобиль летел по дороге – и вдруг удар! Даже УДАР! И глухой вскрик из-под колес, и кровь – на колесах, на лобовом стекле, кажется, даже на руках Лоуренсио – или это отсвет так падает?

Красная, страшная...

Анхель выскочил из мобиля и вгляделся в мужчину под колесами. Да, это явно был мужчина.

– Я...

Лоуренсио и вылезти не успел – друг схватил мужчину за ноги и потащил, словно тюк. Потом спихнул в канаву и прыгнул в мобиль.

– Давай же! Мы еще успеваем!

– А...

– Жми, Рен! НУ!!!

И столько властности было в голосе Анхеля, что Лоуренсио почему-то повиновался. А голова по-прежнему была легкой и безмятежной...

И мобиль мчался по дороге...

– Если что – скажешь, мы сбили собаку. Или лису, ты не разглядел, – инструктировал Анхель.

Лоуренсио кивал.

Сейчас ему все казалось возможным, все казалось легким и веселым. И тот человек... А что с ним? А кто его знает! Анхель скажет, он все видел. А Лоуренсио...

Лоуренсио просто жал и жал на газ, легко срезая такие повороты, в которые не вошел бы никто, в здравом рассудке.

Побережье.

И крест. До которого мобиль долетел и резко затормозил. Лоуренсио эффектным жестом выпрыгнул из него, даже не открывая дверцу.

– Ну?!

Распорядитель щелкнул секундомером. Хмыкнул.

– Тан Ксарес, ваш результат лучше. На целых шесть секунд.

Прозвучало это так: «было бы чем гордиться!» Но Лоуренсио даже и не подумал об этом. Вот еще! И заулыбался.

– Вот! Шесть секунд! Тан Ортис, надеюсь, недоразумения улажены?

Рауль сощурился. Кажется, едва удержался, чтобы не сплюнуть на землю, как простонародье.

– Тан Ксарес, вы отличный гонщик. Признаю. А что с вашим мобилем?

– Собаку сбил. Или лису... не понял. Сейчас поедем обратно, посмотрю.

Рауль молча кивнул.

Здесь и сейчас Лоуренсио, сам того не зная, навсегда потерял его уважение. Рауль собак любил, у него жили четыре дворняги, подобранные им в разное время и с разными проблемами. И чтобы вот так, небрежно...

Фу, гадость! Ты не догадываешься, что ли, что у животных тоже есть разум и чувства? Что им тоже бывает больно и плохо? А если тебя – мобилем?

Лоуренсио был навеки вычеркнут из рядов людей и приписан к оскотиненным человекообразным. Коих легион. Выглядят они как люди, и говорят по-человечески, и уборной пользуются. А вот чего-то важного Господь им не дал. Души, что ли, не вложил? Если они не знают сострадания и готовы ради ерунды, дешевого спора, пожертвовать чужой жизнью?

Пусть даже собачьей... если у человека есть собака, он и поймет, и в морду даст за такие вещи. И Рауль его оправдает.

Проедет-ка он сейчас вдоль дороги, посмотрит, что там с несчастным животным. Но судя по количеству крови...

А вдруг повезет?

Животному, понятно. Некоторые раны сильно кровоточат у всех, к примеру, на голове. И выглядят жутко, а лечатся потом чуть ли не без следа.

Рауль холодно распрощался с мужчинами и направился к мобиль. Анхель едва язык себе не отгрыз, прикусывая, но промолчал. А то ведь второй раз может и не повезти так...

* * *

Лоуренсио сел в мобиль.

Веселье постепенно проходило, его словно тряпкой стирали. Грязной такой, серой, и оставались только гадкие разводы.

Наваливалась тоска.

Накатывало отчаяние.

Рядом сел Анхель и хлопнул друга по плечу.

– Рен, ты был потрясающим! Ты победил! Теперь этот спесивец заткнется навсегда!

Лоуренсио посмотрел на друга глазами раненой собаки.

– Анхель... поехали туда, а?

– Куда? – не понял Анхель, который был весь в разноцветном тумане победы.

– В трущобы... посмотрим, что с тем человеком!

– Да ничего! – отмахнулся Анхель. – Пьянь рваная, отлежится и подумает о хорошем.

– Да?

– Конечно! У него только ссадина на всю морду, и ничего больше! Я сам проверил, он дышал!

– Правда?

Лоуренсио очень хотелось в это верить.

– Правда-правда, – убедительно заверил его Анхель. – Я тебе что – врать стану?

– Нет...

– Вот, ты все понимаешь правильно. Ты все сделал правильно и победил! Поехали отмечать победу?

Лоуренсио вяло пожал плечами.

Анхель прищурился и протянул ему ту же самую бонбоньерку.

– Возьми еще пастилку. И поехали. В доме сеньоры Зизи нас ждут сговорчивые девочки!

Платить, естественно, будет Лоуренсио. В честь победы. Анхель не собирался отказываться от своего триумфа над Ортисом. Вот еще!

Лоуренсио вздохнул.

Пастилка растаяла у него на языке взрывом апельсина... через несколько минут в ушах зашумело, голова стала снова легкой, а мир показался вполне пригодным местом для жилья.

– А поехали!

Анхель плюхнулся на сиденье мобиля и довольно улыбнулся.

Конечно, поехали! Веселиться, радоваться жизни, наслаждаться... это – прекрасно! Это и есть настоящая жизнь! А тот, кто этого не понимает – недостойный глупец.

А сбитый человек... А что – это кто-то важный? Или нужный? Анхель и думать о нем не собирался, и вспоминать... хотя – нет! Надо подумать.

Анхель прекрасно понимал, что в канаву он тащил полутруп, почти труп. Скорее всего, к утру этот тип просто сдохнет.

И что? Жалеть его, что ли? Да вот еще не хватало! Анхеля уж точно никто не пожалеет! А потому – вперед! На поиски приключений и развлечений!

К победе и удовольствиям! Особенно за чужой счет!

Вперед!

Глава 2

– Дорогой, я все думаю, правильно ли мы поступили.

Тан Хулио Патрисио Ксарес посмотрел на супругу.

Ритана Катарина Мария Ксарес выглядела задумчивой. И иголка в ее руке не двигалась, замерев над вышивкой с нарциссами.

Сразу было видно, в кого пошли дети. Если Лоуренсио и Алисия получились копиями отца – такие же высокие, светловолосые, яркие...

Феола была копией матери.

Невысокая, рыжеволосая, с солнечными пятнышками веснушек на хорошеньком носике, улыбчивая и уютная, она освещала и обогревала немаленькую гостиную одной своей улыбкой. И вовсе та не казалась большой и пустой. А еще тоскливой и гулкой.

Дети уехали в метрополию. И это было... грустно.

Понятно, что рано или поздно им нужно будет расправить крылья. И свобода им нужна от родителей. И замуж выходить – жениться тоже надо.

Но... как же страшно их отпускать!

Как же боязно за них! Таких пока еще наивных, неловких, неуклюжих... словно котята, у которых впервые открылись глазки, выбрались из коробки и поползли куда-то.

А ты и сделать-то ничего не можешь.

А вдруг там пропасть? Обрыв? Водоем? Как уберечь их? Как защитить?

Тан Ксарес таких опасений не испытывал.

– Дорогая, ты же понимаешь, что это необходимо.

– Понимаю. Но говорю сейчас не о понимании, а о страхе.

Тан улыбнулся, подошел к супруге, поцеловал, погладил по голове. Сколько уж лет прошло? Двадцать? Двадцать пять? Да нет, почти тридцать лет улетело с той секунды, когда на улице его ослепил блеск ярких солнечных волос. И улыбка незнакомой девушки.

Ах, как же шипели тогда недоброжелатели!

Ему прочили богатую невесту, и вроде как имелись возможности, и он знал, что девушка будет не против... просто не говорил пока

о своей любви. Был одним из многих, не единственным, но его выделяли.

Был.

А потом увидел Катарину Марию – и пропал.

И ничего его не остановило. Ни отцовский гнев, ни возмущение знакомых, ни ярость обиженной красавицы, которая полагала, что Хулио уже прочно сидит на ее крючке, только что подсечь рыбку осталось...

А были и другие причины.

Хулио был не слишком богат. Отец искренне считал, что пробиваться дети должны сами, а деньги им давать – зачем? Обойдутся! Сами справятся.

У Хулио была небольшая сумма, оставленная ему дедом, но просто так ее размотать не вышло бы. Да и не хотелось. Эти деньги, о которых, кстати, не знал отец, были его страховкой. И они претотличногодились.

Когда он, вопреки всем, женился на любимой женщине, отец просто выгнал его из дома. Хулио тогда не расстроился.

Мать уже умерла, а остальные... радуетесь, что наследство делить не надо? Радуйтесь, не надорвитесь! А он и сам справится. Хулио рискнул, конечно, но смелым удача помогает. Так и получилось.

На оставленные деньги он купил полуразорившуюся плантацию и отправился в Колонии. Не зная практически ничего. Не предполагая, с чего начинать. Имея весьма и весьма скромный капитал... разве что желание бороться и победить прилагалось. И любящая супруга, которая никогда не сомневалась в муже.

Но – дело пошло.

Оно и неудивительно, что плантация разоряется, если в нее не вкладывать! А только выкачивать и выкачивать деньги на свои потребности... но какие потребности были у Ксаресов? Да только одна! Построить дом для себя и своих детей. Надежный, крепкий и уютный.

И это у них получилось.

За эти годы многое изменилось.

С других плантаций люди бежали. У них – никогда.

Другие плантации могли работать в убыток. Ксаресы – нет. Просто потому, что у них никто не работал из-под палки. Все получали

за свою работу хоть небольшую, но оплату. Все были заинтересованы.

Так, постепенно, и состояние сколотилось.

А братья и сестры тана Ксареса?

Он наводил справки – и приходил к простому выводу. Лучшая месть – это жить и быть счастливым.

Он знал, что отец окончательно одурел и держит в страхе всю семью, переписывая по шестнадцать раз в месяц завещание.

Он знал, что его родные не добились особых успехов, оставшись в метрополии. Знал и радовался.

Иногда стоит думать своей головой. А то как получается? Не переживай, сынок, папа свою жизнь прожил, он и твою проживет. Он-то знает, как лучше.

И Хулио обнял свою супругу.

– Ничего не бойся, родная. Я попросил кое-кого приглядеть за детьми. Одни они не останутся. Да и Фи.... Ты сама знаешь.

– Знаю. Как же быстро они выросли. Как стремительно повзрослели...

– Скоро внуков нам наделают. Хочешь?

– А ты?

– *А я согласен спать с такой молодой и красивой бабушкой.*

Доказать?

– *Показать...*

Тан Ксарес улыбнулся.

Тридцать лет. И такое счастье. Его, родное, рыжее, солнечное и любимое. Все у них будет хорошо! Он в лепешку расшибется, а будет.

И за детьми приглядят, это уж наверняка...

Все. Будет. Хорошо.

Осталось убедить в этом жену. Но очень приятным способом.

* * *

Как встречать сестер, если голова у тебя не просто болит? Если в ней поселилась стая дятлов-шизофреников и активно долбит, долбит, долбит твой несчастный висок?

Как?!

Спасибо Анхелю, не дал друг пропасть.

С утра напоил несчастного Лоуренсио какой-то жуткой микстурой, состоящей, судя по ощущениям, наполовину из горького перца, а наполовину из кофе, потом потащил чуть ли не на себе в душ, в столовую...

В результате Лоуренсио почувствовал себя почти человеком. Оттаял, заулыбался....

– Анхель, ты настоящий друг. Не дал помереть страшной смертью!

Анхель небрежно пожал плечами.

– Тебе еще сегодня сестер встречать.

– Ох... – Лоуренсио неосторожным жестом схватился за голову, и та опять заболела.

Анхель подлил ему еще кофе.

– Спокойнее. Сестры еще плывут, а ты уже про это помнишь.

– Ты не понимаешь...

– Объясни?

– Алисия – та спокойная. А вот Феола... она мне голову откусит, когда поймет, что я пил.

– Сестра? Младшая? Она хоть из пеленок-то вылезла?

– Феола? Это не сестра. Это гидра. Морская и злобная.

Анхель справедливо усомнился и поднял брови.

– Неужели? И чем же девушка заслужила такую славу?

– Вот познакомишься – еще и не так скажешь, – мрачно буркнул Лоуренсио, вспоминая иные сестринские проделки.

К примеру, когда его выследили с очаровательной девушкой. Только вот не стали ябедничать родителям, а запустили в хижину, где они уединялись, муравьев. Таких, красных, здоровущих и кусачих.

Когда ему в постель подложили здоровущего паука. И за что? Подумаешь, получил тот придурок по заслугам! Не сильно-то ему и досталось, а Феола потом возмущалась. Не мог, видите ли, раб работать в полную силу, болел, что ли...

Знает Лоуренсио, как они болеют!

Ленивые свиньи!

И чего это сестра взбесилась, там и было-то не больше двадцати плетей, кажется, даже десять. И отец потом выговорил...

А случай с Эудженио? Милейший ведь человек... подумаешь, служанку прижал в углу! А чего она своей кормой вертела? Тут и святой не выдержит!

Феола не поняла простых вещей, послушала рассказы глупой девчонки и обиделась. А обиженная Феола – это к напасти. К примеру, нашествию водяных змей. Как-то не очень приятно, когда ты погружаешься в ванну, а там...

А там – они.

Но как о таком расскажешь другу? Остается только вздыхать равно о несовершенстве мира, так и о несовершенстве иных сестер.

Вот Алисия – другое дело. Умница, красавица, и не замечает вещей, которые не подобают ритане! Она-то прелесть. Но Феола тоже никуда не денешь.

* * *

Корабль пристал в порту практически в оговоренное время. Ладно, на час позже... это по морским меркам и не опоздание даже. Это так. Ерунда.

Анхель и Лоуренсио сидели в мобиле, ждали.

Рядом ждал своего часа наемный мобиль. Опять – спасибо Анхелю. Лоуренсио как-то не подумал, что багаж одной женщины весит примерно в пятьдесят раз больше, чем она сама. В одном мобиле все не разместятся.

Вот полетел в воду якорь, загрохотала цепь, опустили сходни...

Кто бы сомневался?

Первой на землю сбежала рыжеволосая девушка, легкая и стройная, в ярком цветастом платье... сбежала, даже не пошатнувшись, утвердилась на ногах и огляделась с таким видом, словно уже прикупила себе пару городов, а теперь думает, не испортит ли Римат ей коллекцию.

– Феола! – позвал Лоуренсио.

Феола повела головой, а потом... потом завизжала так, что следующий за ней по трапу почтенный пассажир едва не рухнул прямо в воду – и кинулась на шею Лоуренсио.

– БРАТИК!!!

- Феола, детка, ты так выросла!
- Пф-ф... можно подумать, ты меня долго не видел!
- Подумай, пожалуйста.

Феола подумала несколько секунд, переводя взгляд с Лоуренсио на Анхеля и обратно. Анхель поклонился ей со всем почтением.

- Юная ритана, вы ослепляете одним своим присутствием...

Феола сощурилась, став похожей на большую рыжую кошку.

– Врун и прилипала. Братец, ты ничего приличнее найти не мог? Я ему свои чемоданы не доверю.

- А... э...

У Анхеля реально не хватило воздуха в горле.

Так, чтобы вот ТАК!!!

Да его даже Ортис так не оскорблял! Чтобы с первой секунды – и точно в цель. Вот... вот гадина, а?! Гидра морская и ядовитая!

Анхель почти с состраданием поглядел на друга. Это ж надо... вот такое – в семье! Да ее замуж никто не возьмет! Что там! Если ее в монастырь взять, так оттуда колокола удерут!

- Феола, ты ужасна, как всегда.

– Братец, если бы я тебе подбирала друзей, я бы такое точно не взяла. Кстати, сколько денег он уже с тебя вытянул?

Анхель задохнулся вторично.

Неизвестно, что бы он сказал или сделал, может, взял бы, да и треснул малолетнюю пакость, но – на берег чинно, в сопровождении дуэньи, сошла очаровательная девушка. Одна из самых красивых, которых Анхель видел, а видел он немало.

Прелесть просто! Конфетка!

Шикарные золотые локоны, огромные голубые глаза, нежная улыбка, светлое платье... кстати, на Феоле платье тоже было дорогое, но девушка умудрилась накинуть поверх яркого шелка вязаную цветастую шаль и завязала узлом. Так что выглядело это достаточно пестро.

Дуэнья смотрела на нее почти со священным ужасом.

- Ритана Феола, где вы взяли эту гадость?

– Которую? Эту? – палец с коротко остриженным ноготком уперся прямо в Анхеля. – Это братец привез, я тут ни при чем.

– Феола, я тебе сейчас уши оборву! – уже с угрозой рыкнул Лоуренсио.

Феола только фыркнула, не сомневаясь в своей безнаказанности. А вот Лоуренсио едва удержался от гневного вопля.

Ему на голову прицельно нагадила мимо пролетающая чайка... хм, судя по размеру «неприятности», она терпела неделю и питалась одними помоями. Пришлось срочно отвернуться и оттираться. И платок выбросить. Между прочим, шелковый, дорогой! Сволочь, а не птица!

– Ритана Феола, вы ведете себя недопустимо вульгарно. Извольте переплести волосы, снять эту ужасную тряпку и принять вид, достойный юной ританы.

– И лопнуть. Ритана Долорес, вы нас до братика сопроводили? Вот и чудесно, а теперь пусть он меня попробует воспитать!

– Я и пытаться не буду. Но если скажешь хоть слово, я ритану найму лично для тебя. Как гувернантку.

Ужас был написан и на лице ританы, и на лице Феолы. Взаимообразно.

Девушка демонстративно зажала рот обеими руками, хотя какое-то подозрительное бульканье все равно доносилось. Дуэнья возвела глаза к небу и, кажется, поблагодарила его за свое спасение.

– Алисия, – тем временем занялся второй сестрой Лоуренсио. – Я счастлив тебя видеть.

– Братик... – Алисия приподнялась на цыпочки и вежливо поцеловала брата в щеку.

– Позволь представить тебе моего друга, тана Анхеля Хуана Толедо. Милейший человек, без которого я бы и половины необходимого комфорта не смог вам обеспечить.

– И который не брезгует процентом за услугу, – все же прорвалось у Феолы. Но кто там ее слушал?

Анхель раскланивался перед Алисией со всем возможным почтением, стараясь не обращать внимания на младшую мерзавку. Да, такая невеста ему подойдет. Мила, глупа, воспитуема... и с приданым! Самое главное – с хоро-ошим приданым!

Кто сказал, что деньги не главное в жизни? Ну так попробуйте обойтись без них! Анхель с удовольствием на это посмотрит! Жаль, недолго, но на похороны смельчаков он цветы принесет. Обязательно...

Ритана Долорес тоже поглядела на него одобрительно. А что?

Одет по последней моде, вежлив, умеет держать себя в обществе. Мужчине что-то еще нужно?

Нет!

Определенно, нет.

А что Феола ведет себя ужасно – тоже не новость. Она себя иначе никогда и не вела. И не ведет.

Мало кто знал, что больше всего из-за этой ситуации переживает как раз Феола. Но...

Иногда это было просто выше ее сил. И язык словно сам ляпал и ляпал... наваждение какое-то. Или проклятье. Вот...

* * *

Амадо расположился в кресле, вдохнул аромат кофе – и на пару секунд позволил себе прикрыть глаза.

Счастье.

Такое хрупкое, такое тихое... вот эти несколько минут, когда его нельзя беспокоить.

Когда он уселся в свое рабочее кресло, вытянул ноги – и в абсолютной тишине сделал глоток кофе. Крепкого, черного, с сахаром и сливками.

Дома почему-то так не получается. Или Альба приходит и начинает разговаривать, или сын, или еще что-то случается...

А ему так нужны эти несколько секунд тишины.

Глоток, второй – и вот чашка отставлена в сторону, и можно открыть дверь кабинета. Взять сводки, прочитать о последних происшествиях в столице.

На столе лязгнул звонок. Амадо посмотрел на него грустным взглядом, но – ничего не поделаешь. Надо отправляться к начальству, раз уж вызывает.

Серхио Вальдес, тан Вальдес, сидел в кресле, чуточку лениво развалиясь... возраст уже почтенный, солидный. А лет пять назад он сменил на этом месте Пабло Матео Лопеса, который в силу возраста ушел на заслуженный покой. Выслуга и титул позволяли, да и специалистом Серхио был отличным, специфику дела знал.

– Амадо, проходи, располагайся. Кофе, сладости?

Амадо качнул головой.

– Может, потом...

– Хорошо. Есть разговор. Даже личная просьба.

Амадо наострил ушки на макушке. Личные просьбы? Да никогда такого не было!

– Слушаю?

Серхио потупился.

– Дело достаточно деликатное. И мне бы хотелось, чтобы ты проявил понимание.

– Обещаю.

Серхио мялся еще пару минут. Взял со стола массивное пресс-папье, повертел его в руках, вздохнул.

– Ты сводки читал?

– Да.

Бегло, но ведь успел проглядеть? Значит, читал.

– Сегодня ночью был убит Самуэль Гонсало Веласкес. Сеньор Веласкес.

Амадо напряг память. Та легко подсказала результат.

– Да... было в сводках. Сеньор Веласкес, убит женой.

– Виржиния Моника Веласкес. Сеньора Вирджиния. Джинни.

И так Серхио это произнес, что Амадо стало ясно – их точно связывали неформальные отношения. Но какие?

Серхио понял немой вопрос и принялся рассказывать.

– Это было около семнадцати лет назад, может, даже чуть больше. Джинни была подругой моей дочери, Моники. Часто бывала у нас в доме, гостила, я ей радовался. Хорошая девочка, очень правильная, спокойная, умненькая... я так думал. А вот когда ей исполнилось восемнадцать, она пришла ко мне.

– Пришла?

– Да. Между нами состоялся тяжелый разговор, Амадо. Оказалось, что она давно меня любит, чуть ли не с десяти лет. И хочет, чтобы я стал ее первым мужчиной.

– Вот как.

– Да, представь себе мое состояние. Я женат, счастливо женат, у меня прекрасная семья... ты бы отказался?

– Нет, – честно ответил Амадо. И понял, что попал в точку. Серхио... да-да, представьте себе, он даже чуточку покраснел!

– У меня дочь – ее ровесница! И все же, все же... я не смог. Мы встречались где-то с полгода. Понятно, никто и ничего не узнал. А потом я предложил ей устроить жизнь.

– Устроить жизнь?

– Да. Понимаешь, расставаться с женщинами надо уметь. Seriously уметь. Если ты ее бросишь, она может затаить зло и отомстить.

– А иные женщины помнить зло будут годами.

– Вот именно. Но когда уходит сама женщина, это совсем другое. Она будет даже довольна, что бывший любовник не создаст ей проблем. Я сумел потихоньку подвести к тому, что надо устраиваться в жизни, нужны семья, дети... свою игрушку она получила, цели добилась, теперь надо уже всерьез подумать о себе. Семья у нее была не из богатых и знатных, поняла она все правильно и быстро.

– И?..

– Я лично приглядел для нее супруга. Именно Самуэля Веласкеса. Он тогда как раз пошел в гору, начал раскручиваться, и мне понравился. Парень неглупый, осторожный, в заведомо проигрышное дело не полезет, семья хорошая... надо брать!

Амадо понимающе кивнул. Он ничуть не сомневался, что Серхио приглядел для любовницы подходящий вариант. Позаботился.

– Она вышла замуж – и?..

– У нас все закончилось месяца за два до ее свадьбы. Потом мы поддерживали ровные дружеские отношения. Моя дочь – ее подруга, я – вроде доброго дядюшки. Конечно, я приглядывал за ней, но в семье все было в порядке. Джинни родила двоих детей, была довольна и счастлива. Еще месяц назад я ее видел – все было хорошо.

– Могла она притворяться?

– Нет, – решительно качнул головой Серхио. – Годы прошли, у нее все прошло, все забыто, она сама мне сказала об этом недавно.

– Когда именно?

– Может, с полгода назад. Мы случайно встретились, вспомнить старые времена, посидели в кафе. Нет-нет, ты не подумай. Мы просто встретились, ну и разговорились. Я ее в постель не тянул, вот еще не хватало!

– Понимаю. Это была молодость, а ее вспомнить приятно.

– Именно! Джинни была счастлива в браке, хотя муж ей изменял, это было.

– Любовница? Обычно жена узнает последней?

– О неверности мужа Джинни давно уже знала. Собственно, это не неверность. Просто раз в пять-десять дней он ходит в бордель. Всегда один и тот же. «Золотая роза».

Амадо хмыкнул.

– А откуда денежка? Кто оплачивает веселье?

Серхио сдвинул брови.

– Доходы его я не проверял. Но ты прав, безусловно.

«Золотая роза», несмотря на безвкусное название, во всем остальном была весьма и весьма дорогим борделем. Изысканная обстановка, лучшие девочки в городе, услужливые и опытные... для клиентов с легкой чудинкой. И цены...

Такие цены, что жалованья Амадо хватило бы как раз на два-три похода в этот бордельчик. Не больше.

Ты можешь заказать что угодно, ты можешь не бояться ни болезни, ни огласки, ты будешь обслужен по высшему разряду. Но!

Цены и еще раз цены. И заранее платить, и девушкам там принято дарить подарки, то есть дешево не отделаешься. Ленточку не подаришь – весь город смеяться будет.

Доходы купца? Сложно сказать, что именно они позволяют. Вот если взять антикварный магазинчик той же Антонии – Амадо был в курсе его дел, Тони не смогла бы себе позволить такие траты.

А этот Веласкес? Сколько зарабатывал он? Прибыль – это ведь не так просто. Ее надо в дело вкладывать, надо семью содержать, надо налоги платить, надо... Много всего надо. Очень много.

Знают ли о таких интересных доходах в налоговой?

– Жена его убила – из ревности?

– Вот, возьми. Почитай подробно.

Серхио протянул подчиненному сводку для начальства. Это у Амадо было краткое перечисление событий. У Серхио было уже все по этому делу. Вплоть до протокола осмотра, допроса и прочего – что делают по горячим следам.

Амадо послушно закопался в бумаги, переводя канцелярит на нормальный язык.

Около полуночи, чуть позднее колоколов, служанка Мария Соледад Перальта проснулась. Колокол прозвонил, потом ей потребовалось в уборную...

После уборной она решила что-то скушать. Ну, дело житейское, хозяева держали для слуг специальный холодильник и не запрещали обедать и ужинать. Но по дороге в кухню она услышала какой-то шум. Вроде как он доносился со стороны гостиной.

Мария Соледад заглянула туда – и чуть не лишилась чувств от ужаса. Все было забрызгано кровью – вплоть до потолка. Посреди комнаты лежал мертвый хозяин... так, предварительно – шестнадцать ран, из них одна смертельная. Остальные особой опасности не представляли, но это нужно заключение некроманта.

Рядом с трупом хозяина сидит хозяйка, в руках у нее нож, она раскачивается и повторяет одно и то же: «Я его убила. Я его убила...» Словно марионетка. И глаза, как две пуговицы.

Служанка сделала лучшее, что можно было сделать в таких случаях. Она не заорала психушей. Она не перебудила весь дом. Она просто пробежала в прихожую, накинула пончо и выскочила на улицу. Чистый квартал, спокойное место... патруль появился очень быстро. Вот им она все и рассказала. Мужчины так же потихоньку прошли в дом, понято, опечатали гостиную, увезли и труп, и хозяйку...

Сделали совершенно правильно, кстати. Потом телефоновали родственникам хозяина, чтобы те забрали детей. Серхио лично проследил, чтобы все было выполнено.

– Почему родственникам мужа? – уточнил Амадо.

– Потому что у Джинни отца не было. А мать... там очень своеобразная мать.

– Стерва?

– Мягко сказано. Будешь разговаривать – сам увидишь.

– От меня что требуется? – напрямик спросил Амадо. – Замять дело?

– Нет, – качнул головой Серхио. – С таким я бы к тебе и не обратился. Его надо расследовать.

– Там есть что расследовать? Кроме вашей убежденности, что Джинни не могла?

Серхио фыркнул. Выучили на свою голову. Сами! Своими руками! Ведь учили, воспитывали, наставляли... и он, и Шальвейн,

и Риалон – и вырастили-таки!

Убежденность в том, что «он/она не могли этого сделать!» самая глупая и часто распространенная ошибка любого следователя.

Не мог – не могла?

А обстоятельства не учитываем?

Человек не может украсть? Допустим. А если у него ситуация... к примеру, болен близкий человек и ему срочно нужна громадная по его меркам сумма денег на лечение? Маги нынче дорогие!

Человек не может убить? А если на его или ее глазах кто-то пытается убить его ребенка? Тут и самый беззлобный схватит что потяжелее, да и навернет убийцу. Желательно насмерть. А потом еще ногами дотопчет, что осталось.

Ситуации, всегда ситуации.

– Я тебя убеждать не буду, что Джинни совершенно беззлобная девочка. Вот еще не хватало. Хотя мой опыт тоже стоит принять в расчет.

Стоит. Если бы ты с ней не спал. Но когда это мужчины здраво оценивали женщин, которых поворяли в кровати? Ну в очень редких случаях!

– Я тебе о другом скажу. Про бордель Джинни отлично знала. И моей Рите не раз говорила, и относится, в общем, спокойно. Если бы у мужа завелась ОДНА женщина – это опасно. А когда их вот так, много... это не страшно, это ерунда. Это вроде как в лавке сладостей, перепробовать побольше, пока в пузо лезет.

– С вашей дочерью мне тоже надо будет побеседовать.

– Я ей телефонирую. Разговаривай на здоровье. Джинни была спокойна в семейной жизни, довольна собой и мужем, тот хоть и ходил в бордель раз в пять дней, но жену тоже не забывал.

– У Вирджинии был любовник?

– Я не в курсе. Но мог и быть. А мог и не быть. Джинни достаточно аморфная девушка.

– Какая?

– Безынициативная. Не пнешь – не полетит. Если бы кто-то проявил серьезный интерес, приложил усилия, но это было бы заметно. А так – нет.

– А история с вами как сюда складывается?

Серхио пожал плечами.

– Очень даже логично. Это же не вспышка, не мгновенная любовь, и Джинни меня не преследовала. Подошла и призналась, вот и все. Откажи я ей – ушла бы. Даже не сомневаюсь. Расстались... сначала я побаивался ее действий, но уж сколько лет прошло, а она ни словом, ни взглядом, ни намеком, словно так и надо.

– Хм. Ладно... отец не говорил, когда вернется?

– Телефонировал. Я бы попросил Шальвейна, но тот не вернется в ближайший месяц, а то подольше.

– Что случилось? – напрягся Амадо.

– Твои братишки и сестренка случились. На мельнице... все спаслись, но Рей ногу сломал.

Амадо понимающе кивнул. Когда он попадал в семейство Лассара, у него появлялось желание купить большую клетку, залезть туда и запереться изнутри. И ключ проглотить.

Малолетние демоны? Как-то так. Если не страшнее. Характеры, энергия, фантазия... нет, клетка – это ненадежно. Лучше всего бронированная камера. Тоже запертая изнутри.

– А отец? Хотя там все ясно, только после родов...

– Отпуск он взял честь по чести. И вызвать его... я могу, конечно. И – не могу. Сам понимаешь.

Амадо понимал. Четвертый ребенок, у двух некромантов... отец не отойдет от жены, пока не убедится, что все будет хорошо. А это еще три декады после рождения малыша. Ну и до рождения тоже. В столице он будет не раньше весны. Это понятно.

– А кто у нас сейчас дежурный некромант?

– Хавьер Маркос Карраско.

– КТО?! – почти стоном вырвалось у Амадо.

Серхио только руками развел.

– Знаю, вы друг друга не любите. Но прошу – потерпи. А Карраско я уже пистон вставил, по самые гланды. Придержит он характер.

Амадо сильно на это не рассчитывал.

Да, осколочки давней истории аукались семействам до сих пор.

Когда Освальдо Фаусто Карраско и Эрнесто Риалон соперничали за сердце любимой женщины. Последней из Лассара.

Как легко догадаться, победил Эрнесто. А вот Освальдо с поражением не смирился, пошел на преступление, потом погиб, а на

семью обрушились королевские репрессии. А нечего тут!

Прижмите хвост, господа некроманты, закон – это король, а не вы.

Придворные должности Карраско потеряли, часть состояния тоже растратили в семейной грызне и вынуждены были сильно поумерить гонор. Но не злопамятность. Основные признаки некроманта – как раз омерзительный характер и хорошая память. И через триста лет и сами вспомнят, и тебе припомнят, и твоим потомкам достанется.

В частности, Хавьер Карраско был троюродным, кажется, племянником того самого Освальдо. И Риалонов очень не любил. Но проявлять это не спешил. Серхио внятно пообещал ему, что малейшее влияние дурного характера на работу – и Карраско вылетит со службы быстрее, чем летучая рыба. Впрочем, некромант не обиделся. Потому как Амадо тоже был предупрежден.

Так что обращались мужчины друг с другом, словно с тухлым куриным яйцом. Не дай бог разбить!

Амадо вздохнул, сгрел со стола полученное дело – и поднялся.

– Ладно. Тогда я пошел в морг.

– Пожалуйста, Амадо. Постарайся. Мне дорогá эта девочка.

Амадо молча кивнул.

Он действительно постарается. Но...

– Если это все же она?

– Тогда суд и наказание. Я смирюсь.

Амадо кивнул.

Да, в этом отношении Серхио молодец. Не дает личным симпатиям влиять на работу. И за это его искренне уважает все управление. Ладно... морг – значит, морг!

* * *

Не миновать бы Феоле скандала с братом, а то и сестринского возмущения. Да и от нотаций ританы Долорес не увернешься...

Но – надо было пройти таможню. И быстро!

Корабль причалил. Сейчас начнут спускаться с него на берег все остальные, и тогда будет сложно.

Порядок для всех один.

Прибыл?

Заполняй декларацию.

Да, танов и ритан пропустят вперед. Отнесутся к ним более внимательно. Но... все мы люди. Кто-то и сам знатный, кто-то денежку сунет, кто-то еще что-то... более предусмотрительный Анхель уже договорился в таможне, но надо было идти туда – и БЫСТРО! Пока купцы не пошли!

Это у Ксаресов имущества три чемодана... ладно. У Феолы три, у Алисии еще двадцать семь, но это все личные вещи. Не на продажу. Их не надо декларировать, их не надо оценивать...

С купцами возни будет намного больше.

Так что Лоуренсио одарил сестру многообещающим взглядом и показал в сторону таможни.

Феола пожала плечами и последовала за братом.

Она любит и его, и Алисию... ну что поделывать, если они такие глупенькие? Сначала подбирают всякую дрянь ядовитую, потом жалуются, что их покусали... а как тут иначе? Все Феола понимала.

И что она-то видит, а брат с сестрой нет. И что нельзя так резко. И что надо бы осторожнее.

Но как тут быть, если один взгляд на человека – и все внутри аж взвыло в тревоге?

Враг!

ВРАГ!!!

Неужели вы гадюку уговаривать будете? Или сразу палкой по ней? А еще лучше не трогать. Если уж вовсе никак не разминуться – откинуть от себя подальше, да и пусть ползет!

Вот и с этим Анхелем так же.

Нельзя, нельзя с ним иметь никаких дел! Попросту нельзя!!!

Но как объяснить это брату?

Феола решила так просто не сдаваться и проследовала в здание таможни.

– Ваши документы?

Документы все были у ританы Долорес. Она их и отдала таможеннику. Тот протянул бумаги симпатичной бледненькой девушке, которая и принялась вносить данные во все бумаги.

Привилегия благородных. Сами они декларации не заполняют.

Даже если торгуют – могут приказать за них все внести. Хотя стараются не злоупотреблять. В меру, сеньоры и таны, в меру. А то

злопамятный таможенник кому хочешь жизнь испортит.

Ксаресы ничем не торговали, управились быстро.

Товаров нет, оружия нет, обыск проведен выборочно...

Таможенник расспрашивал, девушка писала, Феола оглядывалась по сторонам.

И... показалось ей, что ли?

К людям она приглядывалась всегда, такова уж природа ее силы. Если таможенник – самый обычный человек, с зубной болью и гастритом, то вот его помощница...

Она человек?

Феола не знала.

Вроде как и человек. И маг воды.

И еще что-то... не понять, что именно. Словно сквозь водяную линзу смотришь, все колыхается, размывается... но и не спросишь ведь о таком.

Вот так вот подойти к человеку... простите, а вы точно человек? Будь они один на один, Феола не постеснялась бы. А на таможне, когда кругом полно людей... нет, не надо.

Она просто имя девушки запомнит и потом сюда наведается... но правда! Не человек она, что ли?

Но выглядит-то человеком!

Руки-ноги, голова, все на месте, все вполне себе нормальное... не просить же ее раздеться?

Ничего не ясно, а вот вопросов полно.

За размышлениями Феола и заполнение деклараций пропустила, и выборочную проверку их имущества, и даже на тана Анхеля не цыкнула, когда тот принялся помогать ее сестре.

Таможня.

Непонятно только, как девушку зовут. Но внешность Феола хорошо запомнила. Изучила и не собьется. Вот устроится она на новом месте и обязательно сюда заглянет.

Зачем?

А вам не любопытно?

А ей вот очень даже любопытно. Обязательно она сюда вернется!

Бывает же такое?

Вроде бы и симпатичный человек, и внешность приятная, но какой же он противный! До ужаса!

Амадо подозревал, что Хавьер думает о нем то же самое. Но это уже его проблемы.

– Добрый день. Убийство Веласкеса.

– Ваше? – вежливо сморщил нос некромант.

– Мое, – так же вежливо отзеркалил Амадо.

– Плохое дело, – не без злорадства сообщил Карраско. – Он не поднялся.

– Как?

Ответом Амадо был кивок на стол с покойным, прикрытым белой простыней. Мужчина пригляделся к покойнику. А ничего так, надо сказать.

Ни брюха, ни уродства, вполне симпатичный мужчина был при жизни, это точно. Жена им точно была довольна. Если и не в постели, то на улице и перед подругами покрасоваться – точно.

– Вот так. Ни тушкой, ни призраком, ни через зеркало – никак!

– Хм... – глупых вопросов Амадо задавать не стал. Да, он терпеть не мог Карраско, но признавал его профессионализм.

– Именно. Если бы его просто истыкали ножом, такого бы не случилось.

– А нож далеко?

– Вот он.

Действительно, самый обычный нож, чуть ли не хлеб им резать... острый, но не уникальный кинжал.

– Сколько на нем ран?

– Восемнадцать. Две смертельные – в сердце и перерезано горло.

Остальные – так, словно его просто потыкали.

– Хм... а какая рана была первой? В сердце, в горло?

– Думаю, в горло.

– Остальные раны могут быть для отвода глаз?

– Преспокойно.

Амадо подумал еще какое-то время. Но недаром он был Риалоном. И отца с детства слушал... какой мальчишка откажется послушать о преступлениях? Это уж потом увлекся наукой, а в детстве-то... только говори!

– А нож действительно тот самый? Которым нанесены раны?

Карраско тоже хмыкнул.

– Сейчас проверим. Недавно появилась интересная теория. Якобы все предметы состоят из мельчайших частиц... так вот. Когда предметы взаимодействуют, они оставляют друг на друге эти частицы. Их может быть совсем мало, но они будут. И их можно определить по заклинанию сродства.

– Вы им владеете, тан? Или пригласить специалиста?

– Владею, – отмахнулся Хавьер. Неприязнь отдельно, работа отдельно. Он достал из-под простыни, которой был накрыт покойный, широкий клинок, откинул простыню и принялся проводить над ним какие-то манипуляции.

Амадо тем временем осматривал труп. Да, ему необязательно это делать, но лучше составить свое впечатление. Хотя и так понятно.

Покойный Веласкес был хорошо сложен, одарен природой, ухаживал за собой и следил. Татуировок нет, шрамов тоже нет. Рельеф хороший... явно нравился женщинам.

Раны.

Одна такая, что горло располосовали чуть не до позвоночного столба, должно быть, кровь хлестала, как из зарезанной свиньи. Оттуда и «кровь на потолке, и на стенах». Кстати... Амадо быстро пролистал дело.

Ага. На Вирджинии крови почти не было. Руки в крови, лицо в крови, как если бы она руками за лицо схватилась, на одежде несколько пятен. Амадо прищурился на нож. Прикинул его к ране на горле... нет. Не сходится что-то.

Прав Вальдес, таким ножом горло не перережешь. Размахнуться можно, а вот перерезать... это сложно. Даже очень сложно. Да, две раны, в горло и в сердце. А остальное – так, порезы. Это даже сейчас видно.

– Смотрите, – Хавьер держал заклинание.

Нож светился синим цветом.

И такие же синие огоньки бегали по ранам мужчины. Почти по всем. Кроме горла и сердца.

Хавьер отпустил заклинание и вытер пот со лба. Все же некромант он слабый. Не чета дядюшке Вальду.

– Сейчас сяду, напишу протокол.

- Две раны нанесены другим оружием. Остальные – этим.
- Именно.
- Осталось выяснить, что это за оружие и куда оно делось...

Амадо еще раз прикинул траекторию удара по горлу.

Да, только так. Только зайти сзади, обхватить – и полоснуть. Но это не для женских рук и не для женских сил. Хотя на Вирджинию он еще посмотрит. Но... уже сейчас можно сказать Вальдесу, что чутье его не подвело.

На месте преступления явно был кто-то третий.

Осталось выяснить, кто именно это был и куда он делся.

Начал Амадо с самого простого. Чего разгуливать по городу, если супруга покойного, она же главный подозреваемый, она же свидетель преступления, что не исключено, сидит у них под замком?

Камера предварительного заключения.

Нет-нет, не надо рисовать себе узилищ и прочих ужасов. Все очень простенько и без излишеств. Беленые стены, металлическая кровать, привинченная к полу, на ней тюфяк, подушка, одеяло. Не сказать, чтобы очень уж пышные и мягкие, но... был грех!

Пару раз Амадо там и сам преотлично отсыпался. Когда работы наваливалось – хоть убейся. И когда Альба была особенно не в духе.

Очень уютно, очень миленько. И унитаз в углу, скромно прикрытый ширмочкой, и даже стол и стул. Это ведь не тюрьма. Этот камера предварительного заключения именно для серьезных клиентов. Обычную шваль можно и в «ячейки» сгрузить, а сюда попадают таны или вот, как сейчас, ритана.

Сидит, смотрит в пол, на лице написано полнейшее равнодушие к своей судьбе...

И что это может значить?

Амадо кивнул охране и снял с гвоздика ключ. Вошел в камеру.

На него даже глаз не подняли. А вот сам он рассматривал Вирджинию Монику Веласкес с большим интересом. Что ж там за красота такая?

А вот такая.

Ей бы огня побольше, и Джинни была бы неотразима. Высокая, выше среднего роста, статная, не полная, а вот именно что статная, с роскошной грудью и бедрами, с правильными чертами красивого

лица, она напоминала те фигуры, которые водружали на носу кораблей.

Черные гладкие волосы, черные глаза, с таким, черешневым отливом... красиво.

Но стоит помнить, что фигура на носу кораблей называлась гальюнной, потому как там же располагалось и отхожее место^[4]. Так что фигура его даже слегка маскировала. А вот что скрывается за маской этой женщины?

Амадо кашлянул. Ноль реакции.

Поздоровался. Опять то же самое. Сидит пенек пеньком, в стенку смотрит...

Подошел и тряхнул женщину за плечо.

– Сеньора Веласкес!

И снова – бесполезно! Так... Амадо решительно взял ее за волосы, собранные на затылке в узел... кстати, почему такая прическа? Наряд домашний, а прическа вполне себе уличная, даже шпильки с жемчужинками есть.

– Сеньора, вы меня слышите?

Бесполезно. Лекарства? Амадо бесцеремонно (все равно не сопротивляется) повернул женскую голову к свету, взгляделся в зрачки. Как они? Расширяются, сужаются?

И чертыхнулся.

– Дежурного некроманта сюда! Быстро!!!

Долго ждать не пришлось. Но прибыл Хавьер еще более разозленный, чем обычно.

– Что случилось, Риалон?

– Может, мне и показалось, – честно сказал Амадо. – Я не отец, у меня дара нет. Но – посмотри. У нее в зрачке – крест.

Хавьер почти с сочувствием поглядел на следователя. Да, Риалонов он не любил и терпеть не мог. Но вот чтобы так... он впервые подумал, каково сыну некроманта было родиться неодаренным. Трагедия.

В семье Карраско это так и воспринималось, даже хуже. И таких детей буквально выкидывали на улицу. Разве что не в канаву, но и так приятного было мало. А Амадо? Отец его не бросил, парень даже в чем-то разбирается, но... ему, наверное, тоже было неприятно.

– Давай посмотрю.

Хавьер и подавно не церемонился. Поворачивал женщину, словно куклу...

– Ты прав, Риалон. Проклятье, как есть.

– И?..

– Интересно, кой дурак получал с нее признание? Под «Крестом» она и говорить-то толком не могла!

Амадо задумчиво кивнул.

Знал он это проклятье, называется «Могильный крест», если уж правильно, накладывается на жертву, и та через три дня умирает. Впадает в оцепенение, ничего не соображает, ни на что не реагирует, умирает от остановки сердца. Вполне гуманно, даже безболезненно. Почти эвтаназия.

– Если срок – с ночи?

– Я бы предположил, что с вечера, да.

– Она просто могла бляеть какие-нибудь глупости. Вроде «Это я...», или «да, нет, страшно...». Дело полицейских не разбирать такое, а тащить и не пущать.

– Тоже верно.

– Можешь разобрать, кто накладывал, когда...

– Конечно. И снять тоже. Но лучше не здесь, а в лаборатории.

– Я сейчас распоряжусь, ее отведут, а потом пусть вернут сюда же.

Хорошо?

– Конечно. Но ты знаешь, Риалон? Допрос не раньше чем через три дня, а то и позднее. Как в себя придет...

Амадо кивнул. Знал он про «Могильный крест», знал. Отец рассказывал в свое время.

Проклятие-то гуманное, и смерть безболезненная. А вот остальное...

Накладывать должен только некромант. Артефактом такого эффекта не добьешься. Не тот случай. Правда, некромант может быть даже начинающим. Это одно из самых простых и легких проклятий. Легко распознать, увидев рисунок креста в зрачке, легко снять, легко наложить...

Правда, жизненные силы оно выпивает преотлично. Считай, лет пять жизни сеньора Веласкес уже потеряла. Могла бы и больше. Времени для наложения проклятия тоже много не надо. Может, минут пять, и то многовато.

Впрочем, задумано было неплохо. У наложивших проклятие были хорошие шансы на успех. Труп, женщина рядом с ним, муж, жена... считай, и признания не надо. Все ясно. А сейчас, в преддверии королевских похорон и коронации, кто там с чем будет разбираться? Сунули бы ее на пару дней в камеру, там бы она и померла. И концы в воду.

И кто у нас в Римате такой хитровыдуманный завелся? Амадо очень не отказался бы с ним познакомиться поближе. И потрогать. Лучше – ногами, недавно на сапоги новые металлические набойки поставил.

* * *

Его высочество Хоселиус Аурелио смотрел в зеркало. Да, пока высочество. До коронации.

Зеркало привычно отражало усталого бледного человека с наполовину седыми волосами.

Очень усталого.

Говорят, все надо делать вовремя. А уж корону передавать... никто не думает, что если монарх сидит на престоле пятьдесят лет, то его наследник... да ладно! Он может и вовсе не успеть поцарствовать.

Может. Тогда на трон сядет внук монарха-долгожителя.

А если успеет?

Если власть сваливается на тебя, как... как птичье дерьмо?!

И что с ней делать?

И на кой демон она нужна?

Отцу, понятно, было нужно. Хотелось, рвалось, чесалось, как ни обзови, это было – ЕГО! Даже в семьдесят с хвостиком Аурелио Августин был отличным правителем. Жестоким, умным, расчетливым, хладнокровным...

А вот Хоселиус Аурелио... Не чувствовал он в себе такого.

Он был рядом с отцом, он учился, он честно выполнял все протокольные мероприятия, он...

Он – пытался. Попытка – не пытка?

Это еще как посмотреть! Когда на тебя все смотрят, когда ждут от тебя решений, управления, да хоть чего-то... хоть бы и рывканья

во весь королевский голос!

А ты ничего сделать не можешь.

Или можешь, но понимаешь, что это не то, не так, что отец поступил бы иначе, и это было бы лучше... что на тебя смотрят с осуждением, что сравнивают с отцом, что за спиной раздаются шепотки...

Хоселиус Аурелио кожей их чувствовал.

И слова, и взгляды, и осуждение, и...

Как тут быть? Что делать?

Отказываться от наследства? Передавать все сыну? А справится ли Бернардо? И не вызовет ли это волнений?

И... а вдруг Хоселиус справится лучше сына?

Да, бывает такое, он хуже отца, но лучше своего ребенка способен управлять государством.

Или нет?

Хоселиус едва не застонал, глядя в зеркало. Так и слышался голос отца: «Ну что ты за балбес? Неужели не ясно, как твое решение отразится на внешней политике?» Что делать?!

Что делать, как делать, зачем?! И нужно ли что-то делать? Самому – или кому-то поручить, а если да, то кому именно?

Хоть кричи, хоть стони, а результат... есть ли результат? Будет ли?

Скоро похороны, потом коронация, и все. Ни отказаться, ни уйти, ни...

– Дорогой?

– Я просил не беспокоить, – сверкнул глазами его величество.

– Даже мне? – Алехандра Патрисиа Роблес вошла медленно, показывая и свою фигуру, и свою грацию, обычно это помогало отвлечь его высочество от проблем... не в этот раз.

– Даже тебе.

– Дорогой мой... – Алехандра преотлично поняла, что начини она возмущаться – вылетит вперед своего визга. И захлопала ресничками. – Я так страдаю, когда вижу твое горе... так тяжело терять родителей...

Хоселиус мог бы сказать, что тяжело не терять родителей, а расхлебывать последствия потери. Но промолчал. А зачем говорить?

Любовница уже уселась ему на колени, поерзала круглой попкой в нужном месте, так, что мужчина ощутил отклик организма на едва

прикрытые коротким домашним платьицем прелести. Да и под платьем ничего нет.

Не решу проблемы, так хоть отвлекусь от них. И мужчина поудобнее пристроил даму к столу.

Александра привычно изобразила восторг, прикидывая, что попросить у любовника в этот раз. И может... чем она не королева? Если раньше папаша запрещал бедненькому Хосе жениться, то теперь дорога открыта! Надо, надо пробовать!

Ах, дорогой, ты просто тигр!

* * *

Как известно, ищи кому выгодно.

Так что первым делом Амадо решил наведаться к матери Джинни. Так, ради интереса. Посмотреть, что там за чудо такое, о котором с ужасом говорил сам Серхио Вальдес. Он демона-то не побоялся! А тут что?

Сеньора Арандо, Наталия Марина Арандо, жила на калле Мендес. М-да... есть такие улицы в Римате.

Вот калле Виарте, которая идет перпендикулярно – чистая улица. Там и дома шикарные, и освещение, и мостовая. А калле Мендес – скорее, закоулок. Вроде и рядом с чистым кварталом, даже внутри него, но... это как в хорошем доме. Есть помещения для господ – есть для слуг. Вот калле Виарте было для господ, калле Мендес для слуг. И этим все сказано.

И освещения нет, и домишки откровенно паршивые, и даже запахи... вот как так получается?

На калле Виарте пахнет фиалками и морской свежестью. А войдешь на калле Мендес – и там воняет жаренной на прогорклом масле рыбой и постиранными шмотками. Нет, не вещами, а вот именно что дешевым шмотьем. Да вон оно, и висит на заборе.

Неудивительно, что Джинни рвалась дружить с дочкой Серхио, странно, что он это позволил.

Или?..

Домик сеньоры Арандо выбивался из общего ряда. Чистенький, побеленный, аккуратный... и где, кстати, у нас сеньор Арандо?

Амадо коснулся колокольчика.

– Не подаю! – донесся из дома рывк.

Амадо позвонил еще раз. И еще. И дождался, наконец, чудного видения. Сеньоры Арандо с метлой в руках. Выскочила из дома, аки фурия, сверкая глазами, увидела у калитки прилично одетого мужчину, но ничуть не смягчилась.

– Вы кто такой?! Что нужно?!

– Здравствуйте, сеньора Арандо, – вежливо отозвался Амадо. И достал свой медальон. – Следователь Управления полиции Риалон. Вы можете уделить мне четверть часа для серьезного разговора?

Сеньора прямо зашипела:

– Не шумите на всю улицу! Эти с-соседи...

– Сеньора, может, мы тогда поговорим приватно? У вас дома? Или в Управлении?

Второе предложение вообще энтузиазма не вызвало.

– Да, проходите, конечно. Калитка открыта.

Амадо чуть склонил голову и воспользовался приглашением.

Ухоженный дворик, даже слишком ухоженный. Цветы чуть ли не по линейке рассажены, сорняки пинцетом выщипаны, ни малейшего беспорядка.

Садоводом Амадо не был ни разу, но... не бывает так, что-то и где-то да останется! Скол на облицовочном кирпичике, пятно на краске, забытая лейка...

А тут – совершенство.

Цветы какие-то странные, не особенно красивые. Но это уж кому что нравится.

Дом тоже вылизан до блеска. Так прикрывают нищету? О, нет. О нищете тут речи не идет. Кому другому расскажите, не Амадо. Вот тебе и бокалы из дорогого хрустала, вот и пушистая шаль, аккуратно сложенная на диване. Амадо сам за такую платил... считай, дней пять работы – шали под... нитку! Дорогие они, как сволочи.

Нет, тут дело не в бедности. Но Серхио вроде как говорил что-то такое... ну-ка?

– Сеньора Арандо, вы в курсе происшествия? Этой ночью, с Вальдесами?

– В курсе.

Интересно. И до сих пор не с внуками, не обивает пороги, пытаюсь узнать, что с ее дочерью, не... просто сидит дома – и все. Это как? От большой любви?

– Как вы понимаете, я обязан провести допрос всех, кто хоть как-то относится к этому делу. Я понимаю, что вы ни в чем не виноваты, – и добавить обаятельную улыбку, которую унаследовал от матери. – Но обстоятельства таковы, что я должен, и умоляю вас проявить ко мне снисхождение.

Сеньора смягчилась буквально на глазах.

– Работа, да... хотите кофе, сеньор...?

Амадо ухмыльнулся про себя. Ну да, действует безукоризненно. Сначала сказать клиенту о его невиновности, потом посетовать на судьбу, а потом начать спрашивать о сущих, казалось бы, пустяках. И клиент постепенно выложит много чего интересного. Проверено и не раз. Не на всех действует, но в данном случае – сойдет.

– Риалон. А для вас можно просто Амадо. Мы с вами почти ровесники, сеньора, вы, должно быть, родили дочь совсем молодой...

Кофе он попросил не просто так.

Тоже проверка.

И действительно, очень быстро по комнате разнесся запах одного из лучших сортов кофе. «Золотого марея». А стоит он весьма и весьма дорого. Амадо не по карману, Альбе его тесть преподносит раз в месяц. Интересно, откуда деньги – у сеньоры?

Надо бы порасспросить... попробовать. Одета она, кстати, не лучше других. Так, наряд явно не от изящных портных. Или сама шила, или купила готовое платье... это видно. Амадо – точно видно, Альба научила разбираться. Иногда и такое умение кстати оказывается.

И еще...

Сеньора очень красива. И в юности была великолепна. Это сразу видно. И волосы, и глаза, и стать... она и сейчас демонски хороша собой.

Но – Амадо видел разницу между сеньорой Арандо и той же Альбой.

Альба не такая красивая, но она *ухоженная*.

Она холеная, лощеная, от кончиков ногтей до кончиков волос, она и парикмахеров посещает, и за кожей следит... а тут красота есть, но она запущенная.

Сад вылизать, дом вычистить, а себя запустить? Странно это как-то. Непонятно.

– Сеньора, вы не расскажете мне, какой девушкой была Вирджиния? Каким ребенком? Может, что-то было в ее жизни... вы понимаете... – Амадо повертел пальцами в воздухе, как бы предоставляя сеньоре полную свободу действий. И та не подвела.

Уселась напротив, положила в рот дорогущую конфету, печально вздохнула.

– Моя дочь... я даже не сомневалась, что она закончит именно так. Глупая, бездарная, легкомысленная пустышка, для которой не было ничего важнее ее собственных желаний.

– Примите мои соболезнования, сеньора. Наверное, вам было очень тяжело...

Сеньора кивнула.

– Да. Вирджиния всегда была ленивой, лживой, хитрой...

Сеньора распиналась. Амадо смотрел и думал, что это как минимум интересно. Своему начальнику он доверял чуточку побольше.

Ладно – лень. Это логично, это понятно, это бывает. Это и при аморфности, и при избытке хитрости. Но остальное? Судя по словам сеньоры, в ее доме росло исчадие ада. Лично Ла Муэрте, прибыв в гости под этот кров, должна была прослезиться и сказать: растет достойная смена. Не иначе. И такая Вирджиния, и сякая, и никого она в медяк не ставила, и мать она не слушала никогда, и замуж вышла без ее благословения...

– А почему? Вроде бы сеньор Вальдес – не худшая партия?

Сеньора выглядела так, словно о чем-то проговорилась. Но... о чем?

– У меня... был лучший вариант на примете, – выдавила она из себя.

А, это дело житейское. И такое бывает. Постепенно Амадо вытаскивал из сеньоры все новые и новые подробности.

Нет, с дочерью она была не в близких отношениях. Да, дочь у нее единственный ребенок, увы. Внуки? Да, она рассчитывает, что внуки получатся более удачными! К примеру, у младшего есть все шансы стать приличным человеком. Но дочь и тут все портила, не давая бабушке с ними общаться.

Не зять. Не свекор или свекровь.

Дочь. Корень зла.

Вот если бы Амадо сам не видел крест в зрачке Вирджинии, он бы даже поверил. А сейчас возникал вопрос – зачем? Зачем матери нужно так оболгать свою дочь, чтобы та попала за решетку? А то и на плаху за убийство мужа?

Проверим...

Завещание? Опекунство над внуками?

Нет-нет, сеньора ни на что не рассчитывает. Ей ничего не достанется, да и свекор со свекровью те еще твари склизкие. И все равно! Так детям будет лучше! И точка!

Амадо только кивал. Конечно-конечно, вы все правильно говорите, сеньора. Как есть – лучше.

Из домика он вышел с таким ощущением, словно слизняков наелся. Вот ведь мерзотная тетка, иначе и не скажешь! Отвратительная!

Куда бы пойти, чтобы это перебить?

Впрочем, решить, в кабак он хочет или на работу, Амадо не успел. От изгороди ему замахала рукой сухонькая старушка.

– Эй, сыщик, иди сюда.

Амадо тут же откликнулся на приглашение, и не пожалел.

– Ты от Маринки идешь?

– Да.

– Знаю, с ее дочерью беда.

Амадо кивнул. И тут же был вознагражден приглашением зайти и выпить чашечку кофе.

* * *

Этот кофе был на порядок дешевле. И поданы к нему были не сладости из лучшей кондитерской Римата, а обычные пирожки с ягодами. Но насколько ж здесь было теплее и вкуснее! Просто потрясающе!

Амадо расслабился под воркотню сеньоры Хуаны Сесилии Варгос. И слушал ее, словно песню.

Вот ее слова больше сходились с тем, что говорил Серхио. Нет, нельзя сказать, что она рассказывала о Вирджинии как об образце прелести и трудолюбия, отнюдь. Но это и понятно!

Какой девушке нравится полоть огород или вышивать? Удрать бы к подругам или мальчику глазки построить... а Наталия Марина Арандо держала дочь в ежовых рукавицах.

Практически ни с кем не позволяла общаться, ругалась, не пускала на гулянки... стоит ли удивляться, что девочка стала искать свои выходы?

Прогуливала школу, сбегала из дома через окно... однажды неудачно распорол юбку и не знала, как идти обратно. Так ее и увидела сеньора Хуана.

Напоила, накормила, помогла со штопкой... и неожиданно для себя очутилась в доверенных лицах у маленькой Джинни. Хотя какой – маленькой? Четырнадцать лет, иные в этом возрасте и детей заводят.

Как и многие на калле Мендес, сеньора Хуана недолюбливала сеньору Наталию.

– А ее мужа? – уточнил Амадо.

– А вот мужа у нее нет. И никогда не было. Были деньги, явилась она, дом купила, и все. Спрашивали, она сказала, что муж был капитаном дальнего плавания, просто утонул во время шторма. А ей страховая компания выплатила достаточную компенсацию.

– Понятно...

Надо проверить. Сеньора Арандо, капитана...

С помощью сеньоры Хуаны Джинни научилась дурить мать. И кстати, до сих пор поддерживала с сеньорой Хуаной нежнейшие отношения, заезжая хотя бы раз в пять дней.

– А мать?

– Джинни выбирала время, когда мать была в храме. Или на море. Она туда регулярно ходит, цветы в воду бросает.

– Понятно...

– Каждые три дня, как по расписанию. Уходит в шесть утра, приходит в десять. Вот Джинни и выбирала это время.

А сколько надо времени, чтобы добраться до моря и бросить туда цветы? Амадо подозревал, что не четыре часа. Это же Римат... разве

что сеньора уходила куда-то подальше? Могло быть и такое. Тоже надо проверить.

Со слов Джинни, мать форменным образом свихнулась и на покойном отце, и на самой Джинни. Растила ее, словно породистую лошадь, очень тщательно следила за распорядком дня, за рационом, за осанкой, манерами, одеждой... а девочка росла.

И влюбилась по уши.

Да, и такое бывает. Влюбилась, потеряла голову, в чем честно и призналась сеньоре Хуане. Это и с самыми меланхолическими натурами случается. Сеньора Хуана подумала, да и дала девочке совет. Тот самый, который привел ее в постель Серхио.

Коли уж на то пошло... тут все сложилось один к одному.

Девочку было жалко, ее мамаше хотелось насолить, ну и – посоветовала. А дальше Вирджиния многое сделала и сама. И замуж вышла по совету любовника – тоже сама.

Нельзя сказать, что она сожалела или печалилась. Получив желаемое, она *перегорела* и уже спокойно подошла к выбору дальнейшей своей судьбы. Мужа особенно не любила, но в постели им было хорошо, детей они любили оба, а измены...

Бордель – изменой не считается. Это как нужду под кустиком справить, когда приспичило. Так считала сеньора Хуана, так, с ее подачи, считала и Джинни. Она мужу не изменяла, просто не хотелось.

Не ревновала, не злилась, не страдала. Так тоже случается, ничего странного в этом нет.

Все ее время занимали дети. Старшая дочка любила рисовать, средний мальчик пока особых талантов не проявлял, зато обожал свою мамочку, и она его тоже. Дочка такой ласковой не была. Младший... что там усмотришь, в пять-то лет? Но он уже любил читать и пытался рисовать. И Вирджиния с удовольствием возилась с младшими, приглядывала за старшей, там уж возраст такой, что скоро начнется... сама она в этом возрасте и пошла к любимому, и чувствовала себя счастливой.

Единственное, что ее нервировало – сеньора Наталия.

Мать была ею решительно недовольна и постоянно пилила. Ругалась, ворчала, шипела, намекала, что Вирджиния разрушила свою жизнь... но как?! Чем?! Счастливым браком?

– Может, у нее был другой жених на примете? – подкинул идею Амадо.

– Может, и такое было. Но Джинни не знала, кто именно, – честно созналась сеньора. – Даже не предполагала.

– И намеков не было?

– Практически никогда.

– Практически?

– Пару раз Джинни говорилось, что она должна хранить девственность, и что ее судьба будет выше королевской. Но это уж, сами понимаете, чушь редкостная.

Ой ли?

А вот Амадо мог припомнить несколько некромагических практик, для которых нужны или девственницы, или их *первая* кровь. А то и ритуальное изнасилование на алтаре, всякое бывало. Отец рассказывал.

Но... хотя какое – но?! В деле уже есть неучтенный некромант! И это надо расследовать!

Говорите, судьба выше королевской?

Разберемся, кто у нас там выше короля хочет быть. А для начала наведемся к родителям несчастного Веласкеса.

Амадо допил кофе, сердечно поблагодарил сеньору Хуану и отправился дальше. Кулек с пирожками согревал ему и руку и душу. Вот ведь... милейшая женщина! И так понимает тяжелые будни сыщиков!

Ам, чавк... и плевать, что есть на улице некультурно! Зато вкусно, приятно и полезно! Вот!

* * *

Дом Веласкесов был решительной противоположностью дому сеньоры Наталии. У сеньоры Арандо все было ухожено, скучно, безжизненно. Математически выверенный клочок земли.

У Веласкесов же... громадный парк, заросший, кажется, без всякой системы. Но Амадо понял.

Для детей. Здесь просто все сделано для детей. И вон та беседка, из двух, словно бы нарочно склонившихся друг к другу дубов, которые

заплел плющ. И вон тот домик на дереве.

И ягодные кусты... какой понравился, такой и обрывай.

И трава, о которую наверняка не уколешь ногу. Амадо не видел в ней колючек. Сорняки?

И пусть их!

Разве повалешься всласть на клумбе с розами? Разве выпустишь в красивый сад сеньоры Арандо собаку или кошку? Или ребенка? Да никогда!

А здесь можно бегать, падать, валяться, наслаждаться жизнью, делать, что тебе понравится – и не ждать грозного окрика. А вот куда вы, такие-рассякие, пошли? Розы поломаете или, там, гортензии растопчете.

Здесь можно быть счастливым ребенком. Амадо и сам бы от такого не отказался.

Самих детей найти несложно. Вон – шум из-за дома какой... Амадо решительно дернул за колокольчик у ворот и стал ждать привратника. Впрочем, недолго.

– Что вам угодно, сеньор?

– Тан Риалон, – поправил Амадо.

После того случая, пятнадцать лет назад, король даровал его отцу потомственное дворянство. А Амадо тоже его потомок...

С одной стороны, могли и прокатить – закон обратной силы не имеет. Вот если отец кого уже потом наплодит... С другой стороны, дворянство дано Риалонам. Вот Амадо – Риалон и есть. А новые его братья-сестры, они будут Лассара-Риалон. И титул у них будет по праву рождения.

Возникла небольшая сложность, но тут помог тан Карлос Мануэль Кампос.

Он по достоинству оценил помощь Эрнесто Риалона в борьбе с монстрами. И был в курсе семейной истории некроманта. Вот и порадел. А точнее, просто автоматически внес в приказ и Амадо.

Потомок? Да! Прямой и пока единственный! Значит – тан! Чего вам еще требуется?

Чиновники могли бы придраться, но к чему? К приказу короля? Тогда и так всю Астилию трясло, хоть ты под лавку прячься и молись, чтобы пронесло. Ну и не стали вязаться. А мимо королевских глаз это

тем более прошло – вот еще, мелочь какая! Таном больше, таном меньше...

Поместье-то Амадо от королевских щедрот не перепало, и это было справедливо. Он тогда ничего не сделал, разве что в плену побывал. Но титул – ладно уж. Он тоже в жизни полезен и нужен.

– Что вам угодно, тан Риалон?

– Я хочу поговорить с хозяевами. Они дома?

– Сеньор Веласкес сейчас не принимает. Сеньора слегла.

Амадо только вздохнул.

– Вот мой жетон. И давайте обойдемся без рассказов. Я все понимаю, но у меня есть новости, которые заинтересуют ваших хозяев. И может, даже их обрадуют.

Слуга пожал плечами, видимо, не веря в такое счастье. Но послушно отправился докладывать, пригласив Амадо в небольшую беседку рядом с калиткой. Сыщик уселся в тени плюща, вытянул ноги.

Хорошо...

Долго Амадо ждать не пришлось. Вернулся тот же слуга.

– Сеньор Веласкес примет вас.

Амадо проследовал за слугой по парку. Сбоку слышались детские голоса. Кто-то смеялся. Брызгал водой небольшой фонтанчик, сделанный в виде дельфина, цвели какие-то пряные травы, пахло травой и водой, и совсем не чувствовалась в этом саду ни осень, ни человеческое горе. А оно было...

Гонсало Николас Веласкес, отец несчастного Самуэля Гонсало, принял сыщика в гостиной. И Амадо только вздохнул про себя.

Вот это самое тягостное. Именно это...

Еще дней пять назад это был явно сильный и крепкий мужчина. Но горе... горе не щадит никого. Оно давит на плечи, посыпает снегом волосы, бороздит лицо морщинами...

Старик?.. Еще нет. Но близко к тому. И глаза – красные.

Мужчины не плачут?.. Плачут. Только не всегда в этом признаются. Им легче луковицу порезать... или съесть. Живьем и сырым. И тем оправдаться.

– Тан Риалон? Чем обязан?

– Здравствуйте, сеньор Веласкес. Прошу прощения за беспокойство, – Амадо вновь предъявил жетон сыщика. – У меня к вам есть несколько вопросов о вашем сыне.

– Моем покойном сыне, тан...

– Да, сеньор.

– Убитым собственной женой. Всевышний, как об этом детям-то сказать?

Амадо пожал плечами.

– Сеньор Веласкес, а если бы убил кто-то другой? Не Вирджиния?

– Тогда бы у детей осталась мать, а у нас – дочь, – четко ответил Веласкес. И посмотрел в глаза Амадо уже совсем иначе. Спокойно и рассудочно. – Вы хотите сказать, тан, что Джинни невиновна?

– Да. Вашу невестку вообще хотели подставить и убить.

– Кто?!

– Вот это я и пытаюсь выяснить. И хотел бы подробнее узнать об их семейной жизни.

Сеньор Веласкес пожал плечами.

– Хорошо. Что именно?

– Начните с самого начала. Где ваш сын познакомился с Вирджинией?

Сеньор Веласкес задумался. А потом принялся рассказывать.

Где именно и как именно познакомился сын, он не знал, когда это молодежь посвящала старших в подробности своих романов? Молчат ведь, а родителям потом расхлебывать достается.

Зато сеньор Веласкес помнил, как сын привел Джинни домой.

Худенькую, в простом платье, похожую на встрепанного птенца... нельзя сказать, что невестка сразу завоевала симпатии супругов. О, нет! Такое и в сказках-то не всегда случается. Но постепенно, потихоньку, после свадьбы...

Супруги знали своего сына, знали, что он начал погуливать, и, конечно, побаивались. Разводы хоть и осуждаются Храмом, и получить их весьма и весьма нелегко, но – реально. Супружеская неверность – отличный повод. Только пожелай и докажи, а тут это было и несложно.

Но Джинни молчала. Не то чтобы она терпела, как-то раз между ней и свекровью состоялся достаточно откровенный разговор. И свекровь даже намекнула, что все мужчины... м-да. Бывает.

Джинни только рукой махнула. И заявила что-то вроде: для некоторых мужчин сходить налево, как нужду справить. Не ревновать же к каждому ночному горшку? Подход был одобрен единогласно.

Да и в остальном. Миленьякая, не слишком умная, но и не глупая, умеющая поддержать светскую беседу, с удовольствием занимающаяся домом и садом, детьми и вышиванием... и что еще нужно? Да ничего!

К родителям мужа Джинни тоже всегда относилась уважительно, детей им присылала на выходные, так что они всласть возились с внуками...

Наверное, единственным пятном на солнце была мать Джинни. Но... кто ж избавлен от стервоз?

Правильно, никто в этом мире. Так что пусть ее...

А сама Джинни девочка хорошая, добрая... точно – не она? Радость-то какая...

Амадо убедительно попросил сеньора Веласкеса пока об этом помолчать. Пусть убийца пока решит, что следователь дурак и во все поверил. А потом уж, когда поймает негодяя, тогда его и разубедим.

Гонсало Веласкес и спорить не стал. Как скажете, тан следователь. И детям пока нельзя? Нет? Ладно, скажем, что маме-папе пришлось срочно уехать. Ох, спасибо полиции, сразу телефоновали, не разбудили малышню, не напугали... просто с утра детей забрали бабушка и дедушка. И привезли к себе. Такое уже бывало, они и не заподозрили неладного.

А когда для похорон отдадут тело?

Экспертиза... как скажете. Значит, так надо. Найдите этого гада, тан! Пожалуйста, найдите!

Амадо кивнул.

И успокаивал старика, и обещал найти убийцу, и просил волноваться поменьше... ему еще внуков воспитывать.

А с сеньорой Веласкес поговорить можно?

Гонсало кивнул. И даже лично проводил сыщика до дверей спальни. И лично предупредил супругу.

Амадо вошел в дамскую спальню, в которой резко и отчетливо пахло лекарствами.

М-да...

На кровати лежала старушка. Иначе и не скажешь.

Сухоньякая, седая, словно выцветшая... банальность?

И пусть! А горе все равно никого не красит!

– Сеньора Идана Мерседес Веласкес?

– Да, тан Риалон. Что вы хотели узнать?

– Сеньора, я уже говорил с вашим супругом, – честно сознался Амадо. – Он многое мне рассказал, но все равно, вы – женщина. Вы можете увидеть нечто такое, на что он не обратит внимания. Что-то заметить, понять, связать узелки... скажите, что вы думаете о вашей невестке?

– Думаю, что она не убивала, – без сомнения ответила Идана Мерседес.

Амадо тоже это знал, но такой четкий и конкретный вердикт?

– Почему вы так считаете, сеньора?

– Понимаете, тан... для этого надо знать и саму Джинни, и ее мать. Джинни очень покорная, спокойная, даже сломанная, я бы сказала. Именно потому, что ее мать... она словно фанатичка какая-то. Только вот не знаю, кому или чему она поклоняется, в храме она бывает раз в десять дней. Тут не придерешься, но я ее раз там видела. Она не верит, она словно повинность отбывает.

– Повинность?

– Надо ходить в храм? Она ходит. И точка. А вот о вере, о любви к Творцу... нет, об этом речи не идет. Такого в ней нет. Понадобится ей, она любой храм подожжет и на углях спляшет.

– Такое бывает, согласен, – кивнул Амадо. – Но вроде бы дурного в этом нет?

– Но и хорошего тоже. Или ты веруешь, или ты не веруешь. А от такого хождения в храм... противно становится.

Амадо кивнул.

Будучи сыном некроманта, он ни в каких богов не верил. Он просто знал об их существовании.

Да, боги есть. Нравится вам это, не нравится... богам – наплевать. Но, может, не стоит сразу портить с ними отношения?

– Значит, фанатичка, но не храмовая. Интересно, посмотрим. А Джинни?

– Мать ей то ли не доверяла, то ли что-то еще. Джинни была не в курсе дела, совершенно. Куда мать ходит, чем занимается, на какие деньги они живут... лишние вопросы и любопытство наказывались пощечинами. И Джинни быстро перестала лезть не в свое дело. Кому ж понравится...

Амадо кивнул.

– Допустим. Но я не верю, что и она ничего не видела, и вы...

– Джинни боялась матери. Наверное, она всего лишь два раза решилась пойти против нее. С любовником – и с моим сыном.

– С любовником? – опешил Амадо.

– Я свечку не держала, – усмехнулась дама. – Но точно знаю, что до свадьбы у Джинни была уже с кем-то связь. Между девушкой и женщиной есть разница, вы поверьте. В том, как они ведут себя с мужчинами, как прикасаются, как относятся... есть. И опытная женщина может ее увидеть.

– Вы увидели.

– Да. Я решила спросить у самой Джинни. Но оказалось, что сын обо всем знает. Джинни честно рассказала ему, что у нее был один мужчина. Что там все кончено, что она никогда к нему не вернется, что будет верна моему сыну и произнесенным обетам... я стала ее уважать за этот поступок.

Амадо снова кивнул. Да, пожалуй. Признаться и жениху, и его матери – такое требует немалого мужества.

– Итак, они поженились.

– Джинни оказалась идеальной женой для моего сына. И за это я простила ей всё. И за внуков тоже, – кивнула сеньора.

Амадо задумался.

– Сеньора, мне сложно предположить. Но... простите, чем таким мог бы заниматься ваш сын? Вот как хотите, но настолько сложная инсценировка, еще и дорогостоящая... Может, вы что-то замечали, как женщина? Украшения у его супруги, странные разговоры... Безусловно, я проверю счетные книги, но это будет потом. А вы сможете подсказать мне, на что обратить внимание? Я не хочу, чтобы убийца вашего сына остался безнаказанным...

Сеньора задумалась.

– Даже не знаю, что вам сказать, тан Риалон. Вроде бы ничего такого не было. Но вы сами понимаете, мы живем отдельно, я могла что-то не видеть. Просто – не видеть.

– Можете вы на эту тему побеседовать с внуками?

– Тан?

– Я не имею права допрашивать несовершеннолетних, – честно сказал Амадо. – Но дети умны и приметливы, они могут что-то знать...

Сеньора кивнула.

– Да, пожалуй. Я поговорю с малышами.

– Я буду весьма признателен вам, сеньора.

– Дети пока ничего не знают... о случившемся. Поэтому... тан Риалон, если вы дадите мне честное слово им ничего не сообщать, вы можете поговорить с ними самостоятельно.

Амадо кивнул.

– Если вы разрешите, сеньора. И разумеется, в вашем присутствии.

– В моем? Но мой внешний вид...

– Я подожду сколько понадобится, сеньора.

Сеньора кивнула. Амадо поклонился и спустился вниз, в гостиную, тихо радуясь про себя. Самое опасное после такого... да что там! Оставь сейчас сеньору лежать в кровати – и она сведет себя в могилу вслед за сыном. Но сейчас...

Сейчас она займется малышами и точно не помрет, пока не найдут убийцу. А там, глядишь, и вообще умирать передумает?

– Тан Риалон?

– Сеньор Веласкес, с вашего позволения, я еще чуточку задержусь.

– Что-то случилось? – встревожился несчастный.

– Ваша супруга любезно дала мне разрешение побеседовать с детьми. В своем присутствии, конечно. Она сейчас спустится.

– Но она...

Амадо пожал плечами.

– Надеюсь, сейчас у нее появится интерес к жизни.

Гонсало внимательно посмотрел на сыщика. Что-то сопоставил – и протянул ему руку.

– Тан Риалон, мой дом всегда будет вашим домом. Что бы ни случилось.

Амадо пожал протянутую руку. И ответил взаимностью.

– Я сделаю все, чтобы найти убийцу. Клянусь.

Мужчины поняли друг друга.

Да, Амадо сделает.

А пока... не соизволит ли следователь выпить чашечку кофе? Или две? С пирогом? А еще лучше... скоро обед. Присоединитесь к нам за обедом? И с детьми можно будет поговорить. А заодно

накормить несчастную сеньору Веласкес, которая ни глотка воды в рот не взяла с того самого момента. А вдруг получится?

Обед у Веласкесов был выше всяких похвал.

Суп-крем из морепродуктов мог бы украсить и королевский стол, жаркое таяло во рту, а пирог дразнил своим ароматом так, что хотелось отбросить нож и вилку и впиться в него зубами, как дикий пещерный человек. Амадо себе этого позволить не мог.

Ему надо было не расслабляться, а работать. За столом было трое детей. И с ними надо было поговорить так, чтобы они ничего не поняли. А информация нужна...

Старшая – Мерседес Вирджиния, средний – Гонсало Самуэль, названный в честь деда, и младший – Хавьер Николас. И они смотрели на незнакомца с интересом.

Амадо дружелюбно улыбался детям. Не то чтобы он очень любил детей, но от них можно узнать много интересного и важного.

– А вы кто, тан? – первой нарушила молчание юная Мерседес. Девочке было уже около семнадцати лет, почти взрослая...

Амадо дружелюбно улыбнулся ей и подмигнул.

– Если я скажу – жених?

– Но вы же старый!

– Убит! В самое сердце! – скорчил смешливую гримаску Амадо. –

Но кто я тогда, сеньорита? Если в женихи не гожусь?

– Не знаю... а чем вы занимаетесь?

– Хожу, разговариваю с людьми. О том, о сем...

– Репортер?

– Можно и так сказать.

– А дедушка говорит, что на репортеров надо собак спускать, – заметил младший.

Амадо погрозил Хавьеру пальцем.

– Совести у вас нет, сеньор. А если собака отравится? Вот у вас есть собака?

Все дружно засмеялись, и разговор потек уже иными путями.

Выяснилось, что собак у ребятишек нет, но в доме живут три кота. Что мама почему-то боится собак. А мамина мама, то есть бабушка Ната, даже кошек не любит. И те отвечают ей взаимностью, шипят и фыркают. А маму любят.

Что папа как раз не любит мамину маму. Что бабушка Ната приходит к нему регулярно, где-то раз в пять-шесть дней, и он потом очень злой, а мама переживает.

Нет-нет, она не просит у него денег. И деньги в семье есть... вот! Отец обещал старшей дочке для первого выхода в свет украшения с розовыми бриллиантами и жемчугом!

Дорого?.. И что? У мамы есть и подороже.... У нее и гарнитур с изумрудами есть, и рубиновый, и с сапфирами, и даже с черными бриллиантами! Вот!

Откуда Мерседес знает?

А она... только не ругайтесь, пожалуйста... она совершенно случайно подглядела, как папа доставал их из сейфа. И код она знает. И украшения должны там лежать...

Нарисовать их?

Да, она может... хорошо. Сразу же после обеда, если дедушка и бабушка... Те не возражали.

– Рубины, сапфиры, черные бриллианты.... Откуда?!

– В сейфе их нет, – качнул головой Амадо. – Повод?

– Но кто мог о них знать?

– Я из этой стервы Арандо всю правду вытряхну! – воинственно сжала кулачки сеньора Идана Мерседес.

Пока девушка рисовала украшения, взрослые собрались в библиотеке. Правда, кофе так и остыл в чашках, несмотря на свой вкус и аромат. Не до того им было.

– Не убивайте ее, сеньора, это уголовно наказуемо, – поспешил разрядить обстановку Амадо.

– Мне бы тоже хотелось знать, откуда, – заметил Гонсало. – Вы же понимаете, тан, оборот моего сына просто не позволял таких покупок. Черные бриллианты! Да я за один камешек буду работать месяц, а тут – гарнитур?

– Откуда-то, – вздохнул Амадо, понимая, что ему предстоит еще и походы по ювелирам. Или... поговорить бы с Тони! Но... есть и еще один источник.

Ладно, лишь бы девушка правда умела рисовать, а не так, как кокетничают благородные девицы. Ах, тан, посмотрите на мой рисунок... навидался он такого в университете. Правда же, эта роза

восхитительна? Ага, а роза напоминает то ли льва в атаке, то ли кляксу от варенья, которую языком разлизали, то ли что-то вовсе неприличное... Ладно, не будем о грустном.

Впрочем, в этот раз Амадо разочароваться не пришлось.

Рисунки были великолепны. Четкие, красочные, детали видны на всех украшениях, прорисованы даже застежки. И это с пары взглядов? Невероятно!

Но и на фантазии это не похоже, девушка просто не сможет так придумать!

Какая память, рука, глазомер! Невероятно! Для ее-то возраста!

– Сеньорита, вам учиться надо! Вы настоящий мастер... может, даже ювелир? Если так запомнили с одного взгляда?

Гонсало посмотрел на внучку.

– Мерче, ты хотела бы учиться на ювелира?

– Мама была против.

– Ничего, мы ей пока не скажем, – пообещала от всей души бабушка и поцеловала девушку. – Я тебя сама буду возить на занятия, и сама с мастером договарюсь, хоть завтра.

– Правда? – просияла Мерседес-младшая.

– Мое слово.

Кажется, визит Амадо к Веласкесам прошел не зря. Осталось только увязать воедино все эти дела.

Глава 3

Побережье.

Костер.

Рассвет.

Море.

На горизонте еще не появилась золотистая полоска, там еще даже розовые тона не забрезжили, но рассвет уже близок. И сидящий у костра человек это чувствует.

Да, сидящий у костра...

Как он выглядит? Если смотреть со спины – вполне безобидно и обыденно. Белая рубашка навыпуск, простые полотняные штаны. Волосы седые, заплетены в косу. Спина прямая, не сгорблена.

Ноги босые.

Со спины – ничего удивительного. Наверное, какой-то рабочий, вот, и соломенная шляпа небрежно брошена рядом на песок. Захотелось человеку встретить рассвет у костра. Бывает...

А вот с лица...

Если заглянуть этому человеку в лицо, то куда-то пропадает вся обыденность.

Во-первых, это индеец.

Во-вторых, ему уже глубоко за... а за сколько? Волосы седые, морщин – не счесть, но зубы все на месте и движения легкие и плавные, словно у ягуара... Та, что возраст определить сложновато.

В-третьих, это наверняка шаман. Об этом говорят и затейливые разноцветные татуировки, которые покрывают все его тело. Это со спины не видно, а в ворота рубахи: ой-ой-ой... так и ползут, словно змеи. Живые, жутковатые...

И в длинные, чуть не до земли, волосы вплетены какие-то амулеты... взять и рассмотреть поближе? Спасибо, это если кому жить очень надоело. Потому как на поясе у мужчины висит кривой обсидиановый клинок. И вот сразу чувствуется, что он не раз отведывал крови.

И на руках у него какие-то перстни, и на шее куча висюлек, и рядом... да, рядом лежит небольшой бубен. Просто под шляпой его сразу-то и не видно. А он есть.

Маленький, костяной...

Шаман смотрит в огонь.

Он ждет рассвета, чтобы получить подсказку.

Если смотреть на солнце, через живой огонь, то есть огонь, зажженный трением, да еще над соленой водой, которая, как известно, губельна для нелюдей... есть возможность получить... нет, не ответ.

Кто ж тебе ответ-то скажет? Может, еще и жизнь твою за тебя прожить?

Боги так не делают. Тебе свободу воли дали, вот ты и думай, ты и действуй. Сам, все сам.

А тебе могут подсказать, подтолкнуть...

Помочь чуточку.

Нет, не с выбором. Скорее, с его определением. Направо пойдешь – в канаву попадешь. Налево пойдешь – в терновник попадешь. Прямо пойдешь – в огонь попадешь. Как в старых сказках.

А уж чего тебе больше хочется, ты сам решай. Шкура, чай, твоя, не чужая...

Для себя Адэхи почти никогда и ни о чем и не спрашивал – зачем? Но сейчас...

Его ученица – там. За морем. В далекой и чужой стране. И она одна.

А если ей понадобится помощь?

Связка «учитель – ученик» очень важна. И не только со стороны ученика. Ученик обязан? Ну и наставник тоже... обязан. А вы как думали? Только учить? И ни за что не отвечать?

Так не бывает.

У шаманов никогда не бывает.

Боги видят. Боги знают. И недостойного Боги лишат своей защиты. А если ты не можешь сделать так, чтобы твой ученик сумел постоять за себя... или если ты ему не помог, когда потребовалось...

Адэхи не хотел такого.

И смотрел, смотрел в костер. И видел сквозь языки пламени, как над черной полосой моря разливается золотая полоса солнечного сияния.

И знаки, которые были непонятны другому, складывались для него в понятное письмо, и глухо трещал над побережьем костяной бубен, помогая пройти туда, куда не очень-то пускают обычных людей, даже во сне. И вернуться.

Главное – вернуться.

Это самое сложное.

Когда Адэхи пришел в себя, было уже ближе к полудню. Шаман бросил бубен и откинулся на песок, прямо где сидел. Он не обратил внимания, как сам собой взвился неистовым языком и погас костер – обыденность.

Как буквально вылетела из моря волна, стараясь слизнуть его остатки – и жадно глотнула, уволокла угли на глубину.

Как ласково перебирает его волосы ветер, нашептывая что-то успокоительное – сегодня ты выложился по полной. Но справился.

Ты справился здесь.

А вот твоя ученица там.

Ты знаешь, что надо делать, учитель. Так сделай это. Просто – сделай.

И Адэхи не собирался отлынивать от своего долга учителя. Сейчас, только полежит еще немножко, придет в себя – и встанет. И сделает.

Не для того он больше десяти лет учил малышку, чтобы сейчас... нет, не для того.

Ах, этот возраст, который не щадит даже шаманов...

Ничего, сейчас он отдохнет – и начнет действовать. Уже скоро. Уже почти сейчас...

Это его долг и его право.

* * *

– Братец, я все понимаю, но поверь, твой друг – человек нехороший. Подлый и опасный.

Лоуренсио только глаза закатил.

– Феола, когда ж ты это перерастешь?

Дело было за завтраком. И надо сказать, настроение было у всех Ксаресов на редкость отвратительное. Новое место, плюс усталость с дороги, плюс предстоящее знакомство со столицей...

Тут много всего добавляется.

В результате все не выспались, может быть, кроме Феолы. Вот она была бодрa, весела и игрива, словно птичка. И так же весело щебетала.

Алисия Катарина демонстративно подносила ладонь ко лбу. Сестру она любила, но... это – несправедливо! Сама Алисия вчера провертелась в кровати чуть не до двенадцати ночи, потом просыпалась то ли три, то ли четыре раза... это – столица.

Здесь нет привычных шумов и шорохов, здесь не поют по ночам невольники свои протяжные песни, здесь не кричат тоскливо и горько ночные птицы.

Но здесь шумят лошади и мобили. Здесь непривычно и резко пахнет керосином.

Здесь столица. И постоянно чувствуется, что кто-то есть.

Кто?

Люди. Так много людей, так непривычно, так странно...

А как примут в столице Алисию? Какое впечатление она произведет? Удастся ли ей найти мужа? А когда удастся, каким он будет? Помоложе или постарше, стройным или плотным... вопросы, вопросы, так много вопросов!

Закономерным результатом стала головная боль и отвратительное самочувствие.

Феолу такие мелочи не смущали. Вопросы какие-то, мужья...

Ей вообще еще рано. Хотя Адэхи и уверял, что она засиделась в девках, вот в его народе девочки замуж выходят в тринадцать, как кровь упадет. А шестнадцать... никто тебя, такую старую, и не возьмет. И тут же добавлял, что Феолу – возьмут. Обязательно и безусловно.

На Алисию старик смотрел с осуждением, но младшую из Ксаресов привечал. Была у них своя тайна.

Феола еще раз с сочувствием поглядела на сестру.

– Лисси, тебе помочь?

– Не называй меня Лисси. И да... помоги.

Феола вздохнула и встала из-за стола. Обошла вокруг сестры, встала сзади, бесцеремонно отодвинула тщательно уложенные локоны и принялась массировать маленькие розовые ушки. Через несколько минут Алисия порозовела и заулыбалась.

– Это ненадолго, – предупредила Феола. – Может быть, часа на два-три, не больше.

Алисия страдальчески закатила глаза, но кивнула.

– Хоть так.

– И повторять нельзя. Потом сляжешь. Так что рассчитывай время. Через три часа, самое позднее, ты должна быть дома, лечь и немного поспать. Тогда проснешься с отличным самочувствием.

Алисия кивнула. В этом спорить с Феолой не стоило. Малышка за свои слова отвечала.

– Хорошо. Братик, что мы сегодня должны сделать?

– Сейчас к нам придет Анхель. И мы поедем заказывать вам платье.

Феола сдвинула брови.

– Без этого паразита их заказать нельзя?

– Фи, прекрати, – погрозил пальцем братец. – Анхель – замечательный. Он мне очень и очень помог.

– И себя при этом не забыл.

– У тебя нет никаких доказательств. А голословное обвинение – это клевета, – припечатал брат.

Феола надулась.

Голословное?

Ладно же! Подожди у меня, я тебе твоего тана Толедо покажу во всей красе! В разрезе!

Видно же, что сволочь, сволочь, СВОЛОЧЬ!!! Ну почему ей видно, а брату и сестре – нет? Почему ей не верят?!

Хотя и тут Адэхи предупреждал. Говорил, что люди будут к ней относиться с предубеждением. Это надо просто перетерпеть, пока она не подрастет. Она еще маленькая, так что нужно время.

Феола только вздыхала.

Вот где логика у этих индейцев? Замуж в самый раз, а для силы своей еще мала. Но это как раз верно. Дурное дело – нехитрое, мама это часто говорила. Детей наделать всяк дурак сможет, людьми их вырастить задача куда как сложнее.

А вот в силу вступить – это дольше. Пока у нее только *началось*. С первой кровью, да. Но по-настоящему, как предупреждал тот же Адэхи, она вступит в силу, когда выносит и родит первого ребенка. И чем больше детей у нее будет, тем сильнее она станет.

Но об этом тоже никому знать не надо.

Доступна ей пока сила на таком уровне? Вот и будем пользоваться, разрабатывать, упражнения делать, людям помогать. А остальное – последует.

А дана Толедо она на чистую воду выведет. Ну как, КАК человек может быть порядочным и хорошим, если он – сволочь?! Правильно, никак.

И заступничество брата его ничуть не спасало.

Феола со злостью положила вилку так, что омлет едва в разные стороны не брызнул, когда дан Толедо вошел в столовую.

– Доброе утро, Лоуренсио. Ритана Алисия, позвольте заметить, что вы затмеваете своей красотой даже полуденное солнце.

Алисия зарделась и покраснела так, что стала похожа на то самое солнце. Закатное.

– Ритана Феола, вы...

Феола подняла руку, останавливая лживые комплименты.

– Не теряйте зря времени, тан. Я своего мнения о вас не изменю.

– Вы еще маленькая, ритана. Посмотрим, что вы скажете, когда вырастете.

– Полагаю то, что вы и так не раз слышали, – не полезла за словом в карман Феола. – Откажу вам от дома.

Анхель картинно развел руками.

– Что ж, я надеюсь, что совершеннолетние Ксаресы будут ко мне более великодушны.

Феола надменно фыркнула.

Анхель всем видом показывал, что на детей не обижается... но это не значит, что не разозлилась она. И сестра туда же, предательница. Смотрит, как будто Феола еще из колыбели не выбралась.

Лоуренсио – ладно, ему голову заморочить легко. Адэхи еще говорил, что старший брат, как глина, что вылепишь, то стоять и будет. Но сестра? Вроде как она поумнее?

Ладно, Феола еще поквитается с негодяем. Может, даже уже сегодня.

– Куда и когда мы едем? – холодно поинтересовалась она.

– В ателье к сеньоре Пилар Марии Наранхо. Она – модистка сезона. Все благородные одеваются только у нее... если не хотят выглядеть смешными и глупыми.

А мода стоит дорого. И Анхелю тоже кое-что перепадет от щедрот... не для мужчин, вестимо. Но дамы, с которыми имеешь отношения, требуют подарков. Если это ританы, конечно.

И можно подарить им приятные интимные вещички. Чулочки, ночную сорочку, пеньюар... Мало ли что можно придумать?

Анхель собирался получить свои проценты, и наглая сопля ему в этом не помешает. Потерпит, никуда не денется. И он, и она...

– Я готова, – встала из-за стола Алисия.

Анхель только вздохнул.

Он рассчитывал, что завтраком его накормят у Лоуренсио. Вот и не покушал дома, да и не особенно-то у него богато было. Хлеб, сыр, кажется, еще паэлья, но той уже дня четыре, лучше не кушать, чтобы потом худо не было.

Впрочем, Алисии сейчас было не до терзаний Анхеля. Ей позарез надо было поехать в ателье.

Платья же! Для тех, кто понимает... это не на час. И не на два. Пока платья, отделка, туфельки, сумочки, аксессуары, перчатки, шляпки... Это не три часа, а все тридцать. Или триста. Но на первый раз ей хватит. Наверное...

Светлые волосы девушки были решительно прикрыты маленькой шляпкой... ах, ужас! В столице в моде шляпы широкополые, но с небольшой вуалькой. Почему, почему до их островов мода доходит с таким запозданием?

– Сейчас в моде «колониальный стиль», ритана Алисия, – Анхель галантно подал ей сумочку и предложил свой локоть опереться. Феола только нос сморщила. – Вам будет легко освоиться.

– Эти «зонтики» на голове – колониальный стиль? – фыркнула она. – Идиоты...

С каким бы удовольствием Анхель отвесил наглай малявке затрещину. А лучше две. И пинка бы выдал на десерт! Но – нельзя. Ее сестрица не оценит. И тоже, вон, смотрит с любопытством...

– Вас чем-то смущают эти шляпы, ритана Феола?

– В колониях ценят удобство, – отмахнулась Феола. – А этот лопух моментально сдует в море. Или голову вам оторвет, если закалывать его шпильками. От солнца эти шляпы не спасут, а под дурацкую вуальку мигом залетят все мухи островов. И в волосы нападает всякая гадость. Ладно еще листья какие, но если насекомые... они там всякие бывают. Человеколюбивые в том числе.

– То есть?

– Кушать человека любят. В гастрономическом смысле.

Алисия кивнула, подтверждая слова сестры. Действительно, на острове такую шляпку разве что дома носить. Или в карете.

– И что же носят в колониях, ритана?

Анхель даже чуточку заинтересовался. А вдруг?

Феола пожала плечами и взяла у одной из служанок кусок кисеи.

– Вот так...

Буквально несколько секунд – и вот белое легкое полотно скрыло волосы, лоб, плечи, осталось открытым только лицо. Но Феола ловко прихватила складку ткани заколкой, оставляя открытыми только глаза.

– И так можно. Особенно когда мошка. Или ветер дует из леса.

– Очень оригинально и свежо, ритана. Жаль, не будет пользоваться спросом в столице, – Анхель даже искренне расстроился. Он бы заработал на новой моде, но куда там! Не получится... Никто в столице по доброй воле так лицо закрывать не будет. Смешно даже...

Феола не расстроилась, вернула кисею обратно и тоже взяла шляпку.

– Будем мучиться дальше.

И первая вышла из дома.

Лоуренсио коснулся руки Анхеля.

– Спасибо, дружище. Феола у нас ребенок сложный...

– Думаю, мы в ее возрасте были не лучше, – пожал плечами Анхель. – Дети, что с них взять? Повзрослеет – поумнеет, а пока просто перетерпеть.

Феола скрипнула зубами, но промолчала.

Погоди, мы еще увидим, кто будет смеяться последним. Р-ребенок?

Какое там ателье?

Амадо с утра сидел и раскладывал карточки. Да, есть и такой метод. На каждой карточке пишется одно событие или факт, а потом их перекладывают в любой последовательности, чтобы посмотреть на результат. Иногда это дает очень многое... Иногда – нет, но зряшной работой карточки все равно не назовешь. Очень хорошо помогает структурировать мысли.

Кстати... и память тоже приятная. Дела после расследования надо сдавать в архив. А карточки Амадо оставлял себе. А что такого? Это же просто клочки бумаги... пробить в уголке дырочку, нанизать их на колечко, в нужном порядке, и положить в сундук. Так, для памяти. На старости лет будет что вспомнить.

Альба с утра ушла по магазинам. На какие деньги? Амадо не спрашивал. Отец дал, скорее всего. Сам Ама-до две трети зарплаты честно отдавал супруге. Треть оставалась ему. Ну и если удавалось подработать, это тоже отправлялось на его личный счет в банке. Не просто так.

У него сын растет. Его еще женить придется, на обзаведение ему выделить... у тестя просить? Или у отца? Внуки – это дети детей. И обеспечивать их должны ИХ родители. А не бабушки-дедушки.

Да, кто бы сказал Амадо лет пятнадцать назад, что он будет так рассуждать? Не поверил бы... что у него тогда мыслей-то было? Сопляк, одно слово. Даже не мужчина, а так... мужчина – принимает решения, несет за них ответственность. А сопляк – это другое, половые признаки есть, а ответственности за их использование нет. Вот и разница.

Альба ни о чем подобном до сих пор не думает – зачем ей? Ей и так неплохо жить на всем готовеньком.

Карточки недовольно зашелестели, намекая, что нечего тут отвлекаться.

М-да...

Драгоценности.

Некромант.

Убийство...

Амадо сгреб со стола карточки, сунул их в карман. Взял папку с рисунками малышки Веласкес. И отправился туда, где ему смогут

помочь.

К сеньору Пенья.

* * *

Хосе Мануэль Пенья в это время был у себя дома.

От дел он года три как отошел – и, по меткому выражению Серхио, стал «кастрированным котом». Делать ничего не делает, но консультирует.

Правда, при сеньоре Пенья лучше было так не говорить. А то можно тоже стать... и нет, не котом. Но оторвут все ненужное и болтающееся. Не обязательно – язык.

Вот консультация Амадо и была нужна.

Сам он в таких украшениях не разбирался, с ювелирами на «короткой ноге» не был. А побеседовать бы надо. Но это лучше не с улицы являться, будь ты хоть трижды следователь.

Слуга, кстати, к нему отнесся без всякого почтения.

– Хозяин работает. Вам придется подождать.

Амадо и спорить не стал. Работает?

Это святое... романами сеньора Пенья вся Астилия зачитывается. И это еще мягко сказано. Любого, кто помешает его работе, поклонники и поклонницы разорвут на сотню маленьких клочков. Так что подождем...

Амадо выпил кофе, съел поданные ему сладости, душевно побеседовал с сеньорой Пенья, хотя и недолго. Сам хозяин появился где-то через сорок минут. Потянулся.

– Как я хорошо поработал... а для меня кофе найдется? Вы еще не все выпили, тан Риалон?

– Пока – не все. Но кофе уже остыл.

– И хорошо. Не люблю горячий. Что привело вас в мое скромное жилище?

– Дело, сеньор Пенья. Исключительно дело.

– Выгодное? Или полицейское?

– Не знаю, каким оно окажется для вас, сеньор. Если вас не затруднит поглядеть на эти бумаги...

Сеньор Пенья послушно взял рисунки.

– Прелесть какая...

– Эти украшения пропали в ночь убийства. И мне хотелось бы узнать о них подробнее. Что это такое, откуда...

– Хм. Закономерное желание, – сеньор Пенья задумчиво кивнул. – Вы не против, если я съезжу с вами, тан Риалон? Полагаю, это интересная история, а мне надо откуда-то черпать вдохновение...

Амадо и не подумал возражать.

– Почту за честь, сеньор Пенья.

Сеньор поглядел на супругу, которая одарила Амадо чуточку более благосклонным взглядом.

– Дорогая, ты не прикажешь подать мобиль? Я пока побеседую с одним человеком...

Амадо поцеловал сеньоре руку и поблагодарил за кофе. Посмотрим, что там с украшениями...

* * *

– Бабушка, ты уверена, что папа разрешит? И мама?

Сомневалась Мерседес не просто так. Родители были решительно против ее занятия любимым делом.

Ладно – копаться в украшениях. Или заказывать браслеты и кольцо по собственному рисунку.

Но гранить камни? Гнуть золотую проволоку? Сутками корпеть над оправой?

Это – не женское дело! И вообще... разве может девушка чего-то добиться в такой сложной профессии? Нет-нет, Мерседес, можешь даже и не рассчитывать.

Вот Мерседес Вирджиния и не рассчитывала.

Идана Мерседес Веласкес улыбнулась внучке и погладила ее по гладким черным локонам. Чернильным, ночным, словно темнота по плечам разлилась.

– Я с ними поговорю. И в ученицы тебя возьмут. Обещаю. Рисовать ты умеешь, я знаю. А дальше... захочешь – научишься.

– Конечно, захочу, бабушка.

– Тогда поехали. Я познакомлю тебя со своим старым другом, а уж что он решит, то и будет.

Мерседес кивнула.

– Хорошо, бабушка.

– Одевайся. Едем.

– А мама с папой скоро приедут?

Идана Мерседес только вздохнула. И еще раз возблагодарила судьбу и полицейских. Первую – за везение, вторых – за деликатность. Дети пока ни о чем не подозревают. И пусть так остается... хотя бы ненадолго. Хотя бы на пять дней... пусть пока побудут детьми.

– Нет, милая. Они задержатся.

– Бабушка, а ты мне дашь в следующий раз с ними поговорить?

– Конечно, детка.

И куда деваться от взгляда этих больших детских глаз?

Некуда. Разве что отправить внучку надевать шляпку – и резко смахнуть слезинку в уголке глаза.

Она не будет плакать! И не умрет! Еще вчера она готова была расстаться с жизнью, но уже не сегодня! О, нет! Ее сына убили, ее невестку подставили, и хорошо хоть пощадили внуков! Идана очень хотела узнать, кто это сделал.

А потом... А вот пото-ом...

Она многообещающе улыбалась. Когда-то, в юности, отец учил маленькую Идану защищать себя. И кинжалом она владела неплохо. Так что...

Рука – не дрогнет. Ни на секунду.

Она еще поквитается с негодьями за смерть любимого сына.

* * *

М-да.

К этому человеку Амадо не сунулся бы. Лично он – никогда. Разве что начальство прикажет и еще отmaterит. И увольнением пригрозит.

Но может, лучше бы уволиться? Самому. Сразу. Безболезненно.

Херардо Диас Мальдонадо.

Разумеется, тан. Разумеется, ювелир. Но эксцентричный, умный, принятый при дворе, личный друг покойного короля, мастер, который создает шедевры, и этими шедеврами и покойная королева

не брезговала. И из других стран за ним приезжали, пытались его переманить.

Но Мальдонадо оставался верен Астилии.

Его украшения были произведениями искусства. А вот его поведение... пожалуй, поведение тоже было своего рода легендой. Матерной.

Если и было что-то... даже убийство – и то было. И не одно. Маэстро Мальдонадо дрался на дуэли в среднем раз в два месяца. Потом, с возрастом – почаще. Видимо, старался доказать всем, что молод.

Гонки по городу на машинах. Любовницы – из тех, что уже совершеннолетние, но Мальдонадо они во внучки годились.

Оскорбление общественной нравственности?

Да она, та самая нравственность, от Мальдонадо уж лет двадцать как валялась в глубокой коме. С тех пор, как творец и художник уселся афедронам, простите, в несколько тазиков с краской по очереди, а потом встал и пошел так по городу.

Сверкая крашеным... всем.

Хотя самое интересное у него было закономерно прикрыто. Кстати – именно фиговым листочком. Но не рассчитывая на биологию, творец его сделал сам. Из золота. И отполировал. Чтобы блестело, значит...

А чего стоит его завис на фонаре? Не в голом, для разнообразия, виде. Но зато с воплями о свободе, равенстве и братстве... с обезьянами, что ли?

Про всякие мелочи, типа попок, дебошей и купаний в голом виде и упоминать как-то скучно. Подумаешь... рутина.

Полицейские вешались.

А Мальдонадо, распоясавшись вконец, мог и их вовлечь в свои забавы.

Не убивал, но и так приятного мало. Если тебя яйцами закидают, или в море макнут, или совершенно случайно натравят медведя...

Откуда мишка?.. А вот! Благодарные поклонники и клиенты! Привезли Мальдонадо и подарили! Хомячок их, понимаешь, не устроил... размер, наверное, не тот! А вот медведь – дело другое! Медведь творцу как раз по размерчику!

– Боишься? – подметил состояние Амадо сеньор Пенья.

– Резонно опасаясь, – отрезал мужчина.

– Это правильно. Как отец? Как Тони?

– Пока в Лассара, – Амадо отвечал вполне спокойно. Знал, что спрашивают не «для галочки» или чтобы причинить зло. Просто сеньор Пенья дружил с Риалонами вот уже лет пятнадцать. И с Лассара тоже. И такое бывает.

– Не родила она еще?

– Нет. Но надеюсь, все будет благополучно.

Зла Антонии Амадо тоже не желал. Не любил уже – перегорело. Отболело, прошло, когда он увидел, как Антония смотрит на его отца. Можно попробовать ее отбить... и нельзя.

На него она никогда ТАК не посмотрит. Просто – никогда. А ему тоже нужно...

Нужно, чтобы его так любили. И на меньшее он уже не согласен.

Альба?

Тут чувство долга. Они тогда поддержали друг друга и спаслись. Только вот было у Амадо чувство, что все в их семье неправильно. А как правильно? И с кем? Не угадаешь...

– Тони – чудесная девочка, – сеньор Пенья улыбнулся. – Я хотел бы посвятить ей свою книгу... там как раз героиня – некромант.

– Думаю, Тони будет рада.

Амадо даже не сомневался в этом.

Очень рада. Такое тоже бывает. Антония искренне считала старого мерзавца своим другом. И книги он начал писать с ее помощью, и действительно, хорошо относился ко всем Риалонам. Что ж. Жизнь – она сложная и интересная.

Мобиль остановился, и сеньор Пенья вышел из него. Коснулся колокольчика, сделанного – вот кто бы сомневался? В виде фаллоса. Причем – это только язычок. Сам колокол был отлит в форме женского полового органа. Кому – что.

Амадо едва не сплюнул. Вот ведь... взрослый человек, лет на двадцать старше Амадо, а туда же. Чего ему нейдет? Кто его знает?

Лакей, который к ним вышел, тоже был в форме... представьте себе мантию звездочета. Только красную. А теперь расшейте ее золотой нитью. Но вместо звезд и лун нашейте на нее совокупающиеся парочки. Во всех позах. При движении мантия

развевается, парочки движутся, получается до тошноты реалистично. Но о приехавших он доложил честь по чести. Сеньора Пенья с сопровождающим проводили в гостиную – и оставили дожидаться хозяина.

* * *

Сказать, что модистка не понравилась Феоле?

Промолчать всяко проще будет. Девочка только раз посмотрела – и уже оцетинилась, словно ежик.

Сеньора Пилар Мария Наранхо ей дико не понравилась. Хотя и выплыла навстречу новым клиентам, и разулыбалась так, словно... хотя чего – словно?

Потому и разулыбалась! Деньги к ней пришли! День-ги! Живые кошельки на тонких ножках!

Провинциальные дурочки и дурачок, которым можно... нет-нет, что вы! Они получают модные наряды! Но свое модистка тоже возьмет, в трехкратном размере. И за счет комиссионных от шляпника – ювелира – мастера по сумочкам – обувщика, и за счет некоторых деталей, ясно же, что приезжие плохо разбираются в ценах и качестве товара. В столичных лавках.

Вот она и смотрит, как на давно обретенных и любимых. И обожаемых. И скалится...

Феола сморщила нос. Хотя внешне сеньора Наранхо была собой очень даже ничего. Высокая, статная, лет пятидесяти на вид, с черными волосами, в которых кое-где виднелись седые пряди, с яркими живыми глазами... ровно та красота, которая нужна, чтобы не раздражать страшненьких клиенток.

Феола все равно разозлилась.

А вот Лоуренсио улыбался, и ручки сеньоре поцеловал, как ни в чем не бывало.

Алисия тоже мигом расслабилась, предательница. И защебетала про платье, которое она успела где-то увидеть, такое голубенькое, а вот тут кружево и вот здесь, и рукавички в сборку, и...

Сеньора внимательно слушала, отмечая себе что-то в записной книжечке. Феола предполагала, что так прибавляются нолики к счету.

Впрочем, ее тоже в покое не оставили.

– Ритана Ксарес, мое имя Тереса, я помощница сеньоры Наранхо. Могу я вам чем-то помочь?

Феола вздохнула.

Если сейчас она прогонит эту девушку, сеньора ее сожрет. Девушку, понятно, не Феолу. У них работа такая, продавать и продавать. И побольше, побольше. Не продала? Какую-то зарплату, конечно, дадут, но девушки работают и за процент.

– Давайте посмотрим, что хорошего вы можете мне предложить.

– Вот каталоги...

Феола кивнула и посмотрела на сестру и брата. На Анхеля...

Эх, вот кого бы погладить. Утюгом! Горячим! Грррр, бесит, гад!

– Скажите, мы можем поговорить в другой комнате?

– Конечно, ритана, – согласилась помощница. Видимо, такое было предусмотрено и не раз. – К нашим услугам вторая примерочная.

– Благодарю, – кивнула Феола. И проследовала за девушкой в небольшую комнату.

Примерочная – не кабинка, вот еще не хватало.

Это комната, с диваном, со столиком, на котором стоит поднос с чашками и угощением, и можно попросить себе кофе, со стеллажом, на котором стоят модные журналы, с вешалками для тканей и образцов, с громадным зеркалом...

Феола критически осмотрела комнату.

– Неплохо. Сколько платьев я должна заказать, чтобы к тебе не придирались?

«Ты» вырвалось само собой. Ну какие тут выканья, девчонка же! Может, на год-другой старше самой Феолы. Вот примерно ровесница Алисии.

– Эмммм, – заморгала девушка.

– Два? Три? Тебе ведь процент пойдет, верно?

– Ну... да.

– Вот и отлично. Давай договоримся. Я закажу несколько платьев, а остальные – в другом ателье. Не втридорога. И вкус у твоей хозяйки мне не нравится, говорю честно. Какие-то банты, оборочки, рюшечки...

– Вам не нравится, ритана? – тихо уточнила девушка.

– Такое может понравиться? Хотя Алисия будет в восторге. А я... – Феола листнула каталог платьев. – Вот это, это и это. Подойдет?

– Три платья – мало, ритана. Вам гардероб нужен. И белье, и туфли, и...

– И все по последней моде? Тереса, подумай сама. И можешь обращаться ко мне по имени. Просто Феола. Я же еще расту! Зачем выбрасывать дикие деньги на то, что через полгода мало будет?

Тереса задумалась. И решила рискнуть.

Поманила девушку к окну, где точно ничего не подслушаешь.

– Хотите – дам адрес, ритана.

– Феола.

– Х-хорошо. Хочешь?

– Что за адрес?

– Моя знакомая. Она хорошая портниха, и сделает все так, чтобы платья были... подходящего фасона. Чтобы можно было легко их переделать?

Феола решительно кивнула. Конечно, да!

Вот, к примеру! У нее небольшая и симпатичная грудь. Но есть подозрения, что через годик она еще подрастет. Феола пока находится в стадии роста и формирования, вот так получилось. А перешивать из-за этого все платье? Нет, не хочется. Значит, нужно заложить больше ткани на лиф, вытачки сделать, что ли?

Шить Феола не любила и не умела. Так, примерно представляла себе портновские ухищрения, но это же – примерно! Обмануть ее будет несложно. Особенно такой, как эта сеньора Наранхо.

Что она – за счет таланта и обаяния пробилась, что ли? Ни разу! За милую видать – выжига и проныра! И в юности, небось, той стервой была! И этой тоже! А вот Тереса другая. Робкая даже... хотя...

Что-то в ней чувствуется, такое... Феола решила довериться своему чутью.

– Ты, часом, не родственница этой сеньоре?

И получила в ответ такой взгляд, что можно было и не догадываться.

И не часом, и не днем. Родственница. Только бедная. Еще и не кровная. Дочь младшего брата мужа сеньоры. Только отцу Тересы не повезло. Или – наоборот?

Такой супруги, как сеньора Пилар Наранхо у него не было. Но ведь и рогов тоже не было, а по нынешним временам это уже неплохо! Состояния не сколотил, но и не промотал. А что до Тересы...

Нравилось девочке одевать кукол и играть с лоскутками. И платья она им шила в удовольствие, и соседок обшивала. Вот тетка и предложила поработать у нее в ателье. Мол, поучишься. А там, кто знает? И свое ателье откроешь, и свою клиентуру наберешь?

Было это около трех лет назад.

Тереса девочкой оказалась весьма неглупой. И приглядевшись, поняла, что рога у дяди велики и развесисты.

Что тетка никогда ей не даст никакой свободы.

Что плодить себе конкурентов она не будет и под страхом смертной казни. А Тереса таким конкурентом быть сможет. Она умная и с хорошим вкусом. И руки у нее золотые.

Что ей оставалось делать?

Осторожно, прикидываясь серой мышкой, работать на тетку. И постараться не упустить свой шанс.

Может быть, вот он? Стоит, морщит нос с несколькими веснушками, навивает на палец прядку рыжих волос. Таких, медных.

Если девочка не повелась на обаяние тана Анхеля (между нами говоря, такая скотина, что подумать страшно), она неглупа. Ее брат с сестрой млеют, а вот сама Феола Ксарес – нет. Тереса была почти специалистом по взглядам исподтишка. Сколько раз свои прятала!

И тетка Феоле не понравилась.

А если так...

Любая лавина начинается с первого камушка. Надо только его сдвинуть.

И Тереса решила.

– Закажи здесь три платья. Вот это, это и это. Сейчас я подберу ткань и сама их пошью. Так, чтобы можно было перешить в любой момент.

– Хорошо. А остальное?

– А остальное... я сейчас скажу, что сама тобой займусь. И что ты вздорная и капризная стервочка. Изобразишь?

Феола только плечами пожала.

– Запросто.

Когда надо, она могла быть и еще похуже. И грызть предстояло не Тересу, которая ей нравилась, а сеньору Наранхо. Которой так и надо.

– Из этой примерочной есть выход наружу. Сейчас мы быстренько выскочим и пройдем по нескольким лавкам. Оставим там твои мерки. Обувь, шляпки и прочее... я получу свой процент.

Феола кивнула.

– И благодарность от меня. – Деньги у нее были. И от родителей. И не только. – Если все окажется мне по вкусу.

– Если нет – можешь не оплачивать, – решила рискнуть Тереса. – Но вот эти три платья тебе нравятся?

Феола еще раз посмотрела на картинки.

Первое платье. Классическая трапеция, которую можно носить и с пояском. Так пошито. Длинные рукава, вышивка по лифу, небольшой вырез. Цвет темно-зеленый. Такой, благородного мха.

Второе – в талию. Квадратный вырез, пышная юбка и из-под нее несколько нижних. На улицу так не носят, только на приемы. Цвет – морская волна. Роскошная парча, почти без отделки. Такое платье само по себе украшение. Но с волосами Феолы будет смотреться в самый раз. Белое кружево из-под подола, белое кружево на вырезе, белый бант пояса. Не девушка – хорошенькая кукла.

Третье – светло-голубое. Явно прогулочное. Не трапеция, то более широкое. А-силуэт. Но тут поиграли с рукавами, они все в разрезах, сделаны буфами. С манжетами, с воротником...

Самое приятное, что все три платья легко можно будет переделать, когда девушка подрастет.

– Да, вполне.

– Тогда начинай капризничать, да погромче. А я пока принесу ткани для согласования. Я точно знаю, что нужно. И с теткой поговорю.

Феола набрала воздуха в грудь. О, когда надо...

Пронзительный голос буквально просверливал пространство и стены, ввинчиваясь в уши окружающих.

– Это надо носить?! Что это вообще за фасон?! На нашем острове так постесняются одеть даже пугало! Оно ни в чем не виновато! Да если это платье на палку намотать и в море опустить – на милю вокруг вся рыба всплывет! Сдохнет от ужаса!

Тереса ухмыльнулась и выскользнула из примерочной.

К тетке подошла примерная-примерная тень, а не девушка.

– Тетя, вы слышите?

Пилар Наранхо поморщилась.

Да, НЕ слышать было сложно. Феола возмущалась так, что не спасали и стены.

– Что она?

– Пока согласилась на три платья. Но дорогих.

Тетка поморщилась. Алисия уже на два десятка согласилась.

Но хоть так...

– Сможешь справиться с этим чудовищем?

– Попробую, тетя.

– Попробуй. Если она заткнется, я тебе завтра выходной дам.

– Хорошо, тетушка. Я постараюсь... она так всю клиентуру распугает.

Пилар вздохнула.

Чутье на людей у нее было. Феола была далеко не уникальна, в торговле без чутья не поработаешь, свои же и сожрут. И Пилар отчетливо понимала, что Лоуренсио – ведомый, что Анхель – сволочь, Алисия – восторженная дурешка из провинции. А вот Феола...

Может, она и дура. Но еще и стерва. И любого сожрет. Связаться с ней можно, и укротить можно... Попробовать так точно, но если сейчас поднимется скандал, Алисия тоже уйдет. И выгодный заказ помашет сеньоре хвостиком. Это плохо.

Сестру будут защищать. И первый, и вторая. Тут и Анхель не поможет, как бы ни вилял задней частью.

– Заткни ее. А с меня причитается.

– Выходной завтра, тетушка.

– Да, Тереса.

Девушка поклонилась, взяла каталог тканей и кружева – и покинула тетушку. А зайдя во вторую примерочную, быстро открыла нужные странички и показала Феоле ткани.

– Пойдет?

– Да.

– Тогда, – Тереса задвинула засов изнутри – и подошла к стене. Откинула ширму, отодвинула зеркало, открыла дверь. – Идем. У нас мало времени.

Феола потрянула рыжим хвостом.

– Идем.

* * *

Мерседес Вирджиния сначала растерялась.

Нет, в ювелирных магазинах она бывала, с мамой или отцом. И украшения выбирала, и сама рисовала неплохо. Но тут же дело не в украшениях? Не просто же так?

Удастся ли бабушке договориться с ювелиром?

Впрочем, Идана Мерседес как раз ни в чем не сомневалась, величественно кивнув продавцу.

– Сеньор Агирре у себя?

– Да, сеньора.

– Пригласите, пожалуйста. Скажите, что пришла сеньора Веласкес.

Продавец склонил голову и скрылся в задних комнатах магазина. Идана подмигнула внучке.

– Гильермо Хосе Агирре – мой давний друг. Хороший знакомый.

– Идана! – сеньор не заставил себя ждать. – Ты, как всегда, очаровательна! Но ты не говорила, что у тебя такая чудесная дочь...

– Старый льстец, – отмахнулась бабушка. – Ты отлично знаешь, что это моя внучка. Гильермо, ты уделишь мне несколько минут?

– Да, конечно.

– Идем, Мерседес.

Внучка послушно проследовала за бабушкой в кабинет ювелира. Впрочем, от ювелирного дела там была только замысловатая скульптура на столе. Словно свитая из золотых нитей с вкраплением самоцветов. А что она изображает?

– Баловался по молодости, – сознался Гильермо. – Чего только руки ни творили... птицы, рыбы, звери с человеческими лицами. Вот и это из той же коллекции.

Осьминог. С человеческим лицом. И волосы, и щупальца – все перепутано, сверкают сапфировые глаза, кривятся в улыбке рубиновые губы...

Мерседес покачала головой.

– Не знаю...

– Мне кажется, это не твоя рука? – удивилась сеньора Идана.

– Это – не моя. Друг подарил.

– Понятно... Гильермо, я к тебе с большой просьбой. Посмотри, пожалуйста, рисунки моей внучки.

– Да я как-то...

– Мерседес?

Девушка робко положила на стол папку, в которую отобрала два десятка лучших рисунков украшений.

Взял ее ювелир с большим сомнением. Потом открыл, взял из папки первый лист, второй, третий... Разложил на столе, задумался, глубоко ушел в себя...

Идана жестом показала внучке помолчать. Так прошло минут десять.

Потом мастер разморозился.

– Что сказать? Идана, вот это и это я бы с удовольствием сделал хоть завтра. И влет уйдет. Вот это сложнее. Вот эти два вообще вряд ли возможно сделать, слишком тонкая нужна работа. Это рисунки твоей внучки?

– Да, Гильермо.

– И чего же вы хотите, сеньорита Веласкес?

Мерседес вздохнула, подавилась слюной, закашлялась. И уже бабушка разъяснила.

– Гильермо, если ничего не получится, Мерседес может просто рисовать для тебя украшения. Но если получится? Ты не мог бы поучить ее ювелирному делу?

– Девушку? – удивился Гильермо.

– И что? Рука у внучки точная, вкус есть, эскизы тебе понравились. Разве мало бездарей-мужчин? Может, Мерседес и при деле окажется?

Ювелир пожал плечами. Задумался.

– Ну... не знаю.

– Она будет приходить раз в два дня, к примеру? Во сколько лучше?

– Я предпочитаю работать с утра пораньше. Часов в восемь – подойдет.

– Куда именно?

– Мастерская у меня здесь же. На втором этаже. Там освещение лучше, и камни играют...

Идана кивнула.

– Хорошо. Скажем, с восьми утра... и до двенадцати дня?

– Маловато, – нахмурился мастер.

– Если внучка задержится или решит приходить чаще, я не стану возражать. Ей найдется, где пообедать?

– Скажу на кухне. Накормят. Я и продавцов кормлю... если сеньорита не побрезгует?

– Не побрезгует, сеньор, – уверила его прокашлявшаяся и абсолютно счастливая Мерседес. – И... спасибо вам!

Ювелир погрозил ей пальцем.

– Не за что. Завтра начнем.

– Я приеду, – кивнула Мерседес Вирджиния. – Обещаю... да, бабушка?

– Да. Мерседес, ты не могла бы немножечко побыть в торговом зале... минут пятнадцать? Нам с мастером надо посекретничать.

Мерседес послушно кивнула и отправилась вниз, разглядывать витрины. Рядом с украшениями она могла бродить часами, сутками... Могла бы.

Но через десять минут выпитый перед выездом кофе отчаянно запросился наружу. Мерседес задумалась.

Вламываться в кабинет к ювелиру? Как-то это неправильно... но спрашивать у продавца, где здесь дамская комната? Девушка от одной мысли покраснела. Была бы другая девушка, а то трое парней... нет, это решительно невозможно.

А как тогда? Хотя... здесь же рядом есть шляпный магазин. И мама там заказывала шляпку.

Можно зайти, спросить, готов ли заказ, забрать его, оплатить – благо деньги есть, или попросить прислать домой, а заодно и руки помыть. К примеру.

А если бабушка будет волноваться, сказать, что...

– Сеньор, скажите бабушке, я на две минуты в шляпный магазин – и обратно, – попросила продавца Мерседес. – Я сейчас вернусь, но мало ли, она выйдет от сеньора Агирре чуточку пораньше?

Продавец вежливо кивнул.

– Хорошо, сеньорита. Я передам.

Мерседес кивнула – и вышла за дверь ювелирного салона. Так... сейчас пройти по улице, до второго поворота, срезать угол между домами – и вот она почти на месте.

Когда в переулке кто-то схватил ее и потащил, зажимая рот, она даже испугаться не успела. Не то что закричать.

* * *

– Пенья, я тебя уважаю. Но тащить в мой дом ЭТО?

Сказано было с такими интонациями, словно сеньор Пенья притащил в дом к художнику дикого скунса. И тот уже успел переметить все стены. Взгляд, который достался Амадо, был еще выразительнее.

Кажется, скунс был еще и слегка дохлым. А может, это был гибрид с гиеной или гадюкой.

– Херардо, ты меня сколько лет знаешь?

Херардо Диас Мальдонадо скривился.

– Много. Это повод тащить ко мне всякое такое?

– Умерь свой пыл. Тан Риалон – мой хороший друг.

– Риалон... некромант?

– Его сын.

Амадо пока молчал, разглядывая маэстро Мальдонадо. Что тут скажешь?

Хорош, подлец! Несмотря на возраст – хорош!

Яркие черные глаза, густые волосы, цвета перца с солью, лицо, почти не тронутое морщинами, обаятельная улыбка, не располневшая с возрастом фигура – должен нравиться женщинам. А сам Амадо... нет, ему маэстро решительно не нравился. Судя по всему, та еще гадость. С подвывертом.

– Ладно... что надо?

– Практически ничего. Посмотри на рисунки и скажи мне, мог ты такое видеть или нет?

– Я?

– Именно ты. Тан Риалон?

Амадо послушно протянул папку.

Маэстро взял ее, открыл, перелистнул бумаги...

И выругался так, что у Амадо уши повяли.

– Пенья, ну ладно – поли!^[5] Ему по должности ничего знать не положено! Но ты!

– Я?..

– Ты не узнал эти драгоценности?

– А должен был?

– Похожие рисунки выставлены в Каса Нуэва. Клад королевы Хуаны – забыл?

Пенья с размаху хлопнул себя по лбу.

– Твою ж...

Как оказалось, ругаться он умел ничуть не хуже друга. Мальдонадо наблюдал за ним с иронией.

Амадо потер лоб. Честно говоря, историю он помнил, а вот рисунки – нет.

– Сеньоры, вы уверены?

– Вполне, – отрезал Мальдонадо. – Поли, я столько раз видел те рисунки...

– Я тоже не помнил, – махнул рукой Пенья. – Не на то память заточена. Не ругайся, Херардо, без тебя мы бы еще долго искали истину. Но... но как девочка могла их видеть?

– Может, вспоминала рисунки? – Амадо задумался. – Сеньор Мальдонадо, я могу воспользоваться вашим телефоном?

– Да, разумеется...

Амадо быстро набрал номер Веласкесов. По счастью, Гонсало оказался дома и тут же ответил.

Нет, в Каса Нуэва девочка никогда не была. Это точно, слишком далеко ехать, считай, через всю страну. Клад королевы Хуаны?

Да это когда было-то! Еще в заповедные времена! И не помнили, и не собирались... посмотреть книжки девочки? Да, конечно... или у нее самой спросить, когда она вернется. Хорошо, Гонсало обязательно уточнит.

И Амадо вернулся в гостиную.

Мужчины встретили его заинтересованными взглядами.

– Что скажешь, Риалон?

– Что не стоило рассказывать тану Мальдонадо о тайне следствия, – с досадой сверкнул глазами Амадо.

– Тайна следствия осталась тайной, – отмахнулся Мальдонадо. – Я не знаю, как зовут сеньору, которая их видела и нарисовала. Но сами драгоценности она видеть точно не могла, они уж лет пятьсот как потонули...

– Пятьсот шестьдесят два года, – поправил его сеньор Пенья.

Мужчины на пару секунд замолчали, припоминая эту историю. Печальную, увы.

Как сказал какой-то историк – самое печальное в моих клиентах то, что все они уже умерли. Кого ни возьми. Вот и королева Хуана Безумная тоже умерла те самые пятьсот шестьдесят два года назад.

Да, печальная история.

Когда маленькая принцесса лишается родителей – ей назначают регента.

Когда регент оказывается сволочью... судьба принцессы становится весьма и весьма печальна. Регентом десятилетней Хуаны назначили герцога Филиппо. На двадцать лет старше девочки, весьма умный, властный, хищный – и редкостная сволочь. Но умная, этого не отнять.

Как проще всего завладеть тронем? Да жениться на принцессе.

А как проще всего себя обезопасить? И снова ответ несложный. Сделать так, чтобы принцесса тебя полюбила. И ему это удалось, кто бы сомневался.

Хуана полюбила своего супруга без меры и без памяти. Она жила им, дышала им, рожала ему детей, отдала все государственные дела... и надо сказать, что справлялся с ними Филиппо весьма и весьма неплохо. Астилия при нем процветала, Хуана родила целых шесть детей... сказка со счастливым концом?

К сожалению, нет.

Там, где начинается корона, заканчивается счастье.

Филиппо действительно хотел блага для Астилии, ну и для себя тоже. И начал постепенно прижимать танов к ногтю. Медленно, уверенно...

Передавил? Недооценил?

Когда старшему его сыну было шестнадцать лет, Филиппо ткнули кинжалом. Прямо на балу. Насмерть. На глазах у его супруги.

Хуана упала в обморок, а когда очнулась...

Она просто сошла с ума. Она не отдавала тело мужа, она кричала, билась, уверяла, что он просто спит... по счастью, принц Диего пошел в отца, не в мать. Решительный и умный, он приказал забальзамировать тело отца и положить его в стеклянный гроб. А последний установить в покоях у матери – пусть не растает с мужем.

Это решение всех устроило. В том числе и королеву Хуану.

Увы, никто и ничего с ней сделать просто не мог. Она кричала, рыдала, она умоляла, обещала покончить с собой...

Принц, воспользовавшись смертью отца, додавливал остатки вольницы и вольностей, приводя всех к единому знаменателю. А когда он решил жениться, перевез королеву вместе с гробом в Каса Нуэва. Достаточно далеко от столицы, да...

Безумная мать – плохая рекомендация, знаете ли. Возникают неприятные вопросы, соседние короли не торопятся отдавать за тебя свое дитяtko...

Так бы и дожила королева до ста лет, так бы и померла в Каса Нуэва. Но...

Безумная королева-мать – слишком большое искушение для всякой сволочи. Нашелся человек, который уверил ее, что муж просто спит заколдованным сном. И его можно разбудить. Но для этого надо выйти в море на корабле, и там, в определенном месте, на корабле, произнести заклинания...

Что сделала королева?

Что мог сделать капитан корабля?

Хуана Безумная, гроб с телом ее супруга, а заодно корабль, команда корабля и несколько десятков ее слуг сгинули в морской пучине. Так считалось...

Украшения?

Хуана взяла их с собой. Супруг должен был увидеть ее красивой, когда откроет глаза, разве нет? Филиппо действительно был умен и заботился о жене. Несмотря на множество доказанных любовниц. Дарил ей украшения, которым не было равных, прилюдно хвалил и восхищался... так легко поддерживать любовь в человеке. Если ты умный, конечно.

А дураку и черные бриллианты не помогут, хоть ты его всего облепи.

Конкретно эти украшения никто не видел уже пятьсот лет. И вот каким-то образом они оказываются у Веласкесов. Всплыли? Хм... что-то Амадо не слышал о повышенной плавучести рубинов или изумрудов?

Украшения достали?

Но никто не знал, где затонул корабль! Или... или он тогда не затонул?

Но почему побрякушки никто не видел столько лет?

А если вдруг понадобились деньги, почему их не разобрали на части? Вытащили камни, смяли оправу... За камни и золото тоже многое дадут. Почему нет?

– Потому что сейчас это уникальные произведения искусства. Потому что мало кто помнит эти украшения «в лицо». Потому что если они даны были в залог, к примеру...

Амадо и не понял, что рассуждает вслух. Но ему ответили.

– Этот купец не мог дать столько денег. Даже за один бриллиант.

– Купцы редко делятся своими делами с другими.

– С родителями...

Сеньор Пенья пожал плечами.

– Не всегда два поколения могут найти общий язык. Особенно если сын или отец занимаются чем-то противозаконным.

Он знал, о чем говорил. Его собственные дети хоть и общались с отцом, но кое-какое потепление началось, только когда он отошел от дел. Да, вот так...

Амадо только вздохнул.

– Надо бы еще ювелиров посетить.

– Зачем?

– Самый простой вариант – это копия? Эрзац? Фальшивка?

Мужчины переглянулись. Мальдонадо потер лоб, Пенья задумался...

– Я не знаю, кто смог бы сделать нечто подобное, – сознался он.

– Я бы сказал, что Сальвадор Пабло Коронель может, – прикинул Мальдонадо. – Он хотя и увлекается... всяким, что в руки брать противно, но может.

– Вам – и противно? – не выдержал Амадо.

Мальдонадо одарил его язвительным взглядом.

– Только из уважения к твоему отцу, поли... – два шага в сторону, щелчок выдвинутого ящика – и в сторону Амадо летит крохотная серебряная статуэтка. Совсем небольшая, не выше мизинца.

Амадо поймал ее машинально. Вгляделся – и чуть не отшвырнул от себя.

– Фу!

Статуэтка изображала странную смесь человека и крысы.

Женщина, да... тело – женщины. Но вместо рук – крысиные лапы. Длинный мышиный хвост обвивается вокруг ног, странных, непропорциональных, с неестественно вывернутыми суставами, на лице смесь человеческих и звериных черт.

Человеческий овал лица и крысиный нос, в человеческом рту, раззявленном, словно для крика, крысиные зубы, высокий лоб, короткая шерсть на голове, именно шерсть, это понятно, крысиные уши среди шерсти – и самое страшное. Человеческие глаза во всем этом ужасе. Словно жуткий волшебник слил женщину с крысой. А она очнулась и осознала...

Но ведь крыс там не было?

Или...

Амадо вспомнил свои приключения – и его затрясло. Покатилась, звякнула по полу статуэтка... Эрнесто потом все рассказал сыну. И трупы показал. Но от кошмаров Амадо еще долго мучился.

Понимал, что это была реальность, не плод его воображения, что он нормальный, но...

Разве от этого легче?

Вот лично ему легче не было. Ни на минуту.

– Творец!

– Смотрю, вам это тоже не нравится? – подобрал статуэтку Мальдонадо.

– Омерзительно, – честно высказался Амадо.

В руку ему ткнулся бокал с вином, мужчина выцедил его до капли и выдохнул.

– Ф-фуууу... спасибо. Действительно, пакость. Надо зайти к нему.

– Я не пойду, – честно предупредил Пенья. – Меня он ненавидит.

– Я считаюсь его... приятелем, друзей у Коронеля нет. Но я тоже не пойду, – вздохнул Мальдонадо. – Можете что хотите про меня

думать, но... у него точно не все в порядке с головой.

Амадо очень хотелось съязвить на тему, у кого тут и чего.

Промолчал.

Наверное, потому, что сам думал точно так же. Вот как хотите, что хотите, но у человека, который делает вот такое... нет, у него не просто беспорядок с головой. Там очень и очень серьезные проблемы. И хорошо бы только с головой, тогда это по ведомству врачей. А вот если еще с законом...

Но не привлекать же человека за большую фантазию?

– Это единственная его работа?

– Остальные у него в лавке.

– И это еще покупают...

– Китч, эпатаж, крик, – от Мальдонадо это звучало весьма забавно, но Амадо понял правильно. Эпатаж эпатажу рознь. И если кто-то лезет на фонарь с голым афедроном...

Ну и ладно!

Что люди – ягодиц не видели? Вот еще, новость дня.

А вот ЭТО...

Ей-ей, лучше сотня голых задниц, чем одна такая скульптурка. И в этом Амадо был свято уверен.

Итак, Сальвадор Пабло Коронель.

* * *

Судьба любит подшутить. И в этот раз она решила посмеяться от души.

Мерседес-то и пискнуть не успела. Схватили, потащили... да так неудачно!

Именно в этот проулок и выскочили Феола с Тересой. И замерли.

Картина маслом по стеклу! Двое мужчин тащат в глубину проулка девушку, и рот ей зажимают, и явно это против ее воли. Мерседес уж и дернуться не могла – страх разом навалился, сковал, выбил из груди дыхание, а из глаз слезы...

Будь Тереса одна, она бы завизжала, да и кинулась в противоположную сторону. Глядишь, к тому моменту, как народ

разобрался бы и на помощь примчался, злодеев с Мерседес в охапке и след бы простыл.

Она была с Феолой. А ритану Ксарес такими мелочами было не запугать. Подумаешь, пара похитителей. А крокодилу в глаз выстрелой не попадали? Нет? Когда он рядом с лодкой выныривает и собирается вас скушать?

– Стоять! Отпустили девчонку и свалили.

Ответом Феоле был неприличный жест. Девушка и спорить не стала. Сами напросились, сами виноваты.

Никто так и не понял, что произошло. Но в следующую минуту похитители зашатались, один упал на колени, второй оказался покрепче... Глаза Феолы вспыхнули ледяным белым пламенем.

– НУ?!

Этого оказалось достаточно.

– Магичка, – прохрипел тот, который стоял на ногах. И кое-как, пошатываясь, бросился в проулок. Второй почти пополз за ним.

Феола пожала плечами и подошла к Мерседес.

– Вставай. Тебя не зацепило?

Мерседес и сказать-то ничего не смогла.

Феола приложила ладони к ее вискам, и Тересе показалось, что на долю секунды между ними проскользнула крохотная белая молния. Точь-в-точь такого же цвета, как глаза Феолы.

– Ну? Приди в себя!

Мерседес Вирджиния слабо застонала.

– Я... кажется, я в порядке.

– Тогда вставай. Надо к людям, а то еще вернутся... эти...

Лучше всякой магии сработало! Мигом и встала, и задвигалась... Феола протянула ей ладонь. Мерседес ухватилась за нее...

– Оххх... я вся растрепана.

– Идем со мной. К тетушке Асунсьон. Там у нее и в порядок себя привести можно, – почти обреченно решила Тереса.

А куда деваться? Не бросать же девчонку на дороге? Это-то уж вовсе свинство получается...

Когда на пороге Асунсьон Марии Салинас появились три растрепанные девушки, та даже и не удивилась сильно. Подумаешь...

У нее четверо сыновей. Думаете, такого не бывает?

Еще и не такое бывает! Эти хотя бы без жаб, а вот сыночки как-то целое ведро приволокли. Жалко им зверюшек стало, хотели выпустить в болото... а по дороге покушать захотелось. Вот и завернули домой. Так что три девушки – это ерунда. А вот как мальчишки потом жаб по всему дому ловили... плотно ведро закрыть они ж не догадались, побоялись, что жабы задохнутся.

Одну из девушек она вообще отлично знала.

– Тереса? Что случилось?

– Тетя Асунсьон, нам очень нужна помощь.

– Слушаю?

– На Феолу нужен полный гардероб. С бельем, шляпками и прочим. А ей... тебя как зовут?

– Мерседес. Сеньорита Мерседес Вирджиния Веласкес.

– О, а сеньорите Веласкес нужно привести себя в порядок.

Феола решительно кивнула.

– Будем знакомы. Ритана Феола Амадина Ксарес.

– Очень приятно. Сеньора Салинас, – ответила тетушка.

И развила бурную деятельность.

Повинуясь окрику, выскочили за дверь и помчались по важным делам дети. Одна из дочерей поманила за собой Мерседес, на кухню. Не в гостиную ж тазик с водой тащить, вторая тоже метнулась туда же, и с кухни потянуло ароматом крепкого кофе. А сама тетушка Асунсьон посмотрела на Тересу.

– Ты мерки сняла?

– Сняла. И принесу. Феоле нужно что-то классическое, чтобы на каждый день, и когда фигура начнет меняться, чтобы тоже можно было надставлять и подшивать.

– Таким сеньора Наранхо не занимается.

– А я не стану заказывать новые платья каждый месяц, – поджала губы Феола. – Итак?

– Это не каталог. Но ты посмотри, это, кстати, Тереса рисовала.

Феола послушно принялась перебирать рисунки, откладывая в сторону нужное.

Да, не самый богатый квартал. Потому и к одежде здесь подходят с теми же мерками, что и Феола. Нет у них денег постоянно новое шить, не-ту! Вот и не делают.

А красоты хочется. И изящества. И выглядеть надо не пугалом.

Вот и находят компромиссы. И получается очень даже складно и гладко.

Феола уже шесть платьев отобрала, три юбки, костюмчик с брюками, не очень прилично, но смотреться будет великолепно. Особенно если цвета недозрелого лимона, и с черной отделкой...

Просто ах как смотреться будет! Кстати...

– Тереса, у тебя знакомых ювелиров нет?

– Н-нет...

– Жаль.

– А что нужно? – вступила Мерседес. – У меня есть знакомые ювелиры.

Она вернулась с кухни уже умытая и довольная, увидела отложенный рисунок брючного костюмчика и ахнула.

– Какая прелесть! Я такой хочу!

– На вашу фигуру такой не пойдет, – качнула головой сеньора Асунсьон. – Ритана Феола высокая и худая, и ноги у нее длиннющие. А вы такой не будете. Зато у вас уже сейчас округлости такие... как у настоящей женщины. Вам вот этот фасон нужен.

Этот костюм понравился девушке еще больше.

– Да. В винном цвете бы...

– Тереса рисовала, – похвалила девушку сеньора.

– Я тоже рисую, – обрадовалась Мерседес. – Только украшения!

– Покажешь? – заинтересовалась Феола.

– Сейчас у меня нет с собой рисунков, – понурилась девушка.

Феола огляделась.

– М-да. А где и когда мы можем встретиться? Я в столице приезжая, толком ничего тут не знаю.

В юности решения принимаются быстро. И подругами становятся тоже мгновенно. Девушки чувствовали, что нравятся друг другу, и не собирались расставаться. А еще им было интересно.

И одежда, и украшения, и магия Феолы...

– Давайте завтра встретимся на калле Сальте, – предложила Тереса. – Там есть небольшое кафе, недорогое, но вполне приличное. Называется «Лиловый веер».

– Лиловый веер, – повторила Феола. – Запомню. Во сколько?

– Давайте с утра пораньше? Оно открывается в десять утра, но там работает моя знакомая. Кофе выпить нас пустят, и кое-какие

сладости будут. В восемь?

– Восемь утра? – для Феолы это было не время. – Согласна.

Мерседес тоже долго не думала.

– Я буду. Спасибо, девочки. Если бы не Феола...

Феола повела глазами в сторону сеньоры Асунсьон. Будь она хоть какая золотая портниха, некоторые вещи при ней точно обсуждать не стоит.

Все поняли намек правильно.

– Давай я тебя провожу... куда ты шла? – предложила Тереса Мерседес. – Феола как раз поговорит с тетушкой Асунсьон, и я за ней вернусь.

– Да... бабушка будет волноваться! – кивнула Мерседес. – Она в ювелирной лавке сеньора Агирре.

– Пойдем, – кивнула Тереса. И уже Феоле: – Я сейчас вернусь, ты пока заказывай, что тебе надо... – В дверь постучали, и вошел невысокий человек. – Сеньор Сальво, здравствуйте. Я побежала...

Мерседес попрощалась и тоже ушла вслед за Тересой.

Сеньор, кстати, оказался сапожником. И цены у него были вполне божеские. Феоле понравились.

И ботиночки на каблукке, с пуговками сбоку, и несколько пар туфелек, и даже сапожки на прохладную погоду...

К моменту, как вернулась Тереса, она уже и со шляпками определилась, и даже задаток оставила.

– Можно идти обратно?

– Да, конечно...

Несколько секунд они шли молча. А потом Тереса не выдержала.

– Феола, а ты – маг?

Феола пожала плечами.

– Наверное, это так называется. Но я не вполне маг... Адэхи говорил, что я еще не созрела.

– Адэхи?

– Мой наставник. Он индеец.

– А...

Феола подняла руку.

– Тереса, обещаю, я завтра все расскажу. Честное-пречестное слово. Проводила ты Мерседес?

– Да. Почти бабушке с рук на руки передала, та уже спустилась в лавку.

– Вот и отлично. Будем надеяться, до завтра ее не похитят.

– А... эти? Похитители?

– До завтра они в себя точно не придут. Может, и дольше, – задумалась Феола. Сил она приложила достаточно. Ползать – будут, а вот пакостить не смогут. Это точно. – Разве кого другого наймут?

– Это не так быстро делается.

– Верю на слово, я тут приезжая, – ухмыльнулась Феола.

Тереса ответила ей такой же улыбкой. Девушки определенно нравились друг другу.

* * *

– Не принимает!

Амадо поднял брови.

– Сеньор Сальвадор мне отказывает в приеме?

– Сказано же вам – не принимает. Занят!

Слуга вел себя на редкость надменно. Амадо сунул ему под нос жетон.

– Полиция.

На жетон слуга едва не плюнул.

– Не принимает! Сказано же!

– Мне вернуться со стражей? Чтобы они тебя из дома выкинули, а хозяина нашли? – рыкнул Амадо. Явно же этот мерзавец над ним издевается!

Слуга пожал плечами.

– У хозяина, между прочим, и знатные особы бывают. При дворе состоят которые.

Намек был понятен. А то ты... много здесь таких бегают!

Сдаваться Амадо не собирался. И кончиться бы разговором серьезным скандалом, а то и вовсе арестом, но из глубины дома донеслось повелительное:

– Пропусти!

Слуга едва следователю на ботинок не сплюнул, но посторонился. Амадо прошел мимо и нарочно от души наступил ему на ногу.

Постаравшись и брюки задеть, и угваздать. Знал бы заранее – по собачьему дерьму бы прошелся перед этим!

Мелкая месть? И что? Раз он такая сволочь, то ему можно! Сами напросились! Вот!

Сеньор Сальвадор оказался на редкость неприметным и бесцветным. Неприметно-темные волосы, смазанные черты лица, светло-серые глаза...

Словно понимая это, он старался как-то подчеркнуть свою внешность, выделиться...

Тут и одежды, напоминающие своей пестротой птичьи перья, и сложный рисунок на одной щеке, и куча украшений... Наверняка половина из них подделка. Но кого это волнует?

Правильно, никого.

– Сеньор Сальвадор Пабло Коронель?

– Допустим. Вы не знаете, к кому пришли?

– К ювелиру, – вежливо ответил Амадо.

– Ювелиру! – мужчина воздел руки. Голос у него оказался глубоким, завораживающим, вдохновенным... с таким бы на сцене петь! – Я Творец! Я создаю шедевры из металлов и камней, шедевры, которые останутся в вечности и прославят мое имя...

Ага. Среди жителей дурдома.

Вслух Амадо этого, понятно, не сказал – зачем? Успеет еще врага себе нажить, пока бы хорошо получить какие-то сведения.

– Скажите, сеньор Коронель... – Рисунок на щеке собеседника не давал покоя. Татуировка или нет? И что он изображает? Так не понять, какие-то штрихи, черточки, завитушки... – Вы творите только оригиналы? Вам никогда не заказывают копий?

– Нет, – даже слегка удивленно отозвался «Творец». – Копии? Это вульгарно, я за такое никогда не возьмусь!

Амадо даже плечами пожал. Глупо так решительно отказываться, но свою голову не приставишь. И не объяснишь, что ситуации бывают разные.

– И не брались?

– Нет, конечно. А что случилось?

И Амадо готов был поклясться – не врет. Если что-то сеньор Коронель и нарушал, это явно было нечто другое. Не создание копий. Он просто не ожидал такого вопроса и растерялся.

Но показывать ему рисунки тоже зверски не хотелось.

– В последнее время случилось несколько краж драгоценностей. Причем похищали оригиналы, заменяя их искусно сделанными копиями. А самый лучший мастер в столице – вы. Мне сказали, что вы – единственный, кто на такое способен.

– На кражу?!

– Да нет же! Создать копию, которую и сами хозяева примут за оригинал.

Сальвадор Коронель чуть смягчился. Это звучало как признание его заслуг.

– Я могу, да. Но даю слово, последние два месяца я не делал ничего под заказ. Я работал исключительно для себя.

– У вас будет личная выставка? – наугад спросил Амадо. – Король возвращается в столицу, наверняка ему надо будет что-то показать?

И попал в цель. Сеньор Сальвадор буквально расцвел.

– Да! О, да!

– А нельзя ли...

– Осмотреть мои произведения заранее? Нет, этого я вам позволить не могу. Но... могу пригласить вас в мастерскую.

– Пожалуйста, – попросил Амадо. – Я понимаю, что с копиями – это не вы. Но дайте мне хоть какие-то доказательства для начальства. К примеру, покажите готовую работу, чтобы я сказал – у него не было времени... понимаете?

Сеньор Коронель кивнул.

Амадо проследовал за ним к винтовой лестнице, спустился по ней вниз.

– Я всегда работаю в подвале, – объяснил Сальвадор, не оборачиваясь. – Здесь можно выставить то освещение, которое мне захочется. И с нужной стороны. И шума не слышно, и не отвлекает никто. Вот, смотрите...

Амадо медленно кивнул.

Подвал тянулся под всем домом. И часть его действительно занимала мастерская. Столы, тисочки, маленький горн, какие-то предметы неясного назначения.

А вторую половину занимали стеллажи. Много стеллажей.

С одного из них мужчина и отдернул штору.

– О-охх...

По глазам Амадо ударил блеск золота и драгоценных камней. Их было – много! Так много, что глаза разбегались, и не опишет он потом эти скульптуры и украшения. Но видно же! Их – много!

– Это я подготовил для выставки, – мужчина задернул штору обратно. – И есть еще, есть незаконченное, есть то, к чему я время от времени возвращаюсь... впрочем, это неважно. Сами видите, мне некогда заниматься глупостями вроде копий.

Амадо кивнул.

Вот как хотите, Коронель не врал. Что-то недоговаривал, но то всем людям свойственно. Но не врал. Ладно, пусть его...

– Спасибо, сеньор. Я ценю вашу помощь.

– Не стоит благодарности, – чуточку смягчился хозяин дома. – Я понимаю, работа.

– Да, вот именно. Работа.

– Что ж, тан Риалон. Пойдемте, я провожу вас, у меня тоже есть работа, и она не ждет.

Амадо слегка поклонился.

– Благодарю вас, сеньор.

И всю дорогу до выхода пытался понять. Ну что ему напоминает рисунок на щеке у мужчины?

Что?!

Нет, не вспомнить...

* * *

– Феола, ты вела себя отвратительно! – Алисия вся кипела.

Феола пожала плечами.

– Твоя воля. Хочется тебе заказывать барахло втридорога – заказывай. А я не хочу бездарно проматывать родительские деньги.

– Это лучшая модистка Римата!

– Скажи еще – Астилии. И вообще, кому нужна ваша мода? Платье должно быть удобным, красивым и тебе к лицу. А цвет или количество бантов не столь важны.

Алисия закатила глаза.

– Ты невыносима!

– Лисси, если тебе это нравится, вся эта крысиная возня, то она совершенно не обязана нравиться мне, – примирительно начала Феола.

Алисия махнула рукой.

– Возня... малявка ты еще! Вот подрастешь – поумнеешь!

Феола сдвинула брови.

А вот этого выпада она прощать не собиралась. Ей уже семнадцать... почти. Будет через полтора месяца. Алисии всего восемнадцать, пусть даже скоро и будет девятнадцать, и вообще... Два года разницы? Это сейчас они важны! А когда им будет по пятьдесят? Пятьдесят или пятьдесят два года? Разве это так важно?

– Если поумнеть в твоём понимании означает вести себя, как транжира и дура, – без меня.

– Ах ты...

Алисия всерьез собралась дернуть сестру за ухо. Остановил Лоуренсио. И правильно сделал, между прочим. Феола бы точно ответила, а царапины на носу не украшают никого.

– Алисия, ты старше. Прекрати. Феола, если ты себя будешь так вести, мы тебя завтра с собой не возьмем.

– Куда?

– В театр. Очень модная премьера, между прочим. «Паоло и Франческа». Анхель едва достал нам три билета, и то с большой переплатой.

– Которая пошла на четвертый билет.

– Фи!

Феола пожала плечами. Лично она была в этом уверена. Ну да ладно...

– О чем пьеса?

– О любви художника и принцессы, – вздохнула Алисия. – Так романтично...

– И они оба умерли?

– Гррррррр!

– Ах, как это неромантично – рычать на сестру, – огрызнулась Феола. И удрала из гостиной раньше, чем ей таки надрали уши.

Ничего, переживут. А на премьеру она пойдет. Только ради удовольствия испортить Анхелю обедню. Что она, дура что ли? Не видит, как он вокруг Лисси вьется? А та, дурочка, только млеет...

Конечно, на их острове такого не водилось. Чтобы и ручки поцеловали, и комплиментами засыпали, и вообще... большая часть разговоров о кофе, сахаре, неграх...

Много о чем. Но не о любви.

А Алисия романтична. Это Феола твердо стоит ногами на земле, и ей нельзя иначе, а сестру надо защищать. Перебьется Анхель без их денег. Только вот как бы его показать во всей красе?

Ладно.

Сволочь – он без выходных и праздников сволочь, так что... у нее еще будет шанс. Феола была в этом уверена.

А пока...

Запереться в своей комнате, лечь на кровать – и заняться упражнениями. На корабле это было нереально, и сегодня, когда она призвала свою силу, она... ладно! Контроль Феола не потеряла! Но слушалась ее сила очень плохо. Это надо исправлять.

Закрывать глаза, расслабиться, выдох, вдох, на четыре счета, ощутить тепло в районе солнечного сплетения...

Девушка не видела себя со стороны. Но точно знала, что происходит.

Ее тело слегка светилось. Неярким белым светом. Теплым и уютным.

Видела бы это ритана Долорес... сбежала бы с корабля вперед своего визга. Нет, ни к чему проявлять такие способности. Ни к чему вообще их показывать.

Мама знает, отец. Адэхи знает.

И хватит для начала.

Да... девочки еще. Но там была безвыходная ситуация. Но почему-то Феоле казалось, что они будут молчать. Да, завтра будет интересный день.

* * *

Не успел Амадо у себя на работе разложить карточки, как в дверь постучали.

– Хавьер? – удивился Амадо.

Некромант без приглашения прошел в кабинет, закрыл за собой дверь.

– Есть подвижки по делу?

Амадо и спрашивать не стал, по какому.

– Есть, но там не разберешь. То ли подвижки, то ли засада. А что?

– Да, я по этой твоей... прóклятой.

– Что с Вирджинией Веласкес? – насторожился Амадо. – Умерла? Или...?

– Жива и жить будет. Проклятье я снял, жизни она много не потеряла, оклемается. Я попросил, ее перевезли в клинику, под надзором, конечно, и втайне. За ней сейчас надо наблюдать, пока не оправится. Но... ты понимаешь, у меня такое неприятное ощущение...

– Какое? – к ощущениям некроманта стоило прислушаться, если не желаешь оказаться в его клиентах. Это Амадо еще отец вбил накрепко.

Магия... она такая магия. Это не логика, где одно вытекает из другого, это нечто неуловимое, завязанное больше на ощущениях... только вот отмахиваться от этого не стоит. Магия сродни интуиции или предчувствиям, гаданию или предсказаниям. А самое главное, что это – работает. Так что...

– «Могильный крест» накладывает некромант, ты знаешь.

– Знаю.

– А тут у меня полное впечатление, что это или ученик, или вообще маг другой стихии.

– Такое возможно?

Хавьер пожал плечами.

– Я не земляной, но пару заклинаний знаю. И применю, если что. Это с огнем у меня не те отношения, а по земле и иногда по воздуху некроманты сработать могут.

Амадо кивнул.

Это он знал. Тоже отец разъяснил. У каждого мага есть своя стихия, которой он избран. Но соседние... они могут послушаться. При удаче.

К примеру, некромантам легче заклинать землю, потому что в любой горсти земли есть щепотка могильного праха. А водникам легко может подчиниться и воздух. Кстати, как и огневикам.

Любой маг может лечить. Кроме некромантов, пожалуй. Просто цена за это лечение для всех будет разная, но – может.

И любой маг может убивать.

Воззвать к некромантии – и та отзовется. Только вот возьмет плату годами жизни. А тем же огневикам некромантия вообще недоступна. Кстати говоря. Водники, воздушники, земники... это – вариант. Огневики и некромантия?

Разве что корова и полет. Такое же замечательное сочетание.

– Сколько лет жизни должен был отдать маг? И какой он может быть стихии?

Хавьер поглядел даже чуточку с уважением. Ладно, силы не досталось, но хоть мозги есть и знания. Тоже приятно...

– Вода или воздух. Как я чувю. И минимум лет десять.

– Не проще было заставить ее задохнуться? Или воззвать к воде в ее теле?

Хавьер развел руками.

– Не ко мне вопрос. Согласен, с помощью родной стихии убить легче. И вряд ли мы бы поняли, что к чему... хотя нет. Я бы разобрался.

– Если бы это до тебя дошло.

– Да. Могло и не дойти.

Амадо задумчиво кивнул.

– Могло... и сейчас могло. Это везение чистой воды.

Хавьер был с ним согласен.

– В деле есть маг. Вода или воздух...

– Молодость и глупость.

– Согласен. Кто постарше, так не вляпаются. Найдут выход.

– Или им надо было увести нас в сторону именно некромантией...

– Или так. Не знаю. Факты я тебе изложил, дальше думай сам.

– Хорошо.

Амадо взял еще одну карточку и аккуратно внес на нее данные. Положил перед собой. Посмотрел на некроманта.

– Что?

– Когда найдешь этого дурака – позови. Хочется посмотреть, как это было проделано и чего стоило.

– Даю слово.

Это Амадо мог пообещать легко. И позовет, и попросит помощи. Нет, ну кому это было нужно? Просто – кому и зачем? Воздух... приказать ему забить легкие грязью, и человек быстро умрет. Приступ астмы, никто ничего не сообразит. В тюрьме-то? Ха!

Вода – сгустить кровь, и вот он тромб в сосуде. Тоже пара-тройка дней.

Спасти не успеют.

Но зачем, зачем усложнять себе жизнь с некромантией? Пока непонятно. Будем искать дальше. Может, на работе заночевать? В камере, если уж та свободна? А то дома Альба, ворчать будет...

Амадо вспомнил красивое лицо супруги, вспомнил визгливый голос... а потом решительно вытащил из нижнего ящика стола постельное белье.

В камеру! И – спать!

* * *

Мерседес лежала в кровати.

Мысли были тоскливые. И было их много.

И вообще...

Что с мамой? С отцом? Что случилось?

Это младшие... они маленькие, им легко соврать, их легко отвлечь. А она – нет. Она видит и красные глаза бабушки, и взгляд деда... случилось что-то плохое. Но как ей об этом узнать?

Телефонировать?

Она пробовала, но дома никто не отвечает. Это логично. Телефон стоит в кабинете у отца, слуги туда лишний раз не зайдут, разве что во время уборки. Да и бабушка ее от себя практически не отпускает...

И все же Мерседес кажется, случилось что-то неладное, недоброе...

Может, стоит поговорить завтра с девочками?

Тереса.

Феола.

Так получилось, что особо подруг у Мерседес не было. Как-то не сложилось. По соседству девочек ее возраста не было, а в остальном...

Мама – домоседка и наседка, скажем прямо. Не слишком общительная и с трудом заводящая новые знакомства. Отец вечно на работе.

У деда с бабушкой было полегче, но – так получилось. Знакомые были. А настоящих подруг не случилось. Такое тоже бывает... Мерседес вообще тяжело было сходитья с людьми, как и ее маме, кстати. Ей интересны были драгоценности, рисунки, краски, а не парни или прочие глупости. Но как это обсудить со сверстницами, которые хихикают, стреляют глазками в мальчиков, перешептываются и, словно по умолчанию, причисляют тебя к безнадежным занудам?

Почему-то ей казалось, что Феола и Тереса не такие.

Феола... интересно, что она сделала? И надо бы взять деньги из копилки на тот костюм.... Да, цвета старого вина, ей очень пойдет.... Сознание уже начало размываться, уплывать в темноту, когда что-то шкрябнуло за окном.

Тихо-тихо...

Если бы Мерседес спала, она бы и не почувствовала. И не услышала.

Но...

После похищения... Мерседес сначала сделала, а потом сообразила, что именно. Подхватила лампу, которая стояла рядом с кроватью, и прыжком оказалась возле окна. Не выглядывая.

Скрежет повторился.

И ручка начала медленно поворачиваться.

Еще минутой... да что там, еще пара секунд, и окно распахнется.

И...

Единственное, на что хватило таланта у Мерседес – это дернуть ручку самой. А еще – завизжать и запустить лампой в окно. И попасть, судя по глухому вскрику и звуку падения.

Когда на крик прибежали домочадцы, под окном никого уже не было.

Покореженная лампа, сломанные кусты, следы к ограде.

И Мерседес, которую пришлось напоить снотворным и уложить в спальне у бабушки и деда, чтобы девочка смогла хоть как-то поспать. Истерики у нее не случилось, но кому в ее возрасте полезны такие потрясения?

Девочка уснула, а супруги Веласкес сидели рядом с ней и переглядывались.

Завтра они телефонируют следователю. Он должен обо всем узнать и как можно скорее.

Глава 4

– Кррррретины! Ничего им поручить нельзя!

Мужчина расхаживал по комнате, как разъяренный тигр по слишком тесной клетке. Был бы хвост, он бы им всю мебель пересшибал, хлеща себя по бокам.

А правда!

Сложно, что ли, похитить одну девчонку?!

Не мага!

Не какую-то там воительницу...

Вообще – соплюшку! Вот что, что в этом такого? И поди ж ты, уже второй раз – не слава богу.

Первый раз им помешали!

Второй раз ничего не вышло... она заговоренная, что ли? Да нет, с чего бы такого...

У него уже почти не осталось времени, оно так стремительно уходит, а эти, эти... недоумки!!!

В стену полетела бутылка с вином, раскололась, осыпая ковер стеклом и обливая красным вином, впрочем, не особо щедро. Мужчина даже не задумался, отправляя за ней в полет и вторую. Слуги уберут.

Вот что, что надо было такого делать? Чтобы оба раза... а теперь ее охранять будут. Он бы точно стал... не выкрасть. Если бы взялся он сам, все бы прекрасно получилось... наверное.

Вот что стоило этим недоумкам Веласкесам согласиться на его предложение? Что он такого уж страшного сказал?

Да ничего...

Любая семья была бы счастлива... мужчина глянул в зеркало и невольно приосанился. Разве он не хорош собой?

Высокий, черноволосый, стройный, с тонкими чертами лица...

Он просто прекрасен. И любая девушка... кстати, а может, это и хорошая идея? Попробовать повлиять именно на саму девушку?

Не на ее родителей, или кто там у нее еще из родных? А вот так, встретиться, обаять... кто там у нас сейчас в моде?

Паоло и Франческа?

Ну да, бабы падки на такие слезливо-сопливые истории...

И он упал к ее ногам, протягивая на вытянутой руке кольцо с бриллиантом...

Вы, единственная и неповторимая, вы свет солнца, озаряющий мой тусклый и серый мир...

Смешно!

Каждый мужчина, который чуточку умнее обезьяны, может такую чушь милями гнать. Морскими. И дуры верят, а чего им?

Разочарование наступает глубоко потом. Очень глубоко и далеко.

Или – не наступает. Кто-то и в мир иной отходит с помощью любящего-любящего мужа, так и не узнав правды. Варианты возможны.

Мужчина еще раз глянул в зеркало, приосанился.

Ладно.

Дадим идиотам еще одну попытку, а потом – сам. Все сам, все самостоятельно, как раз и в столицу придет... и покажет, как надо работать.

Но что поделат, если кругом одни дураки?

* * *

Для Феолы сбежать было несложно. Лоуренсио и Алисия спали, а слугам до ританы и дела не было. Идет она? Решительно и уверенно, значит, знает, куда идет.

И для Тересы. Ей и бежать не надо было – ушла на работу.

А вот Мерседес... в доме Веласкесов развернулось настоящее сражение.

– Не пущу! – бабушка чуть не грудью встала. Дед с утра пораньше отправился в полицию.

– Сбегу, – пригрозила Мерседес. И сообразила, как можно отстоять свою точку зрения. – Бабушка, или ты пустишь меня увидаться с подругами, можно под присмотром. Или я сбегу и наверняка вляпаюсь в неприятности.

– Хм... – сеньора Веласкес только головой покачала. Но решила, что так разумно. Она тоже сделает девочке шаг навстречу. – Ладно. В мобиле, с водителем и слугой. Договорились?

– Слуга пойдет со мной в кафе?

– Посидит за соседним столиком. Слышать вас не будет, но приглядит. Мало ли что?

Мерседес кивнула.

– Согласна.

И даже не поняла, что с ней впервые договаривались, как со взрослой. Семнадцать лет – много это или мало? Иногда – вполне достаточно. Ей было не до понимания, надо было срочно собираться.

* * *

В восемь утра в кафе «Лиловый веер», за столиком сидели три девушки.

Разные. Совсем разные внешне. Но очень симпатичные.

Рыжеволосая и сероглазая Феола, худенькая и длинноногая, порывистая и легкая, словно перышко. Казалось, вскочи она из-за стола – и взлетит в воздух.

Черноволосая и черноглазая Мерседес, очень похожая и на мать, и на бабушку. Статная, яркая, с правильными чертами лица, выглядящая старше своих лет. Но красивая. Такой классической красотой, которая не тускнеет с годами. Медальная девушка, иначе и не скажешь.

Живая, как капелька ртути, миниатюрная Тереса с каштановыми кудрям и карими глазами. Острый носик, дружелюбная улыбка – здесь она могла не маскироваться под серую моль, тетушки рядом не было и не будет.

На столе стоял кофейник с горячим кофе, стояли сладости из тех, что не надо готовить. Засахаренные фрукты и орехи. Вкусно и быстро.

Девушки переглядывались вполне доброжелательно. Первой начала Тереса.

– Феола, платья будут готовы через шесть дней. Сможешь приехать, забрать все и расплатиться?

– Смогу, – кивнула Феола. – Только... Мерседес, ты говорила, что у тебя есть знакомый ювелир?

– Да. Мастер Агирре. А что?

– Я хотела бы заказать украшения. И продать кое-что, – Феола достала из кармана небольшую картонную коробочку. В таких обычно

продают мармелад. Впрочем, сейчас в ней был насыпан жемчуг. Розовый, золотистый, голубоватый, даже несколько черных жемчужин встретились.

– Ох! – восхитилась Тереса.

Феола подвинула к ней коробочку.

– Тебе нравится? Выбери себе сколько захочешь, у меня еще много.

– У нас такой не добывают. Вот, я возьму эти три, на серьги и кольцо, хорошо? – Тереса выбрала три золотистые барочные жемчужины. – Можно?

– Можно.

– А мне вот эти две. На кулон и кольцо, – Мерседес робко протянула руку к черным жемчужинам. – Ты уверена? Это дорого даже в Римате...

Тереса кивнула.

Феола небрежно пожала плечами.

– Уверена. Берите, девочки, не стесняйтесь. Мерседес, познакомишь меня с мастером?

– Да, конечно. Можно даже сегодня...

– Вот и отлично.

– Ой... – Мерседес поежилась, покосилась на слугу. – Я... то есть я сейчас попробую договориться. Дело в том, что меня ночью опять пытались... не знаю, что хотели.

– А что делали? – уточнила Феола, утаскивая с блюда засахаренную апельсиновую дольку.

– В окно лезли.

– С оружием? Или так?

– Я не знаю, – растерялась Мерседес. – Я окно открыла – и лампой туда направила...

Феола уважительно осмотрела стати подруги. Тереса присвистнула.

– Враг убежал?

– Да.

– Крепкий попался.

И впервые Мерседес не обиделась за намек на свои объемы, а даже как-то и плечи расправила, гордясь собой! А что?! Она может и нагнуть...

– Вчера тебя похищали, – задумалась Феола. – Скорее всего, и ночью хотели похитить. У тебя комната окнами в сад... подумай, тебя можно вытащить из дома? Вот если как груз?

Мерседес послушно представила дедушкин дом. Изящную оградку, любимый сад...

– Можно. Сила нужна, но это вполне реально. Там до забора может, шагов десять-пятнадцать, перелез – и поминай, как звали.

– Особенно если ЗА забором ждал подельник. Или два, с мобилем, – кивнула Тереса. – Феола, а вот вчера... ты про магию обещала рассказать?

Феола кивнула.

– Это не магия как таковая. Я не умею зажигать огонь, я не лечу, я не убиваю. Я просто могу... управлять жизненной силой людей.

Девушки только рты открыли. А Феола принялась объяснять так же, как объяснял ей старый шаман.

– Сила жизни в человеке. Внутри него. Когда она иссякает, человек умирает. Когда человек ложится спать, он восполняет свои силы. Если сил остается мало, цепляются болезни. Если силы восполнить, болезни уйдут. Это очень условно, это целая философия, но я вкратце, ладно?

Девушки кивнули. Им было интересно.

– Что значит – управлять жизненной силой? Если своей, то это полная власть над своим телом. Если чужой, то я могу ее вытянуть, могу вернуть, могу передать от одного человека другому. Но Адэхи считает, что я пока не вошла в силу. Чтобы полностью себя контролировать, мне надо выйти замуж и родить, лучше двоих-троих, тогда я раскроюсь полностью.

– Вчера ты именно это сделала с теми двумя? – поинтересовалась Тереса.

– Да. Я вытянула из них жизненные силы. И кстати, перелила их Мерседес.

– Оххх...

Тереса быстро осознала, к чему это может привести.

– И так можно со всеми? Да?

Можно...

Можно многое, и это страшно. Продлить жизнь одному человеку, за счет другого, третьего, излечить ценой чьей-то смерти...

За такое – убивают.

Это не просто сила, это – бессмертие!

Феола фыркнула.

– Девочки, это магия. И как всякая магия, она имеет свои ограничения. Чужая жизненная сила, на минуточку, может и не прижиться. Или наоборот, убить человека.

Тереса выдохнула.

Так уже было легче.

– Это от чего-то зависит?

– От многих факторов. И могу тебя заверить, бессмертных магов не существует. Именно потому, что так не получится, как ты подумала. Оговорки, условия... я взяла у мужчин самую чуточку и самую капельку перелила Мерседес. И то вряд ли она себя так хорошо чувствовала.

– Я думала, это из-за похищения. И потом...

– Если бы я перелила много, было бы хуже. Намного. Случалось и такое, что умирали оба. И донор, и реципиент. Даже с родными приходится соблюдать крайнюю осторожность.

Тереса кивнула.

– И все равно это серьезно. Тебя могут использовать в своих целях.

– Могут, – согласилась Феола. – Поэтому честно предупреждаю – если что, я от всего откажусь. Я не маг. И точка.

– Магию можно определить, – робко заметила Мерседес, раскусывая орех. – Меня мама водила, но у меня магии не было. А бабушка, когда узнала, так орала... мамина мама в смысле...

– Потому что у тебя не было магии?

– Нет, просто ей это не понравилось.

– Может, она магов не любит, – пожала плечами Феола. – А моя магия – это, скорее, шаманство. Маги жизни, вы знаете, лечат даже ценой собственной жизни. Я такого желания не испытываю, вот еще не хватало. И лечить не умею.

– А кто тебя учил? – заинтересовалась Тереса.

– Шаман. Еще на островах. Между прочим, специально приплыл к нам, пришел к отцу, убедил его, и был официально приставлен ко мне, как охранник.

– Охранник?

– Адэхи спокойно шестерых раскидает. И не запыхается. Я тоже вчера с двумя справилась, – пожалала плечами Феола.

Девушки переглянулись.

– А этому можно научиться? – Тереса действительно заинтересовалась. – На земле живем, не в раю. Всякое случиться может.

– Да, – поддержала Мерседес.

– Частично. Я вам покажу несколько точек на теле человека, нажатием на которые его можно вывести из строя. Надолго. Этого, думаю, хватит?

– Пока – да, – согласилась Тереса.

Феола умолчала о том, что точек на теле тысячи и сотни тысяч. И воздействовать на них можно по-разному.

Адэхи учил.

– А почему он с тобой не приплыл? Шаман? – не удержалась Мерседес.

– Потому что он свою работу выполнил, – отмахнулась Феола. – Он меня научил, а дальше я должна идти в большой мир, раскрывать свои таланты, и только потом совершенствоваться. Это так работает.

– Это он тебе дал жемчуг?

Феола пожалала плечами.

– В каком-то смысле. Это было мое обучение. Так тоже управляют своей жизненной силой. Спуститься под воду, почуять нужную раковину, достать ее с глубины... это филигранный контроль. Так что это и подарок – и не подарок. Я его честно добыла.

Родители не знали, как ее обучал Адэхи. И слава богу. Не то отца бы удар хватил. Увидь он, как трехлетняя малышка бестрепетно поднимает за хвост здорового щитомордника... м-да. И змея вовсе не собирается кусаться, у змеи есть только одно желание – подальше уползти и от шамана, и от его ученицы.

Змеи опасны для детей? А змей вы выслушать не хотите? Им дети тоже совершенно не нравятся. Даже на вкус!

– Если тебя хотели два раза похитить, то вопрос: зачем? И когда будет третий раз? – задумчиво протянула Феола, переключая разговор с шамана на Мерседес.

Ту передернуло.

– Вряд ли для чего-то хорошего. И мама с папой... с ними явно что-то не так. Бабушка с дедушкой нас утром забрали, но...

Тереса хлопнула себя по лбу.

– Твоя фамилия – Веласкес?

– Да.

– ЭМММ...

– Тереса?

– Сплетни по городу уже поползли. Твою мать обвиняют в убийстве твоего отца. Если мать – Вирджиния, а отец Самуэль?

Если бы не Феола, которая перехватила Мерседес за руку и привычно разогнала по телу ее жизненную силу, девушка упала бы в обморок.

Нашатырь?

Оказывается, чашка кофе, вылитая на платье, действует ничуть не хуже. Тереса с перепугу промахнулась.

– Мерче, прости меня, дурочку! Пожалуйста... я же не думала, что ты...

Мерседес вдохнула. Выдохнула.

Она бы разрыдалась, может, даже в обморок упала или истерику закатила, она сама не знала. Но Феола держала ее за руку. И от ладони подруги расходилось уверенное тепло.

– Я... мама...

Феола вздохнула.

– Я правильно понимаю, ты ничего не знала?

– Н-нет...

– Молодцы твои дед и бабушка.

– Молодцы?! – искрами вспыхнула Мерседес. – МОЛОДЦЫ?!
У меня тут... это – МОИ РОДИТЕЛИ!!!

Сейчас бы она и деду, и бабушке головы поотрывала! Это ж надо... ладно – младшие! А она? Ей что – десять лет?! Она дура?! Не разберется?!

Не поймет, как нужно себя вести?!

Да, что-то неладное она заподозрила. Но такого и предположить не могла. Это же папа и мама! А для любого ребенка родители – это то, что будет вечно. Вот вообще вечно-бесконечно... как они могут

пропасть? С ними не может случиться ничего плохого, потому что они так нужны-нужны-нужны...

Как оказалось – может случиться.

– Треси, скажи, что именно ты знаешь? – попросила Феола.

– Ничего особенного. Просто сплетни, – созналась Тереса. – Якобы Вирждиния Веласкес убила Самуэля Веласкеса. Ну и все, пожалуй... остальное именно что сплетни. То ли приревновала, то ли еще что...

– Вот, – кивнула Феола.

– Мама не могла!

– У твоего отца не было любовниц?

Мерседес даже не смутилась. Не до того. Или магия Феолы оказывала такое влияние, исподволь снимая все ограничения?

– Мама со мной говорила на эту тему. И объяснила мне всё. У отца любовницы не было, он просто иногда в бордель ходил. Но мама сказала, что у мужчины бывают такие желания, с которыми к жене просто приходит стыдно. Вот он их и удовлетворяет...

Девушки кивнули.

– Не ревновала. Но убила, – задумалась Феола. – Странно это все как-то...

– Мама не могла. Она была счастлива. И папа тоже. Понимаете?

Девочки понимали. Странная такая субстанция – счастье. Живет далеко не везде, но там, где оно есть... дети всегда его чувствуют. Шкуркой ощущают. Их не обманешь подарками и показными улыбками, не заговоришь красивыми словами.

Или счастье есть – или его не будет. Вот и все.

– Я в полицию пойду. Мама не виновата... следователь у нас был, но я ничего не поняла, – задумалась Мерседес. – Может, что-то... мне надо с ним поговорить.

– Сегодня и поговоришь. Даже не сомневаюсь, – пожала плечами Феола.

– Да?

– Подумай сама. Убийство, потом похищение... два... если следователь не идиот, он точно заинтересуется.

– А если идиот?

– Разберемся сами, – отмахнулась Феола. – И с похитителями разобрались, и с историей этой разберемся.

Мерседес хлюпнула носом.

– Фи, а можно я расскажу, ну, про первое похищение?

– Конечно. Только говори, что я похитителей огнем напугала, ладно?

– Ладно. А ты можешь?

– Внутри людей горит огонь, – Феола зажгла крохотные огоньки на кончиках ногтей, повертела пальцами перед подругами. – Это не моя сила, но я справлюсь.

Тереса кивнула.

– Хорошо. Мы так и будем говорить, что ты огневичка.

– Но слабая, – дополнила Феола.

– Хорошо. Слабая огневичка, – кивнула Мерседес. – Спасибо, Фи.

– Не за что. Девочки, давайте разбежаться. Мерседес, на тебе все самое серьезное. Скажи, ты сможешь поговорить с ювелиром и продать ему этот жемчуг? Твои пять процентов.

– Да. И без процентов. Ты мне уже подарок сделала.

Феола кивнула. Ладно, пусть так. Она потом еще подумает, что подарить подругам.

– Второе. Вспомни все, что знаешь про родителей. И расспроси следователя. Поняла?

– Да.

– А я наведу справки в полиции, – решила Тереса. – У меня там троюродный брат работает. Задавала страшный, но ради такого случая – потерплю.

Феола кивнула.

– Давайте, девочки. Так и решили, так и делаем!

Зачем им это нужно? Стоит ли лезть не в свое дело? А вдруг им от этого станет только хуже?

В пятнадцать лет такие сложные мысли в голову и не приходят как-то. И рядом не проходят. Надо помочь – и девочки идут, и помогают. И все для них правильно.

* * *

Лоуренсио вкушал кофе.

Да, именно не пил, а вкушал, ему очень нравилось думать о себе именно так.

Вот чашечка из тонкого, словно яичная скорлупа, фарфора, вот блюдце, вот лежит рядом тонко нарезанный лимон, вот сыр...

Алисия так рано не вставала никогда.

Феола напротив, уже давно встала и куда-то ушла... м-да. Родители ее совершенно распустили.

Лоуренсио с неудовольствием вспомнил момент, когда в их жизни появился шаман. Феола была еще совсем крошкой, только-только ползать начинала.

Адэхи просто появился в гостиной.

Вошел и застыл, глядя на маму и Феолу. Алисия забилась в угол и заревела. Сам Лоуренсио, стыдно вспоминать, попросту обмочился под его взглядом. А Фи засмеялась и протянула к нему ручки.

Хотя что такого было-то в шамане?

Вроде и не в полном церемониальном облачении пришел, обычный старик в льняной рубахе и таких же штанах, разве что босой. Седые волосы стянуты кожаным ремешком, черные глаза смотрят внимательно и жестко.

Мама тогда тоже испугалась, но смогла и поздороваться, и пригласить гостя. Она поняла, кто это.

Может, по татуировкам, которыми было покрыто лицо гостя.

Может, по бериллу, размером с куриное яйцо, который висел у него на груди.

Может, по змее, которая обвивалась под рубашкой вокруг запястья шамана...

Лоуренсио так и не знал, что сказал Адэхи отцу, что сказал матери. Но шаман остался в их доме.

И – всё.

На Феолу стало невозможно как-либо повлиять. Она говорила и делала, что пожелает. Сам шаман мог драть ее за уши, но если Лоуренсио хотел приблизиться к сестре...

Нереально. И точка.

Хотя... зачем ему нужна была эта малявка? Росла она себе – и росла. А вот когда она начала лезть не в свое дело...

Вот как вчера!

Он едва со стыда не сгорел перед Анхелем, хорошо еще, друг все понял...

А это что такое?

Лоуренсио взял с подноса небольшой белый конверт.

Синьёр, вы свами гонками убили чиловека.

Есле не хатите, чтобы об этом все узнали, с вас сто монет золотом.

Отдадете хозяену таверны «Рыжая крыса».
Скажете – для Крыса, он мине пиредаст.

Или я всем расскажу, как звали биднягу, каторого вы сбили на мобиле.

Крыс.

Сначала Лоуренсио даже не понял смысла письма.

Потом оскорбился, что его назвали сеньором.

И только потом...

Ударило осознание. Жестко, резко, остро...

Да, гонки.

И ночь, и улицы города, и эйфория, и удар о мобиль... и кровь.

И Анхель говорил, что никто никого не убил? Или...

Лоуренсио сжал гадкую бумажку в кулаке так, что едва не порвал.

Нет-нет, он подождет, он не станет паниковать, он...

Вот придет Анхель, и они обсудят эту ситуацию.

* * *

Сначала Мерседес хотела устроить бабушке и деду скандал.

Окажись они вот прямо рядом-рядом, она бы так и поступила.

А чего они?!

Это ее папа и мама! То есть папа... слезы потекли самопроизвольно. Закапали на воротничок платья... папочка. Как страшно осознавать вот это слово – навсегда.

И что тебя – нет!

Впрочем, в семнадцать лет смерть осознается плохо, даже своя. Поэтому Мерседес долго не плакала.

Маму она не потеряет! Не даст! Не позволит!!!

Итак, что именно она может сделать?

Во-первых, подумать, кому и зачем она понадобилась. Не мама, нет. Именно сама Мерседес.

Во-вторых, подготовить с девочками ловушку на похитителя. А что? Феола не ставила себе цели захватить кого-то. Но она наверняка сможет. А там уж...

Они расспросят негодяев и все разузнают!

В-третьих, поговорить со следователем.

Ага... ровно через десять минут благие намерения были смыты, как вода в известной белой фаянсовой емкости. Когда бабушка подняла брови привычным жестом.

– Мерседес, ты плакала? Так и знала, не надо было тебя отпускать.

– А у меня нет поводов плакать? – мягко уточнила внучка.

Идана Мерседес на секунду стушевалась. И тут же получила еще раз.

– Бабушка, я понимаю, что меня не стоит принимать в расчет, что со мной можно не считаться, но... те же газеты? Сколько ты собиралась скрывать от меня правду?

– Подруги сказали? – мрачно уточнила бабушка.

– Сказали. И?..

Идана Мерседес потерла лицо руками, безжалостно смазывая косметику. И плевать на нее три раза.

– Сегодня бы и сказала. Еще до разговора со следователем. Просто тебе хотелось к подругам, и я решила не расстраивать тебя раньше времени. Похищение – это явно не просто так. Это должно быть взаимосвязано...

Мерседес кивнула.

Должно. Осталось понять, как именно оно взаимосвязано. Зачем кому-то нужна именно она? Будь жив отец, Мерседес бы подумала про выкуп. Но бабушка и дед... нет, вряд ли. У них просто нет столько денег. Но что тогда?

Нет, не понять...

– Я поговорю со следователем. В этой ситуации обязательно надо разобраться.

По лицу Иданы скользнула одна-единственная слезинка.

– Мне так хотелось, чтобы в твоём детстве не было этой грязи...

– Мое детство кончилось той ночью, когда убили моего отца, – жестко ответила Мерседес. – И мне уже семнадцать. Я пойду к себе. И жду следователя.

* * *

Не то чтобы Тересе очень хотелось общаться с кузеном Пабло. Он старше, он дурак и задавака. Все детство он дергал девушку за волосы, а последнее время вообще распоясался, и норовил ущипнуть пониже спины.

Дурак!

С другой стороны, у нее сегодня выходной. С теткой так – не отвоюешь свое сразу, потом вовек не дождешься и не добьешься. И надо решаться, и беседовать с кузеном именно сегодня. Тем более работает он очень удачно для Тересы. Охранником в морге. Это называется охрана, а так... сторож. Самый обычный сторож, ну, может, еще грузчик, когда что-то поднести надо.

С другой стороны, видит он много, слышит много, а память у него отличная. Особенно на то, что его никак не касается.

А вот и морг.

И Пабло.

– Кузина Тереса! Риша!

Тереса едва не зашипела. Вот это «Риша» она терпеть не могла.

Тереса – Триша – Риша... да?

Нет! Триша – это Беатрисия. А она – Треси! Вот!

– Кузен Пабло! Рада тебя видеть!

– Какими судьбами? Я так редко тебя сейчас вижу, ты постоянно занята у этой своей тетки...

– Хочу стать модисткой, – пожала плечами Тереса.

– Зачем? – совершенно искренне удивился Пабло. – Ты же понимаешь, что ничего не добьешься! Зачем тебе там руки ломать?

– А что мне надо делать? – мягко уточнила Тереса, борясь с желанием дать пинка идиоту. Нет, ну неужели ЭТО кому-то еще и нравится? Он ведь симпатичный, высокий, стройный, черноглазый, с правильными чертами лица... Но стоит Пабло раскрыть рот!..

Всё. Тересе тут же хочется взять лопату, а потом обеспечить себе алиби и закопать труп поглубже.

– Замуж выйти, – привычно не заметил ее состояния Пабло. – Бабам надо выходить замуж, а потом пусть муж их обеспечивает.

– А если муж не сможет этого сделать? – мягко напомнила Тереса прописную истину. – Вот не заработает он достаточно?

– Чего это я не заработаю? – даже обиделся Пабло. – Я здесь вполне прилично получаю! Квартирку снимаю, правда, но если женюсь, приведу жену к родителям. Чтобы мама приглядывала, пока я работаю! Она же и с детьми поможет.

– Сочувствую твоей будущей супруге, – кивнула Тереса.

С матерью Пабло она была неплохо знакома – все ж родня. И все эти годы наблюдала одно и то же. С одной стороны – мать у Пабло была сущей гидрой, которая сожрала бы любую претендентку на ее сыночку. Ибо нет достойных... Принцессы нет, а кто-то ниже рангом Паблито не подходит. Увы.

С другой стороны: а почему весь женский мир Астилии не бьется в конвульсиях от счастья? Это же ПАБЛО! Он должен только пальчиком тыкать и выбирать, а женщины должны падать, падать и падать от восторга. А они чего-то не падают. Точно – дуры.

Тереса ее не раздражала, потому как дальняя родственница. И никаких видов на Паблито не имеет. Но тоже дура, понятное дело.

– Не, мама счастлива будет, – отмахнулся Пабло. – Риша, я ей сказал, что подожду еще годик, а потом мы с тобой и пожениться сможем.

– Че-го?!

Если бы Тересу палкой по голове ударили, она бы и тогда так не ошалела.

По-же-нить-ся?!

Она – и этот гамадрил?!

Да с какого, простите, перепуга?! Она к нему пальцем не притронется, не то чтобы замуж выходить! Это ж бред сивой кобылы в безлунную ночь на кладбище! Столько даже не выпить!

– Ага... так что ты на работе не надрывайся. Я тебя из этого паршивого ателье заберу. Будешь мне рубаки шить. И кальсоны...

И заржал, недоумок.

Тереса сжала кулаки.

Потом медленно их разжала, сосчитала до десяти сначала в одну сторону, потом обратно, поняла, что надо было считать до ста.

И решила плюнуть на дипломатию.

Даже если она ничего не узнает, Пабло надо как можно скорее разуверить в его заблуждениях. Потом ведь не отобьешься.

– Да оставайся ты последним мужчиной на земле, я бы в монастырь ушла!

– Чего?

– Того, недоумок! Чтобы за тебя замуж выйти, последнего ума лишиться надо! Поищи себе жену среди обезьян, говорят, в королевский зверинец горилл завезли!

Если кто-то думает, что Пабло обиделся...

Как-то отреагировал на оскорбления?

Принял их на свой счет?

Трижды ХА! И снова ХА! Вместо того, чтобы услышать и осознать, Тереса окинули восхищенным взглядом.

– Вот, я матери и сказал, что ты мне подойдешь. А что сиськи маловаты, так вырастут...

Тереса едва не возвела глаза к небу. Потом опустила пониже, прикидывая, куда бы пнуть идиота. Если словами не доходит, так, может, через яйца?

Но прежде чем она прицелилась, ее сгребли в объятия.

– Ух, хороша!

Жадные руки мяли задницу через платье, прижимали к горячему мужскому телу... Тереса забилась, понимая, что ударить в пах будет сложно... по ноге?

Прежде чем она успела принять хоть какое-то решение...

– Руки убрал! Немедленно!

Голос словно лед, такой, колотый – и с размаху, чтобы за шиворот, чтобы охладить... Тереса застыла.

Пабло, как более тупой, оказался устойчивее.

– Сень... ой, тан некромант!

Проняло.

Руки словно водоросли, расплелись, соскользнули, и Тереса получила свободу.

И все же выполнила свое желание. А именно – что есть силы пнула недоумка по яйцам. От души.

А потом разревелась. И тоже – от души... и знать бы еще – почему? Но слезы как-то сами лились, перемешиваясь с соплями. М-да...

* * *

Хавьер Карраско вмешиваться ни во что не собирался. Вот еще не хватало.

Да хоть там охранник кого... люби! Хоть во всех позах и на мостовой. Только желательно не перед зданием морга и не в рабочее время. Но даже и так он вмешиваться не собирался. И все же...

Какие-то романтические или сексуальные побуждения? Да рядом их не было, и близко тоже, и вообще... просто было видно, что девушке это не в радость. Ну и...

Даже некроманта иногда тянет творить добро и причинять справедливость окружающим. А что не все при этом выживают – сами виноваты. Прятаться лучше надо.

Вот и этот...

Хотя ему девчонка отвесила добра. Да так...

Хавьер ждал хруста скорлупы, ей-ей. Не дождался, но глаза охранник выпучил и навзничь осел. А девчонка жалобно разревелась.

Эх, а такой удар был! И так испортить впечатление! Надо ж было еще и ногами попинать дурака, для доходчивости, а она ревет!

И что теперь делать?

Конечно, Хавьер мог махнуть рукой и пройти мимо, вот еще ему не хватало, разбираться тут со всякими глупостями. Но ведь уже НЕ прошел?

А значит, отвечает если и не за все, так за многое. И за битые яйца в том числе. Так что...

– Иди сюда...

Девчонка была бесцеремонно ухвачена за локоть – и Хавьер потащил ее в здание морга. Нечего тут на мостовой сырость разводить.

Если уж так хочется – в морге до сих пор полы не вымыты. Вот и займется...

В комнатухе рядом с прозекторской Тересе сунули в руки полотенце, мыло и бесцеремонно подтолкнули к маленькой дверце.

– Умойся. Вся чумазая, как чушка.

– Чушка? – ахнула девушка.

И была решительным движением отправлена в крохотный санузел.

Хавьер усмехнулся. Семья Карраско вообще большая, баб в ней много, и как с ними управляться, он знал. Намекни, что она ужасно выглядит – и женщина горы свернет! Но себя в порядок приведет, точно-точно.

Вот и эта чем-то зашуршала, полилась вода... и некромант отправился варить кофе. На маленькой плиточке. Да, было у него в хозяйстве и такое. И специальный шкафчик, и колба для кофе, между прочим, получавшегося ничуть не хуже, чем в турке, и запас специй и пряностей, которые вообще-то нельзя тут хранить... и что?

Плевать ему на правила! Он – некромант!

Когда умытая и успокоившаяся Тереса вышла из санузла, по моргу разливался аромат кофе, который перебивал даже запах формалина и мертвечины.

– Тебе кофе какой?

– Черный и крепкий. Без сахара и молока, – тут же ответила Тереса.

Хавьер кивнул.

Он тоже считал, что все эти добавки портят вкус кофе. Хорошего кофе, дорогого...

– Есть печенье, есть мармелад.

– Печенье, – выбрала Тереса и утянула ломтик имбирной радости. – Спасибо, тан...

– Карраско. Хавьер Маркос Карраско, некромант.

– Настоящий? – выдохнула Тереса.

– Даже живой... пока.

– А потрогать можно?

Хавьер как рот открыл, так и закрыть позабыл.

– По... чего?

Того! Легкая девичья рука дотронулась до его рукава, пробежалась раскрытой ладонью по пальцам...

– Настоящий. Ой... Мое имя Тереса Мария Наранхо. Сеньорита Тереса.

Имя было вполне известное. То есть фамилия.

– Пилар Наранхо...

– Моя тетка.

– Плохая рекомендация, – сморщил нос некромант. – У нее такие цены, что у меня клиентов прибавляется. Мужья как на счет посмотрят, так и помирают в страшных муках.

Тереса фыркнула.

– Сходите один раз в гости к тетушке, тан. Авось, скидки сделает? Хавьер задумчиво пожал плечами.

– Я бы на это не рассчитывал. Бизнес – он безжалостный, куда там некромантии.

С этим Тереса была полностью согласна.

– Тан... спасибо вам.

Кофе был горячим и крепким, и постепенно она начала приходить в себя. И осознать, что происходит. Но... бояться не получалось.

Магия?

Нет. Никакой тут магии нет, ни близко, ни рядом. Вот сидит рядом с ней мужчина, улыбается, но видно же, что просто так. Не потому, что у него на Тересу какие-то планы, или еще чего... нет. Вот просто ему хорошо.

Ему нравится кофе, его забавляет ситуация, его забавляет сама Тереса, но и только. Черные волосы растрепались, черные глаза поблескивают весело и хитро, и вообще... симпатичный мужчина. Даром, что некромант.

Но Тересе-то с ним детей не крестить? Можно и поговорить...

– Не появись я, ты бы и сама с ним справилась, нет?

Тереса решительно кивнула.

– Справилась бы. Это мой кузен, Пабло... он дурак.

– Это я заметил.

– Это все замечают, – вздохнула Тереса. – Он решил, что мне надо выйти за него замуж.

– А, так это он предложение делал? – «осенило» некроманта.

Тересу аж передернуло.

– Это он в любви признавался. Предложение он уже сделал...

– Какая романтика! Подумать только...

– Бррррр... лучше о таком к ночи не думать. Стошнит еще...

– Ладно, – взмахнул рукой Хавьер. – Сейчас допьешь кофе, и я тебя провожу. И кузену твоему сообщу, что лапать девушек на улице – нехорошо. Непорядок даже.

– Не дойдет, – отмахнулась Тереса. – Но спасибо вам.

Она поняла, что сейчас ее начнут выставлять. А... не хотелось. В санузле она не только умывалась, она еще и прикидывала, что на ловца и зверь бежит. А то бы она Пабло расспрашивала, который половину не знает, а вторую половину или не понял, или переврал, а так можно с некромантом поговорить. Из первых рук все узнать... если он захочет.

Только вот как это сделать?

Глупо хлопать глазами не хотелось, и пытаться кокетничать – тоже. Все же некромант.

А вот кое-что другое...

– Тан Карраско, пожалуйста, разрешите мне остаться здесь еще минут на пятнадцать? Пожалуйста.

– Хорошо...

А почему? Зачем тебе это надо?

Тереса не стала дожидаться вопроса.

– Тан Карраско, мне бы не хотелось выходить с опухшим лицом и красными глазами. Сейчас все пройдет, у меня это быстро. И я смогу выйти спокойно. Пожалуйста...

Этот довод Карраско понимал. Опять-таки, семья...

Он как-то застал кузину, которая рыдала в шесть ручьев перед зеркалом.

Почему? О, у нее был важный повод. У нее свидание, а на лбу прыщ вскочил. Неважно, что челочка его успешно маскировала, что прыщ там был почти не виден, что... Это все – неважно. Она страдала, не отвлекаясь на всякие мелочи.

А мать Хавьера совершенно не могла читать чувствительные романы. В частности, того же сеньора Пенья. Она начинала рыдать примерно с сороковой страницы – и не прекращала до самого конца книги. А потом ужасалась, приводила лицо в порядок... Хавьер – насмотрелся. И вполне мог понять девушку. Но...

– Я просто посижу, тихонько. Обещаю вам не мешать. У вас важная и серьезная работа, вы очень заняты...

Хавьер только вздохнул. А что еще оставалось?

И занят, и работы невпроворот, но вот ведь... сидит девчушка, как воробей на жердочке, и чашкой ладошки греет, и выгнать ее рука не поднимается. Как воробья на мороз не выкинешь...

Но и вскрытие при ней проводить... бумагами, что ли, заняться?

– Может, я пока чем-то смогу вам помочь? Посуду помыть, или...

Хавьер покачал головой.

– Сиди спокойно, пей кофе. Сам разберусь.

– Спасибо, тан!

Тересе того и надо было.

Благодарность, улыбка... нет, она не кокетничала. Но самая любимая тема у каждого человека – это ОН. Единственный и неповторимый. Об этом Тереса и спросила.

– Тан, скажите, а как это – быть некромантом?

Как это? Когда, с одной стороны, радуются – ты некромант, ты оправдал семейные надежды, а с другой... Ты – некромант. Тебя будут не любить и бояться, увы. Это тоже в комплекте с твоей силой...

Водник может стереть с лица земли целый город, огневик – сжечь человека заживо. А бояться почему-то некромантов.

Боятся, ненавидят, брезгают...

Как об этом расскажешь?

Хавьер и не собирался. Но Тереса была настойчива и упорна. И спустя десять минут Хавьер обнаружил, что рассказывает ей о своем детстве. А девушка слушает с явным вниманием.

И... не испытывает ужаса?

Минутку, а вот это действительно интересно.

Природа силы некроманта такова, что найти себе пару ему очень сложно. Даже очень-очень. Темный дар... Хавьер знал о себе и такое. Рядом с некромантами холодно, тоскливо, чаще думается о смерти... кому ж такое понравится? Особенно женщинам.

А эта девчушка сидит, словно так и надо, и кофе попивает, и даже улыбается. И вполне непринужденно. Она что – не чувствует? Или притворяется?

Или – что?!

Хавьер довел рассказ до конца и посмотрел на Тересу.

– Сеньорита, вы не могли бы дать мне руку? Ненадолго?

– Вы ее укусите?

– Обещаю только дотронуться, – честно сказал Хавьер. – Слово даю.

Тереса послушно протянула ладошку – и та утонула в руках некроманта. Девушка смотрела в черные глаза, в которых не было видно ни зрачка, ни радужки – сплошная чернота. Пристально смотрела, внимательно...

Эти глаза словно вытягивали из окружающего мира свет и цвет, но ей не было страшно. Чернота – она ведь и ночная бывает. И ночь Тересе не пугала.

Ночью можно спать, ночью можно сидеть и смотреть на звезды, ночью можно плавать в море голышом, ночью много чего можно...

Зачем ее бояться?

И силу некроманта она ощущала. Как прохладный ветер. Но и это было не страшно.

Так... прохладно, приятно, спокойно. В жару случается, идешь, и платье липнет, и о глотке воздуха мечтаешь – и тут налетает порыв прохладного ветра, и кружит тебя, и вдыхаешь его всей грудью... вот и сейчас это было так же.

– Демоны...

Хавьер отпустил ладошку Тересы и даже шаг назад сделал.

Не спугнуть! Только не спугнуть!

Он сейчас выпустил на волю свою силу. Разрешил ей выплеснуться, окутать Тересу сумрачной пеленой, и некромант не удивился бы, завизжи девушка что есть сил.

Или убеги, расплачься, впади в истерику... да самые разные случаи бывали. И с ножами на некромантов тоже бросались, увы...

Сила у них такая. Страшноватая...

А Тереса смотрит, словно так и надо? Природная устойчивость?

– Сеньорита, вы в порядке?

– Д-да... а что-то должно быть не так? – Тереса даже чуточку испугалась. Справедливости ради – не силы некроманта, а его реакции. Чего он так смотрит? Пугает ее... он сам-то в порядке?

– Обычно люди не любят некромантов.

– Я же вас кушать не собиралась...

И шутить может? И голос не дрожит? И...

Неужели – повезло? Природный иммунитет к силе некромантов – штука достаточно редкая. Но встречается. И такие партнеры – громадная ценность. Последним, о ком слышал Хавьер, кстати, был Даэрон Аракон. Который потом стал Лассара. Он даже не ощущал, что супруга – некромант. Так что семью Араконов периодически проверяли, не оставляя в покое. А вдруг?

Когда такое проявляется один раз, оно может и еще прорезаться. А что это значит для некроманта...

А что значит для человека возможность прийти домой – и увидеть улыбку. Знать, что от него не шарахнутся, что жену можно обнять, что ночью она может спать с тобой в одной кровати, что...

Кстати, и дети от таких людей рождаются с даром. Очень часто. Практически всегда.

Дураком Хавьер будет, если упустит эту девушку. А дураком некромант не был.

– Сеньорита, дело в том, что люди плохо переносят присутствие рядом некромантов. А я совсем об этом забыл. Простите...

– Почему – плохо?

– Не знаю. Может, сила наша не нравится, может, чувство юмора.

Тереса прислушалась к себе.

Нет, с ней все было в порядке. Ей было вполне комфортно, ее ничего не тревожило и не раздражало. Об этом она и сказала некроманту.

И получила в ответ сияющую улыбку.

– Замечательно. Тогда не откажитесь побыть еще немного моей гостьей, сеньорита. А потом я вас лично провожу. Даже до дома. Вас моя работа интересовала?

Работа... работа не... забор. Стояла и стоять будет!

А вот найти себе подругу, которая может переносить силу некроманта без малейшего вреда для себя!

Найти женщину, которая может стать впоследствии хорошей женой для некроманта...

Это редкий шанс. И упускать его Хавьер не собирался.

Рассказать о работе?

Да хоть о чем! Только бы не упустить сеньориту Наранхо!

Стоит ли упоминать, что Хавьер и провожать девушку вызвался. И одарил бедолагу Пабло таким взглядом, что тот едва в кусты

не залез.

А когда вернулся, еще и дополнительно поманил сторожа пальцем.

– Пойдем-ка, друг, поговорим, о чем мне надо...

Отказа предложение не предусматривало. Пабло поежился, но пошел.

Хавьер усадил его в кресло, честь по чести, добродушно улыбнулся – и предложил:

– А теперь расскажи-ка мне о сеньорите Наранхо? Да подробнее...

Пабло задумался. Интеллектом он и раньше-то не страдал, и сейчас не собирался. А чего рассказывать? Это ж Тришка...

Только вот сила некроманта давила, сила обволакивала могильным зыбким холодом, сила пробиралась щупальцами стыни за шиворот, и было это так неприятно... Пабло что угодно бы рассказал, лишь бы удрать, даже и чего не знал. Но вот что именно?

Это он и спросил у некроманта.

Хавьер только головой покачал. Ладно, он и раньше подозревал, что их сторож не гений. Так что...

– Я буду у тебя спрашивать, а ты мне отвечай. Хорошо?

– Да, тан Карраско.

– Где родилась Тереса Наранхо?

– Так понятно, здесь. В Римате...

После часовой беседы некромант взмок, как мышшь, начал совершенно искренне сочувствовать следователям (даже Риалону), а потом решил, что у него самая лучшая в мире профессия. И работа тоже.

Трупы – молчат!

Если ничего из них не делать, там, призрака, вампира, зомби... они будут молчать! И если сделать – они будут молчать. Или говорить, что понадобится их создателю. А еще их можно раскромсать, сжечь, вынести на ледник, похоронить... да что угодно можно! И это тоже – счастье!

А с этим придурком что сделаешь? Убить его? Да в любой момент! Три минуты, из них двадцать секунд на убийство, полторы минуты на поднять зомби и остаток времени, чтобы он сам захоронился где поглубже. А надо расспросить!

М-да... история у семейства Наранхо...

Два брата, Альберто и Хуан, вот Альберто и женился на сеньоре Пилар Наранхо. И та, как более умная, решительная и жесткая, загнала мужа под каблук, открыла ателье, обеспечивала семью...

Мужчина только попискивал, не сильно, когда рога на уши уж очень давить начинали. Но не сопротивлялся. Ибо лень... Мужчина, называется. Тьфу.

Хуан женился на матери Тересы. На Марии Леноре. И вот там семье пришлось солоно.

Торговать собой мужчина супруге не позволил. А сам зарабатывать... он, конечно, старался. Но когда жена то беременная, то с ребенком, поневоле деньги расходиться будут. То помощь по хозяйству нужна, то ребенку чего... да и болеют дети частенько.

Тереса была третьим ребенком, девочкой, но после нее было еще пять малышей. И помогать матери она старалась, и за братьями-сестрами приглядывать, и что-то по дому делать.

И все равно... Не хватало.

Чего? Вот всего и не хватало. И честно говоря, мать Тересы была против ее подработки. Когда Тереса была дома, с деньгами было похуже, а вот с временем куда как получше. Она ж на себе большую часть обязанностей и тащила.

Но... Дома можно век просидеть. А девчонке ж было интересно... хотя конечно, глупость это несусветная с ее работой...

– Почему? – удивился Хавьер.

И получил в ответ семейную программу от Пабло. А зачем бабе знания? Моды какие-то, ателье.... Мужа и детей обшивать – и так хватит! А он ведь не абы что, он жениться, по-честному...

Хавьер едва не зашипел от гнева. А Пабло показалось, что ему за шиворот углей насыпали. Которые и жгут одновременно, и морозят – отвратительное ощущение.

– Т-тан...

– Не дай творец... если Тереса мне пожалуется, что ты ей мешаешь... я из тебя зомби сделаю. Понял?

– П-понял, – кивнул Пабло. Он же не дурак! И храбрости набрался. – Тан, я ж к ней по-честному. Жениться хочу. А вы чего? Не ломайте ей жизнь, кому она после некроманта нужна будет...

Договорить он не успел. В черных глазах Хавьера вспыхнул злой огонек.

– Ты понял?

– Да.

– Вот и отлично. Пошел отсюда, пока цел!

Пабло вылетел за дверь. Надолго его смелости, как и стоило ожидать, не хватило. Хавьер потер лоб.

Не надо было так злиться. И срывать злость на недоумке – тоже. Но...

Если б вы знали, как сложно найти человека, который спокойно переносит присутствие рядом некроманта. Не притворяется, не продает себя за деньги, не испытывает страха, раздражения, тоски...

К такой девушке надо присмотреться. И то, что она молода – не страшно. Вырастет.

А этот придурок... По-честному... Кому она будет нужна...

Да не дай Ла Муэрте, ТЫ ей нужен окажешься! Вот тогда тебя точно нигде не найдут, ни на земле, ни под землей... И ничего это не любовь. Это уж вовсе бред на постном масле.

Один взгляд – и влюбился?

Вы эту чушь кому другому расскажите. Не влюбился Хавьер, и рядом пока его чувства не лежали. И никакого такого романтического желанья у него не вспыхнуло – дайте время! Это реальная жизнь, здесь людям узнавать друг друга нужно, разговаривать, искать точки соприкосновения.

Но некромант уже сейчас рассматривал ее как полезное приобретение. Если и не для него, то для семьи Карраско. А там уж видно будет...

Кому нужна?

Да за ней некроманты в очередь выстроятся! А ты со свинячьим рылом... тьфу!

Дома Тереса сидела задумчивая. Впрочем, когда она шила, она всегда была именно такой, вот никто и не обратил внимания.

Мысли Тересы были поделены между очень и очень важными вещами.

Платья для Феолы – важно? Еще как, это деньги и заработок. А без него тяжело.

История родителей Мерседес? Тоже важно и нужно. Хорошо, некромант все рассказал. То, что сам знал. А знал Хавьер достаточно многое.

И собственно, сам Хавьер Карраско. Только вот он шел на третьем месте. Тереса о нем даже мечтать не решалась. Сами подумайте, тан, некромант, и старше нее... разве она будет ему интересна? Да никогда! Это он ее просто пожалел, вот и все.

А... а хочется, чтобы не все. Только вот на земле живем, не в романе... ну куда ей? И семья у нее из небогатых, и квартал нищенский, скажем честно.... Ладно, рыбацкий, но тут и до нищих две улицы – три поворота, и сама она не красотка...

Лучше ты, Треси, на платье сосредоточься. Так оно куда как приятнее, да и пользы больше... а он все равно красивый. И глаза такие... черные, и волосы, и улыбка у него приятная.

Ну куда она лезет, дуреха? Э-эх...

* * *

Лоуренсио едва дождался друга. Даже не дал Анхелю толком поздороваться с Алисией и вручить букет – так и уволок в кабинет.

– Анхель!

– Да?

– Да?! Вот, смотри! Ты уверял, что там все в порядке!

Анхель прочитал записку. Подумал, повертел в пальцах прихотливо уложенный темный локон, который падал ему на плечо.

– М-да... неужели я ошибся? Хотя... выглядел тот человек вполне здоровым, но это ж иногда не сразу проявляется, верно?

Лоуренсио медленно кивнул.

На плантации он видел негра, которому досталось упавшим деревом. Вроде как и цел, а через несколько часов умер. Что-то внутри у него порвалось, лекарь сказал.

– И что теперь делать?

Анхель пожал плечами.

– Можем пойти в полицию...

Лоуренсио посмотрел с надеждой.

– Они его найдут?

– Боюсь, для начала у нас будут проблемы, – вздохнул Анхель. – Подумай сам. Мы гоняли по городу на мобилиях, мы сбили человека, он умер... или что там с ним случилось...

Лоуренсио поежился.

– Мне нельзя... родители такого мне не простят!

– И сестры без присмотра останутся...

– Да. Но что же делать?

Лоуренсио с надеждой воззрился на Анхеля, и друг не подвел.

– Можно попробовать встретиться с автором письма и расспросить его. Может, предложить денег, чтобы он заткнулся. Разово, конечно. Но... наверное, много потратить придется.

Лоуренсио небрежно пожал плечами.

– Посмотрим. Плантация приносит хороший доход, родители не ограничивают нас в тратах... это будет дороже мобилей?

Анхель только руками развел.

– Рен, я не знаю. Как договоримся.

Лоуренсио послал ему благодарный взгляд.

– Я знал, что ты не бросишь меня в одиночестве.

– Ты за меня на гонках вступился, – в меру пафосно отозвался Анхель, тщательно следя, чтобы не переиграть, – теперь моя очередь.

– Спасибо, друг.

– Было бы за что... так... что у нас тут в записочке упоминается? Таверна «Рыжая крыса» и для Крыса... думаю, сто монет золотом – пока много. Пятидесяти хватит. Положим в кошелек и добавим записку. Мол, хочу поговорить. Лично.

– А если не согласится?

– Тогда будем думать.

– Тоже правда, – кивнул Лоуренсио. – Спасибо тебе...

– Э, нет. Спасибо – мало. Хочу прогулку с тобой и ританой Алисией. По набережной.

Лоуренсио прищурился.

– Лисси тебе нравится?

– У тебя чудесная сестра.

– Да... Феола – та еще зараза, и в кого только? А Лисси прелесть.

Анхель невольно поежился при упоминании Феолы. Вот ведь... гадкая девица!

– Эммм... ритана Феола тоже... хорошенькая...

Лоуренсио только руками развел.

Увы, Анхель сам достал билеты на «Паоло и Франческу», сам предложило сходить, сам, все – сам. И никуда от Феолы не денешься.

Так что – наберись мужества, друг. И – идем.

– Я отвлеку Фи на себя, – пообещал он Анхелю. И получил в ответ пожатие руки.

– Спасибо, друг.

Да, хорошо, когда у тебя есть друзья.

Девушки ждали в гостиной.

Алисия была великолепна и невероятна. Вся в белом, голубом, кружевном, воздушном... коснись – и эфемерная фея развеется миллионом бриллиантовых брызг. Невероятно красивая.

И такая глупая...

Восхитительное сочетание! Просто чудесное.

Анхель поклонился, приложился к ручке, вручил букет.

И только тогда обратил внимание на Феолу.

И едва не чертыхнулся.

Тереса была не просто умничкой. Она еще и понимала, чем можно подчеркнуть красоту подруги. И сделала это.

Феола сама по себе была достаточно яркой, с рыжими волосами и белой кожей, оттененной лишь несколькими веснушками. И Тересе удалось все это и подчеркнуть, и оттенить... а еще – показать, что Феола юна, красива и... черт побери!

Через пару лет эта маленькая ведьма будет намного красивее сестры. Алисия – хорошенькая, но пресная. Это как молочная шоколадка, сладенькая, съел – и все.

А вот Феола – в ней чувствуется огонь, перец, страсть. Таковую не забудешь!

Юным девушкам положены светлые тона, и Тереса выбрала шелк цвета слоновой кости. Но добавила отделку. Огненными, золотыми, алыми лентами... они причудливо переплетались вокруг выреза, оттеняли рукава... и платье-то там простое. Высокий воротник, узкий

вырез, не слишком глубокий, там пока нечего показывать, но как талантливо все это закамуфлировано лентами!

И тонкая талия, подчеркнутая поясом из перевитых лент, который небрежно спускается по юбке, и широкая юбка-колокол, которая отделана всего одной лентой. Широкой, золотой, по подолу.

Да, вот такие портновские ухищрения.

Сшить платье самого простого фасона несложно. А отделка на него – из отдельных лент. Это тоже и не так долго, и не слишком сложно. А вместе – выглядит произведением искусства. И волосы Феола как-то так причудливо заплела, что половина прядей рассыпается по плечам, и ленты в них вплетены, как и в платье.

Невинность, свежесть – и огонь.

Алисия будет рядом с ней казаться скучной и неинтересной. Уже кажется.

Анхель постарался этого не показать, и комплимент Феоле сказал вполне дежурный, и все внимание уделил именно Алисии, но – увы. Пусть не у всех здесь были мозги. Но глаза-то у всех?

Вот все и видели.

Алисия злилась. Феола спокойно улыбалась. Лоуренсио нервничал. А в театр надо было выдвигаться.

* * *

– Отец, ты позволишь?

Ритуалы – наше всё. А потому каждую ночь королевский кортеж вынужден был проводить в храме.

Да, вот так... дорога из Каса Норра до столицы занимает несколько дней. Но это если ехать быстро, без остановки и на поезде.

Но короля так везти нельзя!

Покойного – особенно.

Требуется последний раз провезти покойного по всем его землям, чтобы попрощался он, чтобы попрощались придворные, чтобы были соблюдены традиции.

И каждую ночь гроб должен стоять в храме. И возле гроба должен дежурить кто-то из родных.

Сын, дочь, супруга... внуки, впрочем, тоже подойдут. Так что Хоселиус откровенно обрадовался сыну.

– Да, Бернардо.

– Я сегодня подежурю рядом с дедом. А ты поспи, отец...

Хосе медленно кивнул.

– Да, пожалуй... спасибо тебе.

– Вот уж не за что, – отмахнулся сын. – Ты весь зеленый, аж под ветром шатаешься. А днем опять лицом работать...

С этим сложно было спорить.

Королевский кортеж, знаете ли, движется медленно.

И люди выходят посмотреть.

И на мертвого монарха, и на живого, и на всех остальных... это ж Событие! Второго такого в жизни может и не представиться!

– Выбора нет.

– Ни у кого из нас, – сочувственно кивнул Бернардо. – И не было.

Хосе посмотрел на него уже чуточку иначе.

Сын... а какой он – сын?

Внешность?

Невысокий, яркий, черноволосый, темноглазый... живая улыбка, телосложение скорее плотное... такой медвежонок.

Симпатичный. Если не забывать, что медведь – один из самых опасных и коварных хищников.

Это внешность. А что творится в его голове? О чем он думает, чего хочет?

– Бернардо, ты никогда не мечтал сразу после деда сесть на трон?

Вопрос был задан резко, жестко, словно шпагу воткнули в живое тело. Еще и провернули бы там... Но сын взгляда не отвел.

– Мечтал. Лет в пять, потом поумнел.

– Хм?

И снова – глаза в глаза. Два жестких темных взгляда скрещиваются над гробом, прикрытым черным бархатом.

– Отец, ты отлично понимаешь, что корона – это не награда, а каторга. А я тупее тебя?

– Каторга, – согласился Хоселиус. – Еще какая.

Из него словно воздух выпустили.

Да, он не хотел этой ноши. И искренне считал себя хуже отца. И...

Столько лет придворной жизни! Научишься тут разбираться в людях! Поневоле научишься!

– Вот! Ты этого не хочешь, а я как не хочу! Это ж все, жизнь закончена. Регламентом опутают, бумагами забьют... дед, хоть и тиранствовал, как мог, а ношу на себе волок – не дай бог другому. Потому и дурил, кстати... он-то считал, что раз он все делает, мы его обязаны уважать и слушаться, а мы бунтовали.

– Я не думал, что ты это понимаешь.

– Что я – идиот, что ли? Все я преотлично понимаю. И вот что! Чем позже я в это ввяжусь, тем лучше! Так что коронуйся и правь, я только порадуюсь.

Хоселиус Аурелио насмешливо фыркнул.

– Сынок, а ты точно короноваться не хочешь? У тебя должно получиться...

– Ну уж нет! – решительно ответил парень. – Ты лучше лет двадцать поцарствуй, а то и тридцать. Я жениться спокойно хочу, детей завести, растить их с женой... с этим двором, работой и традициями, небось, и не заметишь, как жизнь пройдет. Так что ты правь, а я помогу, если что. Вот как сейчас. Но на себя все не возьму. Уж прости, отец.

– Ты сейчас на деда похож.

– Сходство хорошее, а вот должность плохая. Давай, отец, ляг и поспи. А я пока помолюсь у гроба, ну, как положено. Завтра отосплюсь, Рик вместо меня мордой посветит. Ему нравится.

– Да, ему нравится...

– Он только внешнее видит. Потом поумнеет, никуда не денется. Ты ему после коронации должность, что ли дай, нечего тут апельсины околачивать. Пусть поработает...

– Только ему?

– Ну...

Хоселиус улыбался вовсе уж откровенно.

– Тебе дай волю, ты на всех обязанности найдешь?

– А чего они тут слоняются? Апельсинов мало, родственников много, одна тетушка чего стоит, дай ей Бог здоровья, и побольше, и подальше...

– И что ты намерен поручить тетушке? Мне просто интересно?

– Да то, для чего она создана. Пусть с журналистами общается! Мне просто интересно, кто и кого сожрет первым! Поручи ей цензуру! И в добрый час...

– С ее моралью? С ее отношением к современным нравам?

– Так ведь частные издания она рецензировать не сможет! А воевать с ними – милое дело. И занята будет, и при деле, и нам меньше достанется.

– Надо подумать...

– Вот-вот, пап. Ты подумай. Деду было приятно, когда все вокруг него крутилось. А сейчас-то его нет. А вхолостую крутиться ни к чему, все вразнос пойдет...

– Ты у меня молодец, сын.

– Ложись спать, пап. Утро вечера мудренее.

Хоселиус послушно улегся на наибольшую кушеточку в углу. Прикрыл глаза, тихонько вздохнул, расслабляя мышцы. Кажется, лицо за сегодня судорогой свело, столько он улыбался.

И руку, поднятую в приветствии, тоже.

Протокол, протокол и ничего, кроме протокола, пропади он пропадом. Люди видят красивую картинку, и не задумываются, КАК это тяжело. Ни о чем не думают...

Но кажется, с сыном ему повезло?

А ведь раньше...

А раньше Бернардо все сказал правильно. Все крутилось вокруг отца.

Того приблизить, этого отдалить, дрессировать их, словно зверушек в цирке...

Нет уж!

Он такого не допустит. А пока действительно надо отдохнуть. Завтра будет новый тяжелый день.

* * *

Театр, да...

Вы думаете, туда приходят просто посмотреть пьесу?

Наивные люди!

Театр – это прежде всего, выставка.

Себя, людей, нарядов, статусов, место, где можно познакомиться, поговорить, узнать нечто новое, самому что-то рассказать...

Анхель этим частенько пользовался. И умел выглядеть, и подать себя, и произвести впечатление. Но сейчас – увы.

Хоть он и шел с Алисией, но пара Феола – Лоуренсио тоже была великолепна. И на их фоне терялся и сам тан Анхель, одетый во вполне презентабельный темно-синий костюм, и блекловатая Алисия. Впрочем, Анхель старался это исправить.

– Ритана, сегодня все присутствующие могут только бессильно скрежетать зубами, видя ваше совершенство. Вы – королева вечера. Все будут смотреть не на сцену, а в нашу ложу... несчастные актеры...

Своя ложа у Анхеля была. Оплаченная, кстати, за чужой счет, но это уже детали. Лоуренсио, вот, не успел ничего подходящего выкупить, и сейчас пользовался гостеприимством друга.

Это пусть простонародье сидит внизу, чуть ли не на скамейках. А благородные господа должны располагаться со всем комфортом.

Феола насмешливо оглядела небольшую ложу, обтянутую синим бархатом, благосклонно кивнула и опустилась на кресло в углу. Там ей было все отлично видно, а вот ее снаружи почти не видели. Одно движение кисти – и занавеска ее вообще закроет от зрителя. Потом она еще скажет свое мнение, потом она еще укусит Анхеля.

Потом.

Работа со змеями научила ее простой мудрости. Кусаться нужно вовремя. Не раньше, не позже, а именно в нужный момент. И так, чтобы жертву не откачали.

Алисия, напротив, уселась у самого края, оперлась на перила, улыбнулась. Вот я!

Я молода, красива, смотрите и завидуйте!

Тан Анхель присел рядом, взял тонкую руку, принялся перебирать пальчики девушки, демонстрируя, что это – его. Понятно, будут попытки отбить добычу, но в глазах большинства присутствующих Алисия уже связана именно с ним. И это приятно...

Кто-то побрезгует, кто-то постесняется – тан Анхель все равно будет в выигрыше.

Этого уже не стерпела Феола. Ах, с каким бы удовольствием она ткнула паршивца булавкой... жаль, но пришлось ограничиться словами.

– Алисия, у вас все так откровенно? Я смотрю, тан Анхель уже готов жениться и взять на себя ответственность за твое приданое? Раз вы так нежничаете на людях?

Ручка тут же убралась подальше от тана и вцепилась в веер. Краснела Алисия достаточно легко, тут ей не повезло. И некрасиво, пятнами.

– Фи!

– Что – Фи? Я себя на людях веду прилично.

– Кто может подумать плохое, если я рядом с Алисией? – попробовал цыкнуть на сестру Лоуренсио.

– Ты не рядом, тебя вообще не видно. Но я полагаю, тан Анхель сейчас поменяется с тобой местами, – сообщила малолетняя гадина. – Ты, небось, первый раз в театре, а тан Анхель тут завсегда. И хозяин, а лучшее место – гостю.

Анхель заскрипел зубами, но крыть было нечем. Пакостница попала в точку во всем. От и до.

Так что он поменялся местами с Лоуренсио и принялся смотреть в зал. Шептаться с Алисией было попросту неудобно. Ложа не столь большая, он находится позади и чуть поодаль... какие уж тут интимности рядом с такой гадюкой!

И только когда начал гаснуть свет, заиграла музыка и принялся раздвигаться занавес, Анхель злобно поглядел на Феолу.

– Я тебе этого не прощу, – шевельнулись его губы.

Почти неслышно. Только артикуляция, Лоуренсио, хоть и ругался на младшую сестру, не позволил бы ей угрожать.

Но что стало откровением для Анхеля – это такой же презрительный взгляд в ответ. И такая же четкая артикуляция.

– Уничтожу, мразь.

Семнадцать лет!

Господи, что потом-то из этой соплячки вырастет?!

Тан Анхель сильно рассчитывал на антракт.

Ах, это восхитительное время, когда и прогуляться можно, и принести даме чего-нибудь прохладительного, и цветочки подарить...

И снова – мимо!

Потому что в ложу вошел – демоны б его сожрали! – Рауль Хосе Ортис!

Тан Ортис отлично разглядел Анхеля, и испортил бы ему настроение в любом случае, но когда к тому еще и Лоуренсио присоединился...

Как, КАК тут удержаться?

Невозможно!

– Таны! Толедо, Ксарес...

– Тан Ортис, – без малейшей любезности откликнулся Анхель. – Что вам угодно?

– От вас? Ничего! Но когда я увидел ритану, – последовал поклон в сторону Алисии, – я не смог устоять. Ритана, я умоляю вас о милости. Просто принять у меня этот скромный букет – и вы меня уже осчастливите. Прошу.

И красивым жестом протянутые белые розы.

Алисия порозовела.

Анхель заскрипел зубами. Он еще цветы купить не успел.... Сволочь, Ортис! И ровно через секунду список сволочей дополнился и расширился.

– Алисия, это ужасно. Рядом с тобой меня никогда не заметят, – посетовала Феола. – Но раз уж я осталась без цветов, Лоуренсио, тебе придется нас представить. Я должна знать своего обидчика.

Сказано это было исключительно светским тоном. Легко, непринужденно и с милой улыбочкой. И скрипи тут зубами, не скрипи – выбора им просто не оставили.

– Ритана, я никогда бы не посмел вас обидеть! Неужели ваши спутники столь невнимательны, что не могут подарить цветы очаровательной девушке?

– Тан, вы первый, – Феола улыбалась. – Лоуренсио, ну!

Увы. Пришлось представить и милейшую Алисию Катарину Ксарес, и Феолу Амадину Ксарес.

Рауль, который (не дурак же он!) отлично понял, что Феола ему подыгрывает, поцеловал Алисии ручку, обжег ее восхищенным взглядом... и переключился на младшую сестру.

– Ритана Ксарес...

– Умоляю – Феола, – мелкая зараза улыбалась. – Ритана Ксарес у нас Алисия. Самая восхитительная.

Алисия улыбнулась, принимая слова сестры всерьез.

– Ритана Феола, умоляю вас о милости. Прогуляться со мной и выбрать любой букет по своему вкусу.

Феола вспорхнула с кресла.

– Тан Ортис, я буду счастлива. Тан Анхель, развлеките пока сестренку, раз уж даже букет подарить не догадались, – и выплыла из ложи.

Как есть – гадина!

Если бы Анхель слышал разговор, который происходил на галерее, на которой прогуливались Феола и Рауль, он бы не просто уверился в своем мнении. Он бы...

Убил! Да руки коротки...

Тан Ортис Феоле как раз понравился с первого взгляда. Видно же – шалопутный, но не сволочь. Это вещи разные. А потому девушка начала разговор первой, небрежно ткнув пальцем в какой-то букет из алых цветов.

– Тан Ортис, антракт скоро закончится. У нас нет времени на экивоки. Вам тоже не нравится тан Толедо?

Тан Ортис отдал два реала за букет, протянул его Феоле и кивнул.

– Он мразь. Как еще ваш брат с ним общается?

– Наши мнения совпадают. Это хорошо. Давайте я вас пока приглашу в ложу, а потом договоримся о встрече. Мне не нужен этот пакостник рядом с сестрой.

Тан Ортис кивнул.

– Я так и понял, что это сестра... они с вашим братом похожи. И я не удержался, хотел предупредить.

– Я уже приняла к сведению ваше предупреждение, – четко сказала Феола. – Потом вы мне расскажете, что собой представляет тан Толедо. Мы договоримся о встрече. А пока давайте испортим негодяю вечер?

– Ритана, будь вы постарше... влюбился бы! Ей-богу!

– Лучше в Алисию. Она красивая, с хорошим приданым и очень семейная, – отмахнулась Феола, подмечая огоньки интереса в глазах мужчины.

А что? Самые те характеристики. Про ум Феола не сказала, но кому тот ум нужен? У Рауля его на двоих хватит.

А тут еще и соперничество, и враг... Ну как тут пройти мимо? А уж когда Рауль увидел знакомого репортера (на гонках встречались и не раз), глаза его и вовсе вспыхнули огнями.

– Ритана Феола, вы не возражаете, если я затрудню этом слизню ухаживания за вашей сестрой?

– Нет. А как именно?

– Добавлю ей популярности.

– Подробности, – прищурилась Феола.

А получив их, зловредно усмехнулась.

– Я согласна, тан. Действуйте.

И первая направилась к журналисту. Действительно, чем популярнее будут Ксаресы, чем больше будет вокруг них народа, тем сложнее будет Анхелю плести свои сети. Мы еще посмотрим, кто кого... тварrrrrь!

Вечер у тана Анхеля был испорчен напрочь.

Тан Ортис и в ложе находился, и в ресторан всех пригласил, и демонстративно ухаживал за Феолой, так, что Алисия невольно злилась... так всегда бывает.

Анхель-то вроде как УЖЕ ее. И не слишком интересен. А вот Рауль...

Почему он все внимание уделяет Феоле?

Она же рядом? Она же лучше?

И тем не менее...

Ах, эти бабские охотничьи инстинкты. К концу вечера Рауля пригласили в гости к Ксаресам. В любое время. Надо же забыть о мелком недоразумении, которое между ними произошло?

Анхелю оставалось только бессильно сжимать кулаки. Увы, никому не было дела до его страданий.

* * *

Следователь не понравился Мерседес.

Во-первых, он был не такой красивый, во-вторых, смотрел на нее, как на ребенка. И спрашивал таким противно-покровительственным тоном.

– Кто-то лез к вам в окно, сеньорита?

– Да.

– А вы уверены, что он лез именно с целью похищения?

– Не знаю. Надо было дождаться, пока он влезет? Или высунуться и поинтересоваться?

– Мерседес, – рыкнул дед.

Амадо качнул головой, заставив сеньора Веласкеса замолчать.

– Понимаете, я не уверен, что вас хотели именно похитить. Или именно вас... не знаю. Может, хотели убить, может, наоборот, кто-то ошибся домом, может, это был неопытный воришка, которого вы и спугнули...

Мерседес прикусила губу.

Если рассказать о первом похищении... нельзя. Пока – нельзя.

– Не знаю. Но и дожидаться не стала.

– Вы правильно сделали, – похвалил ее Амадо, набрав несколько очков в глазах сеньориты. – В следующий раз советую бить сильнее. Останься он под вашим окном, мы могли бы допросить, не вора, так его дух.

– Обещаю, – улыбнулась Мерседес.

– Сеньорита Мерседес, расскажите мне, пожалуйста, в подробностях, как это выглядело?

Мерседес прищурилась на следователя.

– Тан Риалон, может, вы мне для начала расскажете, что случилось с моей мамой? И я хотела бы ее увидеть?

– Пока нельзя, – отрезал Амадо. – Позднее, когда ей станет лучше.

– Меня это не устраивает.

– Сожалею, сеньорита, но рисковать жизнью вашей матушки, да и вашей, не стану.

– Вы уже ей рискуете. Мы не знаем, кто на меня покушался, но наверняка это все взаимосвязано? – предположила Мерседес.

– Вот и предоставьте разбираться тем, кто работает в полиции, сеньора, – не дрогнул Амадо.

Мерседес надулась, но про похищение рассказала.

Про одно. А чего он?

Вот если бы Амадо пошел ей навстречу, она бы и про первое рассказала. Но так получалось... ей придется выдать подругу.

А следователь – бука и бяка. И ее считает дурочкой...

А вот поделом ему будет, если подруги сами во всем разберутся! Вот!

Амадо понял, что ему рассказывают не все, попробовал надавить, но тут уж уперлась Мерседес.

– Простите, тан, это наши, девичьи секреты.

И что ты с ней будешь делать?

Амадо честно пытался, расспрашивал и так, и этак, даже узнал, что Мерседес познакомилась с другими девушками, и подружилась с ними. Но имен она так и не назвала.

И что оставалось делать Амадо?

Только одно. Вернуться в управление – и подать заявку тану Вальдесу. Хорошую такую заявочку... Ровно через пятнадцать минут после ее прочтения Амадо вызвали к начальству.

– Риалон, ты с ума сошел?

– Нет.

– У меня похороны на носу, считай, через четыре дня, у меня каждый человек на счету, а ты мне предлагаешь опекать эту соплячку? Да пусть она дома под замком посидит! И все!

– Не усидит, – даже не стал сомневаться Амадо.

– Ремня ей – и пусть улежит, – не поддался Серхио, разрывая заявку на части. – Ты уверен, что это к НЕЙ лезли в окно?

– Вроде как к ней, – пожал плечами Амадо.

– Это не поклонник какой-то горничной, который перепутал окна, не вор, это именно похититель? Откуда вообще такая идея?

Амадо пожал плечами.

– Мне кажется, это логично.

– А мне так не кажется. Риалон, иди и работай, ладно? И найди мне этого подлеца... Джинни в себя не пришла еще?

– Не знаю.

– Ну так узнай! Может, она тебе расскажет, кто там был, да и закроем дело?

Предложение было не лишено логики. Амадо вздохнул – и отправился к некроманту в гости. А что еще делать?

Когда речь идет о проклятиях, лучше подстраховаться. Жаль, отца сейчас нет в Римате, он бы с чем угодно справился, а Карраско...

Ладно.

Работает он неплохо. Но все равно – сволочь!

* * *

Два тела в одной постели.

Глаза в глаза, дыхание к дыханию, между ними и перышко не просунешь...

Но вот страсть схлынула, мужчина и женщина расцепились, женщина налила вина в кубок и подала с поклоном.

– Любимый...

Мужчина принял кубок как должное, улыбнулся...

– Ты прелесть, детка.

Женщина незаметно поморщилась. Ведь отлично он знает, как ее бесят эти прозвища. Они обезличивают, они для всех – и ни для кого, они... бесят! Но вида она не показала. Нежно улыбнулась, коснулась поцелуем плеча любовника.

– Ты был великолепен, мой тигр!

А вот так тебя! Сам ты эти прозвища откровенно не любишь, я-то знаю. Ничего, долг платежом страшен.

– Чуть позже повторим, – отмахнулся мужчина. – Отдохну немного – и займемся...

– Да, пока у нас еще есть эта возможность, – чуточку погрустнела женщина. Немножко. В пределах допустимого. Без истерик и покрасневшего носа. Да, и без слез, это тоже ни к чему, косметика поползет. – Потом ты женишься...

– Я? Женюсь?

– Если старый король и не подобрал тебе невесту, то его величество Хоселиус Аурелио точно это сделает.

– И что? Сам подберет – сам и женится. Он тоже свободен.

– Ты же знаешь, что не откажешься. Он – верховная власть, а мы... мы – соринки. Ты обязан будешь подчиниться любому его приказу, и не спорить, и не возражать, и... просто – повиноваться. Уехать, жениться, сделать все, что скажет король...

Мужчина себя явно соринкой не считал. Оттого и нахмурился.

– Детка, не лезь в то, что тебя не касается.

– Я тебя просто люблю...
– Вот и люби, – мужчина красноречиво показал на свой орган. –
Иди – и люби.
Нельзя сказать, чтобы женщине этого очень хотелось, но...
– Как прикажешь, дорогой.
И уже чуточку тише, так, чтобы было услышано, но не требовало
ответа:
– Ах, каким бы ты был королем!
И – тишина.
Но слова упали. Рано или поздно они дадут побег и всходы.

* * *

Полицейский следователь Амадо Риалон в это время подходил к палате, в которой лежала Вирджиния Веласкес.

– Учти, Риалон, если ей станет хуже, я тебя сам прокляну, – пообещал ему Хавьер, который вынужденно (он проклятие снимал, ему и наблюдать) приглядывал за несчастной.

– До пяти лет каторги, – скучным тоном сообщил Амадо.

– Если поймают.

– С убийством государственного служащего – до смертной казни.

Хавьер скрипнул зубами и поглядел на молоденькую сестру милосердия так, что та аж шарахнулась. И перекрестилась. По старой традиции в больницах работало много монахов и монашек. Да и кому, как не им? И приглядеть, и утешить, и помочь, и брезгливость им должна быть чужда, и вообще... король в этом отношении был строг. Если храмы не желают платить налоги, пусть отрабатывают другим путем.

Не нравится?

А вот так. Или ваши люди работают в больницах – домах призрения – детских домах, естественно, бесплатно, причем не меньше двадцати процентов от общего числа. В монастыре сто монашек?

Отлично. Двадцать из них идут работать.

Хотите, чтобы они только Богу молились? Тогда платите налоги. Те же двадцать процентов.

Обычно настоятели выбирали ручной труд. Кстати, много послушников после этого решали остаться в миру. Смотрели на настоящую боль, сравнивали с ней свои проблемы, принимали более осознанные решения. Впрочем, эта вряд ли передумает. После разозленного некроманта.

– Что с больной?

– В себя не приходила. Бредит, – отчиталась монашка. – Температуры нет, судорог нет, несколько раз я ее поила...

Рядом с больной на тумбочке стоял серебряный кувшин с начертанными на нем молитвами.

Как ни шипели те же некроманты, но лучшим средством для пострадавших от проклятия была и оставалась святая вода. Понятно, после того, как проклятие сняли. Если ей отпаивать больных, они восстанавливались намного быстрее.

Некроманты, правда, что-то говорили про серебро, но что с них взять? Ясно же, темные маги.

– Хорошо. Оставьте нас.

Монашка послушно выскочила за дверь. Хавьер подошел к Вирджинии, привычным жестом поднял ее веко, взгляделся в зрачок...

– Я сейчас попробую подпитать ее силой. Риалон, у тебя буквально три минуты, понял?

– Да. Спасибо, Карраско.

Хавьер только кивнул.

Сильные пальцы с коротко остриженными ногтями легли на виски Вирджинии, надавили. Амадо на миг показалось, что с пальцев Карраско потекла плотная, почти осязаемая чернота, впитываясь под тонкую кожу с синими прожилками вен... просто показалось.

Резкий вздох – и Джинни дернулась, открыла глаза.

– Где... что?..

Амадо шагнул вперед, привлекая к себе внимания.

– Джинни, Серхио Вальдес передает вам привет.

Джинни выдохнула и явственно расслабилась. Что бы там ни было в ее жизни – первая любовь точно не заржавела.

– Серхио...

– Что вы последнее помните? Два дня назад на вас было совершено покушение.

Амадо почти видел, как Джинни пытается что-то вспомнить. Как работает ее разум.

– Мы ужинали. Дети ушли спать, мы с мужем сидели в кабинете... – глаза Джинни расширились. – Да... вошел мужчина.

– Знакомый? – быстро спросил Амадо.

– Муж его точно знал... он назвал его Сесаром. Сесар сказал, что за предательство наказание – смерть.

– И все?

– Потом я ничего не помню. Нет, не помню...

Джинни выглядела откровенно усталой.

Амадо коснулся ее руки.

– Все в порядке. Ваши дети здоровы, они у бабушки и деда, вы тоже скоро поправитесь. Если тан Вальдес придет вас навестить – не откажете?

– Нет...

– Тогда спите и отдыхайте.

Амадо улыбался ласково, и Джинни откинулась назад.

Все в порядке? Да, наверное... дети, Серхио... о ком она не спросила? Кажется, что-то важное было упущено, но что?

Нет, не припомнить... сон уже мягко укутывал Джинни в свои теплые объятия. Глаза закрылись, и женщина снова уснула.

– Счастливая семья. О муже она так и не спросила, – хмыкнул рядом Хавьер.

Амадо пожал плечами. Счастливая? Или...

Он помнил свою маму. Ритана Барбара и не подумала бы спрашивать о муже. Что бы ни случилось. Альба и он... Тут тоже сложно. Умри он – и кто оплачет его смерть? Отец? Тони? Они некроманты, для них это просто этап жизни.

Жена? Сын? Отнюдь. Они не плакать будут, а злиться, что денег меньше станет.

И кто? Для Амадо эта ситуация была совершенно обыденной.

Хавьер вспомнил кое-что из истории семейства Карраско и вздохнул.

– Вот же ж... жизнь!

И в первый раз Амадо посмотрел на стоящего рядом мужчину с пониманием и сочувствием.

Действительно. Вот же жизнь! И что это за Сесар такой? Куда его приткнуть и что с ним сделать?

Глава 5

– Кто-кто?

Завтрак в семье Ксаресов – мероприятие крайне протокольное и церемониальное. А еще церемонное и замороченное.

Все спускаются вниз, как положено, одетые в приличествующую случаю одежду, не допускаются никакие халатики или домашние костюмы – это только для своих личных спален.

А пред очи патриарха семейства извольте явиться, как полагается.

Прически – для женщин, выбритые лица для мужчин – тан Ксарес-старший, Патрисио Эудженио Ксарес не терпел бород. Наверное потому, что у него борода не росла.

Он честно старался.

Ах, как хорошо было бы к его седым волосам еще и бороду. Такую, коротенькую, но окладистую, вальяжную... щипщипщас, сказала вредная судьба.

То, что росло на лице у благородного тана, могло порадовать разве что козла. И то неприхотливого. А если так... и ведь что обидно-то? Вот у старшего сына борода была вполне себе симпатичная, и у среднего. А он...

Перебьются!

Ему нельзя – и у них не будет! И усов уж тоже, до кучи!

А если уж посплетничать шепотом, между своими, то и благородную седину... эээээ... неблагородную лысину тан честно маскировал огрызками благородной седины. И закреплял их парикмахерским воском. Каждое утро. Достаточно долго. Не повезло ему. Лысеть благородный тан начал лет семь назад, да так некрасиво, проплешинами... оставалось только скрипеть зубами и покупать у парикмахера накладки. Но кажется, и до париков скоро дело дойдет.

Пока все спускаются, тан Ксарес проглядывает утреннюю газету.

И там-то...

– Отец, ты уже видел? – уточнила одна из дочерей. – Мне кажется, это дети Хулио...

В коротенькой заметке репортер воспеет красоту Алисии Катарини, которая прибыла из Колоний, чтобы поискать супруга в метрополии. Разумеется, за приличной юной ританой приглядывает ее брат. Тоже неженатый, девушки, обратите внимание! Такое счастье кому-то достанется!

Молод, красив, неженат, благороден, с деньгами, а главное-то что?

А то!

Свекровь у вас будет в Колониях! Вы – тут, а она вовсе даже там! Вот оно счастье-то!

Светские сплетни, дело совершенно житейское.

Развелся – женился – влюбился – встречается... надо же чем-то заполнять колонку? Надо. Чем Алисия Катарина хуже прочих?

– Хулио, – сдвинул брови патриарх семейства.

О блудном сыне он вспоминать откровенно не любил. И... будем честны!

Вот если бы Хулио разорился, стал калекой, приполз на костылях к родительскому порогу... о, тут бы Патрисио Эудженио покивал с умным видом и вальяжно произнес: я же тебе говорил.

Конечно, помог бы. Но все-таки... приятно осознавать, что ты умный, прозорливый, всеведущий. Противный сын лишил отца такого счастья.

Сын не приполз.

А девушка и юноша на фотографии выглядели его копиями. И были достаточно богато одеты, и улыбались, и явно радовались жизни. Феола и тан Анхель, как сидящие сзади, в объектив не попали, да и репортер упоминал только про тех, о ком его попросил друг Рауль.

И что ты будешь делать? Вот что?

Первым пойти на поклон? Вот еще не хватало!

Послать кого-то из родных? Ну... так можно. Это не в ущерб чести. А кого?

А вот хотя бы и дочь, если уж она рот раскрыла... чего она? Пусть идет и наводит справки, не самому ж патриарху семейства

работать? Он свое дело сделал, детей наплодил, пусть теперь они отдуваются!

– Роза, узнай, где живут эти Ксаресы. И надо будет тебе к ним съездить. Если это дети Хулио, что ж. Они наверняка нуждаются в нашей помощи. А если нет... я не хочу, чтобы под моим именем промышляли самозванцы!

Дочь уныло кивнула.

Порученьице...

– Ты чем-то недовольна, Розита Эухения?

– Нет, отец. Я сделаю, как вы пожелаете.

– То-то же, – смягчился патриарх семейства. – Не хотелось бы опять вызывать нотариуса.

А так завтрак проходил очень чинно.

Живые цветы, столовое серебро, подогретые тарелки...

Только вот счастья в глазах ни у кого нет. Но кому интересна эта невесомая категория? Вот если бы деньгами дали...

* * *

Тан Анхель постучался в двери дома Ксаресов с утра. И тут же пригласил явившуюся на завтрак Алисию прогуляться по набережной.

Феола скрипнула зубами (все строго по очереди, вчера Анхель, сегодня она, не так ли, но сделать ничего не успела. Алисия радостно согласилась и отправилась одеваться. Анхель послал Феоле улыбку.

– Надеюсь, тан Ортис не будет разочарован.

– Разумеется, нет. Вы же не меня пригласили, – отозвалась мелкая вредина. – Да я и не пошла бы.

– Как приятно, что вы так со мной единомышленны, – оскалился в ответ Анхель, понимая, что перед ним враг. – Я бы и не пригласил.

– Конечно, единомышленна. Я тоже не люблю жиголо, – согласилась Феола.

Кто знает, что они бы еще наговорили друг другу, но тут вернулась Алисия. И Анхель повел ее к машине, подсчитывая расходы.

Прогулка по набережной – бесплатно. Но какой-нибудь сувенир – не меньше реала. Еще реал на цветочки, еще реалов пять-семь на обед

в хорошем ресторане с морепродуктами. Анхель знает такие... м-да. Меньше десяти реалов не получится, а то и все пятнадцать.

Ладно, не стоит скупиться. Это его вклад в будущее...

Феола подумала пару секунд, потом телефонировала тану Ортису, попросив слугу передать весточку хозяину, и отправилась в кабинет к брату.

– Лоуренсио, ты с ума сошел?!

Феола стояла, уперев руки в бока. Разве что скалки наперевес не хватало. Впрочем, Лоуренсио бояться не собирался.

– Чего тебе, Фи?

– Ты зачем отправил Лисси на прогулку с этим гнусным скунсом?

– Придержи язык, Фи!

– Рен, ты просто не видишь. Но твой друг – гадкое существо. Склизкое, как жаба...

Лоуренсио встал из кресла, чтобы посмотреть на сестру сверху вниз.

– Знаешь что, Фи, ты просто наглая сопля!

– Что?! – аж задохнулась девушка.

– То! Твои выходки сходили тебе с рук просто потому, что все боялись Адэхи. А так тебя бы крапивой драть два раза в день! С чего ты решила, что можешь судить о взрослых людях? Что можешь что-то понимать и в чем-то разбираться? Что ты вообще видела, кроме своего острова?

– Нашего острова...

– Неважно! Опыта у тебя нет, ума у тебя тоже пока нет, а с ним и совести, и такта. Еще раз ты скажешь гадость про незнакомого тебе человека, и я сам тебя выпорю! Честное слово! И родителям напишу! Лисси надо выходить замуж, мне невесту подыскивать, а с тобой позора не оберешься! Не можешь язык держать за зубами? Так я научу! Здесь твоего шамана не будет!

Феола презрительно посмотрела на брата.

– Думаешь, мне нужен Адэхи, чтобы с тобой справиться?

Развернутая к Лоуренсио ладошка девушки светилась ровным белым светом.

– Думаю, что со всеми ты не справишься, – жестко ответил брат. – Посидишь на хлебе и воде, так поумнеешь...

Феола прищурилась.

– Я тебе этого не прощу.

– Обойдусь без прощения от малолетней хамки.

– Возьми свои слова обратно, не то пожалеешь.

– Это ты пожалеешь, Фи, если еще раз попробуешь себя так вести.

Поняла?

Феола развернулась и хлопнула дверью.

Пожалеет?

Знаешь что, братец... знаешь что... Да просто! ГРРРРРРР!!!

Феола была не просто в бешенстве. По комнате расхаживал злющий рыжий вихрь. Стулья и столы она, правда, не пинала, но от одной стены до другой передвигалась весьма быстро.

– Гад ползучий!

– Гррррр!

– Прррридурррок!!!

Кого именно она имела в виду? Феола и сама точно не знала. Может, брата-остолопа. Может, склизкую гадость – Анхеля. Но на Анхеля и то злости было меньше. Понятно же, слизняк обязан жрать и пакостничать! Работа у него такая! А вот братец...

Это ж надо быть таким дураком, чтобы всерьез поддаться на уговоры этой сволочи! Еще и к Лисси его подпустить!

Сестра же! Не дай бог влюбится – навеки себе жизнь испортит за таким-то поганцем!

Феола любила своих родных. Но...

Родители слишком любят друг друга. Им кроме них двоих – и плантации, никто не нужен. И ничего не нужно. Такое тоже случается, это надо принимать. Они слишком тесно связаны душами, чтобы детям доставалось многое...

Лоуренсио...

Он хороший и добрый. Но слишком мягкий и податливый. Рядом с хорошими людьми он будет хорошим, рядом с мразью типа Анхеля будет творить зло. И сам того не заметит.

Увы...

Лисси?

Сестра – идеальная ритана. Нежная, милая, добрая, красивая, заботливая... у хорошего мужа ей цены не будет. Но у сволочи типа

Анхеля она просто погибнет. Увянет, словно цветок.

Этого допускать нельзя. Ни в коем случае.

А что делать, если брат отказывается ее слушать, да еще и угрожает?

Только одно.

Добыть доказательства того, что Анхель – сволочь, сволочь, СВОЛОЧЬ!!!

Эмम्म... ярость закончилась, Феола уселась на кровать и принялась размышлять.

А КАК это можно доказать? Что, Анхель оставит на видном месте записку с красивым текстом: «Лоуренсио дурак, а я его использую»? Феола сильно подозревала, что компроматом этот негодяй не раскидывается. Человек вообще крайне неохотно говорит о себе плохо, а вот этот конкретный человек еще и умен, и осторожен...

И что делать? Заранее сдаться и отдать ему на откуп и глупыша Лоуренсио, и сестренку? Да, Феола младшая, но это совершенно не значит, что она бросит родных на произвол судьбы. Она лучше разбирается в людях, это часть ее дара. Коли на то пошло...

Никто не задумывается, но даже энергия у всех разная. У хорошего человека одна, у подлеца другая, у больного третья... Адэхи ее учил не зря. И вот уж кого Лоуренсио не стоило трепать своим языком.

Ладно.

Простим брата, он глупый. А вот что делать с Анхелем?

Будь это на острове, на плантации, она бы и не задумалась. Там она знала все и всех. Но здесь столица. Здесь она слепа, как новорожденный котенок, а вот Анхель...

Это его игровое поле. Она не сможет незаметно проследить за ним, не сможет собрать сведения, а вот Анхель, если что, она даже не сомневалась – подстроит ей несчастный случай и будет громче всех рыдать на похоронах.

Так не пойдет.

Тереса? Нет, здесь и она не помощница, равно как и Мерседес.

Тан Ортис?

Будем честны, если он что-то и знает про Толедо, то лишь верхушку. Знай он нечто по-настоящему страшное для этого гада, давно бы уже обнародовал, у него это на лице написано.

Так что поговорить с ним можно, но этого будет мало.

Откуда еще можно взять информацию? Найти кого-то и нанять?

Хм... а зачем? Есть такое место, в которое стекаются все сведения. И называется оно – полиция. Надо просто найти подходящего человека, приглядеться – и попросить. А может, и просить не придется. Такие, как Анхель, не смогут жить без нарушения законов. Вот просто – никак. Значит, Феола просто способствует торжеству правосудия.

Только пораньше.

Можно попробовать? Вполне. Дело за малым – осталось найти подходящего полицейского. Кстати, стоит расспросить Мерседес. Ее же должны были допрашивать? Вот, с чего-то надо начинать.

Убить Анхеля?

Феола не задумалась бы. Но пока... пока вроде особо и не за что.

Да, он дружит с братом. Да, он ухаживает за сестрой. Но... и что? Физического вреда он не наносит ни одному, ни второй. Душевных ран не причиняет. А потому и убивать его пока не за что.

Ладно. Пока попробуем через полицию, а убить никогда не поздно. И Феола принялась обдумывать свой план.

* * *

С утра Мерседес отправилась к ювелиру.

И доехала бы она до лавки сеньора Агирре, и предложила бы жемчуг ему, и было бы все гладко и ладно, но... мобили!

Кто не понимает – вся техника подчиняется не законам физики. Вот уж нет!

И даже не законам магии.

Она подчиняется общемировым законам подлости и вредности.

Она решительно ломается в неподходящий момент, она устраивает катастрофы, она летит, когда не надо, и ползет, когда надо лететь. У нее судьба такая. Она создана изводить людей.

Мерседес это ощутила на своем опыте, когда заглох мобиль.

Да, вот так. Прямо посреди улицы.

А в мобиле водитель, она и охранник. И что делать?

Водитель, кстати, является и вторым охранником, и встает выбор. Или Мерседес сейчас остается в мобиле, пока его будут чинить, или покидает мобиль и с одним охранником идет дальше. Благо тут улицы широкие, светлые, белый день на дворе, то есть утро, да и до лавки ювелира – один квартал.

И чего тут идти?

Это она охране и предложила.

Мужчины переглянулись и согласились. Действительно, не трущобы какие и не прибрежный квартал. Здесь можно не опасаться.

Мерседес и не переживала, спокойно шла, когда...

Вот так и бывает в жизни. Ты идешь, человек идет, а потом она как берет, да как-ак сталкивает! И лбом по лбу! Чтобы точно увидели.

И прониклись заодно.

Тан Мальдонадо решил наведаться в ювелирный квартал, сам не зная для чего.

Может, зайти к мастеру Агирре. Может, прогуляться.

Может... да и сам бы он на этот вопрос не ответил. И почему вчера рано лег, и почему сегодня рано встал – тоже. Растревожил его душу вчерашний разговор. И сыщик этот...

И Пенья туда же!

Вот как хотите, а на душе у мужчины было решительно беспокойно. Потому и на девушку он не сразу отреагировал, хотя в обычном состоянии успел бы увернуться, и еще даму подхватить...

Не успел.

Искры из глаз, конечно, у него не посыпались. Но налетела Мерседес на него очень сильно. Аж дух выбило.

– Ух, – сказал Херардо Диас, едва не складываясь вдвое.

– Ой, – сказала Мерседес. Тан оказался очень плотным. Оно и неудивительно, эпатаж требует хорошей физической формы. Поди, покайся на фонаре, если у тебя мышцы, как сопля! Да и дуэли случаются, и много еще чего... поддержал девушку он автоматически. И Мерседес оказалась плотно прижата к белой шелковой рубашке.

– П-простите, – пискнула она.

– Ни за что, – машинально отозвался Мальдонадо. И только спустя несколько секунд пригляделся. И – сменил гнев на милость. Мгновенно, решительно и бесповоротно.

На него смотрела... камея.

Или гемма.

Или...

Такие профили надо на монетах изображать и на медалях. Тогда люди их точно тратить не будут. А то возьмешь в руки реал, а там такая харя... так и хочется его пропить побыстрее. Еще и плюнуть сверху. А на Мерседес так бы и смотрел.

– Сеньорита, вы в порядке? – наконец-то вмешался сопровождающий.

Мальдонадо поднял брови.

– Сеньорита?

– Мерседес Вирджиния Веласкес, – еще тише пискнула Мерседес.

Мужчина был выше ее на полголовы, и такой... смущающий. Ей даже с мальчиками обниматься до сих пор не приходилось. А тут...

– Тан Херардо Диас Мальдонадо, к вашим услугам, сеньорита, – приосанился Херардо.

– Я... – окончательно засмушалась Мерседес. – Простите...

Охранник пока держался рядом, но ничего не предпринимал. А зачем?

Мальдонадо в столице личность известная, но юным девушкам от него ничего не грозит. Вот уж этого не было.

Голым на дереве – было. Эпатажа – хоть лопатой отгребай, пренебрежения к морали и нравственности тоже, и наплевательское отношение к законам.

Но в одном он был непреклонен.

С женщинами – только по добровольному согласию. И только с совершеннолетними. Максимум, что грозило Мерседес – это пара любезных слов, а потом разойдутся в разные стороны.

Так думал охранник. И решительно ошибался.

Речь пошла не о любви. Художник увидел потрясающую натурщицу. И отпустить такое чудо? Когда оно тебе само в руки падает? При всем эпатаже, Мальдонадо был талантлив, а потому...

– Сеньорита, это мне впору умолять о прощении. Хотите на колени встану?

– Нет! – едва не вскрикнула Мерседес.

– Тогда как мне заслужить ваше милосердие? Скажите, вы любите кофе?

– Да...

– Давайте я угощу вас кофе. И безе? Здесь рядом есть совершенно замечательное кафе, мы посидим буквально пятнадцать минут, но я буду знать, что прощен. И вы меня на целый день осчастливите.

Что могла ответить на это Мерседес, которую жизнь совершенно не готовила к таким резким поворотам?

Да только одно.

– Хорошо, тан....

– Вы позволите предложить вам руку? – Херардо Диас согнул локоть, предлагая девушке опереться. И отметил, что руки у нее тоже красивые. Классическая форма кисти, тонкие длинные пальцы, овальные ногти, точеные запястья.

Мерседес не миниатюрная, это другой тип красоты. Но такой притягательный...

– Вы предпочитаете просто безе? Между прочим, у них восхитительно готовят взбитые сливки. Просто невероятно вкусно. Стыдно признаться, но я их обожаю.

– Я тоже, – созналась Мерседес, которой регулярно доставалось за пристрастие к сладкому. А какое тут может быть удовольствие, когда тебе бубнят в ухо: растолстеешь, станешь, как колода, будешь выглядеть, как бочка с салом... Вирджиния была достаточно тонкокостной, не в мать пошла. И пилила Мерседес регулярно, даже не понимая, насколько больно делает своему ребенку. Неужели нельзя было сказать – я тебя буду любить, даже если ты растолстеешь? Но нет. Это Вирджинии и в голову не приходило. – Просто я толстая.

– ВЫ?!

Если бы на голову Мальдонадо полено упало, он бы и тогда так не возмутился. Мерседес хлопнула ресницами. Да, она... и что?

– Вы великолепны! И вам нельзя худеть! Вы нарушите все пропорции и будете выглядеть ужасно! – вознегодовал художник. – Я не знаю, кто говорит вам эти глупости, но во имя искусства – не слушайте бездаря!

Мерседес невольно улыбнулась.

– Тогда я согласна на взбитые сливки, тан Мальдонадо.

– Вот и прекрасно.

Охранник только плечами пожал. Ладно, пока ничего страшного не происходит. Все в порядке.

Мэр Римата, тан Кампос, не любил собирать совещания.

Вот зачем оно надо?

Приходят все, собираются, отрываются от важных дел, сидят, казенные кресла протирают. Лучше он сам, лично, зайдет к каждому. Тут же как?

Двойная, а то и тройная выгода.

Прогуляться по зданию – раз. Все ножками подвигаться, а не седалище просиживать. Оно полезно.

Послушать, кто и что говорит, посмотреть, кто и чем на рабочих местах занимается – два. Если наивные люди думают, что чиновники сидят и работают... думайте! Тан Кампос никому не намерен мешать заблуждаться. И вообще, с начальственным пинком люди всегда работают лучше.

Дать каждому задание лично, еще и проверить, кто и как понял – три.

Да, вот так. Все продумано и всему отведено свое место.

Но тут – не отвертишься.

– Таны и сеньоры, в ближайшее время нам предстоит весьма и весьма сложное мероприятие. Даже два. Похороны его величества Аурелио Августина. И коронация его величества Хоселиуса Аурелио.

Чиновники переглядывались, вздыхали, поеживались.

Да, вот так... и ничего хорошего. Смена власти – время сложное, тут бы на своем стуле усидеть. А то ведь его величество...

– Тан Кампос? Разрешите вопрос?

– Да, сеньор Черетта?

– Пока неизвестно, его величество будет жить в столице? Или...

– Известно. Его величество также выбрал своей резиденцией Каса Норра. И будет проводить примерно полгода там. – Дружный выдох облегчения. – А полгода – в столице.

Теперь последовал такой же дружный стон.

Ну, отвыкли! Отвыкли за это время от королевского присутствия, расслабились, скажем честно. Аурелио Августин последние лет двадцать жил в Каса Норра, а то и больше. А в столице... это совсем другой протокол, другая ответственность, другое дело...

Другие деньги?

Не без того. Но и должности лишиться становится намного легче. Да и с королем сколько придворных понаедет? Начнут сейчас своих пристраивать, то туда, то сюда...

Тан Кампос поднял руку.

– Это не сразу, таны и сеньоры. Вовсе нет. Королевская резиденция, конечно, не развалена, но ремонт кое-где все равно требуется. И не только ремонт. Его величество Хоселиус Аурелио распорядился начать приводить все в должный порядок, но не спешить. Чтобы к лету спокойно переехать.

Чиновники только порадовались.

Король, который понимает суть и дает время на исправление недостатков, на заметание мусора под коврик – это полезный король. Умный, правильный...

Понятное дело, кто-то свойственников и родственников удачно пристроил, кто-то немножко перепутал личный карман с государственным, кто-то еще что-то.

Дело совершенно житейское. Но влететь может и за это, и за то, и за что-то еще... ой, как может...

Лучше – не нарываться. А до лета можно и дворец в порядок привести, и личные дела....

Тан Кампос смотрел на это с улыбкой. Он отлично понимал, кто и чем дышит. Но... сам, что ли, без греха? То-то и оно...

– Но для начала нам надо провести без малейшей зацепки похороны и коронацию. Это все понимают?

Чиновники наперебой закивали головами. А что тут непонятного? Вроде как идиотов нет?

Если сейчас все пройдет хорошо, они и плюсик в личное дело получают, и полгода спокойствия. А если нет...

Лучше короля все же не злить. Хоселиус Аурелио далеко не ангел. Так-то он тихий, спокойный, и стелет мягко, но спать – жестко будет.

– Начнем с похорон. Давайте по очереди. Храм...

Епископ Тадео чуть склонил голову.

– Тут все в порядке. Храм вычищен и вылизан, усыпальница готова, территорию мои люди вылизали – до блеска!

– Замечательно, – одобрил тан Кампос. – Можно не проверять?

– Можно, – кивнул епископ. – Меня это напрямую касается...

– Я все же приеду с проверкой.

– Буду рад в любое время, тан Кампос. Просто приезжайте, не надо предупреждать о приезде.

Мужчины переглянулись с полным пониманием. Еще бы! Если тан Кампос чего и углядит, он епископу скажет, не станет анонимки подметные строчить. Два хороших человека между собой всегда договорятся.

– Пойдем дальше, по порядку. Итак, дороги. Сеньор Бенедетто?

Дороги, мосты, мостовые, каналы, очистные, это все в ведении мэра города. И он за это отвечает. Украшение города, приведение его в надлежащий вид, обеспечение безопасности, даже больницы...

Тут мэр, конечно, запечалился.

– Очень жаль, что тан Риалон и тан Шальвейн не смогут присутствовать...

– Никак не смогут, – развел руками Серхио Вальдес. – Тан Шальвейн сломал ногу. А тан Риалон сказал, что уехать не сможет. Никак.

Тан Кампос кивнул.

– Будем надеяться, у ританы Лассара все пройдет благополучно. Все же она не девочка, и ребенок не первый...

– Вот потому Эрнесто жену и не оставит.

– Что у вас с преступностью в столице?

Серхио только вздохнул.

Эх, что бы полковнику Лопесу еще поработать? А?

– Крупных преступлений быть не должно, тан Кампос.

– Крупных?

– Бытовуха была и будет всегда. Я распорядился усилить патрули на это время, режим отработан, протокол согласован. К сожалению, не всегда получается так, как мы желаем.

– Что именно не получается? – уточнил тан Кампос.

– Вот, к примеру, дело Веласкесов. Сами понимаете, за три дня его не раскроешь...

Мэр кивнул.

– Ладно. Это я понимаю, и требовать не буду. Но если что... Вальдес, я постараюсь вас прикрыть, но что скажет король?

– Что мы не шьем дела, а тщательно расследуем каждый случай, – отмахнулся Вальдес. – Тан Кампос, по крупняку мы договорились.

А мелочь... кошельки срезать будут всегда, в такие дни даже и побольше обычного. И остальное тоже...

Мэр только кивнул. Он все это понимал. И будет прикрывать Вальдеса. Но если вопрос встанет так: чья тут шкура первой на просушку... тогда уж прости, друг. Своя – она ближе к телу. И хозяину дороже.

Согласования, проработки, разъяснения...

Через два дня прибудет кортеж с гробом, а тут...

Времени всегда для чего-то не хватает. Привычка у него такая, у времени...

– Вальдес, задержись.

Чиновники выходили один за одним, не оглядываясь. Серхио пересел поближе к мэру.

– Что не так, Карлос?

Наедине они разговаривали «без чинов». Давно уже подружились, давно уже нашли общий язык, и семьями тоже дружат. Но это наедине. При посторонних надо соблюдать субординацию.

– Не знаю, Вальдес. Но мне неспокойно.

– Предчувствие? Или что?

– Вот убивай – не знаю. Но душа не на месте.

Как человек, который долгое время приятельствует с некромантом, Серхио не стал посмеиваться над тонкими материями.

– Я понимаю. Я поговорю со всеми...

– Я буду тебе очень признателен, Вальдес. Даже не представляю, чего опасаться, но... свербит!

– Значит – всего, – твердо решил Вальдес. – Справимся. У меня есть желание получить еще одну звездочку.

– Хочешь уйти в отставку генералом?

– Хочу.

– Законное желание. Я правда не знаю, чего опасаться. Вроде бы и все, как всегда, но... понимаешь, чудятся какие-то глупости. Кажется, наверное.

– Кажется?

– Пойдем ко мне в кабинет? Чего тут сидеть?

Вальдес кивнул. Действительно, чего? А к предчувствиям он относился очень серьезно. Это ведь не просто так, это мы просто чего-

то не осознали. А оно есть. И покоя не дает...

В кабинете тан Кампос вопросительно поглядел на друга.

– Коньячку? Или еще чего?

– Кофе, – выбрал Серхио. Не хотелось ему ничего спиртного, ну его... и так голова, как чугунная от всего. А расслабишься, еще и гудеть будет.

Кофе и только кофе. И покрепче.

– Вот, пожалуйста, – неожиданно расстроился тан Кампос. – И ведь говорил же...

– Что случилось? – не понял Серхио.

О маленькой привычке мэра пить только собственноручно сваренный кофе знали немногие. Большинство было уверено, что мэр и по этому поводу гоняет своего секретаря.

Ну и гоняет, дело-то житейское.

А вот Серхио знал.

И что у мэра есть запас кофейных зерен, и маленькая ручная мельничка, и... сам он варит. И сам процесс контролирует, и кофе получается великолепный.

– Просил же в мой шкаф не лезть, – раздосадованно ответил Карлос. – Уборщица знает, что я тут порядок навожу сам. Даже пыль лично протираю. И все равно... вот чего она чашки повернула?

– Чашки повернула?

Карлос Мануэль Кампос даже чуточку смутился.

– Я понимаю, это смешно. Но мне так удобнее брать их с полки.левой рукой. Вот они и стоят ручками налево... обычно. А сейчас направо.

– Минутку! – У Серхио профессионализм аж взвыл благим матом. Уборщица?

Да где вы видели такую уборщицу, чтобы сама себе лишней работы искала? Еще и такой, о которой ее не просили? Даже вовсе наоборот?

Такого не бывает!

Он подошел к мэру посмотрел в чистенькое нутро шкафчика...

Вот и тряпочка для пыли лежит. Что характерно – чистенькая.

– Что именно не так?

– Просто повернуты чашки. Наверное, она пыль вытирала, да и сдвинула.

– Наверное-наверное, – пробормотал Серхио. – Карлос, а тебя не затруднит вызвать ее, да и спросить? Прямо сейчас? При мне?

– Зачем? – искренне удивился мэр.

– А вот затем.

Тут уж начало доходить и от далекого от сыскных дел тана Кампоса.

– Ты подозреваешь...

– Я не хочу просто подозревать. Вызови, а? А я пока телефонирую Карраско.

Тан Кампос молча кивнул и пошел к двери. Звать уборщицу.

Стоит ли объяснять, что та резко все отрицала? Не убирала она! Не лазила в шкафчик! И не просила никого. И...

Это – НЕ ОНА!

Точка!

Серхио поглядел на это, да и телефоновал Хавьеру Карраско. Правда, для него оказалось сюрпризом прибытие некроманта совместно с Амадо Риалоном. Но тут все было просто.

Где нашли, там и оповестили. А были как раз они оба в кабинете Риалона.

Вот тот и воспользовался случаем. Все одно с мэром побеседовать придется. Лучше уж он сам придет, да в неформальной обстановке, чем через всех секретарей ломиться. Себя ценить надо и не тратить время на бюрократию.

* * *

– Спасибо! Так вкусно!

Эллора сунула в рот леденец на палочке. Молодой человек рядом с ней улыбнулся.

Подруга ему нравилась.

Не слишком красивая, неглупая, порядочная, работает на таможне, говорят о ней все только уважительно.

Да и семья хорошая. Мать ее воспитывает одна, так бывает. Море частенько берет свою дань. Вот и отец Эллары канул в пучину.

Кармело Луна Эскобар все-все разузнал, прежде чем начать ухаживать за девушкой. А то как же!

Он тоже в порту работает! И не абы кем! Он младший помощник у самого старшего таможенника! Может, и до старшего помощника через пару лет дослужится, а там и выше пойдет?

Может, еще как может...

Но для этого надо быть безупречным. И по службе, и... да, в личной жизни – тоже.

Не заводить любовниц, тем паче непроверенных. Не гулять направо и налево, не играть в карты, не...

Вы знаете, сколько искушений в столице есть для молодого человека? Ой, много...

А как душевно ловят на эти искушения людей преступники? Уверяю вас, еще веселее. Могут и шулера подставить, и девку подложить, и... да что угодно могут! А потом придется отрабатывать...

Кармело этого не хотелось. Он человек серьезный, у него и стремления самые что ни на есть серьезные. Должность хорошую занять, семью завести... а вот тут начинаются проблемы.

Работай он где-то в другом месте! Не на таможне!

Но!

Он – сеньор. Не тан. Максимум, что он выслужит – личное дворянство. И то очень уж не факт. Кто и за всю жизнь такого не сделает... отсюда вывод. Ни одна ритана на него и не поглядит. Разве что вовсе уж из бедных, от полной безнадежности, но... оно ему нужно? Чужие долги на себя вешать?

Или чужие беды... нет-нет, Кармело – умный, он так не поступит! Ему такое ни к чему...

Идем дальше. Дочери купцов.

Сразу – отпадает.

Не то чтобы Кармело был сильно против купеческого дела. Вовсе даже нет, приятно, когда у твоей жены родня с деньгами. Но... купцы же! Наверняка начнутся какие-нибудь просьбы, уговоры, а то и угрозы... сталкивался он с таким. Вон, у друга теща хуже гидры, тесть тоже... закрыл парень глаза на контрабанду – и в десять минут вылетел из таможни. Понятно, на улице не остался, штраф заплатил, да и работает у тестя. Но зачем такая судьба?

Нет-нет, Кармело это не предлагать! Обойдемся!

Интеллигенция? То есть студентки и околонуучная среда? Тут Кармело тем более был против. Вы что! Ему жена нужна послушная! А эти вольнодумки... ну их! И сами чего ляпнут, и мужа подведут... это тоже кому другому. Он обойдется!

Рабочий класс?

Дочки рыбаков, столяров, ткачей и прочего... тем паче – крестьян, вообще Кармело не рассматривались. Вот еще!

Зачем ему это быдло?

Они же тупые! О чем с ними говорить-то можно? Просто – о чем? Или чтобы тесть с тещей его поучали!

ЕГО!

Смешно подумать даже!

Нет, такое ему не надо!

И что у нас остается в сухом остатке?

Умная девушка из простой семьи, желательно без высшего образования, не слишком богатая, но и без проблем и долгов, да, и семью хорошо бы поменьше, чтобы не обременяли Кармело своей глупостью... чтобы слушалась его, умела себя вести, одеваться, воспитывать детей, не ляпала глупостей...

Говорите, такое чудо не найти? Это вам не найти! А Кармело в свою удачу твердо верил. Вот он искал – и он нашел!

Эллора подходила по всем параметрам. Даже семья... ладно уж! Одну тещу он потерпит, тем более что Лидия была чрезвычайно мила и интеллигентна.

Эллора тоже работала в порту, переписчицей, была достаточно миленькой, чтобы Кармело мог обратить на нее свое внимание, но недостаточно красивой, чтобы начать ее ревновать.

Умна? Да, но о вольнодумстве и речи не идет. Дом, дети, семья... тут все будет в порядке. Так что Кармело начал ухаживания и не прогадал. Он водил Эллору по столице, показывал ей достопримечательности... в кафе, правда, не водил. Зарплата не позволяла, да и не знал он еще... вот решит он искать себе кого-то другого – и что? А на Эллору тратиться будет?

И вообще, она уже получила свой главный приз.

Кармело!

Зачем ей нужно что-то еще?

Одеваться умеет, глупостей не ляпает... пожалуй, Кармело к зиме сделает ей предложение. Вот, на святочные гуляния как раз и сделает. Женщины такое любят, а мужчины... а эта романтика обходится им практически бесплатно. Всю обстановку за них создадут городские власти.

И горки, и санки, и венки омелы... да много чего.

Согласится Эллора, там можно будет и дальше думать. Весной пожениться, съездить на недельку куда-нибудь, где не слишком дорого. Кармело комнату снимает, но у матери Эллоры свой дом на побережье. Вот его можно продать, добавить денег и купить что-нибудь в городе. Поближе к работе, к примеру. А там и дети пойдут, и мать сможет помогать Эллоре... все при деле. А уж на семью-то Кармело зарабатывает.

Может, и без особой роскоши, ну так всему свое время! Вот лет через десять-двадцать...

И мужчина принялся расписывать девушке, какое у него блистательное будущее.

Эллора слушала, кивала, поддакивала.

И никто, никто не видел, как крепко она вцепилась зубами в леденец. Так она точно промолчит. А если рот откроет...

Хорошо, что леденец сладкий, а то аж скулы сводит от занудства. Но у девушки были свои причины встречаться с Кармело Луна Эскобаром.

Да, дорогой. И это дерево очень красивое. Безусловно, ты прав...
А Кармело в этом и так не сомневался.

* * *

Хавьер за работу взялся сразу.

Хоть и не любили Карраско, хоть и сами Карраско относились к людям не слишком хорошо, но свое дело некромант знал. И на отлично.

Первым делом снял аурные следы со шкафчика, подумал, покачал головой.

- Только ваши, тан Кампос.
- Ну... да. А что?

– И только сегодняшние. Кто бы к нему ни прикасался, свой след он стер.

– Та-ак, – не понравилось это мэру. Зачем стирают отпечатки пальцев, он знал. Надо полагать, аурный след тоже стирают не только ради чистоты эфира?

Хавьер тут же принялся проверять остальное. И не слишком удивился, когда попавшие под заклинание чашки засветились неприятным зеленоватым светом.

– Замечательно. Проклятье налицо.

– Проклятье?

– Не сильное, – пригляделся Хавьер. – Так... что тут у нас? – руками он чашку предусмотрительно не брал. Не хотелось следы стереть. – У нас тут «Взгляд из бездны», но слабенький, не выше второго...

– А для всех? – рыкнул градоправитель.

Серхио и Амадо переглянулись. Они-то отлично знали, о чем речь идет, и Вальдес взял на себя разъяснения.

– Тан Кампос, «Взгляд из бездны» проклятие, которое можно регулировать. Если максимально вложенная в него сила заставит человека достаточно мучительно умереть... и спасти не успеют, это больно, но очень быстро, то минимальный уровень, который обнаружил Хавьер, заставит вас просто поболеть. Может, дней десять. Тошнота, головокружение, кошмары, обмороки... обязанности свои вы выполнять не сможете. Наверное.

– Смогу, – огрызнулся градоправитель.

– Упав в обморок прямо перед королем? Через десять дней все бы развеялось.

– Или нет? – Амадо настороженно приглядывался к чему-то. Кофе? Сахар? – Карраско, кинь определение на яды. Сможешь?

Хавьер недобро сверкнул на следователя глазами, но послушался. Некроманты и такое могут, яд ведь причина смерти, считай, их поле.

Сахарница тоже засветилась зеленоватым.

– И что там хорошего?

– Водоросль.

– Че-го?

– То-го, – передразнил Риалона некрмант. – Есть такая, если рыба или моллюск ее сожрет, станет... нехорошим для человека.

– А человек?

– Не умрет. Но заболеет^[6].

– Для верности?

– Да, наверное, – прикинул Хавьер. – Проклятие активизируется, когда человек пьет из этой чашки... этих чашек. Плюс водоросли... ты их как почувял?

Амадо пожал плечами.

– Мне показалось, что оттенок у сахара не такой. Но я думал – показалось.

– Хорошее у тебя зрение, – проворчал Вальдес.

Амадо пожал плечами.

– Не жалуюсь.

После того, как он побывал в плену, тогда, на грани жизни и смерти, что-то в нем все же поменялось. Чувствительность, что ли, появилась обостренная? Сам иногда не мог ответить. Но к примеру, когда Альба на ужине у знакомых отравилась рыбой, Амадо и сам ее не ел, и Альбу отговаривал. Вот не нравилась она ему. Хотя рыбу-меч не каждый день попробуешь, и даже не каждый год.

И с другими продуктами так иногда получалось.

Вот и сейчас он смотрел на кристаллики сахара и знал, что ему этого НЕ ХОЧЕТСЯ! Совершенно. Никак.

Только если привяжут и силком накормят.

Тан Кампос уселся за стол и обхватил голову руками.

– И что мы имеем? Кого-то, кто прошел в мой кабинет, наложил заклинание на чашки...

– Нет, – отрезал Хавьер.

– Нет?

– Мэрия обвешана талисманами и сигналками. Применение здесь некромантии заставит насторожиться всех храмовников в радиусе мили. Так что чашки взяли, вынесли, заменив на другие, подсыпали вам яд и ушли. И были они здесь минимум два раза.

– Почему?

– Потому что, тан Кампос, ваши чашки сначала надо было увидеть и подобрать такие же.

– Мои – уникальны. Я их лично заказывал у Габриэля Маркоса Гомеса.

– Адрес, пожалуйста. – Амадо уже приготовил блокнот. – А еще – кто убирает в кабинете, у кого есть ключи, кто был у вас в последние несколько дней...

– Издеваешься?

– Тан Кампос, убить вас не хотели. А вот вывести из строя – с гарантией.

– Хотя и странно, но согласен, – кивнул Хавьер.

– Странно?

– Наложили бы «Взгляд» третьего уровня... и яда не надо. С гарантией бы свалился.

– Карраско, третий уровень почуять легче. Сам подумай, те же сигналки.

Хавьер сверкнул глазами на Амадо, но промолчал. Зато не удержался Серхио.

– А яд?

– То же самое. Лечить бы стали, мигом бы обнаружили. А вот эту дрянь... это и рыбки можно неудачно покушать. Стечение обстоятельств – вот и все. Но дней десять, а то и больше вы, тан Кампос, были бы недееспособны.

– Осталось понять, кому и зачем это нужно, – вздохнул мэр. – Я так, навскидку вижу два варианта. Либо кто-то хочет занять мое место... я попадаю в больницу, а кто-то перехватывает вожжи и как следует прогибается перед королем. А потом и на мое место лезет.

– Хороший вариант, я тоже о нем подумал, – согласился Амадо. – А второй?

– Хуже. Должно случиться что-то такое, чему я бы помешал, а кто-то другой не станет. А спишут потом на меня.

– Могут даже не списывать, – отмахнулся Амадо. – Но да, согласен. Или в плюс, или в минус. Или кто-то хочет вас подсидеть, или кто-то хочет крупно напакостить. Осталось выяснить, что именно...

Хавьер кашлянул.

– Да? – повернулся к нему Амадо.

– Знаю, – некромант впервые выглядел смущенным. – Понимаю, что глупости. Но... вот у меня полное ощущение, что проклятие на ту женщину в больнице – и на эти чашки накладывал один и тот же

человек. Некромант. И тоже... мне кажется, что через артефакт. Доказательств у меня нет, кроме чутья, но вот ощущение – такое.

Амадо с ним спорить и не подумал.

– Отец говорил, что Карраско отлично учат.

Правда, потом добавлял: хоть и сволочи. Но вторую часть высказывания Амадо просто опустил в интересах дела. Хавьер поднял брови.

– Он это признал?

– Он же учился у старого Карраско... чего удивительного? Друга надо уважать, а врага тем более.

Хавьер кивнул. Ладно-ладно, он был в курсе той старой истории. Тетка Сарита рассказала. Когда узнала, что он смог устроиться в столицу, сама, лично, приехала к нему и рассказала. И про мужа, и про его дела, и про Риалона. Работать-то Хавьеру предстояло под его началом.

Нельзя сказать, что это добавило молодому Карраско симпатии к Эрнесто. Больше всех мы не любим тех, перед кем провинились. Но...

Было ведь! И слов из песни не выкинешь.

– Оставим историю в стороне, – вмешался Вальдес. – А нечего тут припоминать друг другу... работать надо!.. Вы мне сейчас хотите сказать, что Веласкесы и это – связаны?

Хавьер пожал плечами.

– Хочу. Говорю.

– Кто такие эти Веласкесы? – сдвинул брови тан Кампос.

Амадо замер.

Помотал головой, словно пьяная лошадь.

– Кто такие Веласкесы, кто такие...

Хавьер открыл было рот, но получил от Серхио «добрый» взгляд – и закрыл рот обратно. Мэр тоже промолчал. Разницу между идиотизмом – и осенившей человека идеей... может, и безумной, но вполне рабочей, он понимал. Управленец же...

Амадо тряхнул головой.

– Тан Вальдес, тан Кампос, а правда? Кто такие Веласкесы?

– Купец...

– Да нет же... я пообщался с матерью Вирджинии Веласкес. Она странная... неправильная, если хотите. Кто она? Откуда? Кто отец

Вирджинии?

Серхио хмыкнул.

– Слушай, а вопрос правильный. Я его как-то не задавал, не пришлось к делу. Но и правда?

– Я видел детей Вирджинии. Я видел ее саму. Я видел ее мать. Они не похожи. Мать не такая, значит, и дочь и внуки пошли в отца. И они красивые. Моряк? Может быть, но как-то мне странно, – продолжил свою мысль Амадо. – Карраско, ты сможешь?

– Взять кровь у Вирджинии и ее детей? Могу. И что ты хочешь?

– Воззвать к духам родных. И посмотреть, кто отзовется.

Пусть Амадо и не был некромантом, но теорию он знал на «отлично».

Хавьер задумался.

– Если отец Вирджинии умер давно, он может не прийти. Лет за десять я ручаюсь, но вряд ли больше.

– Вот как хочешь, но у меня есть подозрение, что там нечисто, – вздохнул Амадо. – Попробуешь?

– Попробую. Сегодня же ночью.

Амадо кивнул.

– Вот и отлично. Дальше будем думать, когда что-то прояснится. А я пока схожу к сеньору Гомесу, узнаю, кому он делал чашки.

Хавьер подумал пару минут, потом снял с шеи кулон на серебряной цепочке. Обсидиановый кристалл в форме лезвия меча, оправленный в серебро так, что получался небольшой клинок, маслянисто поблескивал.

– Тан Кампос, я хочу, чтобы вы сейчас уделили мне около часа времени.

– Час времени?

– Да. Я сейчас настрою кулон на вас. Мы не знаем, кому можно доверять, но клинок подаст сигнал опасности. Будет покалывать, если рядом окажется обработанный некромантом предмет или какая-то пища, вода...

Тан Кампос кивнул.

– Согласен. Это надо.

– Вот и отлично, – согласился Вальдес. – А я, пожалуй, схожу к Наталии. Поговорю с ней как давний приятель...

– Защита есть? – озаботился Амадо.

– Есть. Твой отец делал.

Амадо кивнул. И даже не сомневался, что Тони ему помогла. С вещами у некромантки было определенное сродство, она отлично чувствовала, что и кому подойдет.

– Если получится, постарайтесь принести какую-то частичку сеньоры... как ее?

– Наталия Марина Арандо, – машинально ответил Серхио. – Постараюсь. Если что – ношенная вещь подойдет?

– Что получится, то и принесите. Попробуем и с ее вещами, – согласился Хавьер. – Тогда сейчас, тан Кампос, я занимаюсь вами, потом в больницу и к себе в лабораторию.

– Я к сеньору Гомесу, потом буду дальше копать, – кивнул Амадо.

– Поддержу компанию. Поеду к Наталии, а дальше будет видно, – согласился Серхио.

Мэр оглядел всех смеющимися глазами и подвел начальственный вердикт:

– Работаем, таны, работаем!

А что? Надо же вдохновлять людей на трудовые подвиги?

* * *

Мерседес и сама не поняла, как согласилась позировать для портрета. Наверное, потому, что набросок, который сделал тан Мальдонадо, ей ужасно понравился. На салфетке была такая красавица...

Она в жизни не такая.

И то, что говорит тан, он, конечно, из вежливости. Но приятно ведь!

И к сеньору Агирре тан Мальдонадо ее лично проводил. И даже попросил о пятиминутной беседе. Хотел лично извиниться, чтобы Мерседес не ругали за опоздание.

Девушка поблагодарила великодушного тана и отправилась для начала к столу. Ей предстояло посмотреть свои же рисунки, только с дополнениями и исправлениями. А потом – справочники.

Да, это все не так просто. Переписать таблицы совместимости тех же камней и металлов, разобраться в особенностях огранки, знать

температуры плавления...

Теория и только теория. Для начала. И только потом практика, когда мастер убедится, что ты не напортишь и не ошибешься. И сначала – под его приглядом.

Это вам не кирпичи класть, хотя и те жалко. Но кирпичей много, и стоят они всяко уж дешевле золота и бриллиантов. Ювелиру лучше не ошибаться. Или – для чего и нужно знать очень и очень многое – грамотно скрывать свои огрехи.

Мерседес уткнулась в книжки, а два мастера уединились в кабинете. Причем Гильермо Агирре смотрел на собеседника без всякой симпатии.

– Что вам угодно, тан?

Увы, сеньор Агирре очень не любил тана Мальдонадо. Не любил – и все тут.

Если копнуть глубже... Мальдонадо, конечно, был эпатажным, наглым, противным и вообще сволочью редкостной, но талант у него был недюжинным. Даже невероятным.

А вот сеньор Агирре, при всей своей добропорядочности, был ремесленником. Хорошим, умным, грамотным, но ремесленником. Кто-то летает, кто-то ходит по земле. В мире необходимы и те, и другие, но... как иногда бывает обидно лишенным крыльев!

– Ничего особенного. Я буду приходить каждый день, делать наброски. И прошу не сообщать об этом родным девушки.

– Вы не слишком многого хотите, тан?

Мальдонадо прищурился.

– Нет. Девочка – прелесть, и заслуживает, чтобы ей восхищались.

Гильермо Агирре сдвинул брови.

– Почему бы вам не попросить ее родных, пусть разрешат ей позировать?

– Потому что не разрешат, – отмахнулся Мальдонадо. – У меня нет плохих намерений, но доказывать это зашоренным идиотам я не стану. Больше времени убью, чем пользы добьюсь.

– Они не идиоты.

– Я поговорил с девочкой. Она умненькая, но это книжный ум. Ее развивали, но с жизнью она совершенно незнакома. Она либо сидела дома, либо везде ходила с мамой или папой, со слугами. Это – нормально?

– Хм-м, – таких подробностей Гильермо не знал.

– Она обычная сеньорита. Не ритана. Ее семья не из богатых и знатных. И такой подход? Чтобы девочка даже не знала, сколько на рынке осьминоги стоят? Напоминаю – не ритана!

– Я не знаю, – развел руками Гильермо. – ее бабушка не говорила.

– Она могла и не задумываться об этом. Для девочки все было в порядке, никто не жаловался, а бабушка и дедушка, надо полагать, не расспрашивали детей – настолько внимательно. Ее же не били, не ругали, не морили голодом. А клетка не душит, если ты в ней и родился.

Гильермо только вздохнул.

– Мальдонадо, я вас официально предупреждаю...

– А я еще раз повторяю – мне нужна девушка как натурщица. Вы сами на нее поглядите, Агирре. Она же великолепна!

Мальдонадо осознавал, что можно пригрозить, надавить... а зачем? Проще – договориться по-хорошему. Не всегда, но сейчас и можно, и нужно. Меньше времени потратится, да и палки в колеса вставлять не будут.

– Под присмотром, – сдался Агирре.

– Понятное дело. Вы будете учить, я рисовать. Вот и все. Может, разговаривать. Девочка будет свободнее и спокойнее...

Гильермо сдался и махнул рукой.

Ладно уж...

Все он понимал, в том числе и то, что Мальдонадо не произнес. Может, может так организовать ему неприятности. Запросто. Так зачем нарываться?

Ладно уж.

Пусть порисует, да и убирается ко всем демонам подземелья. Потерпит мастер дней десять-пятнадцать. Главное, поговорить с самой Мерседес, чтобы та не говорила лишнего.

Мерседес встретила мастера Агирре робкой улыбкой.

– Мастер, простите, что я опоздала.

– Ничего страшного, Мерседес. Надеюсь только, впредь это не повторится.

– Так получилось, – смутилась Мерседес. – Я... так Мальдонадо сказал, что из меня получится хорошая натурщица.

– Безусловно. Но вы сами понимаете, Мерседес, что репутация у тана Мальдонадо... сложная.

Мерседес кивнула. Имя тана гремело по всему Римату, не захочешь – услышишь.

– Поэтому все ваши сеансы будут проходить только здесь. И только в чьем-то присутствии. Вы согласны с этим?

– Да, сеньор Агирре. А...

– И вашим родным я пока ничего не скажу. Вы об этом хотели попросить?

– Да, мастер Агирре. Мне кажется, они будут против.

Не кажется. Но и запрещать мастер Агирре не собирался. Вальдес... да, он может доставить неприятности. Немного. Может быть. Потом.

А вот Мальдонадо – этот по мелочам не работает. И проблем будет много, сейчас и разнообразных. В этом мастер был уверен.

– Я никому и ничего не скажу. Но надеюсь, Мерседес, что и вы понимаете необходимость молчания.

– Да, мастер. А еще... я хотела с вами поговорить.

– О чем?

– У моей подруги есть немного жемчуга, который она хочет продать. И я тут эскиз нарисовала... может, вам понравится?

На рисунке было изображено невесомое кружево из жемчуга. Изящное, легкое, воздушное – идеальное украшение для невесты. Розетки, нити между ними, сочетание жемчужин...

– Восхитительно.

– А вот жемчуг, – выставила шкатулку Мерседес.

Мастер достал кусок белого бархата и принялся выкладывать на него жемчужины, поворачивая, оценивая цвет, форму, разделяя их по отделениям в специальной коробочке.

Проверил на подлинность, поискал дефекты.

– Восхитительно... и сколько она хочет за эту прелесть?

Цены на украшения Мерседес знала. Тереса вчера просветила, да и Феола согласилась. Вот и назвала, чуть выше рыночной. Потом немного уступила.

Мастер Агирре помялся, но согласился. Мерседес довольно улыбнулась.

В результате на руках у Феолы будет достаточно крупная сумма денег. На дом в столице, конечно, не хватит, но на мобиль – вполне. Или даже два мобила. Впрочем, Мерседес не завидовала.

Дружба же...

И кстати, для своих жемчужин она уже тоже придумала дизайн украшения. Получится красиво – и на каждый день. Когда-нибудь она сама его сделает...

* * *

– Как умер?! – искренне удивился Амадо.

– А вот так. Умер он. И не ходите сюда больше, хозяйка дом продает, сама уехала.

Попытка слуги выставить следователя из дома закончилась предсказуемой неудачей. Амадо уперся так, что его бы и мобиль не вытащил из прихожей.

– Когда умер? Куда уехала?

– Когда-когда... – слуга попробовал заворчать, но Амадо не был настроен на потакание чужим слабостям.

– Побеседуем в участке? Через трое суток? Я имею право вас задержать.

Слуга скрипнул зубами, но подчинился.

– Ладно... умер четыре дня назад. С лестницы упал и шею свернул. А хозяйка его тело повезла хоронить в монастырь святой Клариче, там и задержится, помолиться за упокойника.

– Ты давно у них работаешь?

– Нет, тан Риалон. Месяца три.

– Мастер Гомес просто упал с лестницы? Он пьяным был в хлам?

– Нет. Не было за ним такого.

– У него голова кружилась? Сердце шалило?

– Тоже вроде как нет...

– Тогда с чего он упал? Решил, что умеет летать?

Иронию слуга понял и насупился.

– Вы бы тан, того... повежливее. Не бывало у него ничего такого, с чего уж он упал – не знаю. Разве что...

– Что?

– Лицо у него было испуганное. Гримера хозяйка приглашала, так тот ворчал про судороги и что-то еще такое...

– Ага, – кивнул Амадо. – Испуг... так и запишем. А хозяйка? Он испугался, она – нет?

– У хозяйки проблемы со сном были, она снотворное всегда принимала, тан. Проснулась – мужа нет рядом. Пошла вниз, ну и... нашла.

– Ясенько, – протянул Амадо. – Хорошо. Говоришь, монастырь святой Клариче?

– Вроде как туда вещи отправляли.

Амадо попрощался и отправился к выходу. Монастырь этот не так далеко от столицы. Доедет. Три часа туда, три обратно. Надо только жене телефонировать, чтобы не ждала. Вернется он или ночью, или, что вероятнее, завтра утром.

* * *

Три девушки сидели в кафе. Феола и Тереса располагали собой более свободно, а Мерседес пришлось потихоньку удрать из дома. Ненадолго. Через калитку для прислуги.

И вообще это даже не безрассудство. Просто – ну кто ее там будет искать и ждать, особенно если все происходит спонтанно? Да никто!

Платье попроще надела, волосы прикрыла, вышла через калитку – и в кафе. Благо то совсем рядом с домом бабушки. А там и подружки ждут, и обратно ее Феола обещала проводить. Так что любому врагу не поздоровится.

Мерседес наслаждалась взбитыми сливками, Феола грызла бэзе, Тереса заказала себе любимый мармелад. Добавьте к этому ледяную фруктовую воду – осенний день выдался жарким, и получится картина полного счастья.

– Фи, вот твои деньги, – отдала кошелек Мерседес. И видя, что подруга собирается отсчитать несколько монет, качнула головой. – Я свой процент уже взяла, там бумажка с расчетами.

Феола кивнула.

– Хорошо. Спасибо, Мерче.

– А я столько всего узнала, – похвасталась Тереса. – Мне некромант все рассказал.

– Некромант? – ахнула более трусливая Мерседес.

– Да, – кивнула Тереса. – Вот, послушайте...

Девушки честно выслушали. Подумали.

Потом Феола потеряла лоб – и сформулировала идею:

– Мерче, тебе не кажется, что твоим родителям было сделано какое-то предложение, которое они решительно отклонили? После этого твоего отца убивают, мать попадает или в тюрьму, или в больницу, а бабушка и дед... они тебя так не охраняют. Верно же?

– Ну... да.

– Ты сама говорила. У вас дома и решетки на окнах, и замки магические, и сигнализация... зачем?

– Мама очень боится... ее в детстве напугали...

– В детстве? Или она знала, ЧЕГО надо бояться? Знает?

Мерседес задумалась.

– Она молчит. Как я у нее спрошу?

– У нее – никак. Кто может еще что-то знать?

– Моя бабушка? Со стороны матери? Но мы с ней практически не общаемся...

– Может, стоит пообщаться? – Вскинула брови Феола.

– Когда?

– Да хоть сейчас, – пожала плечами девушка. – Возьмем мобиль и поедем?

Мерседес решительно кивнула головой.

– Согласна. Треси, ты с нами?

– Неужели вы думаете, что я это пропущу? Мне тоже интересно!

Девушки обменялись улыбками. Интересно...

Главная движущая сила дружбы – общий интерес.

Феола тряхнула волосами, связанными в рыжий хвост, и подозвала официанта.

– Счет, пожалуйста. И найдите для нас мобиль.

Тан Серхио Мария Вальдес смиренно стоял у калитки и ждал хозяйку. И принципиально не заметил, как нахмурилась Наталия. Гость ей точно не понравился.

– Что вам угодно, тан?

– Здравствуйте, сеньора Арандо. Вы позволите зайти? Не хочу обсуждать наши дела на улице.

– У нас нет никаких дел, – нахмурилась сеньора.

– Ошибаетесь, – чуть понизил голос Серхио. – Дело об убийстве вашего зятя находится в моем департаменте.

Показалось Вальдесу? Да нет, не та работа, чтобы что-то казалось. Чай, не гадалка в шатре на ярмарке. Но... Наталия Арандо словно бы чуточку расслабилась. Она ожидала другого?

А чего? Что такого мог сказать Серхио, что убийство зятя стало пустяком? Или более предпочтительной темой для разговора?

Выясним и разберемся...

В доме сеньора Арандо уселась в кресло, показывая, что угощать гостя не намерена. Показала Серхио на соседнее.

– Располагайтесь, тан. Итак?

– Я хотел бы поговорить с вами о Джинни, сеньора. О том, что с ней случилось... возможно, корни ее нападения на супруга лежат в детстве?

– Вряд ли, – отмахнулась сеньора Арандо. – У нас было совершенно обычное детство.

– И где именно оно было? – вкрадчиво поинтересовался Серхио. – Как звали отца Джинни? Когда он умер? Кем он был по профессии?

Наталия сверкнула глазами.

– Это не имеет отношения к нашему времени.

– Ошибаетесь, сеньора. И то, что я здесь – просто любезность. Я могу поручить этот вопрос ребятам из департамента, и они все раскопают за пару дней. Просто не хочу их отрывать от работы. Может, вы сами все расскажете? Сэкономим время?

– Мой муж – Хуан Хосе Арандо, – отмахнулась женщина. – Жили неподалеку от Малагуа, он ходил в море на корабле «Санта Мария». На нем и погиб в шторм, когда дочке было всего два года. Нам выплатили кое-какие деньги, и я переехала в столицу.

– Выплатили деньги?

– Оказалось, что корабль затонул по вине хозяина, – Наталия пожалала плечами. – Погибли матросы, если бы подали на него в суд, это был бы ущерб для деловой репутации... да много для чего. Купцу не стоит слыть убийцей. Он предпочел уладить дела полюбовно.

– И выплатил достаточно много, как я погляжу?

– У меня и до того были деньги. Муж был старше меня, зарабатывал, откладывал. Я подрабатывала до рождения дочери.

– Кем, если не секрет?

– Служанкой. Называть имена хозяев я не стану. Не просите.

– Я могу сам узнать.

– Узнавайте. Но это почтенные и уважаемые люди. Я не хочу, чтобы их тревожила полиция.

Серхио задумчиво побарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

Не хочет она. Вроде бы все складно и ладно. Но откуда такое ощущение вранья? Словно бред сумасшедшего слушаешь?

Все логично, правильно, отточено и выверенно. Но допущена ошибка в исходной – и перед тобой чудовищное творение безумца. Что-то его царапало, цепляло, не давало жить спокойно.

– Хорошо. Скажите, что такого было нехорошего в жизни Джинни? Почему она так боялась?

– Не знаю, – задумалась женщина. – Может быть, переезд? Когда мы перебрались в столицу, ей часто приходилось оставаться одной, вот и начала бояться. Не знаю...

– Хорошо. Сеньора Арандо, можно попросить у вас стакан воды? И скажите, Джинни умеет обращаться с ножами? Точнее, она владеет оружием?

– Конечно, нет! Моя дочь приличная девушка! И вам это, кстати, хорошо известно.

Серхио намек уловил, но смущаться и не подумал.

– Прекрасно известно. Но что в этом такого? Моя дочь умеет защитить себя...

– Надо просто воспитывать девушек так, чтобы они не попадали в подобные ситуации, – отмахнулась дама. Встала, подошла к графину, налила Серхио воды. И смотрела она при этом так... лучше б я тебе яда накапала, гаду!

Впрочем, Вальдеса взглядами было не смутить. Вот еще...

– Сеньора Арандо, мне нужен ваш точный адрес. Как звали компанию, на которую работал ваш супруг. И лучше с подробностями и с документами. Вы мне их можете предоставить?

– Не могу. При переезде я многое не сохранила. Нас обокрали. Пропал чемодан с личными вещами, фотографиями...

– Какое горе, – не сдержался Вальдес. Впрочем, иронии в его голосе было многовато для сочувствия.

Женщина сверкнула на него глазами, но поругаться не успела. В дверь позвонили.

Марина едва не заметалась. Но... выбора не было. Серхио устроился в кресле, показывая, что его отсюда и силой не достанут, а звонок не умолкал. Сейчас всю улицу на уши поставит.

– Сейчас я вернусь, – процедила сеньора Арандо. И вышла вон.

Оставшись один, Серхио не колебался.

Он раненной под хвост рысью метнулся в ванную, огляделся, извлек из мусорной корзины несколько длинных темных волосков, завернул в бумагу и положил в карман. Выхватил из корзины для белья что-то кружевное, явно ношеное... но-но! Это на благо службы! Не надо тут неприличных намеков на похитителей дамского белья!

И метнулся обратно.

Едва успел.

И когда зазвучали шаги, уже сидел в кресле. Никуда он отсюда не вставал. И не собирался. И вообще... интересно же! Кто пришел?

* * *

В комнату вошли три девушки. Серхио тут же узнал Мерседес, и только головой покачал. Вот же соплячки!

И куда она лезет, позвольте спросить? Убил бы писателей детективов! Начитаются их вот такие девчонки – и в самое пекло лезут! И такое у них забавное представление, что всех убьют, а они останутся... провести их, что ли, в морг? К Риалону и Карраско?

Две других девушки были ему решительно незнакомы. Одна – симпатичная шатенка с живым улыбчивым личиком, этакое солнышко, теплое и уютное.

Вторая – рыжая, словно белочка, с забавным хвостиком волос сзади и веснушками на носу. Она и начала разговор.

– Добрый день, сеньора Арандо. Тан... простите?

– Вальдес. Серхио Мария Вальдес, к вашим услугам... ритана?

– Феола. Феола Амадина Ксарес. Прошу прощения за наше вторжение, но мы надолго не задержимся.

– Ничего-ничего, я посижу, – вальяжно откинулся на спинку стула Серхио.

Шатенка дернула рыжую за рукав и шепнула пару слов на ушко.

Феола прищурилась. Потом улыбнулась, широко и весело, во все зубы. И стала похожа на плотоядную белку. Вредную такую...

– Вот как? Тан Вальдес, не случится ли так, что мы находимся здесь по одному и тому же делу?

– Ритана?

– Нас очень интересует, что такого есть в прошлом милейшей сеньоры Арандо, что до сих пор отзывается на ее детях и внуках? Почему покушаются на Мерседес? Почему кто-то решил подставить Вирджинию Веласкес? И полагаю, ответы еще не получены?

– Да как ты смеешь?! – взвилась сеньора Арандо. – Вон из моего дома, наглая дрянь!

Феола скрестила руки на груди.

– Я никуда не уйду. И силой вы меня не выставите, не советую и пробовать. Получится базарная драка, нас всех уведут в участок, и там уж я вами займусь вплотную, деваться-то будет некуда. Так что советую отвечать сразу и без вранья. Как звали отца Вирджинии?

– Хуан Хосе Арандо, – процедила Наталия.

– Врешь, – коротко оборвала ее Феола. А потом вытянула руку вперед – и над ладошкой девушки вспыхнул крохотный белый огонек. – Я не самый сильный маг в этом мире, но определить, когда мне врут в лицо – могу. Как звали отца Вирджинии?

Чего ожидали девушки?

Криков, ссор, истерик... да чего угодно. Но не того, что женщина, с искаженным от гнева лицом, выхватит откуда-то из платья тонкий стилет – и кинется на Феолу.

Если бы Феола ожидала... она бы сумела защититься как-то иначе. Но магия была активна, и девушка сделала то, что сделала – кинула огоньком прямо в сеньору Арандо. И попала в грудь.

Наталия захрипела и начала оседать на пол.

– Твою ж.

Серхио вскочил на ноги. Да, он решительно не успевал, но ему ничего и делать не требовалось. Убийца... точнее, сеньора Арандо, убийцей она пока не стала, валялась на полу в глубоком обмороке. А бледная Феола встряхивала кистями рук, словно стараясь отчистить их от чего-то гадкого. Мерзкого такого...

– Фи?

– Что это было?

Девушки опомнились первыми. Феола резко выдохнула. И подумала, что «засветилась» бесповоротно и решительно. Но не давать же было себя убить? Вот еще не хватало...

– Так... отвечаю по порядку. Первое. С сеньорой все в порядке. Повалается, да и очнется. Слабость будет, головокружение, далеко не уйдет. Она не мертва и умирать не собирается, я успела остановиться вовремя.

Серхио перевел дух. Понятно, за самооборону девушке ничего бы не было. Но зачем усложнять людям жизнь? Правильно, не надо. А так сейчас он вызовет наряд, и поедет сеньора в тюрьму. А там-то он ее допросит подобающим образом. Не отвертится. Еще и некроманта пригласит. Так, для верности.

– Второе. То, что она мне соврала, я ощутила. Это не всегда получается, но я все же маг. И не из слабых. А вот реакция интересная... явно там что-то темное было, в ее прошлом.

О таком Серхио тоже слышал. Сильные маги могли определять, врут им или говорят правду. Работало это не для всех направлений, и не всегда, и с оговорками. Но вранье на прямой и четкий вопрос они почувствовать могли. Судя по всему, девочка – сильная.

– Третье. Она не совсем человек.

А вот тут уже Серхио словно иголкой ткнули.

– ЧТО?!

– Ее... если хотите, ее энергия отличается от нормальной. Если сравнивать воду из ручья – и воду из канализационной канавы. Вот у нее второй случай. Она человек, и основа тут явно человеческая, но что-то в ней такое...

Договорить Феола не успела.

Лежащая на полу сеньора Арандо открыла глаза.

А потом с силой, неожиданной для ее состояния, подняла руку. И направила стилет себе в сердце.

И тут уж, увы, не успел никто. Острое тонкое лезвие мгновенно нашло цель, проскользнуло между ребрами... и Серхио выругался уже вполне себе трехэтажным. Видел он такое...

Смерть. Практически мгновенно.

Тьфу, идиот! Навыки потерял, расслабился... надо было не девушку слушать, а вместо этого связать сеньору, да покрепче. А он...

Кресло начальства никому на пользу не идет, это уж точно!

Послушался шорох платья. Это сползла в обморок Мерседес.

* * *

Альба Инес расхаживала по комнате в негодовании. Муж только что позвонил, что уезжает по делам, ночевать не придет.

Куда уезжает?

В монастырь святой Клариче.

Осталось Альбе только зубами скрипнуть. Так бы она с мужем попробовала напроситься, но в монастырь?

Идиоток нет! Ей там точно делать нечего. Монашки ее почему-то не любят, и это вполне взаимно. Да и поездки с мужем у нее не ладились. Альба в любой поездке требовала, чтобы прежде всего внимание уделялось ей, опять ей и снова ей, а Амадо надо было работать, а не восхищаться женой, развлекать ее и выгуливать. Начинались ссоры, скандалы...

Понятно, Амадо поехал один! Но Альбу-то это не утешало!

Все повторяется раз за разом... зарррраза!

Снова и опять!!!

Как ей все это надоело! До ужаса, до крика, до сжатых кулаков, до разодранных в кровь ладоней! Почему, ну почему – ТАК?!

Почему все хорошо у Паулы? Муж от нее не отходит, она для него свет в окошке, и ведь не сказать, что Шальвейн какой-нибудь страшила или дурак... ну, не красавец. Но и не полный урод, и зарабатывает, и обаятельный... спустя пять минут на его внешность просто внимания не обращаешь.

У Антонии... Риалон! Да какая там работа?!

Это с ританой Барбарой он с работы не уходил. А с Антонией... нет, нельзя сказать, что он забросил работу, но он поступил еще лучше. Антония ведь тоже некромант, и радостно делит с мужем его службу. Не постоянно, но достаточно часто. И снова оба довольны и счастливы!

И только у нее все плохо!

Захотелось взвыть. Пришлось ограничиться вазочкой, запущенной в стену, – вдруг тушь потечет? Куда уж тут плакать?!

Почему, почему именно у нее все сложилось ТАК?! Она же первенец, любимица, красавица, она намного лучше и Паулы, и Тони, все мужчины были у ее ног! А эти обе.... Ну, так себе.

А сейчас почему-то все наоборот...

И морщинки, и первые седые волоски...

Мысль о том, что надо меньше обращать на них внимания, тогда и остальные не заметят, к Альбе и близко не подлетала. Боялась – загрызут.

И денег мало, и на новый мобиль не хватает, приходится на старом, пятилетней давности раскатывать, а это уже неинтересная модель. Хочется-то менять их... ну, хотя бы раз в год. Лучше – в полгода.

И ремонт дома давно не делался. Вот Инга месяц назад сделала, а она?!

И сына надо бы в университет, а для этого экономить приходится! И... и даже просто прогуляться и выбрать себе украшение у ювелира она не может.

Почему, ну почему жизнь так несправедлива?!

И муж... ладно бы Амадо ее любил! А то уходит рано, приходит поздно, иногда вообще задерживается на работе до утра... нет, не изменяет, она проверяла. Даже приезжала несколько раз, и видела, как он сидит в кабинете, над бумагами.

Не было там любовницы. Но... Но и ее муж не любит.

Альба хлюпнула носом.

– Мам, дай денег?

В любимого сына полетела подушка с дивана. Нашел время, с-сынок....

Карлос даже не смутился.

– Мам! Ну ма-аааам!
Альба сверкнула глазами на сына.
– Карлос, уйди по-хорошему!
– Мам, ну ты чего? Мне с ребятами хочется прошвырнуться... скоро ж опять учиться! Дай денег, а?
– Ты заработать их не пытался? – огрызнулась женщина. – Только и слышу – дай, подай... взрослый уже!
Карлос только головой покачал.
– Что, отец опять на работе? Ладно, пойду к деду съезжу...
В сына полетела вторая подушка, но он уклонился и скрылся за дверью. Альба рухнула на диван и... нет, не залилась слезами. А решила назло Амадо...
И что?
Пойдет она одна, погуляет, по магазинам... ладно! По магазинам не пройдет! Денег нет! Или зайти, хоть померить? Нет, по закону подлости, там окажется кто-то из знакомых, начнутся издевки, они-то себе все купить могут, а она даже не песеты, а сантимом считает...
Альба подошла к зеркалу, надела шляпку... а что? Хороша ведь!
Вот и иди, покажи себя миру! Пусть завидует! У кого деньги, а у кого красота, ум и обаяние! И точка!

* * *

Серхио посмотрел на стоящую перед ним рыженькую девушку. И что ей надо? Он вот наряд вызвал, сейчас тут будет весело и интересно...

Феола не заставила его долго размышлять.

– Тан Вальдес, а можно Мерче домой отправить? И Треси с ней как раз поедет, сопроводит? Я останусь и отвечу на все ваши вопросы. Обещаю.

Серхио задумался.

С другой стороны... зачем ему сейчас все три девушки? Держать их тут полдня? Где их найти, он знает, как зовут – тоже. Потом сам лично съездит и допросит. Или вон, Амадо поручит.

– Хорошо. Сейчас приедет полиция, и я отпущу ваших подруг домой, ритана. А вы сможете остаться и ответить на мои вопросы?

Феола кивнула. Рыжий хвост задорно подпрыгнул.

– Смогу.

У нее был собственный коварный расчет. Ей тоже нужна помощь полиции, а кого тут еще и просить? Если зверек на ловца выбежал?

– Хорошо. Я к ним потом сам съезжу...

Феола качнула головой.

– Не надо, пожалуйста. Мерче просто запрут дома. И Треси может тоже прийти сама, просто в удобное для всех время. Пожалуйста. У нее тетка – такая кобра, узнает, что племянницей полиция интересуется, вообще загрызет. И родители шипеть будут.

– Может, и не мешало бы дома посидеть? – ехидно поинтересовался тан Вальдес.

Феола пожала плечами.

– Тогда бы эта тетка и дальше вам голову морочила.

– Без вас бы разобрались. А сейчас... это все же бабушка Мерседес.

– Я вижу, как она внучку любит, – фыркнула Феола. – Ни фотографии, ни еще чего...

Серхио посмотрел на девушек, которые держались за руки. Обе были потрясены увиденным, но уже оттаивали. Треси всякое повидала за свою жизнь, Мерседес пришлось сложнее всех, и то... сомнительно.

Наталия хоть и была ее бабушкой, но общалась с внучкой раз в год, и то кое-как. Придет, посмотрит, уйдет. Ласку и любовь Мерседес получала от Веласкесов, к ним и тянулась. Хотя когда при тебе такое устраивают...

Все равно проблемы будут. И кошмары, наверное, будут. А может, и нет. Пройдет, да и забудется, заслонится новыми впечатлениями.

– Хорошо, – решил не добавлять девушкам негатива Вальдес. – Сеньорита Веласкес, сеньорита Наранхо – сейчас приедет полиция, и я отправлю вас домой. С сопровождением. Нет-нет, не переживайте, вас просто проводят, чтобы все было в порядке, домой заходить не будут и на глаза лезть тоже. Доведут до места и уйдут.

– Спасибо, тан Вальдес, – в один голос сказали девушки. – А Фи?

Серхио хмыкнул.

Кажется, девушки решительно подружились. Если они сейчас спрашивают не о своих проблемах, а о подруге. Это хорошо. Говорят, женской дружбы не бывает?

Вранье! Еще как бывает, особенно если девушки не делят ни мужчин, ни деньги. А здесь и сейчас они ничего не делят. Хорошо бы так и дальше было...

Серхио стянул с кресла накидку и прикрыл труп. А потом не удержался.

– Ритана Ксарес...

– Можно просто Феола.

– Феола, а что у вас за магия?

– Я огневичка. Немного.

– Понятно...

Серхио очень хотелось покопаться в шкафах и бумагах покойной. Ну просто очень-очень. Но пришлось удержаться. Потерпит он до приезда полиции, немного уже осталось. А пока можно и светскую беседу.

– Сегодня отличная погода, не правда ли?

* * *

Отличная погода стояла и в Лассара, Тони полусидела-полулежала в кресле на лужайке, неподалеку носились и от души визжали дети. Эрнесто устроился рядом так, чтобы касаться руки супруги. И с улыбкой оглядывал Лассара.

Да, когда-то здесь было совсем не так. Разруха, запустение, одиночество.

А сейчас?

Сейчас это – дом. Живой, уютный теплый... и он сам помог ему таким стать.

Пришлец? Примак?

Может, еще поглупее какие слова подберете? Эрнесто ни на секунду себя таким не считал. Он просто стал одним из Лассара, и это отлично. Это и его дом. И его жена, дети... ему здесь хорошо и уютно. И старый замок отлично принял некроманта.

Фамилию Риалонов будет продолжать Амадо, а Эрнесто ни о чем не жалел. А еще, в отличие от многих, он понимал, что счастье – это тоже работа. Вот как у садовника.

Есть у тебя яблоня, и яблоки она дает шикарные. Но ведь за ней ухаживать надо! Поливать, окучивать, или что там с деревьями делают? В этом Риалон не разбирался, но точно знал, само по себе ничего не делается. Если ты соизволяешь, в лучшем случае, пару раз в год эту яблоню полить – не жди хорошего урожая.

Вот и с любовью так же.

Надо каждый день вкладывать и вкладывать тепло, чувства, отношение... да, надо и красивые слова говорить, но надо же и дела делать! Эрнесто не уставал повторять жене, что любит ее. И в то же время – он оплачивал ремонт Лассара, он разговаривал с рабочими, он...

Тони только обстановку комнат продумывала.

А как иначе?

Она уже ребенка ждала, ей вредно было волноваться, поэтому жена оставалась в столице, под тщательным присмотром, а он мотался между столицей и Лассара. И до рождения ребенка, и полтора года потом...

И ведь справился!

И принял, полюбил Лассара. А эта земля приняла его. Так что – все было сделано не зря.

Под рукой шевельнулись тонкие пальчики супруги. Сейчас они отекли из-за беременности, но Эрнесто это не смущало. Жену он любил, и продолжал бы любить, даже обмажься она грязью. По уши.

– Что-то не так, солнышко?

Тони посмотрела на мужа. Подумала пару минут, прикусила губу.

– Не знаю. Понимаешь, вроде бы все хорошо, а предчувствие у меня такое... не слишком приятное. Словно где-то гроза будет.

– Не у нас?

– Вроде бы нет.

– Попробуй подумать о себе... нет?

– Нет.

– О ребенке?

– Тоже все в порядке.

– Тогда... Долорес, сеньор Хуан, Шальвейн, Паула, дети, племянники... Амадо, Альба...

Тони сдвинула брови.

– Да... мне кажется – да.

– Вальдес?

– Тоже.

– Столица? Твой магазин?

Тони развела руками, показывая, что не знает. Вроде бы и оно, но... нет точных определений. Просто – предчувствие. То, которым не пренебрегают некроманты.

– Я телефонирую сыну. И Вальдесу тоже.

Тони чуточку расслабилась.

– Спасибо, родной мой. Может, ты...

Эрнесто сдвинул брови.

– Я. Никуда. Не. Поеду.

Сказано было настолько категорично, что Тони не решилась настаивать дальше. Она тоже своего супруга изучила за эти годы. Здесь и сейчас – она и дети для него самое важное. А мир пусть спасает кто-то другой. Авось, справятся.

А если нет... значит, и он бы не справился.

– Ладно. Тогда после родов поедем.

– Через два месяца после родов.

– Да, конечно. А пока... пожалуйста, телефонируй им? Чтобы я не волновалась? Сейчас, когда ты это предложил, мне все же стало полегче.

– Обещаю, – кивнул Эрнесто. – Вечером, чтобы наверняка.

Тони откинулась в шезлонге. Да, пожалуй, так будет лучше. Спокойнее, точно. Сейчас она не боец, да и Эрнесто тоже, слишком он будет за нее волноваться.

И почему все случается так не вовремя? Что бы стоило этим проблемам подождать до родов?

* * *

– Что?! Но – как?!

Куда уж тут сохранить в тайне вылазку? Когда Мерседес едва на ногах стояла?

Треси – та оказалась крепче, Феола и вообще принимала смерть как естественное течение жизни.

А вот для Мерседес это оказалось серьезным шоком.

Очень серьезным...

Она всю обратную дорогу прорыдала на плече у Треси. Да и можно понять девушку. Узнать такое о своих родителях, увидеть самоубийство своей бабушки... пусть паршивой, между нами-то говоря! Но родственница же!

А еще – сама смерть.

Мерседес выбило из колеи еще и это.

Она рыдала и рыдала, и к моменту появления на пороге особняка Веласкесов была уже в полуистерике.

Хорошо еще Идана Мерседес не растерялась. Перехватила внучку, кивнула служанкам и лично влила в девчонку бокал крепкого коньяка. Доза оказалась убойная, едва ли не в прямом смысле.

Мерседес икнула, чихнула – и принялась заваливаться набок.

– Отведите ее в комнату, разденьте, укройте, Анна, ты с ней посиди пока, – отдала распоряжения бабушка. И переключилась на Тересу. – Что случилось?

Разумно.

Сначала надо узнать, что именно случилось, потом уже действовать.

Тереса вежливо поклонилась.

– Добрый день, сеньора Веласкес. Мое имя Тереса Мария Наранхо.

– Рада знакомству, сеньорита Наранхо. Итак, что же случилось? Почему моя внучка вернулась домой в столь прискорбном состоянии?

Тереса соврала бы. Но все равно правда выплывет наружу, если не от Мерче, то от полиции. А значит, и смысла нет хитрить и крутить.

– Так получилось, что мы с Мерче знакомы. И дружим.

– Я не знала об этом, – нахмурилась бабушка.

Тереса решила чуточку увильнуть.

– Вы в курсе, как строго мать относилась к Мерседес, они везде ходили только вместе. Мерче даже не знала, сколько осьминоги на базаре стоят!

– Хм...

Идана Мерседес Веласкес легко додумала остальное. На что и рассчитывала Тереса. Если невестка (да будь она хоть какая золотая, Идана все равно ее самую чуточку недолюбливала) не давала девочке

жить и дышать... понятно, что Мерседес стремилась оставить для себя чуточку свободы. И могла не рассказывать о подругах.

– Мы дружим, – спокойно подтвердила Треси. – Я, Мерседес, ритана Ксарес.

– Ритана Ксарес?

Тереса пожала плечами.

Ну да, обычно аристократия стремится дружить со своими, но Феола на все эти условности чихать хотела.

– Феола приехала из Колоний.

– Ах, вот оно что, – успокоилась Идана. Что ж, тогда все объяснимо. И дружба девушек, и примкнувшая к ним ритана... – Где вы познакомились, кстати?

– В ателье сеньоры Наранхо.

– Я слышала о Пилар Наранхо, – чуточку сморщила нос женщина. Идана Мерседес могла бы заказывать у нее платья, но переплачивать за моду? Нет, купцу такое не нравится. Она может позволить себе заплатить бешеные деньги за тряпочку, но зачем? Если в другом месте то же самое и лучше, и дешевле? Обычная практичность.

– Это моя тетья, – развела руками Тереса.

Идана успокоилась окончательно. И, к большой радости Треси, не задала неприятный вопрос – когда? А вот когда вы познакомились, а?

– Хорошо. Что случилось сегодня?

– Простите, – потупилась Тереса. – Так получилось, что мы невольно... мы же не знали, что вы решили все скрывать от Мерче...

Идана сдвинула брови, но потом только что рукой махнула. Надолго скрыть такие вещи не удастся, скоро надо будет и младшим все рассказать. Увы.

– Допустим.

– Мы обсуждали поведение вашей невестки, сеньора. И решили, что его корни надо искать в детстве.

– Так...

– Мы отправились к сеньоре Арандо.

– К этой... – едва не сплюнула ругательство уважаемая сеньора.

Вовремя сдержалась.

Тереса развела руками. Да, к этой. А куда деваться?

– И что она вам сказала?

– Ничего, сеньора. К ней пришел полицейский. И сеньора Арандо покончила с собой у нас на глазах.

А вот теперь сеньора Веласкес не смогла сдержать весьма простонародного выражения. И кивнула Треси на столик и два уютных кресла.

– Садись. Я сейчас прикажу принести кофе, сладости... или что-то посерьезнее?

– Нет, благодарю, – решительно отказалась Тереса. – Кофе мне хватит... гадкое было зрелище.

– Даже не сомневаюсь, – прошипела Идана. И увлекла девушку за собой.

Два часа.

Три чашки кофе. И все же кусок пирога.

У Треси были выспрошены все подробности, вплоть до самых-самых мелких. Кто как ходил, кто что говорил, и даже о чем думала лично Треси. Про ритану Ксарес в том числе. Надо же знать, с кем общается родная внучка?

Надо.

Сеньора Идана щедро добавила в кофе ликер, правда, Треси не предложила, но сама даже чуточку опьянела. Треси слушала.

Внимательно.

– Никогда мне эти Арандо не нравились. Но надо отдать должное – красотки невероятные. Я рада, что Мерче в мать пошла... но что это может быть такое? Безумие?

– Мне кажется, нет, – качала головой Тереса. – Что-то она хотела скрыть...

– Смертью?

– Не знаю.

– Странно это как-то...

– Дорогая? – заглянул в гостиную сеньор Веласкес. – Что случилось?

– Ничего хорошего, – честно ответила ему супруга. – У нас еще один труп.

– КТО?! – ужаснулся Гонсало Веласкес.

– Наталия Арандо.

Гонсало по-простому подвинул табурет к столику, плюхнулся на него и налил себе ликера в большую чашку, не оскверняя его никаким кофе. Налил бы и чего покрепче, да на столе не было.

– Это – КАК?!

– Вот так, – вздохнула супруга. – Покончила с собой.

– Почему?!

– Подробности сейчас выясняет полиция. Наверное, мы отправим сеньориту домой, а я расскажу тебе подробности. Хорошо?

– Да, конечно, дорогая.

– Это сеньорита Тереса Мария Наранхо, она дружит с нашей Мерче. Треси, дорогая, я надеюсь, вы будете к нам приезжать?

– Я буду счастлива, – кивнула Тереса. – Я работаю, но друзья важнее. Тем более, если нам не надо будет прятаться.

– Не надо, – решила Идана Мерседес.

Выздоровеет ли там невестка, и если да – то когда? А, неважно...

Идана против того, чтобы внучку держали в коконе. Треси совершенно права в одном. Мерседес – не ритана, и ей надо уметь и знать многое, а не расти оранжерейным цветком.

Надо с утра поговорить с Мерче. А сейчас рассказать все супругу.

М-да... сюрпризы.

Лучше б сынок вообще не женился! Вот!

Глава 6

Давным-давно...

Хотя нет.

И не так давно, и очевидцы еще остались, и узнать эту историю можно, если расспросить кого надо!

Это так только кажется, что тридцать лет и три года – срок немалый. Ан нет.

И кто-то помнит, кто-то знает, а кто-то и присутствовал. Может, даже свечку держал.

В то время Аурелио Августин был молод. Горяч, да... и очень, очень нравился женщинам.

А вот ему нравились далеко не все. Увы, пресыщение у короля наступило достаточно быстро, как раз годам к тридцати.

Скучно, таны и ританы, просто – скучно!

Вот стоит перед тобой красивая женщина, глазки строит, ресничками хлопает, декольте чуть не до пупа, а в глазах, на самой глубине зрачков, одно и то же начертано.

Деньги. Земли. Королевская милость...

И как такое любить прикажете? Да ладно – как! А зачем?

Вылезешь из постели с такой красоткой, а она, не успев отряхнуться, и начинает.

Нельзя ли, ваше величество, вот такую проблемку решить... я ж вам дала со всем усердием? А теперь и вы мне дайте...

Кто-то просит изящнее, кто-то более топорно. Смысл один и результат один и тот же.

Аурелио Августину это надоело уже давно. Только вот... родная жена ему надоела еще больше. Что уж там, заключаются браки-то на небесах. Но расхлебывать последствия надо здесь, на земле. А короли в этом отношении вообще самые несчастные и обиженные. Потому как вынуждены искать ровню. Или хотя бы приданое.

Земли, связи, международные отношения... это все учитывается при королевском браке.

Есть такая сказка про нищенку, которая прокралась на королевский бал, и принц в нее влюбился... да любой король сначала

рассмеется от этой сказки, а потом – увы! Заплачет.

Потому что нищенка может прокрасться на бал. И принц в нее влюбиться тоже может. Ладно уж, и не такие чудеса бывают.

Но чем все это закончится, король тоже знает. Отравят несчастную дуручку. Еще до рождения первенца и отравят. Или еще быстрее... дайте только королю чуточку наиграться.

И – все.

Нет, не соперницы отравят. Даже и не рассчитывайте.

Отравит ее королевская родня. А то и тайная полиция. Или кто из приближенных. Просто потому, что королевский брак – это капитал всей страны. А не всякая там романтика под одеялом.

Вот и Аурелио Августин женился по расчету.

Такие браки бывают счастливыми. Спору нет. Но не в этом случае. Супруга, увы, досталась ему не девушкой и попробовала почти сразу после свадьбы наставить мужу рога.

Получила по полной программе. В некоторых случаях неважно, король там или плотник, рогами они пытаются неверную жену забодать одинаково активно.

До смерти ее забодать было нельзя, но круг общения королевы резко ограничили, приставили к ней полтора десятка очень доверенных фрейлин, и контролировать стали очень жестко. Ну а огорченный король принялся делать супруге детей и искать утешения на стороне.

И кто бы сомневался, что этим воспользовались его придворные.

В том числе и...

Эту горничную в дворец устроил герцог де Медина. Что ему стоило?

Пару слов тут, фраза там – и вот юная Наталия степенно обмахивает метелочкой пыль со старинных фарфоровых ваз. И очаровательно улыбается.

Ах, как она хороша собой!

Черные волосы, гладкие и блестящие, точеный профиль, огромные глаза, фигура – мечта любого мужчины от семнадцати до восьмидесяти! Впрочем, юная Наталия ко всем относится одинаково спокойно и ровно, никого не выделяя.

Она ждет.

Ждет спокойно и уверенно, ждет той минуты, когда на нее обратит внимание его величество. И кто бы сомневался – он обращает. С подачи, кстати, того же герцога, который просит у его величества позволения соблазнить одну из горничных, а то там такая красotka, что просто слюни текут. До пояса. Там уже не текут – наматываются.

Впрочем, герцог благородно соглашается уступить красотку его величеству. А та и не сопротивляется. Она отвечает королю взаимностью, поддерживает все его фантазии, соглашается на любые условия, ничего не просит и не требует. Его величество даже слегка привязывается к красотке.

Настолько, что на это обращает внимание королева. Она ведь тоже не полная дура...

И на рождение ребенка требует от супруга прекратить все отношения с Наталией Арандо.

Да, есть и такой обычай.

Хочешь, чтобы твой ребенок был здоров? Выполни первое желание супруги, которое она произнесет после родов. Поверье, конечно, но ему частенько следуют.

А вдруг?

Хотя обычно ничего такого женщины и не желают. Деньги, может, украшения, может, еще что-то... не слишком сложное, то, что легко выполнимо. Это ведь и их дети тоже.

Но в данном случае... королю осталось только скрипеть зубами. И – честно сказать все любовнице.

Наталия снова повела себя необычно. Она склонилась перед королевской волей, не стала требовать, уговаривать, просить, скандалить и рыдать. Но попросила у короля последнюю ночь.

Единственную на всю жизнь...

Кто бы смог отказать? Уж точно не Аурелио Августин.

И ночь они с девушкой провели вместе, да такую, что у кровати одна ножка отломилась.

И денег он ей с собой дал.

И свой перстень.

Да, он обещал, и он расстанется с Наталией. Но оставит ей возможность попросить у него помощи. Такая вот романтическая история...

А то, что перед этой самой ночью Наталия посетила одну симпатичную пещеру...

То, что Синэри на нее слегка воздействовала...

То, что из дворца Наталия ушла беременная... это кого-то волнует? Нет?

Вот и правильно.

Герцог де Медина решил, что отпрыск королевской крови ему не помешает. Жениться и получить права на престол? Нет, в то время он о таком не думал. Да и не факт, что родится девочка, и выдать ту, которая родится, за полноценного человека тоже не получится.

Наталия не подвергалась сильным изменениям, чтобы никто и ничего не заподозрил, потому, кстати, и выжила. Но Вирджиния все равно была наполовину из мединцев. И это достаточно легко было обнаружить... любой маг, хоть бы и храмовый – и вот!

Результат налицо.

Нет, у герцога де Медина на уме было другое.

Кровь же! Любой, кто знает хотя бы азы магии, поймет, о чем идет речь. Где кровь, там и воздействие. Любое. Вообще любое, от проклятия до благословения. А уж как это использовать... посмотрим по ситуации!

И нет, за себя де Медина не боялся. Его-то родство с династией весьма и весьма условное. Считай, его род – мединцы.

Наталия ушла, родила девочку, спокойно воспитывала ее на полученные от короля деньги, да и герцог кое-что ей подбросил на приобретение дома... да, в столице. Пусть будет поближе к нему, так спокойнее.

А потом...

Потом случилось нечто, нарушившее все планы мединцев. Их гибель.

И изгнание Синэри Ярадан.

Наталия уцелела – она все же была изменена ровно настолько, чтобы не вызывать подозрений.

Уцелела и Вирджиния – ее никто и никогда не водил к Синэри. Любое изменение – и считай, королевская кровь потеряна навеки. Зачем?

Не надо такого...

Вирджиния знала, что с ней что-то не так. Она видела и свою мать, и видела себя, и Наталия ей кое-что рассказывала... не о короле, нет. Но о своем происхождении Вирджиния знала.

Наверное, единственный раз, когда она была человеком, когда поддалась чувствам – это был ее опыт с Серхио Вальдесом. А потом...

Медицы не способны чувствовать. Вот и все.

Любить не могут, жалеть, сострадать, вообще не ощущают того, что делает человека – человеком. Души у них, увы, нет. Большей частью.

Им бывает больно, их можно напугать или развеселить, но это слегка... механически. Смешно?

Будем смеяться.

Грустно? Будем плакать... как-то так.

Но преданность... о, это было прописано в мединцах на уровне инстинкта. Кому же нужна паства, которая имеет свое мнение? Уж точно не Синэри.

Если бы не изгнание демонессы, Вирджиния никогда не смогла бы завести отношения с посторонним человеком.

Не вышла бы замуж... или вышла за того, на кого укажет герцог.

Не родила бы детей.

Не, не, не...

Синэри не стало. И марионетки обрели свободу.

А королевская кровь, оставшись без присмотра, влилась в род Веласкесов и преотлично себя чувствовала до недавнего времени. И никто о ней не знал.

Ни король, ни кто-то из придворных... только вот получилось недавно, что когда двор начал возвращаться в столицу, один человек таки узнал Наталию Арандо. Случайно увидел на улице.

И вспомнил ту историю.

Вспомнил, проследил, узнал о ее дочери, о ее дате рождения... навел справки.

И сообразил. И кто, и от кого, и что из этого следует.

И даже рассказал об этом кому не надо. Сам поплатился за глупость и погиб в результате «несчастливого случая», но для Арандо было уже непоправимо поздно.

О ней узнали.

И – пришли...

* * *

Кабинет Серхио Вальдеса был рассчитан на подследственных, задержанных и подчиненных. Даже на начальство. Так что испытание в виде Феолы он выдержал с успехом.

Серхио устроился в своем кресле, пригласил девушку садиться поудобнее, распорядился принести еще кофе, сладости... девушка оттаяла быстро.

Первой начала разговор Феола.

– Тан Вальдес, а вы можете навести справки о человеке?

– Могу. О ком надо навести справки?

– Я потом расскажу, – махнула рукой девушка. Она уже отлично понимала: хочешь что-то получить? Придется и дать. – Давайте для начала разберемся с вашими вопросами, это нужно для дела. А мое может пока подождать.

– Хорошо, – согласился Серхио. – Итак, ритана Феола, вы маг. Огневик.

– Слабый. Но определить, когда мне врут – могу.

– Проверить можно?

– Конечно.

– Определите, где я вру? Мне нравится синий цвет. Мне нравится красный цвет. Мне нравится черный цвет.

– Пока нигде.

– Допустим. Я дружу с таном Риалоном. Я дружу с таном Карраско. Я дружу с таном Лопесом...

– Второе. Кто бы ни был ваш Карраско, вы его явно не любите. И не дружите.

Серхио задумчиво кивнул. Что есть – то есть. Не любит и не дружит.

– Хорошо. Ритана, расскажите мне, как вы познакомились с Мерседес Веласкес?

Феола пожала плечами и принялась рассказывать. Серхио помрачнел очень быстро.

– Похищение...

– Да, было похоже на то.
– Понятно. Ритана, вы не против, если я сейчас вызову одного человека? Следователя, который занимается этим делом?
– А вы его еще не вызвали?
– Вызвал, – обаятельно улыбнулся Серхио. – И мне кажется, он должен все услышать из первых уст.
– Пожалуйста.
Серхио подошел к двери кабинета и распахнул ее.
– Амадо, ты уже здесь?
– Да.
– Заходи. Знакомьтесь, ритана Феола Амадина Ксарес. Тан Амадо Эрнесто Риалон.
– Очень приятно, – вежливо поздоровался Амадо. И даже не понял, почему так вспыхнула Феола. Ярким румянцем, багряным, залившим и шею, и уши...

* * *

Если бы тан Ортис не воспользовался представленной ему возможностью, он бы себе век не простил!

Испортить врагу настроение? Да это ж радость! Понимать же надо!

Вот он – гад! Гуляет по набережной с очаровательной Алисией... Рауль привычно оценил девушку еще и издали.

Хороша!

Красотка, фигурка прекрасная, улыбка... не слишком умна? Так женщине и не обязательно! У Рауля на этот счет было свое ценное мнение. И гласило оно, что женщина должна украшать жизнь.

Как его мама, как его сестры...

А что-то обсуждать с ней ну совершенно не обязательно.

Получив весточку от Феолы, Рауль злобно ухмыльнулся своему отражению в зеркале, быстро оделся – и направился на набережную. В это время там было полно народа.

Знакомые, друзья...

Найти Анхеля Толедо?

Нельзя сказать, что Рауль смог это сделать сразу-сразу, но смог же! И почти за рекордно короткое время – какие-то полчаса! Помогло еще и то, что Алисия набережной не знала, и тан Анхель одну за другой показывал ей красоты Римата.

И знаменитый маяк, и плитку, которая помнила еще Завоевания, и старый корабль, сохраненный для потомков, и ряды с сувенирами... вот там их Рауль и догнал.

Алисия как раз прикладывала к запястью браслет, искусно собранный из морских камней, стекла и мелкого жемчуга. Дешевка, конечно, но и такое в шкатулке иногда нужно.

Анхель страдал, нагруженный симпатичной шкатулочкой, роскошными перьями неведомой птицы и кубком из ракушки...

Тут-то и настиг их Рауль.

– Ритана Алисия! Бог мой, какая чудесная встреча!

– Тан Ортис! – чуточку покраснела Алисия. – Здравствуйте, я рада вас видеть.

– Толедо, – небрежно кивнул Рауль сопернику. И припал губами к запястью Алисии. – Ритана, вы не представляете, как удачна наша встреча.

– Да?

– Да, конечно! Я ведь пришел сюда специально... – выдержал паузу, чтобы Алисия прониклась, и поцеловал ручку еще раз. – Я хотел выбрать подарок сестричке. Но сам я так мало понимаю в ваших дамских штучках... может быть, вы мне поможете? Чтобы я купил то, что действительно может понравиться юной ритане?

– Но я не знаю вкусов вашей сестры, тан Ортис.

– Обещаю вас познакомить. Вы ведь примете приглашение на день рождения к Офелии? Ритана?

– А...

– Это будет через десять дней. Но подарок лучше подобрать заранее... это так сложно! Вы мне просто жизнь спасете! Ритана, хотите я на колени встану!

– Ты бы шел отсюда, Ортис, – прошипел Толедо.

Рауль улыбнулся ему во все тридцать зубов.

Будь Анхель Толедо тут один, он бы уже летел головой вниз с причала. Но сейчас – нельзя.

Женщины любят жалеть.

Хлебом их не корми, дай спасти какого-нибудь униженного, оскорбленного, страдающего... и плевать дурам, что его вообще бы не спасать, а прибить. За все его выходки! Так что обижать – нельзя. А вот обидеться...

– Тан Толедо, я понимаю, что между нами хватает разногласий. Но я обращаюсь сейчас не к вам, а к ритане Ксарес.

– Лоуренсио доверил сестру мне!

– Так я же не возражаю. Вы можете оставаться с нами и опекать ритану и дальше. Раз уж дядюшек-тетушек у нее не нашлось, – ловко перевел стрелки Рауль. А вот так тебя! Не кавалер, а почти родственник!

– Я...

– А мы сейчас сходим в лавки, торгующие шелками и пряностями. Если ритана не возражает.

Алисия не возражала.

Шелк она любила, но в Колонии его привозили редко. Не слишком ходовой товар, да и дорого. И само по себе дорого, и везти его дорого. Проще местными тканями обойтись. Ситцем, сатином...

– И я знаю одну лавочку, в которой торгуют мехами.

Анхель проиграл окончательно и бесповоротно. Он эту лавочку, кстати, тоже знал. Но не заходил. Не с его доходам выкладывать по пятьдесят-шестьдесят реалов за пару собольих шкурок. А то и подороже бывает.

А вот Ортис может...

Впрочем, сдаваться Толедо не собирался. Хотя было до ужаса обидно. Прогулка накрывалась привычным местом, ритану все увидят в компании и его, и Ортиса, и... то есть опять заявить свои права на добычу не выйдет. Но это же только сегодня!

А так...

Пусть Ортис развлекает девушку.

Пусть платит.

А потом – потом Анхель подумает, как обернуть обстоятельства себе на пользу.

И – увы. Вопрос, как именно их нашел Ортис, и откуда он узнал, где искать, у Анхеля даже и не возник. Что он – дурак, что ли? Понятно же, Феола!

Вот ведь малолетняя дрянь! Ну, погоди, сочтусь я еще с тобой! Наплачешься.

* * *

Феола смотрела на мужчину, который стоял перед ней.

Так бывает?

Хотя Адэхи и говорил, что у нее будет именно так. Когда она увидит *того самого*, единственного, она это почувствует. И вот он... стоит.

Высокий, красивый, черноволосый... старше Феолы?

И что? Кто сказал, что влюбляться надо обязательно в ровесников? Феола – маг. Своему избраннику она сможет продлить жизнь хоть на сто лет. И молодость тоже.

Только вот мужчина явно ничего не чувствует.

И на его левой руке переливается маслянистым золотым блеском обручальное кольцо, напоминающее жирного червяка.

Женат. Почему это слово отдается таким похоронным звоном?

Же-нат...

Только это помогло Феоле собраться и взять себя в руки. И даже улыбнуться.

– Добрый... день.

Голос, конечно, чуточку обрывался. Но это мелочи. Она же смогла заговорить? Вот, отлично!

Амадо с интересом посмотрел на стоящую перед ним девушку. Симпатичная, рыженькая, похожа на смущенную белочку. Карлосу бы такая понравилась, наверное... Может, потом познакомить ее с сыном? Ему уже пора... за девочками. Хотя нет. Карлосу около пятнадцати, Феоле явно больше, лет семнадцать. В их возрасте это серьезно.

– Феола, ты можешь рассказать тану Риалону все с самого начала? Про похищение?

Феола – могла. И рассказать, и любоваться, и смотреть ЕМУ в глаза, наслаждаясь каждой минутой.

Он здесь. Он рядом. Что еще-то нужно?

Да ничего...

Амадо внимательно слушал. Потом покачал головой.

– Я понимаю, откуда мысли о похищении. Но почему сеньорита Веласкес промолчала?

– Не хотела рассказывать про мою магию. А без этого не получалось. Как бы три девушки могли отбиться от взрослых мужчин?

Вообще-то могли. Феола и так и этак сумела бы. Но о своих талантах она промолчит. А вот про похищение расскажет. И о своих соображениях – тоже.

Амадо слушал внимательно. И даже радовался. Редко такое бывает, знаете ли. Иногда разговариваешь с человеком и поражаешься, ну какая же каша у него в голове? Как еще из ушей не ползет?!

А тут все логично, все выверенно, Феола явно все это обдумывала и не раз.

И слова не подбирает. Говорит, как есть, не крутит из стороны в сторону.

– Да, в таком виде мозаика более полная, – кивнул Амадо. – Знать бы еще, что именно накопал Хавьер.

– Можем прогуляться в морг, – кивнул Вальдес. – Хотя...

Но Феола уже встала со стула.

– В морг? А мне – можно?

Никакого щенячьего любопытства. Просто ей было интересно и посмотреть на некроманта за работой, и получить ответы на свои вопросы. А сам морг...

А что в нем такого? Трупы – они и на плантации трупы. И везде лежат примерно одинаково. Неинтересно...

* * *

Хавьер был серьезно занят.

Он уложил тело сеньоры Арандо в стационарную пентаграмму. А что? Не рисовать же ее каждый раз? Надоест, да и полы кому мыть? Уборщица, знаете, как ругается?

Может, ты и некромант. Но быть побитым тряпкой... как-то это неприятно. Последний раз ему вообще пригрозили ведро на голову надеть... ну, увлекся. Забавно, но на уборщицу его сила не действует. Правда, она Карраско и не нравится, он некромант, а не бегемотовед.

Теперь символы. Такие же, стационарные. Расположить их по углам, поставить свечи в специальных подсвечниках, для которых даже углубления сделаны.

Жизнь, смерть, призыв, разговор, правда...

Куда ты денешься? Ответишь как миленькая на все вопросы.

Некромант привычно связал волосы в короткий хвост, накинул сверху мантию. Для антуража?

Да ни разу! Знаете, сколько прачки берут за стирку всякого... сложного? Сам удавишься! И принялся вызывать.

Сначала почти не вкладывая силы – чего стараться? Тело свежее, даже не обмытое.

Потом все сильнее и сильнее. И наконец, уже вовсе разъяренно.

Бесполезно.

Дух не отзывался, тело покойной отказывалось повиноваться, на контакт она решительно не шла.

И что, демонов ваших через забор, это значит?!

Разъяриться Хавьер не успел, дверь морга скрипнула и открылась. Стоящая в дверях компания его не порадовала. Вальдес, Риалон, какая-то рыжая девчонка... это еще зачем?

– Думаете, жертвоприношение поможет? – решил сразу проявить дурной характер Хавьер. – Она хоть девственница, а то всяким нож пачкать...

Мужчины и ответить ничего на злой выпад не успели. Феола фыркнула первой.

– Не поможет никакое жертвоприношение. Даже если вы тут десяток девственниц уложите, тан.

– Это еще почему? – мигом забыл о дурном характере и скверной репутации Хавьер. Вот одного у Карраско было не отнять. Учиться они умели и любили.

– Потому что она не вполне человек.

– Та-ак... а кто? Мединец? – Карраско был в курсе той истории. А вот Феола – нет. Только глазами захлопала.

– Ме... кто?

– Амадо, ты потом расскажи ритане, хорошо? – попросил Серхио. – Карраско, давайте попробуем ее раздеть и осмотреть? Вдруг да найдется что-то... ритана Ксарес – маг, только огня. Она чуждость и ощутила, и мне сказала.

– Ага, – кивнул Хавьер. – Ну, давайте попробуем. Ритана выйдет – или останется?

– Голых людей я на плантациях видела, – Феола стесняться и не подумала. – А если эта женщина чем-то отличается... анатомически, мне будет даже интересно.

– Кошмар! Что за дети пошли! – Хавьер едва за голову не схватился, хорошо вовремя вспомнил, что руки в крови, потом час отмываться придется.

– Да-да, вы такими не были в нашем возрасте, – подколола Феола. – То ли дело – приличная и скромная семья некромантов.

Амадо только фыркнул.

– Карраско – сдавайся. Дети сейчас правда пошли кошмарные.

– Тебе виднее, – отмахнулся Карраско. – Значит, ритана – маг. У кого обучаетесь?

– Домашнее обучение, – вежливо оскалилась Феола.

– Домашнее? Хм... а работать где собираетесь?

– Мне пока можно об этом не думать, мне еще нет восемнадцати, – отрезала девушка. – А там будет видно.

Если что, она собиралась к восемнадцати годам в достаточной мере овладеть своей силой, а практику можно проходить и где-нибудь в больнице. Сила у нее достаточно своеобразная, чтобы с ней разобраться, нужны квалифицированные специалисты.

Другое дело, что Адэхи – шаман. А магу... магу нужен сертификат.

Да, вот так вот несправедлива жизнь. Феола была магом, но практиковать и применять свою силу пока не могла – официально. Ей надо было найти себе наставника, отучиться у него или сразу сдать экзамен, подтверждая мастерство, получить сертификат, который выдавался даже не наставником, а государством – утвержденного образца, с королевской печатью, ну и получить несколько предложений о работе.

Магам-мужчинам работать было обязательно. Хотя бы как-то, но быть полезными государству.

Женщинам... тут сложнее. Но и женщины находили себе работу по душе. А некоторым это и нравилось. Замуж выходить не обязательно, зависеть ни от кого не надо – что еще?

Феола тоже размышляла над этим, но...

Нет, она и замуж хотела, и детей... и сейчас даже знала, от кого именно. Адэхи говорил, что за мага очень часто выбор делает его сила. Если маг полностью раскрылся, если слился со своей стихией, та желает продолжиться и усилиться в его потомстве. И самого подходящего партнера магии нюхом чувствуют.

Не всегда, конечно. Но – часто.

Феола шкуркой чуяла, что с Амадо у нее было бы все хорошо. Жаль только, что выбранный ей мужчина не дождался немножко... как его угораздило жениться? И что теперь с этим делать?

Ладно, пока разберемся с общественными делами, а там и с личными можно будет.

Пока мужчины препирались, впрочем, в четыре руки раздевая труп, Феола думала о своем. А потом...

– Оп-па... ритана, да вы правы!

– Гадость какая!

– Мединка? Но... как?!

Понять мужчин было реально. Под волосами, там, где заканчивается чистая кожа и начинается собственно волосистая часть головы, тонкой ниточкой, у Наталии Марины Арандо шла рыбья чешуя. Тоненькая-тоненькая...

Можно даже и не увидеть при неярком свете.

– А на ощупь как?

– Ты знаешь, почти не ощущается.

– Только одна полоска?

– Давай проверим дальше. – Совместными усилиями тело было изучено со всех сторон.

И вывод был достаточно печален.

Одна полоска на шее. Больше – ничего.

– Я еще посмотрю, что покажет вскрытие, – пообещал Хавьер, но Амадо это не утешило.

Вскрытие – открытие... ты будешь бегать и всех потрошить? Или раздевать догола? Он помнил монстров, которых ему показывали. С людьми у них было весьма и весьма условное сходство. Руки, ноги, голова... у кого и конечности не совпадали.

Но эта-то выглядит вполне нормально.

– Тан Вальдес? Можно почитать протоколы ТОГО дела?

– Можно, – вздохнул Серхио. – Еще как можно. Хотелось бы мне знать – КАК?!

– Мне бы хотелось знать кое-что другое, – задумался Амадо. – Где эти твари гнездятся, сколько их, почему они не вымерли пятнадцать лет назад...

– А мне можно будет узнать, о чем речь? – поинтересовалась Феола.

Серхио едва не застонал.

Вообще-то не стоило бы. Но... минутку.

– А Джинни? Я готов поклясться, она человек...

– Так-таки и готовы? – уточнил Амадо.

– Если бы у нее было... даже эта полоска была бы, я б заметил! Я же ее видел! И Веласкес... Хавьер, ты его вскрывал! Он – человек?

– Абсолютный.

– А когда проклятие снимал с Вирджинии? Она как?

– Я бы поклялся, что человек.

Серхио подумал немного.

– Феола, вы подругу не осматривали. Мерседес – как? Она же внучка этой дамы?

– А вы проверьте сродство на крови, – отмахнулась Феола. – Может, эта тетка удочерила ребенка. А может... это надо смотреть пристально и обследовать. Но судя по энергии, Мерседес – человек. Я от нее ничего плохого не ощущала.

– Уже радуется, – выдохнул Вальдес. – Ритана Феола, вы можете съездить со мной в лечебницу, осмотреть Вирджинию Веласкес? Так, для гарантии?

– Могу, но как же моя беседа?

– Амадо пока обследует все, что нашли в доме сеньоры Арандо. Письма, фотографии, записки, расписки... да хоть бы и кляксы на стене, да?

– Да, – кивнул Амадо. – И надо телефониловать в полицию. Вдруг у нее там потайные схроны есть?

– Вполне возможно. Надо поискать.

– Вирджиния тут недалеко, в полчаса уложимся. И я обещаю накормить вас обедом. Хотите?

– Если параллельно я узнаю какие-то подробности дела, то да, – не стала ломаться Феола.

Серхио только вздохнул.

Вообще-то не стоило бы...

И гражданское лицо. И девушка. И несовершеннолетняя, и ритана, и...

Куча всяких «ох, не надо бы, не надо, не надо...». И единственное, что у него есть – чутье сыщика. Которое не угасло за эти годы и буквально поет, что Феола нужна. Зачем?

Да кто ж ее знает? Чтобы было!

Чтобы дело раскрыть получилось.

Нет, нельзя отказываться от помощи, тем более один козырь у него есть. Девчонка – маг. Серхио всегда может сказать, что хотел поставить ее себе на службу. Ну и что, что несовершеннолетняя? Может, практикант...

Кстати!

– Ритана Феола, у меня к вам предложение, – Серхио подал руку девушке и вывел ее из морга, кивнул мужчинам – мол, не зевайте, работать надо! – Хотите поработать на полицию?

– Это как?

– Посвящать вас в подробности расследования я права не имею. А вот взять мага, даже несовершеннолетнего, на практику – запросто. Прикреплю вас... вот, хоть к Амадо Риалону, будете все знать на законных основаниях.

– А медальон мне дадут?

– Стажерский.

– Согласна, – решила Феола.

Ей было интересно. А потакать своему интересу – надо! Она же маг! Если все время себя переламявать, так и сломаться можно. И вообще, вот, приходит она, начинает Анхель (гадина подкоряжная!) ее задирать, а Феола ему – бац! И медальон под нос!

Пусть подергается!

Так кого там надо осмотреть?

* * *

Выставив Амадо из морга, Хавьер достал образцы крови Вирджинии, ее мужа, волосы детей, собранные по его просьбе, –

мало ли что?

И приступил к работе.

Результат его сильно озадачил.

Вирджиния точно была дочерью Наталии Марины Арандо.
Сродство по крови – стопроцентное.

Но кто ее отец?

Попробовать призвать тень?

Тут есть свои тонкости. И серьезные... то есть говорить такая тень не сможет. Разве что покажется – и растворится. А ты потом ищи по фотографии, по газетам, по внешнему сходству, зарисовывай... ее ж не получится сфотографировать!

Так что Хавьер позвал художника – и приготовил все для ритуала.

Художник, который не в первый раз бывал в морге на этой процедуре, устроился поудобнее и положил на колени планшет. Заботливо поправил лист бумаги, уложил поудобнее грифели – если сломается один, надо будет быстро схватить второй или третий... мало ли что?

– Готов?

– Да, вполне, – кивнул художник.

Хавьер активировал заклинание.

Сиреневый дым от свечей закружился, поднялся к потолку, потом начал спускаться вниз, в пентаграмму, у которой поменяли символы... сформировал в ней плотное сиреневое облако...

Пока все шло, как должно.

А вот потом...

– Мать-перемать! – выдохнул художник.

Впрочем, Хавьер готов был заявить то же самое. Потому как в фиолетовом силуэте человека оба они опознали одного и того же человека. И как бы не опознать, когда вот уж пятьдесят лет этот профиль на монетах видишь? На портретах?

На церемониях...

Его величество Аурелио Августин, собственной покойной персоной. И рисовать не надо.

– Но КАК?!

Хавьер покосился на художника, но промолчал.

Как-как! Сам бы хотел узнать, но пока – никак. Труп – и тот не поднимается.

И как тут быть?

А чего думать? Доложить по начальству и ждать, что скажут! То и делать будем. Или вообще не будем ничего делать, так-то.

* * *

Амадо перебирал все найденное.

Пока – предварительно.

Глубокого обыска пока не было, полиция пока просто вытряхнула все бумаги из всех ящичков стола, перетряхнула книги и доставила все в кабинет следователя с подробным описанием.

И было всего этого подозрительно мало.

Мало!!!

Книг – нет! Разве что книга Творца, пара сборников молитв, которые нужны добрым прихожанам, ну и газеты. В газетах отметок нет. Ни загибов, ни подчеркиваний – ничего! Просто – ничего!

Но зачем-то же их хранили? Причем не абы какие, а «Придворный вестник», «Новости столицы», «Астилия». Самые дорогие и достоверные. И подписка на них, кстати, стоит дорого. Амадо предпочитал их смотреть на работе, там бесплатно.

Ладно, потом разложит по датам, посмотрит, чего не хватает, чего хватает...

Какие-то личные записи? Опять мимо!

Есть документы на дом, купчая, на землю, есть паспорт, ну и все. Больше, считай, ничего и нет. А ведь за свою жизнь человек обрастает горой бумажек, он это по себе знает. И по Альбе тоже. И вообще...

Хоть письмо какое!

Хоть семейный молитвенник с отметками о рождении детей! Ну хоть что-то!

Но – нет! У нее попросту ничего нет! И Амадо это весьма подозрительно...

Фотографии...

Есть? Опять обратно нет!

Какая мать откажется запечатлеть себя с дочкой? Вот просто – какая?! Или какие-то приятные моменты... у нее даже свадебных

фотографий нет! Хотя Вальдес упоминал, что Наталия Арандо была против, но... и что?

А внуки?

Которые обожают дарить бабушкам рисунки и прочее? Хотя... какая это бабушка? Видимо – никакая.

Ни милых дамскому сердцу мелочей, ни старых сумочек, которые жалко выбросить, ни засохших цветов, ни... ничего!

Что за женщина такая неправильная? Просто кошмар какой-то...

Амадо телефоновал в участок и попросил обыскать дом – тщательно. Так, словно потерянную иголку ищут и на премию надеются. А сам принялся читать протокол обыска дальше и сравнивать с имеющимся.

И был все же вознагражден.

На шестнадцатой страничке протокола, в описании драгоценностей...

Ладно, полиция! Откуда такие тонкости знать обычному наряду, описали, да и из головы вон. Но Амадо-то историк!

И не только!

Он очень много чего и читал, и знал, и видел, и продолжал развиваться, узнавая нечто новенькое... говорите – булавка с интересной головкой?

В форме монеты с выдавленной на ней короной? Явно золотая?

Тяжелый золотой перстень, явно мужской.

И вот оно – описание одежды... видимо, ее просто оставили, понимая, что никто не разберется. Ну не видели в столице уже сто лет придворных слуг, ладно-ладно. Лет тридцать.

Вот и забыли про их униформу. Именно слуг, не самих служителей при дворе, а вот таких, серых, скромных, незаметных...

Горничных, служанок, уборщиц, прачек...

Вообще-то цвета Астилии – красный и желтый. Но в таких платьях не поубираешь, их мгновенно испачкаешь. А потому чья-то умная голова, явно королевская, придумала одеть дворцовых слуг в темно-коричневые платья. И отделка по подолу и рукавам. По горловине и манжетам.

Полоса пурпурного – и полоса золотого. Отделка не кружевом, а дорогими атласными лентами.

Темно-коричневое платье нашлось в гардеробе.

Ленты пурпурные и золотые – там же. Не все, но зачем выбрасывать? Их можно потом пришить куда-нибудь. И у горла платье горничной закалывалось как раз той самой булавкой. Воротник, наподобие камен, скреплял золотой круг с выдавленной в нем короной.

И что у нас получается?

Сеньора Арандо служила при дворе?

Твоих демонов! Как-то оно грустно получается...

* * *

Феола смотрела на Вирджинию.

Вирджиния на Феолу не смотрела, она спала под действием снотворного.

Серхио смотрел в стену и чувствовал себя откровенно несчастным.

Вот как оно ТАК бывает? Чтобы и жил, и был, и... он же спал с этой девушкой! И ничего не почувствовал? Не ощутил, не понял, не сообразил?

Кактак?!

И... это действительно наследие мединцев? Но почему, почему – так?! Они же должны были умереть! Обязаны!!! Демон ушел из мира, люди, связанные с ним душами, умерли...

Те, изуродованные, кошмарные, жуткие... но Джинни – не такая!

Феола медленно провела руками над телом Вирджинии. Серхио заметил, что у нее ладошки светились белым светом. Но белым же... что в этом такого?

Ничего.

Огонь бывает разного цвета, Серхио и черный видел. Красиво и страшно.

– Она не человек, – тихо сказала Феола. – То есть человек, но с примесью... вот того.

Серхио опустился на стул. Ноги не держали... вот так, называется! Изменил супруге! Сходил налево... справедливости ради, это было... минутку! А ведь это было ДО того дела с мединцами!

За несколько лет до него... уже тогда так было?

– Но у нее нет никаких признаков, – выдохнул Серхио.

Феола развела руками, с которых пропали последние огоньки.

– Если я правильно понимаю, ее мать полукровка, в Вирджинии этой крови – четверть, в ее детях – восьмая часть. Как на плантации. Мулаты ярко выраженные, с ТЕМ наследством, а вот квартерона можно уже и не узнать. А с Мерседес и вообще все в порядке... практически.

– Практически?

– Октороны вообще не похожи на черных предков, но вот в их детях наследие может проявиться. Если я узнаю, что это за рыба, я скажу точнее, – Феола развела руками. – Делать выводы только на основании чутья... пожалуй, это немного неправильно.

Серхио кивнул. И не поспоришь... [7]

– Я расскажу, ритана Феола. Но внешне... у нее ведь нет никаких признаков?

Феола покачала головой.

– Я не вижу. Может, если вскрыть, там что-то будет. А так – нет.

– Едем обратно, в управление, – вздохнул Серхио.

Вот так в мужьях верность и воспитывают...

* * *

– Роза!

– Да, Эктор?

Ритана Ксарес поглядела на тана Ксареса-старшего.

Вот такая семья. Отец – Патрисио Эудженио. Дочь – Роза Эухения, сыновья Эктор Патрисио, Эмилио Патрисио и Хулио Патрисио.

Хулио, понятно, давно уехал, и где он – неизвестно, и что с ним стало – неясно.

Эктор и Эмилио женились, живут сейчас все вместе, с отцом в одном доме, благо дом громадный.

А вот Розе так не повезло.

В результате воспаления она лишилась возможности иметь детей. Нет, кто-то другой и в такой ситуации выбирается из ямы. Можно же усыновить кого-то? Мало ли горя на свете, пойдя, да и сделай кого-то менее несчастным! Кто-то выходит замуж за вдовца с детьми. Нельзя

сказать, что они попадаютса часто, но ведь и не редкость вроде дракона? Найти можно, если постараться. И воспитывают тех детей, как своих, и любят...

Но Роза слишком уж прислушивалась к отцовскому мнению.

Если отец сказал – черное! Вот черное оно и есть. Не чернильное, не ночного цвета, не угольного, а черное – и точка.

Приложил он дочь коротким: сухое дерево, так она жизнь и прожила. Ясно же, если отец так сказал, значит, ей никто и не поможет. Папа всегда прав. Вот...

– Ты правда собираешься искать... вот этих?

– Зачем их искать? – удивилась в свою очередь ритана. – Спрошу в паре магазинов... что я, не вижу, что платье на девушке от сеньоры Наранхо?

Эктору это ни о чем не говорило. Что уж там, живя с отцом, он полностью зависел от его воли и власти. А для Патрисио Эудженио платья что от сеньоры Наранхо, что от какой-нибудь крестьянки Марии были одинаковы. А если не видно разницы, зачем переплачивать?

Вот и не заказывал никто таких дорогих вещей. Но знали. И хотели, и мечтали, и на наследство облизывались, и заранее подсчитывали, что купят, кому, сколько...

– Ты понимаешь, чем это может нам грозить?

Роза сморщила нос.

– Ну и чем?

– А если отец решит все оставить Хулио?

– Это если Хулио решит сюда приехать. Но я не думаю, что он на это согласится.

– Детей же он сюда прислал...

Роза Эухения пожала плечами.

– Эктор, для начала нам надо познакомиться, все о них разузнать, подумать, как лучше это преподнести отцу. Папа уже в возрасте, у него слабое сердце...

Эктор только скривился.

Некоторых вещей при сестре лучше было не произносить. Но было у него серьезное подозрение, что отца об асфальт не расшибешь. Он всех переживет, еще и на их похоронах спляшет. Это у Эктора, которому еще пятидесяти пяти нет, и давление, и сердце,

и печень пошаливает. А вот у его отца, которому глубоко за семьдесят, ничего не болит. И лопает он кашу только из вредности.

Что, Эктор не знает, что ли?

Не так давно видел, как отец заказывал в дорогом ресторане свиную вырезку! С жиром, с красным вином, и с таким гарниром, что у бедняги Эктора аж желудок свело.

Случайно он там оказался, с другом, ну и... увидел. Хорошо еще отец его не заметил.

– Роза, я могу тебя попросить об одной вещи?

– Да, конечно.

– Давай мы с тобой сначала посоветуемся, как это лучше преподнести папе. Он действительно немолод, мало ли что...

Роза кивнула и с благодарностью поглядела на брата.

Действительно, так будет лучше.

Вот наведет она справки, расспросит, они с братиком переговорят, а там уж и папе все-все расскажут. Только надо как-то поосторожнее... возраст ведь.

И сердце...

* * *

В управлении Серхио молча достал и протянул Феоле папку с вырезками и выписками. Дело мединцев, конечно, было сдано в архив. Но кое-что Серхио скопировал для себя.

Не каждый ведь день – такое! Считай, История! И ты ее участник!

Такие события в учебники входят, о них потом внукам-правнукам рассказывают.

Вот сейчас Феоле.

Девушка читала старые материалы, перелистывала странички. А у Серхио зазвонил телефон.

– Да?

– Серхио, приветствую!

– Эрни! – обрадовался Серхио как родному. Риалон же! В такие минуты как-то хочется, чтобы рядом был друг... пусть он не рядом-рядом, то есть руку протянуть и дотронуться не получится, но ведь он – есть! И это главное!

– Как твои дела? Что в столице?

– М-ммм....

А что тут скажешь? Проблемы? Но... у Эрнесто супруге скоро рожать! С другой стороны, с кем еще и проконсультироваться, как не с ним?

Но прежде чем Серхио что-то решил для себя, Эрнесто тяжело вздохнул.

– У Тони плохое предчувствие. Вальдес, поосторожнее там, ладно?

– Ладно, – отозвался Серхио.

Тридцать лет дружбы даром не проходят. Что-то такое выцепил Риалон в его голосе, что позволило ему встать в стойку и уже более жестким тоном поинтересоваться:

– Вальдес?!

– Да?

– Рассказывай.

И что было делать Серхио? Да только одно. Честно рассказать, что случилось.

Эрнесто аж остолбенел у телефона.

– Как... как такое может быть?

– Не знаю. Ты не мог бы поговорить с Тони? Она единственная, кому удалось пообщаться с... этими.

– Могу, – кивнул Риалон. – Слушай, а ведь она говорила про детей...

Теперь настала очередь Серхио серьезно задуматься.

– Верно. Но... поговори, ладно? Тони тогда ведь не все рассказала, да и не спрашивали особо о подробностях?

Эрнесто задумчиво кивнул у телефона. И отправился к супруге. А Серхио принялся набирать номер морга. Да и Амадо надо бы вызвать...

* * *

Известия из столицы Тони, мягко говоря, ошеломили. В первую минуту. Потом она успокоилась, погладила живот и подумала, что волноваться не стоит. Все равно у нее ничего не получится.

Она не сможет помчаться в столицу и лично разобраться с мединцами, если это они. Эрнесто ее тоже не оставит. Значит, надо как можно точнее вспомнить, о чем ей некогда говорил герцог...

Чем Тони и занялась. Да, это было давно, но помнилось очень хорошо и отчетливо. Наверное, потому, что не каждый день жизнью рискуешь.

– Мединцы... так. Герцог не был стерилен. И детей от меня хотел. Эрнесто сверкнул глазами.

А вот хвост гадючий тому герцогу! А не дети от его любимой... даже то, что де Медина уже давно померши, не извиняло его в глазах некроманта.

– Значит, часть мединцев точно могла скрещиваться с людьми. И души у них были наверняка... а вот было ли жизнеспособным потомство БЕЗ Синэри?

– Наверняка было, – вздохнул Эрнесто.

Тони постепенно вспоминала. Она и герцог. И спуск в подземелье...

– Я правильно понимаю, это касается только женщин-измененных? Мужчины-измененные не стерильны?

– Не все.

– Так... стерильны те, кто подвергается максимальным изменениям? Или... те, кого скрещивают не с живородящими?

– И снова верно. И те, и другие, – кивнул Фидель. – откуда у вас такие познания, Тони?

– Это бывает даже при домашнем образовании. Я знаю, что в море есть и живородящие, и прочие... кто откладывает икру... не помню, как они называются. Но полагаю, отсюда и сложности? Мало того что скрещивают холодное с теплокровным, так еще и это?

– Да. И к сожалению, даже у самых лучших... образцов, получается не более двух детей.

То есть дети были возможны. Но женщины-измененные были стерильны! Или... А как насчет тех женщин, которые родились от измененного – и человека? Они были стерильны? Или нет?

И потом... пещера. И зеленые глаза демона. И...

– Есть новые разработки, – «утешил» голос. – Внутренние изменения, с которыми ты не будешь отличаться от человека.

Так точно она все это Эрнесто не пересказывала. Но что было – то было.

Некромант внимательно слушал. А потом подвел итог:

– То есть могли остаться... дети?

– Может, даже и часть взрослых. Мы об этом не подумали, Эрнесто. А ведь кто-то же рожал этих детей. Нормальные женщины – от измененных. И они-то наверняка не умерли.

– А они могли тоже любить своих мужей. Или быть в курсе планов.

– И их дети – тоже.

– А сейчас эти дети уже вполне взрослые. И могут свободно скрещиваться с людьми, как рассказал Серхио.

– Пойду я, телефонирую ему, – потер лоб Эрнесто. – Вот ведь...

Тони опустила глаза.

– Может, если бы не Карраско, не свадьба... я бы потом вспомнила. И подумала. И вообще...

– Мау, – на колени женщины вскочил здоровущий черный кот. Один из сыновей Сеньора Мендосы. Потерял о ее руку, мурлыкнул. Почувствовал, что хозяйке плохо, и пришел утешать. Еще и на Эрнесто поглядел так неодобрительно. Ты чего это моего человека расстраиваешь? А вот я сейчас кого-то лапой! Да с когтями!

Эрнесто улыбнулся и почесал кота за ухом.

– Не переживай, Тони. Все образуется. Этот мир держится не только на наших плечах, у него есть и другие опоры. Что мы можем, так это рассказать все Шальвейну. Пусть подумает на досуге над этой загадкой.

– Я схожу, расскажу, – вылезла из шезлонга Тони. – Пойдем вместе?

– Да, радость моя. Пойдем... поговорим с Реем, а потом я телефонирую в столицу. Так будет намного лучше.

Второй звонок Серхио порадовал намного меньше, чем первый.
Получалось так, что были, были еще где-то в мире измененные.
И могли выжить. И...

– Рей так сказал? О, демон!

– Он самый...

Тогда все было сложно.

Рейнальдо было решительно не до расследования – состояние не то. А потом Паула, свадьба...

Антонии и Эрнесто было не до расследования.

Двор... двор тоже лихорадило. Король, после получения известий о сестре, принцессе Гвинневер, еще не оправился, а тут дополнение! Кушайте, называется! Еще родной человек тварью оказался! В буквальном смысле слова.

Так что... может быть, Карраско бы этим занялся, придворный некромант мимо такого бы не прошел, но и у Освальдо были свои заботы. А потом и Карраско не стало, начался передел, грызня...

И снова – мимо.

Вот и ускользнула часть мединцев от ласковой руки закона.

А самое страшное, что услышал Серхио...

Мединальо не мог знать все и обо всех мединцах наизусть. Где-то и что-то он должен был записывать. И если этих записей не нашли, значит, или их плохо искали, или центров было два. Или больше.

И записи хранились в другом месте.

У других людей. Или нелюдей...

И это было страшно. Серхио подумал и решил в ближайшее же время отправиться в храм Ла Муэрте. А пока...

– Тан Кампос, я могу прибыть к вам в ближайшее время?

– Да, конечно. Что случилось, Вальдес?

– Много – и ничего хорошего.

– Жду, – согласился мэр и повесил трубку.

Серхио поглядел на Феолу.

– Ритана Ксарес, у меня к вам серьезный разговор.

– Слушаю, – Феола честно прикрыла папку и сложила руки на коленях. Ну такая примерная девочка, что сразу ясно – пора спасаться.

Серхио эта маска точно не обманула.

– Ритана, вы – маг.

– Непроявленный. Пока.

– Но вы пользуетесь своей силой.

– Ее огрызками.

– Замечательно. У меня к вам предложение.

– Какое? – не стала скрывать интерес или ломаться Феола.

Любопытно же! И кто откажется поучаствовать в таком приключении? Она уже и про мединцев прочитала успела, и была в тихом шоке.

Такое!

Рядом со столицей!

Интересно, а она бы справилась с демоном? Ну... вдруг? Или это только некроманты могут?

И боги?

Хотя... может, демона она бы и не одолела, а вот его слуг – точно могла бы! Или...

Нет, надо посмотреть! Потрогать, попробовать, палочкой потыкать. Интересно же!

– Я предлагаю вам стажировку в моем департаменте.

– Стажировку? – удивилась Феола.

– А что такого? Как магу, вам все равно надо будет где-то работать. Почему бы и не здесь?

– У меня сила не той направленности, – смутилась девушка. – Я думала о больнице.

– Но это же будет потом, – хмыкнул Серхио. – А вы начнете уже сейчас. И сила у вас очень подходящая. Мне вы помогли, вранье почувяли, что еще надо?

– Я не думала пока о таком, – созналась Феола.

Серхио развел руками.

– Так уж сложилось, вы уже оказались в центре этой истории, ритана. И вряд ли сможете выйти из нее без потерь.

– Хм... – об этом Феола не думала. И о самой истории тоже. Но с Мерседес познакомилась она, в похищение вмешалась именно она, сейчас, вот... – Думаете, нас не оставят в покое?

– Вас? Могут и оставить. Если вы не станете встречаться с подругами и посидите дома. А может, и нет.

– Вряд ли все это затеяли накануне коронации просто так, в качестве подарка, – кивнула Феола.

– Вы абсолютно правы, ритана. Так что вас тоже может зацепить.

– И если я влезу – тем более.

Да, вот такой выбор. С одной стороны, Феола может подставить семью. С другой стороны, семья и без нее прекрасно подставиться может.

А еще надо бросить подруг, сидеть дома, опасаться даже своей тени и ждать, пока кто-то решит все проблемы ЗА тебя. Как-то это не очень хорошо звучит, нет?

– Что входит в обязанности стажера? – коротко уточнила Феола.

– Прикреплю вас к следователю, которого вы уже видели. Тан Риалон.

Феола кивнула, надеясь, что под рыжими волосами не видны красные уши.

– А потом?

– Будете следовать за ним, хвостиком. Мало ли с чем он столкнется. Амадо – замечательный следователь, умница и талант, но, к сожалению, не маг. Не повезло...

– Не повезло? – удивилась Феола.

– Ну да... у него отец – некромант, а сам Амадо родился без дара. К сожалению.

А вот Феола об этом не сожалела. Ни секунды. Если бы Амадо тоже был некромантом, у них никогда и ничего не могло бы сложиться. Сила противоположной направленности – и все. Конец песни. А если он из магического рода...

Это как раз хорошо. Для нее.

Женат?

Ну и что такого, что он женат? Пусть пока побудет женатым. И ей слишком мало лет, и интересного вокруг слишком много. Замуж она всегда успеет... может, года через три-четыре, куда ей торопиться?

Заодно и к будущему супругу приглядится, а то мало ли? Может, при ближайшем рассмотрении ей такое и даром не надо, и близко не кладите?

– Давайте попробуем, тан Вальдес. Только у меня есть несколько условий...

– Ваши родные ни о чем знать не должны?

– Желательно.

– Это несложно. В крайнем случае им скажем, что вы приняты на должность... разносчика писем, к примеру.

Феола кивнула.

Да, брат и сестра могут неправильно все понять, они такие.

– Какие еще условия?

– Это пока не постоянно.

– До окончания расследования ЭТОГО конкретного дела, – согласился Серхио, здраво предполагая, что с магом, даже непроявленным, намного лучше, чем без мага.

– Да, если можно.

– А потом – поговорим. По вашему желанию.

– И мне бы хотелось сохранять за собой определенную свободу действий, – развела руками Феола.

– К примеру?

– Встречаться с подругами, куда-то ходить...

– Я не против. Думаю, Амадо тоже не будет сопротивляться, но я это с ним еще обговорю. Только не в ущерб делу, хорошо?

Феола опять кивнула.

Договор был заключен. А вот что получится в результате? Но знак стажера она приняла и повесила на цепочку, под платье. Интересно же...

* * *

Выслушав супругу, тан Веласкес схватился за голову. Потом за сердце. А потом все же за печень, которая не простила такого издевательства. Ликер пьют не стаканами, знаете ли...

– Господь милосердный, это на ком умудрился жениться наш сын?!

– Мне бы тоже хотелось это знать.

– Безумие...

– Нет, вряд ли, – качнула головой Идана. И похлопала супруга по руке, успокаивая. – Безумия там нет. Треси сказала, Наталию просто загнали в угол. Или допрос, и там из нее все бы вытряхнули, или... смерть.

– Если она сразу выбрала смерть, надо полагать, после допроса она бы в живых не осталась?

Идана задумалась над этим. Ликер, по счастью, смягчал реакцию...

– Для этого надо натворить нечто вовсе уж страшноватое.

– А что именно?

– Не знаю...

– И как это скажется на нашей семье? О боже!

Идана только вздохнула.

– Да, если бы Вирджиния сейчас умерла, было бы проще. С мертвых спроса нет.

– Боюсь, что нам так не повезет, – вздохнул Гонсало Николас Веласкес. – Ладно, дорогая. Сегодня я уже ни на что не сгожусь, а завтра попробую навести справки.

– Я пригласила к Мерседес лекаря.

– Вот и отлично. Заодно я с ним поговорю о своей печени.

Идана улыбнулась. Ах, мужчины...

– Конечно, дорогой.

А с Мерседес она завтра поговорит. Обязательно.

Нечего скрывать подруг от бабушки и прятаться по углам. Общайтесь нормально. Вот!

* * *

Амадо не будет против? Это еще как сказать...

– Серхио! То есть тан Вальдес! НЕТ!!!

– Сядь и послушай, – тихо попросил Серхио. – Я ведь не просто так...

– Да на кой мне эта сопля? Сопли ей подтирать? Бантики завязывать?

– Не такая уж сопля, ей семнадцать.

– В куклы играть?

– И она маг. Только неактивный. Пока.

Амадо поднял брови.

– Маг чего?

– Говорит, что огня. Но кстати, неплохо определяет, когда ей врут, а когда говорят правду.

– Интересная особенность. Может, и пригодится, – задумался Амадо, переходя от состояния «на кой мне оно?» к состоянию «куда бы приспособить?». – А истерик она закатывать не будет?

– В морге ты ее сам видел.

– М-да, – чуточку смутился Амадо. Девушка производила хорошее впечатление. Такая примерная, симпатичная, улыбчивая... и на труп смотрит, как на колбасу. С тем же интересом. – Но все равно... она женщина.

– И что? Она – маг, просто малолетний. Но характер там есть, приспособить ее можно, а уж если речь идет о мединцах... сам понимаешь, вода и огонь враждуют всегда.

– Тоже верно.

– Будь твой отец в городе, я бы обратился к нему. Его нет.

Амадо только вздохнул.

Кажется, ему придется потерпеть девушку. Ну ладно... справится. Для дела – можно.

– Но потом вы ее куда-нибудь еще прикрепите?

– Даю слово. Не сработаетесь – уберу. А пока потерпи, пожалуйста. Сам понимаешь, это опасно. Если эти твари не передохли... а они могли выжить. Они выжили... кстати, может, Арандо и покончила с собой из-за Феолы. Соврать бы у нее не получилось, сбежать тоже, а вот убийство девочка не предусмотрела. Но она научится.

Амадо только рукой махнул.

– Ладно. Давайте своего стажера.

– А ее пока не надо давать. Мы сейчас едем в мэрию. На доклад.

– Вот ведь...

– Да, и так тоже в ее присутствии постарайся не выражаться.

Амадо выразился еще раз, впрок, – и вышел. За бумагами. Серхио довольно посмотрел ему вслед.

Маги лишними не бывают. Их может только не хватить. И с таном Кампосом он это тоже обсудит.

* * *

Вот почему начальство не может жить спокойно?

Данным вопросом задаются все подчиненные, и во все времена, может, даже и с палеолита или там, неолита – и до наших дней. И дальше будут. И никакой прогресс на этот вопрос не повлияет.

Казалось бы – ну чего тебе, гаду, не хватает?

Умерла тетка, ну, сгребли в сундуки барахло, опечатали, описали, передали отчет. Хватит, а?

Не хватит!

Телефонируют тебе из главного управления, и просят поискать еще. Мол, плохо искали. Могут быть тайники или еще чего.

И приходится бедным полицейским простукивать стены, вскрывать полы, искать черт знает что и невесть где...

Тайник?

А какой он может быть?

А что там должно храниться?

А скрыт он просто так – или с помощью магии? Вроде как сказали, что может быть магия воды, но это недостоверно. Просто будьте осторожнее.

Понятное дело, начальству из кабинета виднее. Оно-то собой не рискует.

И в гнилой репе не копается... вот зачем этой тетке – столько?!

Хосе Карлос Пас служил в полиции уже не первый год, так что ворчал, скорее, по привычке. Опыта у него хватало, знаний тоже, привычка к начальственным фортелям выработалась еще лет пятнадцать назад, сказали – обыск?

Вот и будем искать. Найдем, не найдем, под это дело и пару часов спишем.

Так что подвал он обыскивал спокойно и методично. И действительно.... А зачем?

Вот у нее короба стоят вдоль стен, в одном картошка, до половины, но вроде как нормальная, не гнилая. А в этом репа. И такая... пованивающая.

А что тут еще есть?

Лук есть, зерно есть, вот баклажаны, вот горох...

И только репа такая... некондиционная. Упустила? Или... это специально сделано? Чтобы не копались лишний раз?

Хосе обругал себя дураком, но... где тут можно ломик взять?

– Ты чего тут, Пас?

Луис Филипе Акоста был как раз из молодых и рьяных. И Хосе он откровенно не нравился. Молодежь?

Так-то оно так, но молодежь бывает разная. Есть те, кто приходит, опыт перенимает, учится, старается вникнуть в систему. А есть и другие. Которые: отойди, старик! Чего ты там понимаешь, твое место в нафталине.

Вот Акоста был как раз из вторых, но с большой и волосатой лапой.

– Чего... того. Надо бы короба эти отодвинуть, посмотреть, что под ними. У тебя ломика нет?

– Как не быть. А надо ли?

– Надо-надо, – заверил Пас. – Кажется мне, что здесь нечисто.

Луис пожал плечами.

– Ну, давай я сделаю.

Сказано это было не из желания помочь товарищу. О, нет! Просто если там действительно что-то такое есть... тогда находку и ему припишут. И вообще, ломать – не строить. Стены простукивать скучно, а тут размяться можно. Только надо мундир скинуть.

– И... эххх!

Раззудись плечо, размахнись – рука!

Хосе даже к стене отступил, чтобы его не задело. Луис прямо от души за дело взялся... это полицейского и спасло.

Когда отлетел в сторону ящик с репой.

А из-под него полоснула струя воды. Резко, жестоко... вода под большим давлением камни дробить способна, что ей человеческая плоть? Был один Луис?

Стало две половинки Луиса. Голова в одной стороне, ноги в другой... а стой Хосе рядом с ним, и ему бы досталось. Вода-то через весь подвал прошла, полосой.

На пол хлынула кровь.

Не красная – розовая, совсем бледная. Так ее водой разбавило...

Хосе визжать не стал. Повидал уже на службе всякого. И просто достал из кармана свисток.

Должен быть тайник?

Вот, он и есть. Со всеми... гхм... вытекающими последствиями. Ох, мамочки! Жуть-то какая!

Спустя три часа в кабинете тана Кампоса проходило рабочее совещание. Из присутствующих – следователь, тан Риалон. Некромант – тан Карраско. Представитель церкви – брат Анхель. Личный секретарь, а по слухам, и будущая замена епископа Тадео. Тан Кампос, собственной персоной. Есть вещи, которые лучше никому не доверять, должность целее будет. И загрибок тоже. Ритана Феола Амадина Ксарес. Как привлеченный маг и стажер. Впрочем, маги могут быть проявленными и активными в любом возрасте, так что тан Кампос не спорил. А что? Антонию Лассара ненамного больше лет было, глядишь, и эта пригодится. А уж он в долгу не останется.

Серхио Вальдес ему телефонировал почти сразу после разговора с Амадо. Сначала тан Кампос был против, что есть – то есть.

– Да случись с ней что, нас ведь сожрут!

– А если с королем что случится? Помилуют?

– Думаешь, поможет? – тан Кампос тут же перестал сопротивляться и прикинул, что от Ксаресов он отобьется. А вот от его величества... Разве что удирать. Вплавь.

– Уж точно не повредит.

– Ну... ладно! Но постарайся ее никуда не совать... сам понимаешь.

– Карлос, я постараюсь. Но вот хоть ты режь меня... мне кажется, что магов много не бывает.

С этим спорить было и вовсе сложно. Не бывает. Их чаще не хватает...

– Ладно. Зачисляй ее стажером, бери с собой, если что, так моя голова все равно полетит.

– И моя тоже.

Тан Кампос тоже произнес что-то нехорошее и отключился. Серхио улыбнулся телефонной трубке.

И чего так дергаться? Ну, ритана. Ну, семнадцать лет... вы видели, какие у них осведомители бывают? Им и десяти нет, а они уж все ходы-выходы знают, все на свете перевидали.

И ведь справляются!

И эта девушка справится. Не маленькая уже...

Начал совещание тан Вальдес.

– Таны, брат Анхель, сообщаю, что у нас серьезная проблема. Простите, ритана. У всех нас. – Паузу Серхио держать не стал, вместо этого грохнул полным залпом: – Пятнадцать лет назад... тут все присутствующие в курсе истории с мединцами.

Присутствующие дружно закивали. И в курсе, и вообще... практически всех эта история коснулась. Кроме разве что Феолы.

– Так вот. Они появились снова.

Будь собравшиеся поглупее, сейчас посыпались бы вопросы, обвинения, уточнения. Но – нет. Все сидели и ждали.

– Сегодня я пришел в гости к давней знакомой. Сеньоре Наталии Марине Арандо. После нашего разговора она покончила с собой. И тан Карраско, обследуя ее, установил, что она не человек.

– Скорее, полукровка от нормального человека и чего-то такого... пакостного, – уточнил Хавьер.

– Ее дочь – родная, Вирджиния, является квартероном, внешне выглядит, как обычный человек. Внучка Мерседес – квинтерон. По словам ританы Ксарес, даже ощущается, как обычный человек, – добавил Серхио Вальдес. – Я разговаривал с таном Риалоном. По его словам, мединцы действительно могли остаться. Часть. И те, кто рожал от мединцев – тоже. Демон не всех преображал, часть появлялась на свет естественным путем. И их могли пока еще не приносить в ту пещеру...

Тан Кампос побарабанил пальцами по столу.

– Могут полететь головы. Если его величество об этом узнает... мы клялись, что нечисть извели под корень.

– Мы были в этом уверены, – поправил отец Анхель. – Демон изгнан, основная нечисть уничтожена... м-да. Мы проявили преступное легкомыслие.

– Надо исправлять ситуацию, – отмахнулся Серхио. – Мы все в какой-то мере виноваты. Но в глазах короля нас это не извинит. Более того, мне телефонировали из дома сеньоры Арандо. Я распорядился провести там тщательный обыск. Так вот. Один полицейский погиб. Найден тайник. И в нем примерно двадцать килограммов взрывчатки.

– Б... – не сдержался тан Кампос. Извиняться он не стал.

Взрывчатка. В столице. Во время похорон и коронации. Вы – верите, что это для фейерверков припасли? Или просто так,

«на полежать»? Ему в это совершенно не верилось. Вот вообще никак.

Остальные тоже не поверили, хотя и не матерились. Картина складывалась весьма неприятная.

– Наталия Марина Арандо работала в королевском дворце, горничной, – добавил Амадо.

– Я дополню, – взял слово Хавьер Карраско. – Когда я вызывал предков вашей Вирджинии... я увидел лицо его величества. Отец Вирджинии – его покойное королевское величество Аурелио Августин.

– Мать – полукровка от мединца, – тан Кампос даже за сердце взялся. Правда, немного перепутал, но печень от таких известий тоже заболела. – Неучтенная линия королевской крови. Твою налево!

Мужчины промолчали.

Действительно, а что тут скажешь? Вообще, за королевскими бастардами не то чтобы наблюдали, но учет кое-какой вели. Тут вариантов было несколько.

Признанные бастарды. Как правило, от благородных дам, они получали образование, воспитание, могли наследовать трон, в случае если основная линия прервется. Бывало такое в истории Астилии. Но для этого их официально вносили в список наследников. Там целая история, и они были на виду, и воспитывали-учили их соответственно, и приглядывали.

Непризнанные бастарды.

Тут зависело, от кого они рождались. Если от благородных дам, то, как правило, их признавала родная семья. И кое-какое наследство они получали. Но на трон претендовать не могли.

Если от обычных сеньор и сеньорит, тут тоже многое зависело от королевского отношения. Но тут уже речь о наследовании трона не шла. И о признании – тоже.

Редкость, чтобы такое случалось.

Вот таким бастардом и получалась Вирджиния Веласкес. Только о ней вообще не знали. Никто.

И есть подозрения... у короля, конечно, не спросишь. Но вряд ли его величество по доброй воле... даже не так! В постель его величество однозначно ложился добровольно. Надо отдать должное сеньоре Арандо, она была на редкость красива. И Мерседес с Вирджинией взяли от нее все самое лучшее. И бархатистую гладкую кожу, и густые волосы, и красиво очерченные губы.

Даже за пятьдесят – она была хороша собой. А в двадцать?

Серхио был уверен – неотразима. Так что спал с ней король точно по доброй воле. А вот что она из ме-динцев – не знал. Да и... чешуя же! Не жабры, не дополнительные конечности или там, клыки во всю пасть, не щупальца!

Тоненькая полоска чешуи под волосами – вот и все. Учитывая, что дама могла даже не раздеваться, а просто задрать юбки... могла?

Да еще как!

И одного раза хватило бы с избытком. С лихвой достало бы.

– Давайте прикидывать версии, – взял слово Амадо. – Пока у нас есть неученный потомок короля. Тайник с взрывчаткой. Причем – могу вас обрадовать – он больше чем наполовину пуст. Там всего килограммов двадцать хранится, а полицейские сказали, что можно и сотню запихать.

– Есть попытки похищения, – подала голос Феола. – Причем интересные. Вирджинию явно списали, а вот Мерседес и ее братьев... почему похищали именно Мерседес? Первый раз – ее. Второй раз тоже лезли к ней, не к братьям.

– Наследником первой очереди является сын или дочь короля, – задумался тан Кампос.

– Таковых не осталось. Только Хоселиус Аурелио, и то ему уже за пятьдесят лет, – отмахнулся Серхио. И вдруг подобрался, словно почуяв дичь. – Внуки? Два... внука?

– Оба королевской крови, между внуками брак уже допустим, – согласился тан Кампос. – Остается вопрос – количество внуков. И учтенный это потомок или нет. А еще – от короля или от кого-то из его родных? Тогда родство еще более допустимое. И выглядит это логично. Вирджинию убирают, ее мужа тоже, а Мерседес... на что бы она пошла, чтобы спасти своих родных? Хотя... убийство отца запятнало бы и ее репутацию. Нехорошая семья получается.

– На Вирджинии было проклятье, – напомнил Хавьер. – Она бы умерла, дело прекратили, списали в архив и забыли. Кто такие Веласкесы? Да плевать на них три раза!

– А Мерседес постоянно сидела дома. Ее, считай, никто и не знает. Ее бы просто не ассоциировали с Веласкесами, – тихо вставила Феола.

Мужчины прислушались.

А что? Если девушка говорит умные и полезные вещи – это уже не девушка, а стажер. Пусть говорит дальше.

Амадо, недолго думая, подошел к доске. Да, была в кабинете и такая, для наглядности. Мало ли что записать придется.

– Так... королевская семья на сегодня. Его величество Аурелио Августин. Взошел на престол двадцати восьми лет от роду, правил около пятидесяти лет. Умер. Его брат. Рикардо Августин. Также умер. Потомство его величества – Хоселиус Аурелио. Маргарита Мария. Младший сын – Дженнаро Аурелио, умер бездетным. У Хоселиуса Аурелио два сына. Бернардо Хоселиус, на сегодняшний момент наследник престола. Игнасио Хоселиус. Оба не женаты. У Маргариты Марии сын и дочь. Лоренсо Аурелио и Ленора Маргарита. У Рикардо Августина двое сыновей. Рамон Рикардо и Эрнесто Рикардо. Кстати, оба на сегодняшний момент не женаты. Старший потому, что жена умерла, младший потому, что предпочитает мальчиков. У Рамона Рикардо трое детей. Мигель Рамон, Эстелла Мария и Альваро Рамон. Это из законных.

– Из них в подозреваемых, – Серхио посчитал по пальцам, – шесть человек. Это Маргарита Мария и ее сын Лоренсо Аурелио. Рамон Рикардо и Эрнесто Рикардо. Мигель Рамон и Альваро Рамон. Если брать подходящих по возрасту и свободных.

– Эрнесто Рикардо? – задумался тан Кампос.

– Тоже возможно. Пару раз себя пересилить он может. Прямую линию я не включаю в список, там и так все ясно. Если бы кто-то из принцев и устраивал заговор, ему незаконная сестра даром не нужна. Он уже прямой наследник.

С этим все были согласны.

– Из непрямых у нас кто? – поинтересовался тот же тан Кампос.

– Побочный сын у Хоселиуса Аурелио. Мануэль Хоселиус. Кстати – признанный. Если что, имеет право на трон. После братьев, но имеет.

– И все же его оставляем. Право могут и оспорить, есть кому.

– Побочный сын у Рикардо Августина. Оскар Рикардо. Сын поздний, так что хоть и женат, но жена – не стена. Сам детей еще не наплодил, но отцом был признан. По возрасту ближе к внукам, чем к сыновьям, ему лет двадцать семь, что ли?

– Еще двое подозреваемых в копилку.

Мужчины переглянулись.

Вариант – сообщить все королю и громко раскаяться ими даже не рассматривался. Жить хотелось.

Да и как это будет выглядеть?

Правильно. Паршиво. Ваше величество, тут мы все пятнадцать лет назад ушами промахали, а теперь выяснилось, что мединцы остались. А еще они размножаются и у них явно нехорошие планы. Вот решительно...

Сочетание тайника для взрывчатки, самой взрывчатки, мединцев... почему ни у кого это энтузиазма не вызывало? И у короля не вызовет. Так что...

Или они во всем каются. Но... а что это изменит? Вот просто ради интереса? Похороны отменяют? Нет... Коронацию? Тоже сомнительно. Меры безопасности усилят? Так с этим тан Кампос и сам преотлично справится. С помощью полиции и Храма. Тут и знаний никаких не нужно, усилить все, да и ладно.

Второй вариант – найти врага.

И тут... любой из наследников должен, обязан быть и на похоронах, и на коронации. А вот где и что будет подстроено?

Вот вопрос...

Взрывчатка – раз.

Маги – два.

А кроме них и все остальное исключать нельзя.

– Кхм... простите, таны, – Феола не то чтобы стеснялась. Адэхи ее стесняться быстро отучил. Точнее, и не приучал. Девушка должна быть нежной, скромной, стеснительной? Нет, не слышали такого. А вот попадать из лука в глаз кролику – это уже куда как важнее. Стеснительность еще или пригодится или нет. А с кроликом сытой всегда будешь.

К тому же завезенные на острова безответственными балбесами кролики были настоящим бедствием. Плодились они быстро, деревья губили – тоже. А естественных врагов-то у них практически и не было. В нужном количестве^[8].

Таны посмотрели на Феолу.

– Ритана? – тан Ксарес поощрил ее кивком.

– Скажите, таны, а какая цель вообще была у мединцев. Захват власти? Или возвращение своего бога? Или что?! Вот зачем они это

делают? Ради мести им было бы проще вас перебить, это не так сложно. Я почитала дело. А они все это накручивают... зачем?!

Мужчины переглянулись.

А ведь и верно. Самый сложный вопрос – зачем?

– Вернуть демона не получится. Эрнесто уверен, что он мертв, – качнул головой Серхио. – Разве только нового призвать?

– Не такие они идиоты, – покачал головой Хавьер. – Если у них есть кто-то, кто может пользоваться заклинания из некромантии, они точно знают, что того демона больше нет.

– А какого-растакого им тогда нужно? – даже удивился тан Кампос. – Власть?

Все переглянулись.

Власть для присутствующих никогда не была самоцелью. Даже для тана Кампоса она не была главной в жизни... так, средство. Но не цель, не то, ради чего стоит рисковать.

А правда? Месть исключаем, никому ведь не мстили пятнадцать лет назад. Или просто не успели? Но могли бы и наверстать, чай, не месяц прошел, а уж сколько времени! Власть? Это тоже не просто так... это нужно для чего-то.

А для чего?

Почему-то казалось, если они поймут это, они и во всем остальном разберутся. Но пока... пока ответов не было. Вообще.

Оставалось наметить план действий. Не сидеть же сложа руки? И в этом плане было отведено место и для Веласкесов. Вот вопрос – что с ними делать?

Ответ, увы, был донельзя циничным. А зачем что-то с ними делать?

Собственно, Веласкесы сейчас единственная дорожка к мединцам. Других-то вообще никаких нет. Вот где искать этих тварей? Как искать? Как их вообще можно выявить?

А вот Веласкесы могут... если Мерседес еще раз попробуют похитить, или кого-то из детей... могут?

Могут.

То есть за ними надо установить слежку, и не обрадовать Веласкесов раньше времени происхождением их внуков. И за Вирджинией надо установить круглосуточное наблюдение. И с Арандо...

А мэру надо готовить столицу. И королевский кортеж все ближе. И завтра уже будет на один день меньше...

Безвыходная ситуация.

Или они просто пока не видят выхода? Все возможно.

* * *

Нельзя сказать, что Амадо был счастлив. Навязали тут, понимаешь, всякое разное... что толку от этой девчонки?

Да, она маг. И что? Магов много, тот же Карраско. Эта здесь зачем?

С другой стороны, раз уж она оказалась в центре этой истории, и удалить ее не получится, надо использовать. Так что, вернувшись в управление, Амадо вежливо пригласил Феолу в свой кабинет и даже предложил кофе.

Девушка покачала головой.

Вообще, ей жутко нужна была дамская комната, но при Амадо она как-то стеснялась. При всех остальных – нет. А при нем неловко было до ужаса.

Потерпит. Своим телом маги учатся управлять прежде всего. Потом уже магией.

– Ритана Ксарес, – решил начать первым Амадо.

– Феола.

– Хорошо. Феола, можешь называть меня просто по фамилии.

Феола кивнула. Так – можно. Если просто по фамилии, без титула, как младший к старшему.... Это неплохо.

– Риалон?

– Да.

– Красивая фамилия.

Амадо чуть поморщился. Эти женщины...

– Феола, раз уж ты оказалась в центре событий, я прошу тебя молчать. И даже подругам рассказывать как можно меньше.

– Даю слово, – просто сказал Феола. – Не потому, что не доверяю подругам. Просто некоторые тайны могут быть для них опасны.

Для Треси, забавной и задорной.

Для Мерседес, такой гордой и ранимой, такой уязвимой в своей замкнутости.

Не нужны им такие тайны. Нет, никак не нужны...

Амадо кивнул.

– Я рад, что вы девушка разумная. А теперь поговорим о том, чем можем помочь друг другу. Вы сможете как можно чаще быть рядом с Мерседес?

– Я бы с удовольствием поехала к ней погостить, – задумалась Феола. – Дня на три, на четыре... до коронации – точно.

– Отличная идея. Я поговорю с ее родными и с таном Вальдесом, – кивнул Амадо, решив, что кашу маслом не испортишь. А сильный и активный маг рядом с семьей, которой угрожает опасность, это вообще великолепно. Много ли от Феолы пользы?

Пока достаточно.

– К сожалению, у меня есть одна проблема, – призналась Феола.

– Какая?

– Некий тан Анхель. Анхель Хуан Толедо, если быть точной. Эта пиявка присосалась к моему брату и ухаживает за сестрой. И... мне он не нравится.

– Так... – ухватил суть Амадо.

Жиголо он ненавидел всей душой. И были причины, и были у него личные счеты. Да-да, именно Эудженио Рико Валеранса, или как там его звали на самом деле? Если бы не он...

Жизнь могла бы повернуться совсем иначе. Паула не потерялась бы в пещерах, отец не разгневался, Тони смотрела бы иначе.

Наконец, Альба не забеременела бы. И на ней не пришлось бы жениться, обрекая себя на ту еще адову каторгу.

А все Валеранса, сволочь такая... жиголо проклятый. Как тут не будешь «любить» всю эту породу?

Не то чтобы Амадо тратил всю свою жизнь на месть или принципиально гонялся за такими людьми. Но если уж они встречались...

Вы не любите жиголо? Да вы их просто готовить не умеете! Из них такие отбивные выходят прекрасные! С перчиком, чесночком, острым соусом, тут главное на огне не передержать...

Амадо улыбнулся, словно голодный каннибал.

– Феола, милая, вы же мне расскажете о нем подробно? А я наведу справки... действительно, зачем вам дома пиявка? Вовсе даже незачем...

Феола тряхнула головой. Рыжий хвост забавно подпрыгнул.

– Хорошо. Тан Риалон, а вы мне расскажете чуть подробнее обо всем остальном?

– О чем именно?

– О мединцах мне рассказал тан Вальдес. А вот о делах сегодняшних я знаю слишком мало. Я не смогу здраво оценивать ситуацию.

Амадо только рукой махнул. А потом достал из стола папку с делом, да и сунул Феоле.

– Сидите и читайте, Феола. Только здесь, выносить все это нельзя.

В конце концов, она и так знает многое. А протоколы осмотров... ну и что? Что они могут дать?

– А я пошел мыть руки, скоро вернусь.

Амадо и не видел, каким грустным взглядом проводила его Феола. Зато увидел, какой она его встретила. Видимо, что-то у нее обострилось.

– Тан Риалон, у меня такой вопрос.

– Да, Феола?

– А почему Мерче не украли в ТУ ночь? Когда убили ее родителей? То есть отца... там был маг, там были все возможности... почему – не тогда?

Амадо только рот открыл. А потом закрыл.

А ведь он должен был подумать об этом в первую очередь! Именно он!

– Я... Не знаю.

Хотя что сложного для мага – украсть троих детей? Или получается так, что убили одни, а они, начав копать, попали совсем в другую сторону? Запросто...

– Мне надо это обдумать.

– И еще один вопрос. Почему сеньора Арандо так спокойно отнеслась и к замужеству дочери, и к рождению у нее детей. Если королевская кровь...

– О, это как раз понятно. Примерно в то время был уничтожен демон, который давал мединцам силу. Она просто растерялась, вот

и все.

– А потом они собрались. Это понятно.

Амадо кивнул.

– Вполне возможно, так оно и было. А вот насчет похищения...

Феола, вы меня приятно удивляете.

Феола задорно тряхнула хвостом.

– Я умная. Просто не стараюсь это показывать.

– Чем умнее женщина, тем глупее она кажется?

– Примерно так, Риалон.

Амадо только руками развел.

– На здоровье. Но я вас очень прошу, Феола, если у вас возникнут еще такие же озарения, делиться ими со мной.

– Обещаю, – кивнула Фи.

– А теперь, с вашего позволения, я вызову вам мобиль. Вам надо домой.

Феола кивнула.

Надо... она весь день прогуляла невесть где. И что ей скажет сестра? Брат? Хотя все и так понятно. Будут ругаться.

Ничего. Она скажет, что гуляла по магазинам. И едва не заблудилась. И... что она – ничего не придумает, что ли?

Да запросто!

Всю дорогу до дома Феола составляла в уме версию своей прогулки. Но – увы. Вранье просто не понадобилось. Когда она вернулась, Алисия сидела у себя, и ей было не до младшей сестры. Она благополучно пребывала в розовых грезах о прекрасном Анхеле. Или о благородном Рауле – кто ее знает? Оба хороши...

А Лоуренсио просто не было дома. У него была важная встреча. Так что Феола спокойно прошла в свою комнату – и улеглась в кровать с книжкой. Не поймана?

Вот и обойдетесь без нотаций! Точка!

* * *

Таверна «Рыжая крыса» могла показаться привлекательной разве что крысам.

Портовый район, грязь, закоулки, здание, больше, чем наполовину вросшее в землю... такое увидишь – не отплюешься. В обычное время Лоуренсио сюда бы и носа не показал. Да что там!

Он бы и квартал этот обошел безглаголиво!

Жаль, что вот именно сейчас у него не было выбора. Шантажист совершенно не разбирался в приличных местах и не захотел назначить встречу в «Маревилье» или «Малагуа».

Так что вечером Лоуренсио осторожно, пригибаясь на каждом шагу, чтобы не задеть головой о потолок, перешагнул порог бара. И тут же ощутил себя, как болонка среди лис и крыс.

Он честно надел то, что принес ему Анхель.

Позволил испачкать себе лицо и руки, взлохматить волосы и даже повязать на голову платок особым образом. Но на местных обитателей он все равно похож не был.

Вот никак не был.

Ни близко, ни рядом – НИКАК!

Под взглядами присутствующих рука Лоуренсио сначала дернулась перекреститься, потом к кошельку, потом к ножу. И опустилась, не поднявшись.

Лоуренсио напомнил себе, что он – мужчина, храбрый и вообще, и прошел к стойке бара.

– Ви... вина.

– Не держим, – бармен протирал грязный стакан не менее грязной тряпкой. Что из них при этом становилось грязнее – неясно.

– Т-тогда просто выпить.

– Деньги вперед.

Лоуренсио положил на стол песо.

Бармен плеснул в стакан какого-то пойла из бутылки.

Лоуренсио поднес его к губам... в нос ударил запах такой сивухи, что пить это парень резко передумал. Так, язык смочил, чувствуя, как на этом месте вспухает волдырь ожога. На чем настаивали эту бодягу? На курином помете? Или сразу – на свинячьем?

Бармен, он же хозяин, смотрел на это с ехидной усмешкой.

Лоуренсио выдохнул.

– Скажите, любезнейший сеньор, я могу у вас что-то оставить для Крыса?

– Можете.

– Вы ему передадите?

– Слово даю.

Лоуренсио положил на стол кошель. И порадовался, что тот не в кармане лежал, а был запрятан глубоко за пазуху. Карманы ему уже несколько раз ощупали.

– Передайте ему это. Надеюсь, он грамотный.

– Крыс-то? А как же, монахи воспитывали...

– Тем более. Передайте. А если не справится, прочтите ему записку, пожалуйста.

– Прочту, – ухмыльнулся хозяин. – Еще чего?

– Ничего, – отмахнулся Лоуренсио.

И вышел, почти что вылетел из бара. Вонючий воздух портового квартала показался ему упоительно свежим и сладким.

Анхель встал из-за стола.

Да, если бы сейчас знакомые увидели тана Толедо... хотя могли бы и посмотреть. Лоуренсио, вон, его в трех шагах не узнал. И не потому, что Анхель как-то гримировался.

Нет!

Одежда – другая, да. И волосы закрыты, и лицо испачкано, хотя и не сильно. Но меняло Анхеля не это. Меняли взгляд, осанка, повадки... Вот так посмотришь, да и уверуешь в происхождение человека от животного. Словно и правда – крыса очеловечилась. Большая такая, гадкая, противная.

– Кошелек, Ржавчина.

Хозяин демонстративно достал кошелек, распустил завязки, выложил на стол свою долю – десять золотых, Анхель перехватил его руку и вытряхнул два из-за обшлага засаленного рукава.

– Лохов дури.

– Я у тебя хлеб не отнимаю, Крыс.

– Вот и не надо. Слизень сегодня заглянуть не обещал?

– Обещал. Подождешь его?

– Конечно, – Анхель взял со стола стакан Лоуренсио и медленно выцедил обжигающее пойло. А что?

Уплачено уже! Нечего тут за его счет шиковать...

Остальные завсегдакаи кабачка даже не смотрели в сторону стойки. Демонстративно так...

В «Ржавой крысе» не принято было интересоваться чужими делами, если хочешь жить. Так что...

Анхель убрал кошелек и опустился за стол. Сейчас он дожидается Слизня, а потом обговорит с ним кое-что полезное. Слизень вечно на мели, он не откажется от пары десятков золотых.

А Анхель...

Сестра Лоуренсио ему нужна. Такие дурочки встречаются очень редко. Но денег-то на ухаживания нет! И не одолжишься вот так, запросто...

Почему бы и не потряхнуть друга? Все равно за Алисией дадут приданое, так что деньги у Анхеля будут. Но это потом. И может, он даже отдаст Лоуренсио долг. Тоже... как-нибудь потом.

А пока...

Пока у него есть сорок реалов. Этого хватит на хороший букет и прогулку по морю. Разумеется, только для Алисии. Тут главное, чтобы эта мелкая дрянь, ее сестра, не влезла.

Кстати!

Надо со Слизнем и на этот счет поговорить! В портовых борделях нехватка симпатичных девочек. А плачущих женщин утешать всегда приятно.

А еще можно потом найти Феолу, когда ее дней десять или двадцать поваляют по всем кроватям, и она утратит большую часть своей спеси.

Маг?

И не таких обламывали! И магов, и не магов... никуда не денется. Да, это интересный вариант.

И Анхель заказал еще выпивку. В голове мужчины складывался сложный план. Ему надо будет многое сделать, но в результате он станет мужем красотки Алисии, богатым человеком и даже немножечко героем в глазах семьи Ксарес. Определенно игра стоит свечек.

Да где же этот Слизень. Вечно его ждать приходится, скотину... процент снижу! Вот!

Храм Ла Муэрте ничуть не изменился за прошедшее время. Он и еще тысячу лет простоит – не поменяется. Потому как Богине – нравится. А против ее воли идти – дураков нет. Жить всем охота.

Серхио здесь был нечастым гостем, но приходил.

Было у Вальдеса такое в характере, было, да и Ла Муэрте это в своей пастве поддерживала.

Лучшая молитва – она какая?

Понятно, делом.

Плохо у тебя всё? А ты посмотри, что можно сделать. Себе помочь не можешь, так кому другому руку протяни, глядишь, и у тебя что-то наладится. То, с чем человек может сам справиться, он сам и делать должен, а не бегать к Богу по каждому чиху. Другое дело, если серьезная беда.

Если речь идет о жизни, о здоровье, допустим, или вот, как пятнадцать лет назад. Антония не справилась бы с демоном сама. Тут уж Ла Муэрте пришлось вмешаться.

А с Карраско – справилась. И чего лезть?

Дана людям свобода воли влезать во все неприятности? Отлично! Вот и расхлебывайте так же – со свободной волей!

Серхио эти убеждения полностью поддерживал, и приходил, когда уж вовсе не вмоготу было. А так он и дома помолится, и на работе. И Богиня его услышит, разве нет? Это – Богиня!

А храм...

Вот когда серьезно-серьезно, можно и прийти.

Серхио своим мнением со жрецами не делился, но искренне считал так. Когда мы молимся, мы просто отдаем кусочек своей души, тепла, любви – Богу. Богине. Улыбаемся им, как родителям, это ведь тоже важно.

Бог нас сотворил – и ему за это не нужно никакой благодарности. Родители нас родили и тоже любят просто так, ничего не требуя взамен. Но разве сложно подойти, обнять, поцеловать, сказать, что любишь? Ведь минутное же дело! Но такое важное... и потом так часто жалеешь, что недодал чего-то очень важного. Вот и с богами так же.

Помолился, сказал Богине, что ты о ней помнишь, что благодарен – и вперед. Жить, любить, улучшать этот мир. Тоже в качестве благодарности.

А сейчас он не молиться шел, а просить о помощи. Серьезной. И тут уж можно и в храм, и ждать. И снова – не просто так, полы протирать. И Эрнесто, и Тони ему кое-что рассказывали о своих посещениях храма. Серхио, конечно, не некромант, но просить Хавьера? Карраско – не Риалон. Не ему расхлебывать.

Будь рядом Эрнесто, Серхио бы и рассказал ему все и попросил о помощи. Но – увы. Самому придется, самому.

Жрец не выказал никакого удивления. Проводил Серхио в храм и оставил перед статуей Ла Муэрте, одного.

– Так надо, – ответил он на незаданный вопрос.

Ну, если надо...

Серхио, недолго думая, уселся прямо на пол. Прохладно, жаль, подушку не захватил. Ничего, потерпит. Богиня, ты же читаешь в человеческих сердцах и душах? Ну так я перед тобой, весь, открытый... надо ли говорить вслух?

Вальдес не видел себя со стороны. А вот жрец, который наблюдал из потайной ниши, только улыбнулся, глядя, как посетитель мягко валится набок. Едва-едва подхватить успел, чтобы не расшибся. И подушку подсунул, и одеялом укрыл. С Богиней так...

Это с некромантами она может поговорить наяву, а с обычными людьми лучше во сне. Целее будут. А жрец... а он позаботится, чтобы после разговора с Богиней у Вальдеса не осталось простуды. Может, ковром храм обеспечить? На такой случай? И пусть разубаваются?

Надо это дело обдумать...

Жрец усмехнулся – и удалился прочь. Разговор с Богиней – дело интимное, важное. Ему тут делать нечего, третий – лишний. И точка.

Вальдес не осознал, что уснул. Просто моргнул – и увидел перед собой красивую девушку. Высокую, с белыми волосами, не седыми, а просто белыми, с глубокими черными глазами и нежной улыбкой.

И с асфоделью в руке^[9].

– Ты хотел меня видеть, Серхио Мария Вальдес?

Аудиенция у Богини – дело серьезное. Это вам не король, которых на твоём веку и шесть штук смениться может. Так что Серхио вскочил и поклонился.

– Да... ваше... эммм...

А правда? Как обращаться к Богине? Ваша божественность? Или еще какие варианты есть?

– Можешь называть меня просто – ритана, – сжалилась Ла Муэрте. – Я знаю, почему ты пришел. Это и моя вина тоже. Но когда Синэри изгнали из этого мира, силовые потоки снова нарушились, она многое перетягивала на себя. Мне пришлось наводить порядок, и я не заметила часть ее последователей.

– Мы сами виноваты. Прошляпили, – взмахнул рукой Серхио. – Я в первую очередь. Некроманты... они тогда в шоке были, а я мог и подумать.

– Мог. И сейчас можешь.

– Ритана?

– Я знаю, зачем ты пришел. И могу тебе сказать честно – в этот раз я не сумею вмешаться.

– Почему, ритана?

– Да потому, что сейчас речь идет о человеческих делах. Понимаешь? Демонов в нашем мире нет. А те осколки, которые остались... это – люди. Изуродованные, искалеченные, но люди. Синэри еще не успела серьезно затронуть их души, иначе они бы погибли вместе со своей хозяйкой. Я рада бы вмешаться и помочь, но не имею права нарушать законы равновесия. Дела людские – в руках людей, иначе миру будет плохо. Очень плохо. Это как кирпичами вышивать... не могу.

Ла Муэрте развела руками. Но Серхио уже услышал главное.

– Демонов нет? Так это же отлично! Ритана, вы не переживайте! Мы их и переловим, и справимся. Мне вот это было главное узнать...

Ла Муэрте улыбнулась. А ведь это не пустая бравада, мужчина действительно верит в то, о чем говорит. И справится. И сделает.

– А если бы оказались демоны?

– Начал бы собирать некромантов, – честно ответил Серхио. – А что?

– Ты молодец, Серхио.

Божественный комплимент – это вам не просто так. Вальдес потупился и заулыбался.

– Благодарю вас...

– Я не имею права вмешиваться. Но говорю сразу – демонов больше нет. Есть только люди. И вы можете справиться. У вас есть

для этого все необходимое... я сама видела недавно.

Богиня улыбнулась.

Приятно, когда человек ловит намеки с полуслова. Вот Вальдес все понял правильно.

– Ритана, скажите... если можно. Они могут попробовать призвать демона?

Ла Муэрте кивнула.

– Могут. Но пока его не призвали, я не имею права вмешиваться.

– А что нужно для призыва? Я просто... настолько хорошо я это не знаю, и подозреваю, что такую тварь к нам затащить нелегко?

Вальдес не врал. Действительно, демонология – раздел некромантии, который не особенно хорошо изучен. Церковь против...

Изгнать демонов – это правильно. А вот призывать их... нет, такое Храм не одобрит. И при жизни не одобрит, и посмертно...

– В прошлый раз потребовалась одновременная гибель более пятидесяти тысяч человек. Мужчины, женщины, дети... их боль и смерть открыли дорогу.

– Массовое жертвоприношение.

– Да, безусловно. Кстати, про обычаи индейцев стоит поговорить не со мной.

Серхио кивнул. Поговорим, если это есть в книгах, то нечего заставлять Богиню лекции читать. Она не профессор.

Про демонов сказала, про жертвоприношение сказала, про то, что это люди...

– Ритана, у меня буквально два вопроса.

– Да?

– Если это люди... их души уйдут к вам? После смерти? Или они чем-то отличаются?

Ла Муэрте одобрительно поглядела на Вальдеса.

Вот ей-ей... поклоняться Богу может кто угодно. А Богу это – как?!

Родителям вообще-то приятнее, когда их ребенок умен, смышлен, пытается сделать что-то сам... любить они свое чадо будут хоть какое. И алкоголика, и наркомана, и лентяя, и преступника – родительская любовь не разбирает. Но как же приятно, когда твое дитя – не такое. И им можно гордиться!

Почему верующие люди об этом не думают? Большинство – точно.

– Синэри творила свою паству, сливая разумное с животным. Те люди, которые остались в живых... их души тоже изуродованы и искалечены. И они пойдут ко мне, но... чуточку иначе. Если ты родился человеком, живешь им и умрешь человеком, то и душа у тебя человеческая. И ее можно будет призвать. А если ты получеловек-полутварь... что проще? Подняться или скатиться?

– То есть их души – не ущербные, но вроде души рыбы? Если душа есть у всего живого, но разная?

– Именно. Потому некромант и не сможет ее вызвать и допросить. Рыбы – молчаливые.

По губам Ла Муэрте скользнула улыбка. Да, приятно, когда у тебя – такие верующие. Богам тоже бывает приятно...

– А можно как-то, на основании этой особенности, отличать монстров? В храме, к примеру?

Ла Муэрте качнула головой.

– Вряд ли. Если ты карася принесешь в храм – что будет?

– Ничего.

Женщина развела руками. Мол, ты сам себе ответил...

Значит, будем разрабатывать обычными методами, – кивнул сам себе Серхио. И низко поклонился Богине.

– Благодарю вас, ритана...

Ла Муэрте улыбнулась.

– Иди с миром, Серхио Мария Вальдес. Иди с миром...

Боги не могут вмешиваться в ход событий. Слишком сильно их воздействие раскачивает равновесие мира. Слишком тяжело обходится.

Но кое-что могут сделать даже боги.

К примеру, благословить человека. А божественное благословение – это такая штука, с которой легко поднять даже самое безнадежное дело.

И справедливости ради, Серхио ничего больше и не надо было.

Ответы на свои вопросы он получил, благословение вообще пошло бонусом, о котором он никогда и не узнает, а дело...

А боги не обязаны за тебя все подряд делать! Да и ни к чему.

Сами справимся.

Ох, как же не хотелось Амадо Риалону ехать куда-то на ночь глядя. Тем более в монастырь святой Клариче...

Да гори б она синим пламенем!

Вместе с иконами, монашками, трупами и кладбищем! Просто – гrrrrrrr!

И день был тяжелый, и устали все безмерно, и глаза слипаются, и мобиль ведет себя, как распоследняя сволочь... Амадо решительно остановил мобиль у дороги и достал с заднего сиденья термос с кофе.

Лично заваривал.

Тряхнул, пригляделся даже с небольшой опаской... нет, стенки термоса целы. Не разъело.

Кофе и сахара он туда вбухал столько, что воды, наверное, меньше было. Но ничего другого не получится... он просто уснет на дороге. И хорошим это не закончится.

Кофе не потек, а упал в желудок, и кажется, прожег в нем дыру.

Амадо потер живот, поморщился. Побаливает, конечно. Самая распространенная болезнь в его департаменте – язва. Нет, не язвительность, а обычная язва желудка. Потому как целый день на ногах, питаешься кое-как, да еще и такое пить...

Кофе, кажется, потек прямо по венам, ударил в мозг, отогнал сонную одурь – и Амадо решительно нажал на газ.

Вперед и только вперед!

В монастырь святой Клариче. В тот самый, куда увезли тело сеньора Гомеса, внезапно умершего четыре дня назад.

Дорога послушно стелилась под колеса, а Амадо думал, что, может, и переночевать там получится? Ну хоть как-то... поставит он рядом мобиль, в нем и поспит... случалось уже. У него и плед с собой есть, если что. И даже чистая рубашка в запасе.

До монастыря он добрался, когда уже стемнело. В таких заведениях ложатся спать достаточно рано, но Амадо бестрепетно заколотил в ворота, потом нажал на гудок мобиля, потом еще и свисток достал, да такой отъявленно пронзительный, что от него даже морские волны шарахались.

Сочетание гудков, свиста и грохота монашек-таки допекло, и в калитке распахнулось окошечко, в которое... нет, не просунулась.

Блинообразная физиономия монашки и не в таком бы окне застряла. Там щек из-за ушей не видно.

Зато глаза – злющие!

– Немедленно прекратите! Вы нарушаете покой святого места!

– У меня есть дело к настоятельнице, – решительно заявил Амадо.

И в подтверждение его важности дунул в свисток. – Пусть она уделит мне пять минут, и я перестану шуметь.

– Я полицию вызову! – взвизгнула монашка.

– Пусть приезжают, – щедро помахал медальоном Амадо. – Поговорим, как коллега с коллегой...

Монашка прищурилась. Этого она не предусмотрела...

– Вы...

– Мне. Нужно. Поговорить. С настоятельницей.

Сказано было увесисто. Становилось понятно, что никуда там не уйдет. Даже и с места не сдвинется.

Монашка поняла. Но...

– Изложите мне ваше дело. Я передам его.

Амадо качнул головой.

– Сестра, вы меня не хотите понять. Это – тайна расследования.

– А это святое место!

– Вот и посмотрим, насколько вашей святости хватит! – рыкнул Амадо, окончательно озлившись. – Есть у меня один знакомый, епископ Тадео. И я ему сейчас телефонирую. Думаю, после того, что он вашей настоятельнице выскажет, вам святости надолго хватит!

Монашка скрипнула зубами, но аргумент был серьезный. Весомый такой аргумент.

Действительно, святость отдельно, проблемы... а вот проблем епископ может доставить много. И мать-настоятельница не спит... собственно, в монастыре сейчас не спят даже тараканы. Постарался, негодяй...

Святость?

Вот взять бы метлу, да с молитвой, с лаской, с расстановочкой...

Нельзя.

Придется докладывать.

– Ждите, – процедила сестра и удалилась восвояси.

Амадо, недолго думая, уселся на капот мобиля и принялся развлекать себя художественным свистом. А что? Это дома нельзя,

дома денег не будет. А в монастыре – можно! Им деньги не нужны, они Богу помолятся лишний раз, да и порадуются.

То ли благодаря свисту, то ли упоминанию епископа, приняли Амадо достаточно быстро. Он и две арии насвистеть не успел, а его уже пригласили в монастырь и в кабинет к настоятельнице. И в очередной раз Амадо ухмыльнулся про себя.

Ну да, ну да...

В кельях у послушников и рядовых монахов действительно можно умерщвлять плоть. А эта особь себя любит... кресла с набивкой из конского волоса одни чего стоят! С него Альба такое требовала, дешевле мобилю колеса поменять.

И стол не абы какой, не пара сколоченных досок. Дуб, резной, мореный...

И сама настоятельница. Вот не сойти ему с этого места, если под сутаной, грубой и колкой, не мелькнуло что-то шелковое. Когда она руку подняла...

А так – вполне симпатичная женщина, лет сорока пяти, приятная, сразу располагающая к себе, и смотрит с такой укоризной, что хоть ты под стол заползай. Вот этот, дубовый, двуспальный.

– И что вы устраиваете в святом месте, тан Риалон? Как вам только не стыдно?

– Никак не стыдно, – охотно согласился Амадо. – Ни здесь, ни там.

– Тан Риалон...

Амадо поднял руку, развернутую ладонью к монахине.

– Сестра... – Да, он знает, что по правилам надо бы обращаться к ней «матушка», но это уж перебор. Мать у него одна была. И точка. – Давайте упростим нам задачу. Риалоны – некроманты.

Настоятельница сверкнула глазами, напоминающими темные бусины в бледной коже. Потом поняла, к чему это было сказано, и приуныла.

Некроманты...

Да сволочи они, сволочи! И никакого уважения к монастырям не питают! Вообще. Никак.

В отношении Амадо это было чистой правдой.

Да, не питает. Эрнесто Риалон отродясь богомольным не был, Ла Муэрте – это другое, про ритану Барбару вообще молчим. Ей храмы

близко не сдались и рядом не легли. Вот и вырос Амадо без особого уважения к церкви. Разве что старался отношения не портить. Но...

Вот если б его сразу пустили и разрешили поговорить, с кем надо, он бы и вел себя иначе, и поблагодарил, и епископу их похвалил.

А нет?

А на нет и уважения нет. Зато проблемы у вас будут. Долго ли желаячи? Настоятельница глупой не была, так что поджала губы и кивнула. Мол, поговорим.

– Так что вам угодно, тан Риалон?

Амадо не стал ходить вокруг да около.

– К вам должна была приехать вдова некоего Габриэля Маркоса Гомеса. И привезти его тело.

– Да, это так, – согласилась женщина.

– Я хочу поговорить с ней.

– С вдовой?

– Да.

– Хорошо. Сеньора Энкарнасьон Мария Гомес пока в монастыре.

– А еще мне хотелось бы знать ваше мнение, сестра, – впился глазами в темные лупешки Амадо. – Вы неглупы, иначе вы не занимали бы свой пост. Что вы можете сказать о них? О ней, о привезенном теле, ваши впечатления?

Мать-настоятельница поджала губы.

Лесть на нее особенно не подействовала, она же не дура! Но ведь от этого негодяя иначе никак не отделаешься. Проще дать ему то, о чем он просит.

Некроманты, этим все сказано! И обойтись без них не получается, и связываться с ними...

Сплошные от них сложности! Вот!

Но... было еще одно «но». Ей очень хотелось поделиться впечатлениями. Очень-очень. А не с кем. Не с сестрами же такое обсуждать? А тут вроде как она и не при делах, она просто расскажет, что спросили. Мать-настоятельница хоть и была властной, умной и жестокой, но женщиной ведь! И ей было попросту любопытно!

– Меня действительно кое-что поразило, – аккуратно подбирала она слова.

– Что именно? – вежливо поинтересовался Амадо. – Ужас на лице покойного?

– Вы... знаете?

– Слышал.

Женщина кивнула.

– Да, это тоже. Во-первых, ужас на лице покойного. Вы же понимаете, мы не пропустим на территорию монастыря заколоченный гроб...

– А кладбище как раз на вашей территории.

– Именно.

Амадо кивнул.

Монашек можно было понять. После шуточки, которую однажды учинили, кстати, трое юных некромантов, все ящики, которые провозят на территорию монастыря, вскрываются в обязательном порядке. А то нашлись... юмористы.

Провезли целых четыре ящика сдохлыми крысами. И придали им некроимпульс.

Крысы и при жизни-то были тварями непринужденными, а уж после смерти и вовсе обнаглели. Такого шороха навели в монастыре, что история на все королевство прогремела.

Некромантов показательно оштрафовали, ну и от учителя два паршивца проблем получили. Но и монастыри урок усвоили.

– Там правда такой ужас? – уточнил Амадо. – Вы его уже похоронили?

– Да. Вы будете вскрывать могилу?

– Нет, не буду, – отмахнулся Амадо. – Ни к чему.

– Там не просто ужас. Мне самой жутко стало. Это перекошенное лицо, этот раскрытый в крике рот...

– Его не могли заgrimировать?

– Могли, наверное. Но вдова торопилась увезти мужа из столицы... уехать сама?

Амадо привычно побарабанил пальцами по подлокотнику кресла. Торопилась. А почему? А зачем? А что ей мешало в столице?

Или – она знает, кто и что заказал ее супругу? Он это скоро прояснит.

– А что еще вас насторожило, сестра? Раз уж вы сказали: во-первых?

– Страх на его лице. Страх у нее. Она явно что-то знает. И... само тело, что ли?

– Тело? – насторожился снова Амадо. – Чем оно вам не понравилось?

– Мы покойного не обмывали, конечно, все уже было сделано. Но... я видела мертвецов.

– И? – подбодрил Амадо.

– Мне кажется, что на третий день после смерти, даже на четвертый, они выглядят похуже. Особенно если их не бальзамировать.

Амадо забарабанил сильнее.

– Сестра, мне очень надо поговорить с сеньорой Энкарнасьон Марией Гомес.

– Она не спит, – сухо сказала мать-настоятельница. – Я могу предоставить в ваше распоряжение свой кабинет.

Амадо прищурился. Вот дураком он точно не был.

– Сестра, а вы так уверены, что оно вам надо?

– Простите? – «не поняла» мать-настоятельница.

– Это – дело государственной важности, – отбросил огрызки вежливости Амадо. – И я не могу вам гарантировать не то что спокойную, а просто – жизнь, если вы попробуете в нее влезть.

– Вы мне угрожаете?

– Я? Нет, сестра. Я останусь в вашем кабинете, мне несложно. И сделаю вид, что не замечаю слуховых отверстий в стенах. А вот как с этим будете жить вы? Ради этой тайны расстались с жизнью уже минимум три человека, причем одна совершила самоубийство.

Настоятельница поспешно перекрестилась.

– Господи, прости эту грешную душу.

– Вы можете даже присутствовать при нашем разговоре в открытую, что ж вам пылью-то дышать, – добил Риалон. – Но я снимаю с себя всякую ответственность.

Это оказалось последней каплей.

– Поговорите на террасе, – предложила мать-настоятельница.

Амадо склонил голову. И понимая, что сказать что-то стоит, вот просто из благодарности, вульгарно поманил мать-настоятельница пальцем поближе. И сам перегнулся через стол.

– Сестра, речь идет о перевороте. И незаконной королевской крови. Краже крови...

– Ох!

За такое действительно могли прикончить. Настоятельница оценила. И то, что ей сказали хотя бы в осях, и как сказали – даже если кто-то решит подслушать, тут в двух шагах ничего не разберешь...

– А сеньор Гомес...

– Он кое-что изготовил. И этим воспользовались, чтобы отравить хорошего человека.

– Кошмар! – искренне сказала женщина.

Амадо развел руками.

Да, кошмар, да, ужас... а что вы хотели? Не мы такие, жизнь такая. Где там ваша терраса?

Сеньора Энкарнасьон Мария Гомес была очень, очень усталой. А еще – седой. Хотя по прикидкам Амадо, ей было лет пятьдесят, может, и поменьше. Но – стояла перед ним старуха, разве что на палку не опиралась, а вот горбилась точно так же.

И боялась.

Чего-то она очень боялась, но чего именно?

– Добрый вечер, сеньора, – решительно начал Амадо. – Побеседуем?

– Я вас слушаю, – вздохнула женщина. – Что вам угодно? Мой супруг мертв.

– А дело его рук – живо. Бокалы для тана Ксареса делал именно он. И у меня вопрос. Кто заказал ему повтор?

Сеньора побледнела, да так, что это было заметно даже ночью и на террасе.

– Да... заказали. Сам бы он никогда...

– Кто?

– Вы мне не поверите, молодой человек, – качнула головой сеньора. – Нет, не поверите...

Амадо только вздохнул.

– Вам что-то говорит такое имя? Синэри Ярадан?

Женщина рухнула на колени, словно придавленная им к полу. И – разревелась.

– Нет... не надо! Пожалуйста... оставьте его хоть после смерти в покое!!! УМОЛЯЮ!!!

Амадо плюнул, помог ей подняться и принялся успокаивать. И что за бабы пошли такие нервные? Вот ей-ей, даже та рыжая девчонка

реагировала лучше и спокойнее, чем эта женщина. Хотя Феола и была еще ребенком, по мнению Амадо. Но сколько самообладания! Залюбуешься!

А тут что...

Теперь приводи ее часа три подряд в порядок...

Спустя каких-то несчастных два часа Амадо получил ответ на все свои вопросы. Даже и на те, на которые не рассчитывал. И сидел, переваривал.

Потому как сеньор Гомес, известный всей столице мастер работы со стеклом, оказался...

Да!

Мединцем он и оказался!

– Знала, я все знала, – рассказывала сеньора. – И замуж за него выходила – знала, и что? Он же не из тех, которые полностью, он самым краешком. Потому и выжил... хоть и лежал несколько дней в горячке, но выкарабкался, выходила я его. И жили мы несколько лет спокойно. А потом они пришли...

Они.

Да, те самые выжившие мединцы. Они действительно начали собираться в стаю. И решили для себя... что?

– Я не знаю, – вздыхала женщина. – Габриэль тоже не знал, ему это и не надо было. Он говорил, что его дело со стеклом работать, а остальное пусть идет мимо. Для него мастерская была важнее детской.

– А дети у вас есть, сеньора?

– Есть. Двое...

– Вы за них не беспокоитесь?

– Они в Колониях. Мы подумали и отправили их туда. Давно еще, так нам показалось спокойнее. Там их не достанут, это уж точно.

– Почему? Море для мединцев не преграда.

– Потому что там есть шаманы, – даже несколько удивленно ответила сеньора. – Еще когда демоница была в силе, она держалась подальше от Колоний.

– Шаманы? А ЧЕМ они опасны?

– Не знаю. Я из обычных людей, Габриэль старался мне кое-чего не говорить, берег, – сложились в горестную улыбку губы сеньоры.

Амадо поднял брови.

– И вы согласились выйти за него замуж, зная обо всем?

– И что такого? За некромантов замуж выходят, и детей от них рожают... – вольно или невольно сеньора попала не в бровь, а в глаз. – Всяких любят. А я его люблю, понимаете? Вот такого, рассеянного, вдохновенного... и пусть он не совсем человек, он-то меня тоже любит! Любил...

– Любите?

– Любила... люблю. Разве смерть на что-то влияет?

– Я слышал, мединцы не могут любить, – поддержал тему Амадо. Сеньора качнула головой.

– Могут. Не все, но могут. Кстати, творческие способности при полном слиянии Габриэль бы тоже утратил. Но они остались. И душа у него была живая, человеческая. И я могу надеяться, что мы ТАМ встретимся! Я уеду к детям, но не сейчас. Может, через месяц... сейчас я просто не перенесу дорогу. И я вернусь. А вы... вы сможете ИХ найти?

– Постараемся, – вздохнул Амадо. – Давайте мы с вами побеседуем, авось мне что-то и поможет...

Спустя два часа он устроился на ночлег в келье монастыря. Подтянул повыше одеяло, которое колелось даже через одежду, поправил каменной твердости подушку, вздохнул. А все ж лучше, чем в мобиле, скрючившись и осенью.

Сеньора Гомес рассказала ему очень многое. И то, что знала о мединцах, и остальное. И самое печальное...

Заказчиков ЭТОГО случая она не знала. Она отдала Амадо все рабочие тетради супруга, всю его клиентскую картотеку, все записи. Но найдет ли он там что-то полезное? Кто знает...

Мединцы – или нет?

А если нет, то кто?

И еще... сердце у мужчины было более чем здоровое. Остается вопрос. Какой яд или проклятье может дать гримасу испуга?

Амадо предстояло дать ответ на множество вопросов. Но это завтра, завтра. А сегодня – спать. Уже почти час ночи... ну хоть до третьих петухов подремать, а там опять в столицу. Что за жизнь такая? И ведь не выспится до коронации, а то и потом не выспится.

Амадо поудобнее уложил голову, чтобы шея затекла не слишком сильно, – и мгновенно отключился. Спать! Хоть на гвоздях, но – СПАТЬ!!!

* * *

Эмилио Педро Оливарес шел домой.

Настроение было... пожалуй, оно было средним. Душу грела зарплата, но разум туманили неприятные мысли. И было их много.

И были они...

Неприятные, одним словом.

Но вот и дом. Темные окна, одинокие стены... и давний знакомый, который ждет его, сидя в кресле. Ему темнота не помеха, он и ночью, и днем преотлично видит.

– Оливарес, наконец-то!

– Добрый вечер, сеньор.

– Задерживаешься на работе? Это хорошо, это правильно. Работать вообще полезно... тебе. Ты принес то, о чем мы договорились?

Эмилио вздохнул.

Принес ли он?

Принес. Но...

– Может, вы лучше возьмете деньги? Я получил зарплату.

– И сколько там твоей зарплаты? На пятую часть долга хватит?

Эмилио потупился.

Ну.... Не хватит. Должен он раз в десять больше. И еще неясно, на что придется жить. Но...

– Сеньор, я еще раз прошу вас.

– Бумаги, Оливарес, – в голосе говорящего зазвучали металлические нотки. Резкие, жесткие.

Эмилио вздохнул – и полез в комод.

В конце-то концов, ничего такого он не делает! Это почти и не тайна, эти сведения можно добыть десятком разных способов. Он просто... неудачно попался. Вот и все. Вот и...

За спиной послышался шорох, но повернуться лицом к гостю Эмилио не успел. Он уже ничего не успел. В груди вдруг стало очень

холодно и как-то больно. Он опустил глаза вниз – и увидел окровавленное острие кинжала, которое выглядывало из груди.

А потом и его уже видно не было. Были только темнота и тишина.

– Прости, но ты слишком ненадежен. Прижми тебя – и ты все выложишь, – объяснил убийца труп, как будто Эмилио его слышал. – А то и прижимать не потребуется. Страшная это штука – угрызения совести.

Труп промолчал.

Убийца сунул за пазуху папку, бегло проглядел остальные бумаги – и вышел на улицу. Никто и внимания на него не обратил, идет себе человек по делам, ну и пусть идет.

А труп?

Найдут... когда-нибудь.

Убийца не знал, что найдут его уже утром, а то бы позаботился его спрятать. Но – не знал. Да и что это меняет?

Пошел последний отсчет.

Глава 7

Карлос Амадо Риалон сидел у себя в комнате и серьезно размышлял.

Совершенно напрасно считают, что подростки не способны ничего подметить, увидеть, разобраться, сделать выводы...

Карлос преотлично видел, что мать несчастна. И что отец тоже несчастен.

Им плохо вместе. Они в одной комнате – и то спокойно находиться не могут, что ни день – скандалы, что ни вечер – ссоры.

Мать отца упрекает то в невнимании, то в неумении зарабатывать, то просто кричит, что он ей жизнь испортил... тут ей виднее. Не то чтобы Карлос себя чувствовал ущемленным или обделенным. Вовсе нет.

Внуков Араконы любили и баловали, да еще как! И денег им подбрасывали, и одежду дорогую заказывали, и обувь... да много чего! Только вот сейчас все внимание перепадало Карлосу. И деньги тоже.

Ему это нравилось. Конечно, хотелось большего, и он раздумывал на эту тему. Карлоса влекла придворная карьера, но тут было несколько серьезных препятствий.

Чтобы попасть ко двору, много ума не надо. Но... нужно то, что иногда ценнее любого ума. Поверьте, особо умных нигде не любят, справедливо подозревая в них карьеристов и пролаз. Боятся, что подсыдят, еще чего-то боятся...

Для успешной карьеры при дворе нужны деньги и связи. Или, как вариант, попасть в случай. Только вот случая того можно ждать до морковного дождичка^[10].

А деньги и связи... спору нет, отец неплохо зарабатывает. Но для придворной карьеры этого недостаточно. А значит – что?

Надо думать.

Отцу и матери плохо вместе. Если их брак распадется, они только порадуются. Мать бы давно ушла, да некуда... не к кому, если быть точным. К кому-то хуже Амадо она не пойдет, а с кем-то лучше встретиться пока не получилось. Значит, Карлос должен взять дело в свои руки.

Альбе хочется внимания, денег и блистать при дворе.

Ему хочется денег, связей и служить при дворе.

Вывод?

Ищем для матери придворного.

Можно бы и для отца кого поискать, но это дело такое. Амадо Риалон человек очень своеобразный и с характером, может и упереться... Даже если Карлос ему найдет симпатичную придворную даму, сначала отец – что?

Правильно, будет долго сомневаться, потом все равно не уйдет от матери, потому как порядочный и ответственный, потом не будет пользоваться деньгами и связями дамы, может, даже ее заставит жить на свое следовательское жалованье...

Одним словом – проигрыш. Верный и четкий.

А вот если у мамы появится возможность уйти от мужа к какому-нибудь придворному кавалеру? Хм... снова будем честны. Карлос знал о том, что оба родителя у него – почетные олени. И по нечетным тоже, если что. Первой решила наставить рога супругу Альба, что было, то было. Ей показалось, что богатый купец – лучший вариант, нежели Амадо. Даже несмотря на разницу в двадцать лет в возрасте и пятьдесят килограммов в весе. Только вот купец оказался умным и расчетливым. Спал, подарки дарил, а жениться отказался. Ему зачем Альба? У него своя супруга не хуже, только намного порядочнее и умнее. Почему умнее?

Потому что супруга купца «не узнала» о его романе.

А вот Альба ничего скрыть не смогла. Да и глупо врать, знаете ли, являясь домой то с засосом на шее, то пропахшей чужими духами... Амадо какое-то время колебался.

Вариантов было два – изменить жене или выпить. И по размышлении, второй вариант был признан негодным. Выпить можно, напиться несложно, а работать кто будет?

А потом, есть еще и тан Риалон. Который Эрнесто Риалон... дед.

Вот этого деда Карлос откровенно побаивался. Эрнесто смотрел прищуренными глазами на внука, а Карлосу казалось, что некромант видит его насквозь.

От украденной шоколадки до оплеванной с забора соседской собаки. От картофелины, намертво забитой в выхлопную трубу

соседского мобиля, до слабительного, подсыпанного в сок сопернику. А чего он? Не нужно ему то первое место! Карлосу оно важнее, это точно!

Отец ничего не замечал, ему было некогда. Мать тоже не вникала. А вот дед...

Он видел. И Карлос видел ответное презрение в глазах Эрнесто Риалона. Нет, вслух-то он ничего не говорил. Но до поры...

Это было еще одним аргументом в пользу матери.

Если они разведутся с отцом, и Карлос останется с Альбой Инес, та постарается для сына. Уж он намекнет. Мать может. А вот отец... даже если он задумается о таком, дед его точно отговорит. А еще... Карлос умный, Карлос обаятельный, Карлос первый ученик в классе и почти первый в школе. Он с любым человеком сможет найти общий язык, с кем угодно поладит, разберется, договорится. Да разве может не понравиться кому-то такое сокровище?

Не может.

Итак, выбор сделан.

Надо искать для матери симпатичного придворного. К примеру, на похоронах короля. Или на коронации... А там уж он сможет все разъяснить матери, как надо. И устроит свою жизнь наилучшим образом.

Если бы мальчишке кто-то сказал, что рассуждения его откровенно мерзкие, что они воняют сутенерством, что слушать его тошно и гадко, Карлос бы даже оскорбился.

Его?!

Он?!

Знаете что... он живет практически в нищете, и все это по вине своих родителей! Они не могут купить для сына мобиль! Он вынужден ходить пешком по Римату!

Они не могут одевать сына у лучших портных города, он довольствуется подделками.

Они не в состоянии устроить карьеру сына при дворе! Купить ему дом в городе или поместье, сосватать достойную невесту... у деда... у обоих дедов много чего есть, но в одном случае придется делить на всех внуков, Адан Аракон давно об этом сказал.

А во втором... тут Карлосу вообще ничего не достанется. У Эрнесто свои дети есть. Тут в лучшем случае Амадо что-то

отломится, и то не факт. Эрнесто – некромант, а эту пакость так просто не убьешь. Долго жить будет, может, еще и Карлоса переживет...

Нет, это не выход...

Надо, чтобы мать устроила свою жизнь, а Карлос свою.

Сутенерство? Подлость?

Вас бы в такую жизнь!

И бесполезно было что-то объяснять мальчишке. Гены Эудженио Рико Валерансы таки проснулись. И сыграли свой похоронный марш чести и совести.

Увы.

Можно воспитывать, показывать, воодушевлять личным методом, стоять на голове и плясать на пузе. И все равно рано или поздно вылезет нечто...

Выбор, увы, каждый человек делает сам для себя. И не всегда приятный для окружающих. И несется потом крик: ну как же так-то? Мы ж для него, а он, гад такой...

А вот так.

До какого-то предела, а потом прорывается то, что унаследовано человеком. Может, от родителей, а может, и от восьмьюродного прадеда, которого уж и помнить-то не помнят, а кровь, вот, вылезла.

Но Карлосу и прадеда не потребовалось.

Дитя афериста и эгоистки, воспитанное эгоисткой... каким он должен был стать? Добрым? Заботливым? Любящим?

Безусловно! И добрым – к себе самому. И заботливым для себя. И любящим, но снова – только себя. Такой вот печальный расклад.

Карлос сидел в своей комнате и прикидывал, где и кем можно познакомиться, как и кому подать идею...

Ему хочется жить при дворе. Он и будет. А уж что будет дальше?..

Посмотрим, но одно несомненно – он заслуживает большего! Это ведь ОН! Что тут непонятного?

– Мерседес, нам надо серьезно поговорить.

Девушка посмотрела на бабушку и деда, которые с утра заявили к ней в спальню. Раньше такое было не принято... можно же дождаться, пока она искупается, выпьет чашку кофе и явится пред светлы очи для разноса. Раньше так и получалось. А что изменилось сейчас?

Мерседес вспомнила вчерашние события – и ее снова затошнило.

Бабушка...

Да, нелюбимая. Неприятная и вообще... но ведь она была! А сейчас ее нет!

А с отцом было так же?

Идана, видя состояние внучки, присела к ней на кровать, погладила по волосам.

– Мерче, детка, как ты себя чувствуешь?

– Не знаю, – честно ответила девушка. – Вчера было страшно, жутко... а сейчас как-то не так. Я же должна ее любить? Или оплакивать?

– Не должна, – решительно и жестко сказала Идана Мерседес.

– Нет?

– Детка, кровное родство мало что значит, если человек ничего не делает. Она тебя не нянчила, не учила, не любила. Был этот человек в твоей жизни – и нет. И ничего страшного. Люди... уходят.

Гонсало кивнул.

– Да, внучка. Не хочется так говорить, но Наталия была плохой бабушкой. И твоя мать от нее сбежала, и видимо, не зря.

– Но почему она убила себя? Это мы ее... довели?

– До чего? – рассмеялась Идана, старательно уничтожая у внучки даже мысль о какой-то там вине. Вот еще не хватало, чтобы ее ребенок испортил себе жизнь! Тем более из-за какой-то... да может, ее бы и давно прибить стоило! – Если она нарушила закон, значит, она и виновата.

– Еще как виновата. Я поговорил со знакомым... мне кое-кто должен в участке. Шепчут, что у нее тайник нашли, со взрывчаткой.

– Ой! – ахнула Мерседес. Обе ахнули.

– Вот видишь, вы и ни при чем получаете. Не вы же ей эту гадость принесли? Вот... пришел полицейский, начал с ней

беседовать, нервы просто не выдержали. А то, что вы оказались рядом – это неудачное совпадение.

Кто бы сомневался, Мерседес позволила себя уговорить. Да и почему нет? Она ведь действительно ни в чем не виновата. А когда узнаешь, что тебе за это и не попадет...

Попало.

Хотя и за другое.

– Мерче, почему ты не говорила ничего о своих подругах?

– Я боялась, что вы их не одобрите, – честно созналась девушка. – Мама бы не одобрила точно...

– Твоя мама пока болеет. А когда выздоровеет, ей придется смириться с тем, что у тебя есть и своя жизнь. Нормальная, – припечатала Идана. И сверкнула глазами на мужа. Мол, только скажи хоть слово! Пригрызу! – С занятиями у мастера Агирре, с подругами... Треси очень милая девочка, жаль, со второй подругой я пока не знакома.

– Фи замечательная! И она мне вот что подарила! – похвасталась жемчугом Мерседес.

– Детка, но это же дорого! – Идана Мерседес могла оценить красоту черных жемчужин. И их стоимость тоже.

– Фи сказала, что у них в Колониях это почти ничего не стоит. Правда...

– Верю. Видимо, у нее не бедная семья, – кивнул Гонсало.

– Да. У родителей своя плантация, а Феола будущий маг. Огня.

Веласкесы окончательно расслабились. Хорошая аттестация.

Плантатор.

Это же не просто так сидеть, руки на пузе. Это почти что купец. Тут же надо и товар вырастить, и переработать, и сбыть, и закупить что потребное... если люди зарабатывают таким образом, с ними можно и нужно иметь дело. Считай, свои.

– Я буду рада, если ты как-нибудь пригласишь к нам своих подруг, – улыбнулась бабушка. – И надо подумать, к чему есть склонность у мальчиков. Может, их тоже поводить пока в школу? После коронации?

Мерседес кивнула.

– Им будет интересно. Наверняка.

Медленно, камень за камнем, падала стена, отделяющая весь мир от Мерседес Вирджинии Веласкес.

* * *

Кофе...

Вот где счастье-то! И заодно дар богов – людям! Неважно каких, важно, что боги были явно добрыми и хорошими.

Амадо сделал глоток из чашки, даже глаза закрыл от вкуса и приятности ощущений. Чего не отнять у их приходящей кухарки – кофе она варила вдохновенно. Жаль, пока нанять ее на постоянной основе не получалось. Так что она приходила, готовила, а уж разогревать приходилось или самим хозяевам, или служанке, если попросить.

Альбу это очень огорчало.

Ох, легка на помине. Амадо оценил внешний вид супруги, которая воздвиглась на пороге столовой. Не повезло. Молний не хватает, а остальное все есть. И распущенные волосы по плечам, словно змеи, и сверкающие гневом глаза...

– Риалон! Ты опять?!

Амадо сделал еще глоток кофе. Опять – что? Хотя ему сейчас и так все выскажут. Даже два раза...

– Я ночей не сплю, а ты...

Особенно Амадо не вслушивался. Честно говоря, слова супруги у него уже давно шли, как фоновый шум. А уж сегодня...

После вчерашних откровений он так и не проспался. И зверски устал, пока добрался от монастыря до Римата. И сильно-сильно жалел, что нельзя телефонировать тому же Шальвейну, посоветоваться.

Он бы с радостью. Но...

Но!

Попросить о помощи можно, но ведь надо предоставить ВСЮ информацию, которая есть на данный момент. И как тут расскажешь про Веласкесов? Про то, что Вирджиния – незаконная королевская дочь? Словами?

Это-то запросто. Но ведь все звонки идут через телефонную станцию, и сидят там симпатичные девушки-телефонистки, с бо-

ольшими... нет, не тем, о чем вы подумали. А с большими ушками и длинными язычками. Вот.

То есть любая тайна останется ей очень и очень недолго.

Если сказать про тех же мединцев, как это сделал Серхио... это не так интересно. Пятнадцать лет назад... для девушек-красавиц это почти доисторические времена. А вот про королевскую семью... да медом, что ли, людям она намазана?

Хлебом некоторых не корми, дай посудачить о знаменитостях. А если еще удастся раскопать что-нибудь вот этакое, горяченькое... да что там! Амадо свято был уверен, что половина телефонных барышень находится на содержании у газетчиков. Вот что хотите с ним делайте...

Дешево, сердито – и гоняться за сенсациями не надо, сиди да и слушай.

Оставалось только перебирать карточки и думать, думать, думать...

Не про Альбу. И вот это супругу никак не устроило.

– Ты уже взял отпуск на работе?

– Нет. А зачем?

– Я тебе уже говорила! – топнула ногой Альба. – Ты обязан пойти со мной на похороны! И на коронацию! Весь город будет гулять...

– Вот чтобы он гулял спокойно, кто-то должен и работать, – вздохнул Амадо, уже предчувствуя дальнейшее. И не ошибся.

– Я словно вдова! Без мужа живу! Тебя никогда нет!!! Тебя нигде нет!!! ТЫ!!!

Истерика набирала обороты так, что не помогал даже кофе. Амадо плюнул на все, да и вышел из-за стола.

– СТОЙ!!! – взвыла Альба. – Мы еще не договорили!

Мужчина развернулся. Может, еще вчера он бы потерпел. Может, что-то еще...

– Альба, если тебя что-то не устраивает – можем развестись. А с меня довольно!

Вышел и дверью хлопнул.

Альба осталась стоять посреди кухни. А потом взвыла, швырнула в стенку кофейник – и помчалась в спальню.

Поедет она к маме и папе! Пожалуется...

Ночь у Серхио выдалась хорошая. И выспался он преотлично, даром что в храме. А вот утро...

Это легко спланировать, что пока Феола поживет у Веласкесов. А осуществить? Если у них на этот счет может быть свое мнение?

Но – надо. Такое дело на самотек непустишь, так что с утра пораньше Серхио входил в двери особняка Веласкесов. Встретила его как раз сеньора Идана Мерседес Веласкес. Супруг в данный момент разговаривал по телефону, но это ненадолго, сейчас он даст указания – и придет здороваться.

Да, спасибо.

Девочка в порядке. Ах, это ВЫ вчера были? Спасибо вам еще раз, тан Вальдес. Мерче еще полежит немного и встанет, мы ей обещали завтрак в постель. Иногда можно.

Вы хотите с ней поговорить? Нет? Тогда супруг сейчас явится к нам.

Так и вышло.

Долго ждать себя Гонсало Николас Веласкес не заставил. Вышел из кабинета, поклонился Серхио, посмотрел внимательно и серьезно.

– Доброе утро, тан Вальдес. Что-то случилось?

Ну да. Не ради ж визита вежливости сюда пожаловал начальник из полиции? Можно подумать, у него так проблем не хватает!

Серхио подумал, что с умными людьми и работать приятно. И развел руками.

– Сеньор Веласкес, у меня к вам и вашей супруге будет просьба. Я знаю, что к вашей внучке пытались... приблизиться. Не знаю пока, с какой целью.

– Да, – кивнул Веласкес. – Я уже нанял охрану, сегодня они приедут...

Серхио кивнул.

– Я бы хотел приставить к Мерседес Вирджинии еще и мага.

– Мага?

– Это юная девушка, огневичка, из благородных. Поймите меня правильно, если охрану видно, ее и нейтрализовать можно. Но что страшного, если вместе с Мерседес поживет ее подруга?

– Подруга? Это случайно не ритана Ксарес?

Серхио кивнул.

– Она самая. Вы слышали о ней?

– Мерседес рассказала, что они дружат с ританой, – согласилась сеньора Идана. – Конечно, мы не будем против. Единственное, что меня волнует, все же у нас дом купца. Мы не сможем обеспечить тех условий, к которым она привыкла.

Серхио только рукой взмахнул.

– Феолу это не волнует. Это ненадолго, и она привыкла в пути, на корабле, обходиться малым.

– Вы уверены, что не будет проблем?

– Более чем уверен. Феола умная и серьезная девушка. И еще, сеньора Веласкес... у вас трое внуков. В опасности и вы, и ваш супруг. И у ваших недоброжелателей есть маги. Вирджинию прокляли. Что могут сделать с вами?

Сеньора побледнела.

– Что угодно...

– Правильно. Ритана Ксарес, хоть и молодá, сможет вовремя заметить опасность. Если и не снимет вред, то хотя бы помощь вы получите вовремя.

Сеньора вздохнула еще раз.

– Маги... они сложные и капризные... я никогда не имела с ними дело. Поймите меня правильно, тан Вальдес. Я рада, что девушки подружились. Но как-то очень быстро разворачиваются события.

Серхио сдвинул брови.

– Сеньора, вы не понимаете. Данный маг НЕ сложный и НЕ капризный. Она НА РАБОТЕ. Она стажер, и, если провалит дело, я ее выкину за шкирку. Поэтому она будет себя сдерживать, даже не сомневайтесь.

– Хорошо, допустим...

– Комната, и не мешать ее нахождению рядом с Мерседес Вирджинией. Или с ее братьями. Если что – можете смело мне жаловаться, я разберусь.

Идана Мерседес послушно кивнула и отправилась отдавать приказания слугам. А в душе даже порадовалась немножко. Будет Мерче подруга. Это хорошо. Но поломаться стоит хотя бы для приличия. А то мало ли кого еще навяжут им на голову?

А Серхио поманил сеньора Веласкеса в кабинет.

– Вы давно знаете тех, кого наняли в охрану?

– Мне их рекомендовал достойный доверия человек. Да, на них можно положиться.

– Хорошо, если так. А я вам рекомендую мага. Ритану Ксарес. И она также достойна доверия. Мы понимаем друг друга?

Сеньор Гонсало кивнул.

– Идана просто нервничает. И ей тяжело.

– Зато не лежит в кровати и не умирает. Но вполне может туда вернуться, случись что-то с вашей внучкой. Или внуками.

Угрозу мужчина осознал. И заверил тана Вальдеса, что маг будет принята, словно родная. Серхио того и надо было. Он попрощался и решил сначала заехать домой, а уж потом в управление. Спал-то он в костюме! И костюму это на пользу не пошло... принять ванну, переодеться – и на работу.

* * *

– Как обстановка? – Треси привычно поздоровалась со швейцаром и показала глазами вглубь салона сеньоры Наранхо.

Работать надо!

Присутствовала ты вчера при самоубийстве или отсутствовала, тетушка это не тронет. И если ты не придешь на работу, тебя попросту сожрут. С костями. Впрочем, сейчас тоже могут сожрать, в зависимости от настроения.

– Огнем дышит и летит.

– Оххх...

Треси изрядно расстроилась. Тетушка в огнедышащем полете была опасна для жизни и здоровья окружающих. Это уж точно...

И девушка потихоньку проскользнула на свое место, надеясь, что пронесет и пролетит.

Звякнул колокольчик.

– Сеньора Наранхо, добрый день...

Знакомый щебет заполнил, казалось, все пространство лавки, ввинчиваясь гвоздями в мозг. Тереса покосилась туда, где разорвалась сестричка Феолы. И как вот так бывает?

Фи умничка и самостоятельная. А эта... одна струна в голове, и та, чтобы уши держать. Играй на ней любую мелодию, какую

хочешь. Это тетушка сейчас и делает, успешно убеждая клиентку, что та сама-сама хотела платье из тарайского бархата.

А между прочим, это оно сейчас выглядит эффектно. Поблескивает, переливается, фигуру подчеркивает. Но только сейчас.

А вот через пару месяцев... Беда тарайского бархата в том, что эта ткань нежная. Ее можно надеть, покрасоваться минут пять и снять. Или как покрывало использовать, только чтобы на нем никто не лежал. Или для отделки. Но только там, где он не сомнется.

Тарайский бархат шикарен на ощупь, он очень нежный, тонкий, дорогой, но уже через пару месяцев носки на нем появятся первые заломы, потертости, следы жизни... подумаешь, ногтем провели? Для нормальной ткани это не вопрос, хоть ты по ней весь день когтями черти. для тарайского бархата – уже неизгладимый след.

Так что только отделка. Но никак не костюм целиком. И стоять, кстати, эта вещь будет дороже золотого мобиля. Но тетушка уверенно раскручивала клиентку.

Треси ее отстаивать не стала, вот еще. Умная не повелась бы, а дуру не отговоришь. Еще и Тересе нагорит вдобавок. Так что платье Алисия заказала. Благо все ее мерки были у сеньоры Наранхо.

Большая прибыль тетушку немного успокоила. Но...

Ровно через десять минут после Альбы прибыл этот... тан Толедо. Тетушка тут же подобралась, подхватила его под локоть и увлекла к себе в кабинет.

И что тут делать?

Ладно-ладно, все Треси понимала. Но как тут можно пройти – и не подслушать? Она совершенно случайно мимо теткиного кабинета шла, ей просто за пуговицами надо... да, за ними самыми... А что ухо к двери прижалось... бывает!

– ...какая дурочка.

– Пили, я надеюсь, ты свое возьмешь?

– Да, конечно. А теперь иди ко мне. Твоя кошечка так соскучилась, мой тигр...

– О, да!

Тоже ничего нового. Тереса давно поняла, что рога у ее дяди широкие и ветвистые. Бывает...

– Что ты тут делаешь?

Тереса едва не застонала. Как это она так утратила бдительность? Буквально на секунду расслабилась – и вот!

За ее спиной стояла одна из самых противных девиц во всем ателье. Работая обычной швеей, она мечтала получить доступ к клиентам, но для работы закройщицей у нее не хватало ни ума, ни вкуса^[11].

Зато сколько ей отмерили наглости, лени и хамства! Ну и подлости отсыпали вдогонку! Казалось бы, ну чего тебе нейдет? Кому-то дали талант видеть, что человеку будет к лицу, а кому-то золотые руки. Такой шов сделать, чтобы его и не видно было, ни на шелке, ни на бархате.

А эта...

Руки-крюки, зато уши – веера.

– Убью, – рыкнула Тереса, но было поздно. Дверь теткинго кабинета распахнулась.

– И что это у нас такое? – ласково поинтересовался тан Анхель. – Подслушиваем?

– Осведомляемся, – огрызнулась Тереса, понимая, что отказываться и отрицать все уже поздно. – А вы брючки-то застегните.

– Ты уволена, – тетка вернулась в свое драконовское настроение. – А если посмеешь рот открыть, окажется, что у тана Анхеля пропал кошелек. Да, дорогой?

– Конечно, Пили. – Анхель поцеловал ручку хозяйке ателье.

Так-то он не стал бы с ней связываться, но тут сразу несколько плюсов. И процент, и бесплатно... не снимать же продажную девку на улице, мало ли что там подцепишь? А здесь... пусть старше, пусть не так собой хороша, но чистая. И проблем не будет лишних...

Еще бы всякие мелкие пакости не подслушивали под дверями!

Ну и ладно, кто ее слушать-то будет? И Анхель решительно хлопнул дверью кабинета, возвращаясь с любовницей к прерванному занятию. Тереса их больше не беспокоила.

* * *

– Лоуренсио! Рен! – Феола пощелкала пальцами перед глазами брата, потом потрясла его за плечо – и только тогда добилась

результата. – РЕН!!!

– Чего тебе, Фи?

У Лоуренсио голова была шантажистом занята. Честно-то говоря...

– Я несколько дней поживу у подруги. Понял?

– Какой еще подруги? – вяло возмутился Лоуренсио.

– Мерседес Вирджиния Веласкес. Ее дед меня пригласил в гости.

Мерче сейчас грустно, а со мной легче становится.

– Эммм...

– Только попробуй сказать, что ты против!

Лоуренсио осталось только плечами пожать. Против, за... у него все мысли были о шантажисте. А Фи...

Ну, пусть поживет у подруги. Ладно уж...

Заодно и они с Алисией чуточку передохнут. Анхель обещал прийти вечером, а что может отмочить разъяренная Феола... это – вопрос.

– Хорошо. Тебе мобиль дать?

– Дай, – согласилась Феола. – Я телефонировать буду. И вот адрес и телефон подруги.

Лоуренсио проследил за бумажкой, которую сестричка заботливо уложила под телефон.

– Хорошо. Когда ты поедешь?

– Соберусь и поеду.

Почти.

Перед отъездом Феола зашла на кухню. Как она и думала, нужная ей служанка была тут. Феола подошла к ней и тихо прошептала на ухо:

– Сеньора Торо, уделите мне, пожалуйста, немного времени?

Сеньора кивнула и поднялась из-за стола, за которым она чинно попивала кофе.

Элена Фелиса Торо была нанята Лоуренсио в числе прочей прислуги. Должна ведь в доме быть экономка? Обязана.

Правда, тан Анхель советовал другую сеньору, но агентство было неумолимо.

Вы этот дом покупаете? Нет, арендуете. Вот когда купите, тогда и будете распоряжаться в нем, как захотите. А пока дом является собственностью агентства, считайте, что сеньора Торо тут работает.

В обязательном порядке. И штат слуг при ней.

Почему так?

Да так намного проще, вот и все. Сеньора Торо работает именно в этом доме уже больше десяти лет, все знает от и до, и что заказывать, и сколько, и посоветовать может, и подсказать, опять же...

Агентство ее проверило вдоль и поперек.

Вот вы хотите кого-то нанять, молодой человек. А вы этих людей давно знаете? Ах, друг посоветовал? Друзья – это хорошо, это правильно... можем договор подписать. Если кто-то из нанятых вами людей испортит в доме... хотя бы покрывало на кресле. Там они, кстати, из замши, вы знаете, как правильно ухаживать за дорогой замшей? Нет? Тогда как вы проверите квалификацию ваших слуг?

Так вот. За испорченную вещь вы заплатите ее десятикратную цену. Это ведь будет ВАША вина. Вы привели в этот дом неясно кого...

Лоуренсио посмотрел на штрафные санкции, почитал договор, да и рукой махнул. Удобно же! И дом, и прислуга... сойдет!

Так что сеньора Торо работала в доме. И судя по взглядам, которые она кидала на тана Анхеля... Нравился он ей, как касторка. А может, и еще сильнее.

К ней-то Феола и обратилась.

– Сеньора Торо, мне очень нужно с вами поговорить. А вот это – маленький подарок, в знак моей признательности за заботу. Вы идеально содержите дом.

Несколько крупных жемчужин опустились в ладонь экономки. Та окинула их беглым взглядом.

Жить в приморском городе и не разбираться в жемчуге? Ну, это уж вовсе безнадежная женщина должна быть. Которой совершенно не интересны украшения...

Элена Фелиса такой не была. Разбиралась она неплохо, поэтому поняла, что жемчуг ей подарили хороший. Дорогой. Не взятка, нет. На взятку и чего подешевле бы хватило. Это именно подарок.

– Я вас слушаю, ритана Ксарес.

– Феола, если вы не против. Ритана Ксарес у нас Алисия.

– Ритана Феола, – кивнула экономка. – Я вас слушаю. – Девчушку, в отличие от Лоуренсио, она оценить не успела.

Тан Ксарес был признан безнадежным болваном, Алисия, судя по заказанным платьям, его достойная сестра.

Феола же...

Стоит, волосы связаны в хвост, платье аккуратное, из светлой легкой жатки, но очень уместное. И девушка в нем выглядит очень мило. Тут и рукава фонариком, и пышный подол, и узкая талия, и узор в легкомысленный светлый цветочек – самое то для теплого дня. Не особенно дорого, но сшито хорошо и Феоле идет. Из украшений – жемчужные серьги в ушах. Но это снова – для того, кто понимает. Две барочные жемчужины – подвески, на тоненьких цепочках... дорогие. Это явно. И оригинальные. И очень подходят девушке.

Что ж, по одежке ее можно встретить хорошо. А по уму? Что она скажет дальше?

– Сеньора Торо, у меня лишь один вопрос. Как вы относитесь к тану Толедо?

Вспыхнувшие огоньки отвращения подтвердили гипотезу Феолы.

Плохо. Нормальные люди всегда плохо относятся к сволочам, так-то. Иногда подсознательно чувствуют, а иногда и опыта хватает. Это братик с сестричкой уши развесили, а так-то видно, что он сволочь! Явно же!

– Обсуждать знакомых хозяев – не мое дело.

– И не надо такое обсуждать, – кивнула Феола. – Но сволочь же? Редкостная!

Сеньора Елена поневоле не сдержала смешок. Действительно, точное определение. И сволочь, и редкостная, и вообще...

У кого-то из нанимателей есть мозги? Весьма приятное открытие. Жаль только, что к мозгам не прилагается власти выставить из дома эту склизкую гадину.

– Сеньора Торо, этот гад явно нацелился на приданое моей сестры. Не на нее саму, нет. Алисию он не любит, такие вообще никого не любят, не умеют. На ее деньги.

С этим сложно было спорить. И что дальше?

– За Алисией собирается поухаживать также тан Ортис. Возможно, вы о нем слышали. Он шалопай, но хотя бы не сволочь.

Слышала.

Определение снова было точным и внятным. Что ж...

– Что именно вы хотите, ритана Феола?

– Чтобы вы сообщали мне, когда в дом заявится эта склизкая гадина. Или когда Алисия пойдет с ним куда-нибудь... вы будете

в курсе, сеньора. Я даже не сомневаюсь.

Сеньора тоже не сомневалась. Слуги всегда знают, и куда, и с кем, и когда... это так кажется, что тан может прийти в любое время.

Может.

А вот ритане, чтобы выйти к нему, потребуется не меньше пятнадцати минут. И за эти минуты можно телефонировать тану Ортису.

И пойти куда-то с таном – это не так просто. Надо привести себя в порядок, платье, прическа, туфельки... это все требует времени. И снова – можно телефонировать.

Но как тут не поломаться? Хотя бы для приличия.

– Ритана, это как минимум некрасиво. То, на что вы меня толкаете.

– Сеньора, я всего лишь прошу вас сообщать о тане Анхеле. Может, я в него влюбилась и мечтаю пообщаться поближе? – Феола улыбнулась так кровожадно, что сеньора даже посочувствовала несчастному.

Пообщаться? Поближе?

Лучше бы он вызвал ненависть у десятка голодных акул. Ей-ей, рыбки – милые и дружелюбные создания. А вот Феола Амадина Ксарес... Сожрет. Заживо. И пальчики оближет.

– К тому же я прошу это делать не бесплатно. Вот это – аванс.

Кошелек, опустившийся в ладонь сеньоры, тоже был приятно тяжеленьким. Не меньше, чем на десяток реалов.

Сеньора Торо подумала еще пару минут и спрятала его, убрала в карман платья.

– Даю слово, ритана Феола. Пригляжу. И телефонировать буду.

– Если по тому номеру отвечать не будут, вот еще два.

– Хорошо.

– Первый номер – тана Ортиса. Два других – мои. Домашний и рабочий.

– Рабочий, ритана? – не удержалась сеньора.

– Я маг, – спокойно пояснила Феола. – Непроявленный, но в будущем, полагаю, это изменится. Как огневика, меня взяли стажером в управление полиции.

– Поздравляю, ритана. Но тогда...

– Полиции – мало. Пока еще на этого гада что-то нароют... а напакостить он может уже сейчас, – вздохнула Феола.

Сеньора Торо потрянула головой.

– Мое слово, ритана Феола. Буду телефонировать.

– Я должна пару дней пожить у подруги, поэтому полагаюсь на вас, сеньора.

– Я не подведу, ритана Феола.

Угрожать ритана и не подумала. Сеньора Торо не дура, понимает, что сердить мага не стоит. Жизнь-то одна, другая когда еще будет и какая? Так что стороны расстались, взаимно довольные друг другом.

Тана Анхеля ждали веселые деньки. Много веселья...

* * *

Тан Анхель в это время тоже строил планы на будущее.

Достаточно близкое будущее.

И – не свое.

Свое будущее тану Анхелю было примерно известно. Разумеется, у него будут деньги. Большие деньги.

Свой дом в столице, поместье в провинции, мобиль... лучше – несколько, красивая жена, пара или тройка детей... разумеется, он будет принят во всех домах, любим и уважаем.

И никто, никто не помянет никогда мерзкого прозвища «Слизень». И «Крыса» тоже не вспомнят при нем. Никогда.

Сейчас пока этого нет. Ну, так будет! Уже скоро будет, к сорока годам у него все это обязано быть.

За чей счет банкет? А что, есть разница? Анхелю так и вовсе не было. Он женится на любой, которая не увернется... ну и подойдет ему по некоторым параметрам.

К примеру, состояние, глупость, покладистость...

Пока таких идиоток на горизонте не появлялось. А если и были те, кто обращал внимание на тана Анхеля, то их родные быстро приводили девушек в себя. Трепка – она очень способствует просветлению в мозгах.

И тут – Алисия!

Шикарный вариант! И Лоуренсио не против... лови и радуйся!

Да, конечно, она одна из трех детей, так что наследства ей достанется... даже не треть, меньше. Лоуренсио просветил о размере приданого. На домик в столице, мобили и скромную ренту – хватит. На поместье в провинции и шикарную жизнь уже нет. Но это ж еще не вечер, правильно?

Если в семье останутся два ребенка, доля Алисии увеличится до половины состояния Ксаресов. А если останется одна Алисия, то и вообще все ее будет.

Тогда-то Анхель заживет...

И если Лоуренсио убирать пока было опасно и бессмысленно, то вот наглая тварь Феола просто напрашивалась на неприятности.

Анхель сидел напротив собеседника – невысокого плюгавого человечка удивительно неприятной наружности и смотрел тому прямо в лицо.

И не обращал внимания ни на вывороченные губы, ни на широкий, плоский нос, ни на отсутствие одного глаза. Не до мелочей сейчас!

– Кривой, ты пойми, это – Добыча! Такая, может, раз в жизни в ваши лапы попадет!

– Да что ты, Крыс! И что ж за добыча?

– Девочка. Семнадцать лет. Фигурка – облизнись. Рыженькая, мордочка симпатичная. А самое главное – еще девочка. Еще никто ее не валял.

– Бреешь, Крыс!

– Да чтоб мне в луже утонуть! – сплюнул на пол Анхель. – Сам проверь, адрес дам!

– Хм... как зовут?

– Феола Амадина Ксарес.

– Простонародье?

– Ритана.

– Э, нет. На такое мы не договаривались!

– Кривой, мы пока вообще не договорились. И чего ты боишься? Что ритана? Так кто ее там искать-то сейчас будет? Буквально через два дня похороны, потом коронация... а потом уж и след простынет! Продашь ее мамаше Ши – и пусть пользуется! Ты хороший навар получишь!

– А ты чего хочешь?

– Процент за наводку. Ну и просто... удовольствие получу.

– Какое?

– Наведаюсь к мамаше Ши через дней десять – и всякое. Думаю, мамаше хватит. И чтобы девочкой торгануть, и чтобы обломать мелкую дрянь...

– Так-то хватит... а чего ты так на нее взелся? Колись, Крыс, сам понимаешь, для дела спрашиваю.

– Про Ортиса слышал?

– Что вы с ним не в ладах? Только глухой не слышал, звените вы на весь Римат, что твои колокольчики.

Анхель скрипнул зубами.

Ну... и что? Ортис просто сволочь, сволочь, СВОЛОЧЬ!!! Вот что ему стоило отвязаться и забыть ТУ историю?

– Ладно... сам понимаешь. Ортис на нее глаз положил. Тут ему насолить, а себе выгоду получить – приятность и радость.

Этот довод собеседник преотлично понял. Сделать врагу гадость чужими руками, да еще и подзаработать на этом? Кто ж откажется?

В этой комнате подобных дураков отродясь не водилось.

Только вот...

– Ладно. Рассказывай, где девка ходит, что любит, как ловить...

Анхель расплылся в довольной улыбке и принялся рассказывать про Феолу. Даже портрет набросал – не идеальный, но достаточно четко передающий внешнее сходство. Собеседник оценил.

– За такую дорого дадут. Слушай, а если ее не в бордель продать?

– А куда?

– Форсманам. Они за такое ой как дорого дадут. И увезут отсюда подальше...

Анхель ненадолго задумался.

Форсманы?

Этот вариант он не рассматривал, но почему нет? Форсманская империя далеко отсюда, плыть до нее месяца полтора, работорговлей этот народ промышляет давно и всерьез, а к бабам там отношение самое что ни на есть утилитарное.

Вера у них дикая, там один муж может сразу несколько жен завести. Это ж никаких сил не хватит: кормить – поить – обеспечивать...

С другой стороны, там можно и так... не женясь. Называется это изобретение – гарем. Живет у тебя дома баба, твоя полная собственность. И пользуешься ты ей, как пожелаешь. Хочешь – оставишь, хочешь – убьешь... наложница. Вот!

– Я про форсманов не думал.

– Но ежели чего? Реально?

Анхель тряхнул головой.

– Вполне. Только так, чтобы ее потом не нашли. Понял?

– О, за это не беспокойся.

Вообще-то Анхель планировал украсть Феолу руками Кривого и продать в бордель. А дней через двадцать, через месяц, «найти» ее там и получить вечную благодарность семейства Ксаресов.

Что потом будет с девчонкой?

Да пусть хоть повесится, его какое дело? Наплевать и растереть! Если что, он ей и сам поможет. Подтолкнет, веревочку намылит...

С другой стороны, форсманы – тоже неплохо. Оттуда бабы не возвращаются. А и вернется – поздно уже будет. Так что...

– Как получится – так и делай. Или мамаша, или форсманы... лишь бы результат был.

– Будет. С того живем...

Знай тан Анхель, что Феола маг, он бы переиграл на ходу. Придумал бы нечто другое... но – не знал.

Лоуренсио о талантах сестры не распространялся, отчасти потому, что не знал о них ничего достоверного, а отчасти и потому, что магов побаиваются. Серьезно так боятся и заслуженно.

Но – не знал.

Мужчины обсуждали предстоящую операцию и предвкушали грядущие барыши.

* * *

Дружба – дружбой, а служба службой.

Феола откровенно признавалась себе, что нервничает и переживает. Как-то ее встретят в доме Веласкесов?

Да, Мерседес стала ей подругой, и что-то подсказывало Фи, что это надолго. Может, и двадцать лет пройти, и сорок – они все равно

дружить будут.

А ее бабушка и дед?

Как они примут Феолу?

Понятно, что в лицо ей будут улыбаться, а какого размера будет камень, спрятанный за спиной?

Феола не знала, как с этим обстоит дело у других магов, но когда чувствуешь неприятие, плохое отношение... ты это просто чувствуешь. Как будто постоянно ноет больной зуб.

Ну и попробуйте в свое удовольствие пожить с зубной болью?

Нет?

Вот именно. Не получится.

Может, потому у некромантов и настроение такое плохое? Попробуй постоянно поживи в атмосфере всеобщего неодобрения и нелюбви? Озвереешь тут!

Но опасения девушки оказались напрасны.

Сеньора Идана Мерседес уже успела все обдумать и пришла к выводу, что знакомство с ританой Ксарес надо поддерживать. Так что улыбка ее хоть и была несколько напряженной, но – все равно от души.

– Здравствуй, сеньора Веласкес.

Да и поздоровалась она первой, даром что магичка и ритана. Сеньора оценила. И улыбнулась в ответ уже чуточку посмелее.

– Добрый день, ритана Ксарес.

– С вашего позволения, можно просто Феола. Я дружу с Мерседес – и я гостя в вашем доме.

Сказано было достаточно четко. Идана Мерседес улыбнулась еще спокойнее.

– Ритана, маг...

– Просто Феола. Подруга Мерседес.

– Подруге мы всегда будем рады, – кивнула Идана.

– Но разместить меня лучше поближе. И к ней, и к детям, – попросила Феола. – И познакомить с малышами, если можно.

– Конечно-конечно. Это все ваши вещи, Феола?

– Да, – Феола собиралась заехать к Веласкесам, оставить вещи, а потом направиться в полицию. А вдруг она там будет нужна?

Чемоданы и собирать особо не потребовалось. Она часть вещей так и не разбирала. Поленилась.

Слуга понес чемоданы в симпатичную светлую комнатку, Феола отправилась вслед за ним, осмотрелась и решила, что ей тут нравится. Удобно, уютно и очень-очень тепло.

Нет, не из-за солнечной стороны, и не от отопления. Просто есть дома, в которых тепло. А есть те, в которых холодно и промозгло.

В этом доме жили и живут хорошие люди. И внуков они явно любят. И потому здесь живет тепло.

– Огромное спасибо, сеньора Веласкес.

– Может, просто сеньора Идана?

– Спасибо, сеньора Идана, – тут же согласилась Феола. Почему нет?

Комната большая, просторная, светлая, в ней есть душевая и туалет, при ней есть гардероб. И что еще нужно?

Правильно, больше – ничего.

Распихать вещи по углам – и к Мерседес. Сеньора Идана лично проводила девушку до двери в детскую, улыбнулась – и предоставила молодежь самим себе. А она как раз успеет подслушать из соседней комнаты, что и как будет происходить. Так оно надежнее.

Мерседес читала братьям вслух.

Гонсало и Хавьер внимательно слушали. Книга была интересной, о приключениях храброго капитана, читала Мерседес с выражением, как раз дошла до места, в котором капитан сражался с наглым и подлым пиратом...

Депрессия закончилась, не начинаясь. Слишком уж много всего хорошего ей было в противовес.

И поездка к сеньору Агирре, и Феола, которая будет жить рядом, и тан Мальдонадо... ну как тут грустить? Как тут печалиться о человеке, которого ты и не знала-то как следует?

– Фи?! Как я рада!

Она уже знала, что Феола поживет у них какое-то время.

Фи, недолго думая, обняла и расцеловала подругу.

– Мерче, как ты?

– Не знаю, – пожаловалась девушка. – Все мне кажется, что кто-то за нами следит, что смотрят в спину...

– Не отходи от ребят, ладно?

– Обещаю, – серьезно сказала Мерседес. – Мне страшно так... понять бы – есть повод, или я просто так перенервничала?

Феола развела руками.

У себя она могла четко определить – магия или нервы. Но как быть с посторонними людьми? У которых нет магии, но есть наблюдательность? Мерседес не стала бы хорошим художником, не смогла бы рисовать свои эскизы, не подмечай она малейшие детали. Но ведь одно дело – увидеть и встревожиться, а другое – увидеть, понять, что ты увидела, и сделать правильные выводы.

Вполне возможно, что у нее – первый вариант.

А может, она просто переживает из-за случившегося. Тут и взрослому человеку хватит, чтобы год заикаться и во сне кричать, а ей семнадцать...

– Не знаю, Мерче. Я съезжу в Управление и вернусь, хорошо? И скоро придут наемники, их твой дед оплатил...

– А мне надо к мастеру Агирре... может, поедем вместе? Я тебя подвезу к Управлению, а сама потом к ювелиру? И обратно поеду – заберу тебя?

Феола прикинула по времени.

– Да, это будет идеально.

– Тогда так и сделаем! Я пошла надевать шляпку... Фи, а ты так и поедешь?

– А что?

– Ну... твоя прическа...

Феола только фыркнула.

Ну да, на два хвостика шляпку не наденешь. Разве только захочешь превратиться во всеобщее посмешище. Но ей было на это начихать! Она и без шляпки прекрасно обойдется! А Римат...

Плевать ей на моду! Особенно на ту, ради которой надо портить себе нервы, жизнь и здоровье. Вот!

И Феола решительно накинула на плечи белый платок из козьего пуха. И тепло, и красиво, и на голову его можно приспособить, случись что...

Красотка?

Да!

Интересно, а тану Амадо Риалону какие девушки нравятся? Хотя Феола и так понимала, что он женат. Что шансов у нее нет. Но...

Все-таки – какие?

* * *

Самое неприятное утро, наверное, выдалось у тана Кампоса.

Но и Амадо досталось – в одиночку страдать неинтересно, это уж точно.

– Риалон! Руки в ноги и ко мне! Быстро!

Амадо, мрачно пьющий в кабинете кофе, даже не сразу узнал мэра Римата. Сообразил минуты через полторы.

– Т-тан Кампос?

– Я. Живо ко мне.

– Что случилось?

– Убит помощник моего секретаря. Этой ночью.

– Еду, – быстро согласился Амадо, засовывая карточки в карман и выходя из кабинета, чтобы столкнуться с Феолой в коридоре.

– Риалон?

– Феола? За мной, – решил Амадо. А что? Она уже в курсе истории, а с магов спрос другой. И отношение к ним тоже другое. Пусть едет.

Феола прыгнула в старый служебный мобиль, погладила исцарапанную дверцу.

– Что именно случилось? Я с утра поговорила с родными и переехала до коронации к Веласкесам. А тут вы?

Амадо скрывать не стал.

– У мэра есть секретарь, Сезар Мигель Вальверде. Милейший человек, умница и профессионал. Но – возраст, сама понимаешь. Вот мэр и разрешил ему взять помощника и постепенно подготовить на свое место. Когда Сезар сам захочет уйти... лет через десять.

– Сколько лет этому Сезару?

– Ровесник мэра.

Феола вспомнила молодежавого тана Кампоса, пожала плечами.

– И что страшного? Главное, чтобы мозги работали.

– Мозги-то там отлично работают. А вот ноги не всегда за ними успевают. И руки... артрит, – разъяснил Амадо.

Феола кивнула. Это она понимала.

– Сезар взял себе помощника, некоего Оливареса, и был им премного доволен. А сейчас мне телефонировал мэр и сказал, что Оливареса убили.

– Кто и зачем?

– Вот это нам и предстоит узнать, – взмахнул рукой Амадо.

Феола не возражала. Почему-то ей казалось, что все происходящее – это составные части одной головоломки. Но как правильно ее сложить, чтобы не получилось кривое зеркало?

Пока она не знала. Оставалось ждать и смотреть в оба.

* * *

Сеньор Вальверде оказался милейшим человеком. Высокий, моложавый, сухопарый... и правда – с артритом. Несчастные его перекрученные суставы...

Амадо посмотрел на Феолу.

– Посиди тут, стажер. А я на пять минут к тану Кампосу.

– Слушаюсь, – кивнула Феола. И посмотрела на сеньора Вальверде. – Вы позволите, сеньор?

– Да, конечно, ритана. Садитесь, располагайтесь.

Феола послушно опустилась в кресло для посетителей.

– Благодарю вас, сеньор. Вы так любезны...

– Может, кофе, ритана?

– Если можно, простой водички, – попросила Феола. – У меня от волнения в горле пересохло... это так все ново!

Хороший секретарь информацию собирает, мало ли что. Вот и сеньор Вальверде своего шанса не упустил.

– Давно вы стажер, ритана?

– Нет, что вы, сеньор Вальверде. Совсем недавно. И я так волнуюсь... еще сделаю что-то не так, и меня выгонят!

– Я думаю, тан Риалон не настолько жесток.

– При чем тут жестокость? – удивилась Феола. – Меня взяли для выполнения определенных обязанностей, если я с ними не справлюсь, меня выгонят. Это ведь справедливо, разве нет?

– Справедливо.

– Вы, наверное, тоже так помощнику говорили?

– Говорил... но Оливарес был выше всяких похвал.

Что-то такое было в Феоле, подкупающее. С ней хотелось поговорить, рассказать все и почувствовать, что тебя понимают. Не осуждают и не обидят.

Вот и сеньор Вальверде исключением не оказался.

Феола очень быстро узнала, что Сезар болел за свое дело. Секретарем он был лет с двадцати, свои обязанности знал преотлично, а вот исполнять их, как раньше, уже не мог. Подумайте сами, разве с артритом быстро по зданию побегаешь? Пока с третьего этажа до первого доползешь, это все десять минут. И это только туда. А там? А оттуда? А работать когда?

Поэтому Сезар поговорил с патроном. Он готов был уйти, если бы мэр так распорядился, но ему повезло. Тан Кампос не просто милейший и умнейший человек. Он еще человек большой души... и разрешил секретарю найти себе помощника.

Сезар подошел к вопросу ответственно и перебрал не один десяток кандидатов, прежде чем выбрал Эмилио Педро Оливареса.

Неглупый юноша искренне хотел вырваться из низов, и сейчас ему представился такой шанс. Он в него, понятно, вцепился.

– Из низов? – удивилась Феола.

– У него отец был картежником. Все проиграл, пустил себе пулю в лоб, когда понял, что не расплатится. Долг не перешел на жену и ребенка, но бедности им хлебнуть пришлось.

Феола скорчила сочувственное личико.

– Это большое горе... а каково сейчас его матери?

– Мать там умерла... лет пять назад, кажется. Оливарес жил один.

Феола кивнула. Один так один. Но это хуже, некому будет рассказать о помощнике и его проблемах. Разве что слуги? Они многое знают...

Впрочем, сеньор Сезар тоже достаточно много знал о своем помощнике. Возраст, характер, предпочтения в работе... может, узнал бы и больше, да вот работал Оливарес у него не слишком давно. Может, с полгода.

Хороший секретарь обязан хорошо разбираться в людях. И Сезару казалось последнее время, что парня что-то тревожит. Но что?

Оливарес или отмалчивался, или отшучивался... да, что-то около пары месяцев.

Но это вторично. А вот что случилось сегодня... Работы невпроворот, а Оливарес не пришел на службу вовремя. Хотя все полгода он, словно часы, появлялся в приемной ровно за полчаса до начала рабочего дня, плюс-минус минута. Но так – полчаса. Сезар... он не в курсе всего происходящего, но накануне таких мероприятий он и сам нервничает. Поэтому послал к Оливаресу посыльного. Тому не открыли дверь, и посыльный вернулся ни с чем.

Сезар подумал – и телефонировал в полицию.

Нет, он не подозревал ничего плохого, но вдруг? Сейчас такая нежная молодежь пошла! То инфаркт, то инсульт, то еще чего... вот в его время единственной уважительной причиной для обморока считался удар кирпичом по голове. А сейчас такие люди хлипкие... Тому же Оливаресу пару раз дурно становилось, приходилось нашатырем откачивать, словно беременную девушку. Куда это годится?

– Никуда, – согласилась Феола. – А с чего вдруг его так разбирало? Жара, что ли?

– Да нет... один раз это еще до начала работы было, – задумался Сезар. – Я прихожу, а он тут в кресле, в обмороке. И телефон пищит... сшиб, наверное.

– А второй раз?

– Второй раз вообще был на улице. Мы перекусить пошли, тут неподалеку есть замечательное кафе, кормят вкусно и не слишком дорого. Вот он на пороге и сомлел. Прямо в декольте какой-то сеньоре уперся.

Феола покивала, вытягивая подробности. Она сильно подозревала, что дело нечисто.

Приехавший наряд полиции вскрыл дверь, и внутри обнаружилось тело несчастного Оливареса. Убит одним ударом, кинжал, в спину, клинок оставлен в ране.

Больше никаких следов.

Что пропало?

Да кто ж его знает, для этого нужно знать, что у бедолаги было.

Вот с этим Феола была полностью согласна. А там и тан Риалон из кабинета вышел.

Что за манера у чиновников?

Вот знает тан Кампос, что Амадо из шкуры вон вывернется и обратно ужом заползет, и все равно – накручивает нервы.

Вы должны, вы понимаете, от вас столько зависит...

Да все я понимаю, чего ты переживаешь! От этого и моя карьера зависит, и не только моя, и не только карьера. Все я сделаю.

Но поди, объясни это бюрократу!

У него – привычка! А у Амадо – Феола, которая оставлена в приемной без присмотра. Как оказалось – не зря оставленная.

Пока Сезар проводил Амадо к столу помощника, пока они в четыре руки разбирали его бумаги, а Сезар отправился за коробками, чтобы сложить все нужное и все уже ненужное, Феола потихоньку пересказала Амадо все услышанное.

Мужчина впечатлился и кивнул.

– Умничка. Посмотрим, что еще Хавьер скажет.

– Оп-па! – Феола ловко вытасила из общей массы одну бумажку.

Помахала ей в воздухе.

– Что это? – прищурился Амадо.

– Не сойти мне с места, но наш друг поигрывал в картишки.

Смотрите, здесь имена, взятки, вот это явно пас...

– А имя нашего покойника тут есть?

– Тут, скорее, прозвища. И потом, смотрите. Темная, золотая, мизер... [\[12\]](#)

– Карты, – задумался Амадо. – Долги...

– Шулера, кредиторы, а карточный долг вообще священен, – в тон ему продолжила Феола.

– Наведем справки.

И как же Феолу обрадовало это «наведем»! Вместе с ней! Разве это не замечательно?

* * *

– Альба, ты неправа.

Эти слова Альба не переносила всей душой. Но... завизжать она могла, конечно. Только не стоило так поступать.

Мать с отцом ей подбрасывали денег, а если она устроит скандал – не дадут.

– Амадо меня не понимает! Вообще! Не приходит домой, весь в своей работе... и ладно бы он хоть прилично зарабатывал!

Тан Аракон и ритана Аракон обменялись понимающими взглядами. С жиру бесится, читалось в них.

А как это еще назвать?

Именно что с жиру. Зарабатывать в поте лица на хлеб и воду не приходится. Муж работает, семью содержит, и кстати, на приличном уровне. Есть мобиль у него, есть у супруги, есть дом, Альба спокойно заказывает себе достаточно дорогие вещи...

Ну да!

Она не может пойти и скупить у ювелиров все бриллианты подряд! Но ведь и ритана Розалия так не может сделать. Даже несмотря на полученное наследство от отца. И на приличную ренту. И на деньги супруга...

Обычный средний класс, разве что Араконы находятся ближе к его вершине, а Риалоны к середине. Но Альбу-то это не устраивает! Она хочет ко двору, она хочет блистать, она хочет БОЛЬШЕ! Больше и больше... При этом сделать что-либо самой ей и в голову не приходит.

– Давай я поговорю с Тони, – предложила ритана Розалия. Давно ушли в прошлое времена, когда она подозрительно косилась на племянницу. Сейчас-то она даже благодарна была Даэрому. Лучшее, что он для своего ребенка сделал – помер. И Тони отправилась к ним, в столицу. Хорошая девочка. Умненькая и уважительная, даром, что некромантка. – Она тебя возьмет в свой магазин, консультантом. Много платить, конечно, не получится, но с чего-то начинать надо. И проценты от продаж...

– Мама! Хватит говорить глупости! Еще я за прилавком не стояла! – почти взвыла Альба.

– Твой прадед стоял. И прабабка, – обиделась ритана, которая отлично помнила о своем купеческом происхождении, – и ззорным это не считали.

– Это было еще в прошлом веке! – сморщила нос красавица. – И они были простонародье. А мы – аристократы...

Адан только головой покачал.

Бесполезно. Их не услышат, просто не захотят слушать. В глазах Альбы – работать – это недостойно. И проще сидеть на шее у супруга,

нить, ругаться и жаловаться. А сделать что-то...

Нет смысла в сотый раз объяснять ей, что Антония, хоть и ритана, с радостью работает в своем антикварном магазине, что Паула, хоть и ритана, тоже работает...

Альба Инес Риалон искренне считает, что ей уже все должны. Просто потому, что это – ОНА. И она достойна всего самого-самого лучшего. А тот, кто спорит – гад и враг!

Она УЖЕ достойна. В принципе. Потому что она оказала этому миру честь своим присутствием.

Да, что-то они упустили, когда растили своих девочек. Что-то проглядели, или наоборот, не додали, не показали, не растолковали...

А теперь уже и поздно.

Что они могут сделать?

Только выслушать, пожалеть и подбросить денег. И все. А это в общем-то бессмысленно. Альба не изменится, проблемы не решатся, разве что Амадо передохнёт. Хотя бы месяц... пока деньги не закончатся, его грызть не будут. Зять у них хороший. Все зятя. Жаль вот, дочка чего-то важного не понимает в этой жизни. Но это уже неисправимо.

* * *

– Сеньорита, вы мне составите компанию? Хочется холодного лимонада и мороженого.

Мерседес непроизвольно облизнулась.

Ей тоже хотелось. И лимонада, и мороженого, и вообще... прогуляться по Римату.

А еще – рядом с ней будет тан Мальдонадо. С его улыбками, шутками, легкостью общения... рядом с ним Мерседес чувствовала себя легкой, живой, яркой, словно сидела в темном подземелье, а потом выбралась на свободу. И сейчас улыбается и оглядывается по сторонам.

И возникает вопрос. Мама что-то знала? О чем-то догадывалась?

Почему она растила детей именно так, почему практически не давала им свободы воли, почему? Мерче могла ходить в школу, но мама настояла, и девочка, равно как и ее братья, получали

домашнее образование. Так тоже делалось, правда, в более знатных семьях, но Веласкесы не удивлялись. Потом просто сдать экзамен на зрелость, получить аттестат – и все.

Учиться дальше?

Мерседес хотела. Вот именно так, у ювелира. У мастера Агирре.

А еще у тана Мальдонадо, который рисует ее за работой, а заодно рассказывает про свет и тени, ракурс и перспективу, пропорции и золотое сечение. И это еще далеко не всё. И так интересно становится...

– Составлю, – решила Мерседес. – Если сеньор Агирре не будет против.

Тан Мальдонадо подмигнул ей.

– Я поговорю с сеньором. Вы пока приводите себя в порядок, одевайтесь – и идем?

Мерседес покрутилась перед зеркалом. Поправила шляпку, подумала, что надо бы посетить дамскую комнату, вышла из студии, в которой работала...

– Сеньорита...

Откуда взялся этот невысокий человек?

Но в следующую минуту Мерседес вдруг поняла, что не может двинуться.

И падает, падает... вперед, словно подкошенная.

Последней мыслью уплывающего сознания было: лишь бы нос не разбить.

Тан Мальдонадо возвращался с победной улыбкой.

Конечно, сеньор Агирре отпустил ученицу на перерыв. Попробовал бы он не отпустить!

Но... комната открыта?

Мерседес?!

Кто-то другой на месте тана решил бы, что девушка вышла, и ее надо немного подождать. Но... тан Мальдонадо просто не умел сидеть на месте. Да и...

Когда гуляешь с девушкой, некрасиво искать те самые углы для полива. Так что надо сейчас посетить кабинет задумчивости. А учитывая, что располагались эти кабинеты рядом, и было до них буквально два шага по коридору...

Мерседес спасла случайность, которую не смог предусмотреть похититель. Он хотел вытащить ее через окно уборной. И, воспользуйся он дамской уборной, все бы получилось. Но похититель-то – мужчина! Туда он и направился с бесчувственной сеньоритой.

И туда же направился тан Мальдонадо.

Легко ли вытащить сеньориту через окно? Ну... не особенно. Даже если тебя снаружи ждет сообщник. Даже если сеньорита висит бревном и не сопротивляется. Даже если ты сильнее обычного человека.

А все равно...

Двери узкие, окна в уборных не слишком большие, и расположены высоко, рама открывается плохо. И на все это время требуется. Внести девушку, положить девушку, влезть на подоконник, открыть задвижку наверху – заранее ее открыть не получится, потому что не подгадаешь, как и когда попадетя намеченная жертва, спуститься, снова поднять девушку так, чтобы она прошла в окно, передать ее сообщнику, вылезти самому, прикрыть окно...

Вре-мя.

Вот его и не хватило похитителю. Он как раз открыл окно, когда в уборную вошел тан Мальдонадо.

Херардо Диас мог быть каким угодно.

Склочным, эпатажным, наглым, вредным... одно было неизменно. Реакция у него была молниеносной, а от оценки ситуации до принятия решения иногда и доли секунды не проходило.

Наверное, похититель был очень удивлен, когда ему в спину с боевым воплем «Сдохни, тварь!!!» было запущено первое, что попало под руку благородного тана.

Мусорная корзина.

Уборщица в магазине была не слишком-то расторопной, или просто убирала по вечерам, потому корзина была не полной, но и не пустой. Сначала несчастного осыпало всяким мусором, а потом еще врезалась и сама корзина. Кстати – достаточно тяжелая.

Металлическая. Время пластика еще не пришло, так что весила корзинка прилично, килограммов пять-семь в ней точно было.

Следом полетела швабра, которую тан метнул, словно копье.

И попал ведь! Сказался большой опыт. Похититель взмахнул руками и вывалился наружу. Тан Мальдонадо едва за ним не выскочил,

но вовремя одумался. Увидел, что похитителей двое, а он-то один...

Ладно! Он с ними справится! Но на кого останется беспомощная Мерседес? Что с ней сделали? Точно не убили, но...

Тан опустился перед девушкой на колени и принялся массировать ей руки. Ладонки были холодные. И глаза закрыты. И платье едва-едва шевелится на груди... хорошей такой груди... кхм...

Мерседес приходила в себя медленно.

Открыла глаза, увидела над собой тана Мальдонадо.

– Что... где...

– Лежи спокойно, – тан Мальдонадо как-то незаметно перешел «на ты». – Тебя пытались похитить, я помешал. Дыши ровнее, я не дам тебя в обиду...

И когда это разумные слова помогали при утешении девушек? Правильно, никогда. Так что Мерседес поступила, как истинная женщина. А именно уткнулась в плечо спасителя – и разревелась так, что его рубашка мигом промокла.

Тан Мальдонадо гладил прижавшуюся к нему девушку по гладким черным волосам и чувствовал себя дурак-дураком...

* * *

Как получилось, что я тут очутилась?

Треси совершенно искренне задавалась этим вопросом. Но... не виноватая она, как-то само все так образовалось. Правда-правда.

После вопля тетки из ателье пришлось вылететь с приличной скоростью. Неудачно она подставилась, да... не тем голова была занята.

А теперь придется искать работу.

Треси четко понимала, что обратно тетка ее не возьмет. Зачем ей свидетельница супружеской измены?

Правильно, незачем. И плевать, что дядя и так обо всем догадывается.

Подозрения – одно дело, уверенность – второе. Конечно, тетя не возьмет ее обратно на работу. Еще и репутацию испортить постарается, наверняка.

Вот так, чтобы никто Треси на работу не взял.

Пойти и правда рассказать все дяде?

Этот вариант Треси даже всерьез не рассматривала. Глупо же...

Вот приходит она к дяде, и говорит, что у него рога растут. Дядя, конечно, расстраивается, возмущается и вечером задает тете вопрос: правда?

Тетя абсолютно спокойно говорит ему, что это все Треси виновата. Мол, она у тана Анхеля кошелек стащила, ее за руку поймали, вот она и решила наклеветать на всех подряд. А что такого?

И если спросить в мастерской, наверняка подтвердят ее версию. Тетя получается чиста со всех сторон, а Тересе век не отмыться.

Нет, это не выход.

А где он – выход?

Что она вообще умеет?

Только шить. Шьет она неплохо, придумывает фасоны, делает женщин красивее. Но чего это стоит без денег и связей? Да ничего!

А скоро ей надо будет возвращаться домой. И получить там от мамы, от отца, от младших... поддержку? О, нет!

Наоборот, будут ругаться. Как же, потеряла хорошую работу... ну, тогда сиди дома и помогай матери. А то и замуж пора... и начнется паломничество соседок. Хорошие-то они хорошие, но...

Тот случай, когда все плюсы играют не в пользу Треси.

Да, она неглупая, хозяйственная, заботливая, руки у нее из нужного места растут... и кто откажется такое в свою семью получить? Правильно, никто.

А ей это надо?

Ладно еще – на своих родных вот так вкалывать и своим братьям-сестрам носы и попы подтирать. А чужим?

А вот не хочется...

Своих нарожать? И начать, как мама? От родов к кормлению, а потом к новой беременности?

Не! Хо! Чу!

Только вот и выхода не было.

И сидела Треси печально на скамеечке, глядя на департамент полиции, когда за спиной раздался тихий голос:

– О чем грустит очаровательная сеньорита?

Треси подскочила на полметра, как сидела, приземлилась обратно и зашипела сквозь зубы. Больно, знаете ли... о скамейку всей мягкой

плоскостью. Но голосу она даже обрадовалась.

И силе, которая освежила ее, словно поток прохладного воздуха в жаркий полдень.

– Тан некромант... здравствуйте.

Хавьер попробовал улыбнуться в ответ. Получилось плоховато, не привыкли у него мышцы к подобным упражнениям. Обычно-то при виде некромантов приличные люди шарахаются – и удирают. А не улыбаются и не подаются ему навстречу.

Но это приятно.

Так что Хавьер попробовал переделать оскал в улыбку. Все равно не получилось, но Треси было не до его гримас. Она старалась незаметно стереть слезинки со щек.

Получалось плохо. Хавьер заметил.

– Так... вы плакали, сеньорита?

– Все в порядке, – врать получалось не лучше, чем вытирать.

– Я вижу, – согласился Хавьер. – В ресторан вас в таком виде не пригласишь... давайте заглянем ко мне? В морг? Приведете себя в порядок...

Ухаживать у некроманта получалось ничуть не лучше, чем улыбаться.

Треси фыркнула – и согласилась. Ей сейчас тоже было не до ухаживаний. Умыться бы, высморкаться и вообще... ухаживания? Да вы о чем? Где она, а где некромант?

Нереально!

Спасибо, конечно, за помощь, но это просто... вот мы играем с животными? Вот, наверное, и он так же. Как с букашкой или лягушкой.

И Треси послушно отправилась за некромантом.

Заначка!

Это самое святое слово на земле. Она есть у начальников, градоправителей, королей... у некроманта она тоже была. И состояла из хорошего кофе, темного сахара и пастилы. Вот что кому нравится.

А Хавьеру очень нравилась яблочная пастила, такая тоненькая, полупрозрачная, скрученная в трубочки. И чтобы со сладким кофе, кисленькая...

Красотища!

Тересе тоже понравилось. Она выпила чашку кофе и чуточку расслабилась.

– Спасибо, тан Карраско.

– Не стоит благодарности. Сеньорита, расскажите, что у вас произошло?

– Ничего, – уныло отозвалась Треси.

– Неправда. Ничего выглядит совсем по-другому, я точно знаю.

Треси невольно улыбнулась.

– И как выглядит ничего?

– Не заплаканным. Рассказывайте, сеньорита, я все равно ведь узнаю. Мы, некроманты, такие, от нас нет спасения. И тайн тоже...

Треси фыркнула. Но решила поделиться частью истории.

– Я работала у тети. Сеньора Пилар Наранхо.

– Работала? – выловил самое главное некромант.

– Меня сегодня уволили. Да еще пообещали обвинить в воровстве.

– За что? – удивился Хавьер, быстро проглядывая ауру девушки.

Глаза резко зашипало, словно он туда по ложке соли высыпал, но увиденное его порадовало. Чистая аура, чистенькая девушка. Какие кражи? Она, наверное, конфеты – и те из буфета не таскала!

Кстати – действительно не таскала. Не было на них в семье денег.

– За все хорошее, – проворчала Треси. – Тетку с любовником застала...

Хавьер примерно понял и кивнул. Ну да, лучшая защита – нападение. Но кстати!

– Что вы теперь будете делать, сеньорита?

Треси задумчиво сунула в рот пастилку. Сейчас, после кофе, перспективы казались не такими мрачными и унылыми.

– Пока не знаю. В другое ателье меня вряд ли возьмут, мир тесен. Вернусь домой, выслушаю все, что обо мне думают... может, пойду куда-нибудь полы мыть...

Хавьер фыркнул.

– Даже так? Зачем тогда искать, куда?

– Тан? – не поняла Тереса.

– У меня есть право нанять ассистента. Хотите? Платят в департаменте неплохо, да и стажировку могу оформить. А там и учиться пойдете...

Тереса открыла рот. Закрыла. Подумала.

– Эммм... а что делают ассистенты у некромантов?

– Моют, – разъяснил Хавьер. – У некромантов отвратительный характер и мы ненавидим уборку.

Мыть Тереса была согласна. Только вот...

– Трупы тоже мыть придется?

– Нет. С трупами я без вас разберусь, – отмахнулся Хавьер.

– Хм...

Ну, кто не убирал за десятком детей, тот бы поломался для приличия. А Треси отлично понимала, что лучше здесь, чем там. Уж работы всяко будет меньше.

– Воск оттирать придется. Это есть. Мел, иногда кровь... не боитесь?

– Я и трупов не боюсь, – честно ответила Треси. – Я же не в музее росла. Просто они тяжелые...

Хавьер фыркнул, понимая, что девушка-то практически идеальна. Подумаешь, пару лет подождать, пока она подрастет! Ерунда!

– А органов? Или частей тела? Если надо будет банки протереть...

– И в мясные ряды я тоже хожу, и ничего в этом нет страшного, – согласилась Треси. – Протру спокойно. А на кого могут учиться помощники некроманта?

– Хм... карьера медика вас не привлекает?

– Вряд ли. Почубиваю всех, тем все и закончится.

– Химик, биолог, это если понравится. А можете выучиться на секретаря, или еще какого бумажного работника.

Треси кивнула.

– Я могу.

А шить можно и в свободное время. Сначала для себя и своих, вот как для Феолы. Кстати, нужно ей отдать еще часть заказа, там туфельки готовы.

А уж потом, позднее... когда у нее будет работа, образование, когда она будет твердо стоять на ногах, там можно уже и заниматься тем, чем нравится. Опять же Управление.

То есть много молодых ребят, среди которых можно себе кого-то приглядеть. А не нищета из их квартала.

И вот не надо!

Хорошие люди, достойны – недостойны...

Треси и не спорила, что все люди хорошие. И обстоятельства у всех бывают разные. Но это же не повод в пятнадцать-шестнадцать лет выходить замуж за такого «хорошего», просто потому, что все друзья-подруги уже переженились, а ты... Ну, тут в зависимости от словарного запаса родных. И «ой-ой-ой, бедняжечка», и «старая дева», и «сухая коряга», и попросту «перестарок, кому ты нужна будешь»...

Да и какая разница? Не нужна? И не надо, кто сказал, что вы мне все хором нужны будете? Тереса, вон, на тетушку насмотрелась и отчетливо понимала, что исчезни сейчас дядюшка – Пилар Наранхо не огорчится. Новый кто-нибудь найдется.

И выглядит тетушка куда как лучше ее матери. И живет богаче. И работает... она вот так и поступила. Сначала ремесло в руках, потом замужество... и ведь отлично живет! Тереса для себя и выбрала такую судьбу. Только вот родные не поймут... наверное.

А противостоять всем подряд – это сложно. Очень сложно.

– Сеньорита, у вас такой вид, словно вы о судьбах мира размышляете. Поделитесь? – подшутил некромант.

Треси и поделилась.

Почему-то ей захотелось услышать, что скажет этот серьезный черноглазый мужчина. Да и сложно о таком думать в семнадцать лет, и решения такие принимать – тоже. Хочется, чтобы тебя поддержали. Или хотя бы выслушали и не осудили.

Поддержку она и нашла.

– Тереса, если будет сложно или трудно, обращайся ко мне. Я ведь правильно понимаю, что ты захочешь сначала получить образование, а потом заниматься семьей и детьми? – еще раз уточнил Хавьер.

– Да.

– Вот! То есть у меня на несколько лет будет хорошая помощница. А это просто замечательно. Некроманты вообще-то вредные, долго меня никто не выдерживает...

Треси покосилась с подозрением.

Вредные? А в чем это проявляется? Они током бьют? Или руки распускают, что намного хуже?..

– Нет-нет, не в том смысле, – Хавьеру и мысли читать не надо было, все на лице у девушки написано. – Просто сила некромантов

такова, что выносить ее сложно. Это как все время в погребке сидеть, да еще кто-то за плечом стоит...

Треси только хмыкнула. Она ничего неприятного не ощущала. Даже наоборот – прохладненько так, спокойно, уютно...

– Вот и отлично. Значит, мы поладим. И можешь называть меня тан Хавьер.

– Меня друзья называют Треси, – решила Тереса.

– Сопроводить тебя домой и поговорить с родными – нужно?

– Я должна справиться самостоятельно, – отказалась Треси.

– Если что-то будет не так – телефонируй. Приеду и разберусь.

О том, что в доме Треси нет телефона, некромант просто не подумал. Увы.

– Хорошо. Спасибо вам, тан Хавьер.

– Не стоит благодарности. Допивай кофе и пойдем оформлять документы. Чтобы в беседе с родными у тебя были аргументы...

От благодарности коварному некроманту все равно увернуться не удалось.

Почему коварному?

А потому... смотрел он на девушку и думал, что ему нравятся ее родные. За пару лет они так допекут малышку, что некромант для нее станет героем и спасителем. Разве это не замечательно?

Только надо постараться не вмешиваться слишком активно и не проклинать их там всем скопом. Может, еще и простимулировать дополнительно. Он подумает... Пусть пошипят, пусть Треси оценит единственного человека, который не станет читать ей морали.

И место, в котором будет чувствовать себя спокойно – тоже.

Некромант – и морг?

И что?! Вас что-то в этом не устраивает?

Обращайтесь. Морг большой, Хавьеру места не жалко.

Глава 8

– Сколько зарядов у нас заложено?

– Восемнадцать.

– Мало!

Собеседник понурился.

Мало, конечно. Но – опасно.

После нахождения взрывчатки тан Камнос тихо озверел.

Или громко?

Неважно. Но патрулей на улицах прибавилось – втрое. А то и побольше. И искать они стали намного яростнее.

Правда, найти у них ничего не получится, но ведь ищут, время отгрызают, а его и так мало... попробуй, подготовь качественное жертвоприношение! Массовое!

Это индейцам хорошо было, у них народ самостоятельно на жертвенники шел^[13].

А тут что?

Правильно, не дождешься...

Совершенно несознательный народ пошел!

Богине надо проложить дорогу, для этого нужна или божественная сила (но кто ж себе будет плодить конкурентов?), или много, много крови.

Тысяча человек?

Мало!

Десять тысяч, а то и побольше надо, чтобы открылись пути. Но как ты их заманишь в одно место, сколько времени ты будешь приносить жертвы, не вмешается ли при этом кто-то еще?..

Вопросы, вопросы...

Идеально подошла бы война, но вот беда – Астилия ни с кем не воюет. Старый король все вопросы пытался решать миром... то есть интригами и втихаря, его наследник пока себя тоже никак не проявил... что остается?

Всё сами. Просто – всё!

Если заложить в нужных местах взрывчатку, а потом взорвать в нужное время, жертв может быть даже больше. Но сколько труда

на это нужно!

*Взрывчатку нужно купить. Привезти. Протащить в столицу.
Разместить в нужных местах. Наконец, активировать вовремя.
И – нет!*

*Вот заранее этого делать нельзя. Потому как это взрывчатка.
А она может отсыреть, выйти из строя, ее могут обнаружить,
и это еще не считая непредвиденных ситуаций.*

*К примеру, разместили взрывчатку, а она самопроизвольно
сдетонировала. Не ко времени^[14].*

*В результате – жертв не будет. То есть их просто не хватит
проложить дорогу Богине. А вот второй попытки – ее тоже
не будет. Дураков вообще в правительстве маловато. Не выживают
они там.*

Сволочи есть, идиотов нету.

И поймут, и шансов больше не дадут.

Этот – единственный.

– Надо добавить зарядов.

– За три дня? У нас просто нет такой возможности...

– А взрывчатка есть?

– Да.

– Возможность я вам найду. Помогу...

– Но всего три дня?

– Слово даю.

*Слово, видимо, было увесистым, потому что собеседник чуточку
расслабился.*

– Я слушаю ваш план.

И план был изложен. А одобрение – получено.

* * *

Вообще, возить ритану в игорный дом – неправильно. Но во-первых, это не ритана, а стажер. Во-вторых, это не просто стажер, а маг. И в-третьих... вы ее сначала попробуйте удержать!

Она ведь и сама вырвется, да и поедет! Очень даже запросто.

А вот что потом будет?

В зависимости от везения будет. Или Феоле честно предоставят информацию, которая ей нужна, или... маг – это маг. Особенно когда он рассерженный.

Феола, конечно, не оставит воронку на месте игорного дома. Но... персонал может серьезно пострадать. А арестовать мага тоже сложно.

Амадо решил, что проще взять любопытную девушку с собой. Заодно и поговорить по дороге. Одна голова хорошо, а две лучше...

– Куда именно мы едем? – поинтересовалась Феола, усаживаясь в его старенький мобиль.

– К одному человеку, который знает все о картах и картежниках.

– Такие тоже есть?

– Есть. Он может навести справки, причем – быстро.

– А что он за это попросит? – смотрела в корень Феола. – Не из любви же к полиции он помогать будет?

– Нет. Обычно взамен он просит пропорциональную услугу. Также узнать что-то. Я соглашаюсь, если это не противозаконно.

Феола задумчиво кивнула.

– Также неплохо. Как его зовут?

– Сеньор Эктор Паскуаль Кинтеро.

Феола кивнула.

– Хорошо. Съездим, и мне надо будет возвращаться к Мерче. Могу я тоже спросить у него про одного человека?

– Ваш... прилипала?

Феола сверкнула глазами. Спускать тану Анхелю даже взгляд в свою сторону она не собиралась. Она с негодяя шкуру сдерет и так отпустит! Голым! На мороз!

– Да.

– Хорошо. И пока мы едем, предлагаю обсудить ситуацию.

Да, обсудить. А заодно это поможет Амадо не уснуть на дороге. Потому как сил не остается. Только голос Феолы и держит его между сном и явью...

Поди, попробуй кто сам вот так работать, да не спать, да поскандалить дома, а потом примчаться в самое пекло на работу...

Феола посмотрела на сидящего рядом мужчину. Покачала головой. Посомневалась пару минут, а потом махнула рукой.

– Тан Риалон, вы можете притормозить ненадолго?

– Да, а зачем?

– Надо.

Амадо пожал плечами, но послушно свернул в переулок. Надо так надо. Спорить с женщиной вообще занятие не особо полезное, он это по своей супруге знает.

Феола подождала, пока мобиль остановится, и Амадо заглушит мотор. Вышла и пересела ЗА мужчиной.

– Сидите смирно.

– Ритана? – удивился Амадо.

А больше он ничего сделать и не успел. Прохладные пальцы легли на его виски – и Амадо показалось, что по коже побежал расплавленный металл. Только это было не больно. Приятно, скорее...

Что-то такое, горячее, светлое, ясное, заполняющее голову, вытесняющее из мозгов противную усталость, заставляющее открыть глаза и улыбнуться новому дню.

Это длилось недолго, но было так приятно, что Амадо даже застонал от удовольствия.

А потом пальцы убрались с его висков, а он остался сидеть в той же позе, откинув голову на подголовник. Легкий-легкий, словно и не было этой длинной ночи, и вчерашнего дня тоже. Словно он уехал куда-нибудь на пять дней и отоспался.

Рядом скрипнула кожа сиденья – вернулась на место Феола. Амадо не хотелось открывать глаза, он побаивался возвращения противной головной боли, но та исчезла бесследно.

– Феола?

– Как вы себя чувствуете?

Судя по лицу Феола, она сейчас ничего сложного не сделала. Да это так и было.

Обычно делиться своей жизненной силой – сложно и трудно. Семь потов сойдет, пока что-то да сложится, а то может и вовсе ничего не получиться. Даже с Адэхи, несмотря на всю его силу, Феоле было сложно. А вот с Амадо все было легко и просто.

И ничего удивительного.

Сложно делиться жизнью с чужаками, какие бы хорошие они ни были. А вот близким людям мы и отдаем, и жертвуем охотно. Феола этот принцип знала, и легкость, с которой она делилась, даже не испытывая усталости, говорила ей о многом.

Да, это ее мужчина. И у них практически полное совпадение. Это хорошо.

Только вот он об этом не знает. И это плохо.

– Замечательно я себя чувствую, – после короткой паузы отозвался Амадо. – В кои-то веки ничего не болит.

– Вот и отлично. А то вы весь серый.

– Отлично? А что это было, хотелось бы знать?

Феола пожала плечами.

– Ничего сложного. Я же маг огня, и в каждом человеке есть свой, внутренний огонь. Только ваш приугас, а я его... слегка раздула. Вот и все.

– Так просто?

– Ну... не так просто на самом деле. Но иногда я и такое могу.

Амадо только головой покачал.

– Цены тебе нет, Феола.

– Не надо мне цену. А вот вам сегодня ночью надо проспать не меньше четырех часов. Иначе пойдет откат.

– Откат?

– Опять голова заболит. Только втрое сильнее.

Амадо содрогнулся. И подумал, что проспит эти четыре часа, даже если придется залезть в самую дальнюю камеру участка и запереться там изнутри.

– Обязательно посплю. А ты... в порядке?

– Да. И мы можем ехать, – вежливо намекнула Феола.

– А заодно по дороге обсудим наше дело, – завел мобиль Амадо.

Тело полнила веселая сила, словно он бокал, в который налили шампанского. Легкие пузырьки играли в крови, заставляя выдвигать сумасшедшие гипотезы.

– Итак, мединцы есть. Более того, они ассимилировались с людьми и прекрасно живут. Оpoznать их в одетом виде не представляется возможным.

Как он узнал, у того же Гомеса практически никаких признаков не было. Только что-то вроде костяных пластин в районе талии. Таких, не особо широких. Словно под кожей пояс вырос, вот взял – и сам по себе вырос. Без шипов, без выступов, просто твердая полоса, состоящая из отдельных пластинок, размером с детскую ладошку.

Даже не чешуя. Вообще ничего не видно, разве что руками почувствуешь. А у детей Гомеса и такого уже нет.

И что теперь, ходить и всех раздевать? Что-то нереально это звучит. Так что... мединцы есть. Они среди людей. И прекрасно себя чувствуют, гады такие!

Феола энергично потрянула головой.

– Согласна. Мы исходим из того, что все мединцы добиты не были. Часть осталась, и им нужно что-то...

– Массовое жертвоприношение, скорее всего, – вздохнул Риалон. – Демон, который дал им жизнь... отец уверен, что тот мертв, но кто об этом сообщал мединцам?

– Полагаю, никто, – согласилась Феола. – И у них есть прекрасная возможность провести это жертвоприношение. Во время похорон или коронации... тут же масса народа будет! Погибнут, вот и все... Взрыв, к примеру. Если уж взрывчатку нашли! Или магия какая...

Амадо только вздохнул.

– Столица будет набита полицией. Намного проще устроить по дороге покушение на кортеж...

Феола пожала плечами.

– Может, и проще. Ладно. Давайте исходить из фактов. У нас есть недобитые мединцы. У нас есть взрывчатка, которую нашли в доме сеньоры Арандо. Это сочетание настораживает.

– Согласен, – не стал спорить Амадо. – Но этим буду заниматься не я. То есть мерами безопасности. Я в них не так хорошо разбираюсь.

– Тан Вальдес?

– В том числе. Будет совещание, тан Кампос распределит, что и кому надо делать, может, даже уже распределил.

Феола задумчиво кивнула.

– Хорошо. Давайте зайдем с другой стороны. У нас естьдохлый помощник секретаря. Который, кстати, имел доступ к любой информации. Вообще любой...

Амадо только зубами скрипнул.

Ну да. При желании в мэрии можно узнать что угодно. Он это на примере полицейского управления понял. Подружись с тем, с этим... там два слова, здесь три монеты – и тебе чуть ли не дело со стола следователя вынесут. Ладно-ладно, не все так плохо, но если ты работаешь в управлении, то получишь доступ к информации.

– И картежник вдобавок.

– Если узнаем, что последнее время его не видели за картами, или что он проиграл по-крупному...

Объяснять Амадо не требовалось. Сам не дурак.

– Допустим, он проигрался. И стал снабжать кого-то информацией. Это вполне реально.

– Тогда зачем его убили? – Феола не понимала логики. Вот, есть полезный человек. Им пользоваться надо, а не убивать, да еще за несколько дней до коронации.

– Может, потребовал еще денег. Или хотел рассказать кому-то о своих делах. Варианты возможны.

– Кстати. А он мог быть причастен к попытке отравления тана Кампоса?

– Вполне. Сезар ушел, Оливарес впустил кого-то и отвернулся.

– Вот, еще и этот вариант надо рассматривать.

– Будем рассматривать, – согласился Амадо. – Вы умничка, Феола. Феола только вздохнула.

– Знать бы, где и с кем он так удачно поиграл.

– Узнаем, – пообещал Амадо. – Никуда он не денется. Сейчас съездим, а потом я вас отвезу обратно, к Агирре.

Феола потрянула головой.

– Да, Мерседес. Какая-то странная логика. Две попытки похищения – зачем?

– Зачем?

– Конечно. Это же нелогично. Допустим, Мерседес правда королевской крови.

– Допустим?

– Без допущений. Но зачем так усложнять? Не проще ли было познакомиться с девушкой, очаровать ее, обаять? Помолвку уже можно заключить, а до свадьбы пара лет... и похищать не требуется. Я просто не понимаю...

Амадо задумался.

Мимоходом объехал курицу (столица там, не столица, а эти твари откуда-то берутся и упорно лезут под колеса), побарабанил пальцами по рулю.

– Итак. Я – тан. У меня есть права на престол, но сомнительные. Слабые. Я могу их усилить, если женюсь на подходящей девушке. Что

меня может остановить? Почему я правда не могу поухаживать за Мерче?

– Ее родители, – тихо подсказала Феола. – Мы исходили из наличия только мединцев, а если взять за основу, что играют две или три силы? И каждому нужно свое?

– Хорошо. Допустим. К Самуэлю пришли и попросили разрешения ухаживать за его дочерью. Могли, кстати, и не домой прийти, и где-то в другом месте побеседовать.

– Именно. Так что Мерче может не знать всех обстоятельств. А вот Вирджиния, безусловно, знала.

– Знала ли она о своем происхождении?

Феола пожала плечами.

– Могла и не знать. Если мать ей не рассказала... что там может быть у квартеронки? Внешне она от обычного человека неотличима, внутренне... она же себя сама не вскроет? Допустим, созревала она раньше или позже, может, какие-то нарушения физиологического цикла были, может, плавать хорошо. А про короля... Такое и вообще не стоит дочери говорить.

– Но кто-то же был в курсе?

– Вирджиния вышла замуж достаточно молодой. В таком возрасте серьезные тайны девушкам не доверяют.

– И вы, ритана, тому пример, – не удержался Амадо. Забавно было смотреть на рыженькую моралистку.

Феола пожала плечами.

– Я – маг. Меня с малолетства учили контролировать свою силу, чтобы не натворить непоправимого. С таким взрослеешь быстро. А Мерче, я разговаривала с ней, мать растила достаточно строго. Не как в монастыре, но все выходы – с Вирджинией. Обучение – дома. Отчет и контроль, минимум свободного времени. Самуэль в это, кстати, не вмешивался. Ему было некогда, надо деньги зарабатывать.

– Однако...

– У вас есть дети? – Феола интересовалась не без умысла.

– Сын. Один.

– И вы его часто воспитываете?

Амадо только руками развел. Не в бровь, а в глаз. Да, очень часто воспитание детей отдается на откуп женщинам.

– Тогда что-то одно. Или Вирджиния все знала, или – к чему такие строгости?

– Строгости? Как воспитывали ее, так воспитывала и она. И могла считать, что это нормально.

– Хм... – под таким углом Амадо эту проблему еще не рассматривал. – Может быть. Допускаю. Итак, рассматриваем вариант первый. Вирджиния все знала о своем происхождении.

– Как минимум – боялась.

– Наверняка. Боялась бы.

– Мерседес говорила, мать вела достаточно замкнутый образ жизни. Дом, газеты, книги, иногда синематограф – ей хватало. В саду возиться любила. Часто сама готовила.

– Хорошо. Вот она занимается с детьми, живет, растит их... а потом приходит... некто.

– И делает предложение, от которого нельзя отказаться?

– Но Веласкесы отказались.

– Тогда, по идее, это предложение сделали бы Веласкесам-старшим. Даже не упоминая, что одно уже было. И они согласятся, они практичные.

– Хм. Согласен, не связывается.

Амадо напоминал себе паука, который пытается починить чужую паутину. А рисунка не видно, и хрупкие нити рвутся, расплзаются под руками во все стороны. Где он допускает ошибку? ГДЕ?!

– Вариант второй. Вирджиния ничего не знала. И жила себе спокойно, вот такой у нее характер. Ей хватало.

Феола почесала кончик носа.

– Кому могла все рассказать Вирджиния?

– Мужу, – осознал себя болваном Амадо. – Мужу, конечно. Она рассказала ему, что уже не девушка. Могла и остальное рассказать.

– Могла, – прищелкнула пальцами Феола. – И тогда все срастается просто изумительно. Вирджиния вела тот образ жизни, какой ей нравился, но одновременно берегла детей. Ее муж все знал... и использовал в своих целях?

– И как же?

– У меня такой вопрос, – Феола задумчиво смотрела куда-то вдаль. – Драгоценности королевы Хуаны были на корабле. Утонули в шторм. Мединцы могли их достать? Теоретически?

Амадо едва в столб не въехал.

– Могли. Я болван!

– У них с Веласкесом могло быть взаимовыгодное сотрудничество. Контрабанда или что-то еще...

– И вот тут все складывается идеально. Наталия могла рассказать дочери про свои особенности, но не про отца.

– Вот! – кивнула Феола. – Дочь рассказала мужу, тот вел дела с мединцами, но домой их не тащил. Никого, включая свекровь. Да и они не рвались. Как я поняла, они... рыба вообще любовь способна испытывать?

– Кто ж ее знает? Я с ней обычно встречался в готовом виде, – вздохнул Амадо. – На тарелке она одинаковая.

Феола задумалась.

– Дельфины, киты... это не вполне рыба.

– Акула, – нежно подсказал Амадо. И получил в ответ взрыв смеха.

О, да! Акула очень человеколюбивая рыба. И такая общительная, непривередливая, контактная!

– Тем не менее это вписывается и в характер сеньоры Арандо, и в характер Вирджинии.

– Допустим. А Мерседес?

– В ней три четверти человеческой крови. Ей тяжело, но полагаю, она способна на чувства.

Амадо кивнул.

– Ладно. Допустим. Вирджиния рассказала все супругу, Самуэль ведет дела с мединцами – и оп-па! К ним домой приходит некто, знающий о ее происхождении. И предлагает союз?

– Вполне вероятно. А теперь смотрим дальше. У сеньоры Арандо взрывчатка, надо полагать, в чем-то замешан и Веласкес. Что они могут сделать?

– Что бы я сделал, будь я купцом? Мне надо подумать, вот и все...

– Вот! – кивнула Феола. – Взять время на раздумья... и посоветоваться. С мединцами.

– И те их приговорили.

– Равно, как и секретаря. То есть помощника.

Амадо кивнул.

Эта картина уже была более логически непротиворечивой.

– Человек, который переговорил с Веласкесами... Самуэлем... что он будет делать дальше?

– А вот тут вопрос. Он поговорил с Веласкесами – и тех убивают, – задумалась Феола.

Амадо плюнул на все и остановил мобиль в проулке. Все лучше, чем рисковать вписаться в столб.

– Прогуляемся пешком? Тут немного осталось, минут пять ходьбы.

– С удовольствием, – Феола подала Амадо руку, и мужчина помог ей выбраться из мобиля. – Можно и побеседовать по дороге. Что должен был подумать наш... заговорщик?

– Что угодно! Он же не мог знать про мединцев! Или мог?

– Допустим, он просто знал, что сеньора Арандо родила от короля. Эту информацию несложно добыть и легко придержать на черный день, – взмахнула рукой Феола. – Потому что знай он про мединцев, никогда бы не рискнул связываться с Мерседес. Кровь все же... если ее проверят – мало ли что там покажется магам?

– Ты умничка, – искренне сказал Амадо. – Конечно же! Прислуга всегда в курсе всего, и кому попала эта информация, теперь не отследить. Разве что весь Каса Норра проверить...

– Не Каса Норра, – серьезно заметила Феола. – Мерче семнадцать, ее матери было восемнадцать, то есть всего тридцать пять лет. Считай, тридцать пять – тридцать семь лет назад сеньора Арандо прыгнула в постель к королю... не с первого же раза она ребенка сделала? Это как раз его величество был в столице.

– Двор, конечно, переехал, – сверкнул глазами Амадо. – Но я могу попросить Вальдеса навести справки... я сегодня уже говорил, что вы чудо, Феола?

– Я и еще раз послушаю. Мне приятно.

– Вы чудо, – согласился Амадо. – Итак, человек сделал предложение Веласкесам – и те умирают. Что он должен подумать?

– Что кто-то пытается перехватить ценный приз, – без труда угадала Феола.

– И начинаются попытки похищения.

Феола хлопнула в ладоши.

– Именно!

– Так логично, – кивнул Амадо. – Но тогда стоит ожидать следующих попыток.

– Я от Мерседес не отойду, – пообещала Феола. И так прищурилась, что Амадо посочувствовал похитителям.

– Тогда у нас все равно вопрос – кто?

Феола развела руками.

– Разве что попробуем на живца ловить? Замаскируем кого-нибудь под Мерседес – и пусть похищают?

– Я предложу эту идею Вальдесу. А пока попробуем навести справки.

– Кстати, тут может помочь и некромант, – заметила Феола.

– И как же?

– Взять списки померших, да и допросить с десятков душ. Они тоже много чего должны были знать и видеть. И врать не станут, и крутить.

– Бедолага Хавьер. Я с ним сегодня же переговорю.

– Только не с таким довольным лицом, – попросила Феола. – Убьет ведь!

Амадо только фыркнул. С таким, с другим... приятно сделать пакость недругу. Даже небольшую.

– И второй вопрос. Где искать мединцев?

Феола пожала плечами.

– У меня только один вариант. Дела Самуэля должен посмотреть его отец... если там что-то не то, кто может заметить, как не он?

– Если успеет.

– Тоже верно. А может и не успеть. И взрывчатка – штука плохая. Как их вообще можно найти?

– Знать бы... никто ведь не искал, все были уверены, что они вымерли. Навечно.

– В море? – задумалась Феола. – Нереально.

– Нам нужно не в море, а в Римате.

– Канализация? Тоже сомнительно...

Амадо потер лоб.

Вот ничего не придумывалось, хоть ты тресни пополам.

– Я подумаю, – тихо пообещала Феола. – Должны быть какие-то зацепки, они обязаны хоть где-то оставлять следы, это логично!

Логично. Но несколько лет они ведь не подставлялись? То-то и оно...

– Проверить побережье? Поискать на кораблях? Заставить магов?

Амадо отлично понимал, что это не пройдет, что так он никого не найдет, но не сдаваться же? Ладно... он еще подумает. А пока...

Пока – они пришли.

– «Шахматка»? – удивилась Феола, читая название. – А...

– Шахматы, карты, ставки... самое забавное, с утра здесь действительно учат детей играть в шахматы. А после четырех часов собирается совсем другой народ.

Феола только головой покачала.

– Детей? И родители не знают?

– Кто-то знает, но не придает значения. И что в этом такого? Детей здесь действительно учат только шахматам.

– Еще дети общаются между собой. А кто-то наверняка внимательно слушает...

– А потом и делится знаниями, – подмигнул девушке Амадо.

Феола хмыкнула. Она это не одобряла. Но вот уже спешил им навстречу швейцар.

– Тан Риалон! Ритана... ээээ....

– Ксарес, – представил Феолу Амадо. – Ритана Феола Амадина Ксарес.

– Добро пожаловать, – расплылся в улыбке мужчина. – Мы рады вас видеть в любое время...

– Сеньор Кинтеро у себя? – не стал рассусоливать Амадо.

Швейцар чуточку нахмурился, но больше никак свое недовольство не показал.

– Да, у себя. Вас проводить?

– Сами дойдем, – отмахнулся Амадо. И повел Феолу в левый коридор.

Девушка послушно следовала за ним и молчала. Пока Амадо не открыл одну из дверей и вежливо не поздоровался.

– Сеньор Кинтеро, добрый день.

– Тан Риалон! Здравствуйте. Какими судьбами к нам? – из-за стола поднимался невысокий седой человек. Феола только вздохнула.

Встретясь она с этим человеком на улице, в жизни бы ничего дурного не подумала. Из-за стола поднимался ну такой

добропорядочный дедушка, что ей-ей, его хотелось поберечь, перевести через дорогу, поговорить о высоком... о стихах, к примеру.

А он хозяин игорного дома!

Потрясающая маскировка!

– Сеньор Кинтеро, я ненадолго. Нам надо для расследования узнать о двух людях. Оба – картежники, один из них наверняка проигрался...

Сеньор Кинтеро ломаться не стал.

– Имя?

– Эмилио Педро Оливарес. Сеньор Оливарес.

– Помощник уважаемого Сезара, секретаря нашего не менее уважаемого тана Кампоса, – кивнул седовласый старец.

– Вы его знаете? – удивилась Феола.

– С недавнего времени он перестал здесь появляться, но – да. Я его знаю. Его отца знал, его знаю... отец все промотал за картами, сын в ту же гнилую кровь удался. Мать с ним и не общается давно, уехала с дочерью подальше. Нахлебалась горя.

– Ага... можете рассказать о нем? С кем он играл, когда перестал здесь появляться?

– Я сейчас погляжу картотеку. С точностью до дня я не помню, а вам пригодится, – кивнул сеньор Кинтеро. – А кто второй?

– Тан Толедо, – прошипела Феола. – Анхель Хуан Толедо.

Сеньор Кинтеро повернулся с искренним удивлением.

– Так ведь ему Оливарес и проигрался. И сильно... Вы не знали?

– Та-ак... – протянул Амадо. – Мы вас внимательно слушаем, сеньор Кинтеро.

Знали, не знали... не признаваться же? А если тан Толедо здесь замешан... какой это подарок для Феолы! Просто восхитительный!

Сеньор Кинтеро, наконец, нашел свою картотеку, сверился с какими-то данными и принялся рассказывать.

Итак, Анхель Хуан Толедо. Тан, игрок, любит ставить по-крупному. При этом игрок он... плохой.

За руку его никто не ловил, но это потому, что он абы с кем играть не садится. А так... карточку передернуть может. Еще как может!

Около месяца назад... да, это было в районе восьмого августа, Толедо и Оливарес оказались за одним столом. Тут надо отметить еще и стиль игроков. Если для Толедо это был способ заработать, то

для Оливареса – страсть. Он увлекался, он терял себя, он никогда не брал в клуб больше денег, чем может проиграть. Но...

Вот и «но»! Вот и оно...

По какой-то причине эти двое мужчин оказались за одним столом. Очень быстро отсеялись остальные, и Оливарес начал... нет. Начал не он. Начали раскручивать его, по привычно-шулерской схеме. Дать немного выиграть. Устроить проигрыш, опять дать выиграть...

Привычная «раскачка».

Казалось бы – ерунда?

Так-то да. И люди об этом знают, и шулера можно опознать...

Да? Только вот такие «умники» первыми и ловятся.

Говорите, вы не такие? Вас не поймают? Вот не надо зарекаться! Не! Надо!

Оливарес вроде и был сыном игрока, вроде и знал о таком и этаким, а все равно... азарт, ставки то понижаются, то повышаются, удача вот-вот на плечо сядет... как тут отступить? Он же выигрывает... уже даже целый раз выиграл! Даже – два!

Выиграл по маленькой, проиграл по маленькой, выиграл по крупненькой, еще раз выиграл, поставил все – и как ухнул в яму! С ушами!

Нет, ушел-то он на своих двоих, и даже в одежде. Но должен был тану Толедо... Да вот его ставки.

– Сколько-сколько? – изумился Амадо.

– Естественно, шестнадцать тысяч восемьсот реалов.

– Моя зарплата за пару лет. Если не есть – не пить...

– Плохо вам платят, – посочувствовал сеньор Кинтеро. – Переходите к нам, втрое получите.

Амадо посмотрел с угрозой, потом понял, что его слегка вышучивают, и успокоился.

Вот еще!

У шулеров он не работал... так! Главное, чтобы это Альба не услышала. Сожрет ведь!

А может, уже и не сожрет! Ну ее... к демонам! Если он такой плохой супруг – пусть ищет хорошего! В добрый путь!

Феола думала о чем-то, глядела в стену...

– Скажите, сеньор Кинтеро, а у вас такие выигрыши-проигрыши часто бывают?

– Регулярно, – кивнул мужчина.

– Может, тан Риалон это знает, а я пока не понимаю. Скажите, пусть карточные долги священны... наверняка находится куча... атеистов?

– Куда ж без них! То одно, то другое... не хотят долг отдавать – и хоть ты что с ними делай.

– Для этих целей у сеньора Кинтеро свои люди есть. Охрана клуба, – проинформировал Амадо.

– Но мы же понимаем, что в данном случае... ну никто таких денег тану Анхелю не отдаст. Правильно?

– Нет, – с полуслова понял сеньор Кинтеро. – Ко мне никто не обращался.

– Договорились полюбовно?

– Вполне возможно, – согласился сеньор Кинтеро. – Оливарес... он слабый. Он как картон, податливый такой... сложить можно, погнуть, порвать. Запугать его несложно, если кто захочет этим заняться.

– Тогда могли что-то видеть его соседи, – кивнул Амадо. – Скажите, а что вы можете рассказать про тана Толедо? Раз уж он попал в поле зрения полиции?

Сеньор Кинтеро и тут колебаться не стал.

– Одним словом? Дрянь человечиска! Гнилое, гнусное, подловатенькое такое существо. Даром, что симпатичный, с лица воду не пить. Да и глотнешь такой водички – не отплюешься. Любого продаст, предаст, с мертвеца кольца снимет... да что там! В могилу за выгодой полезет! Такому доверять – себя не уважать.

Феола кивнула.

Это она и так, в принципе, знала. А нельзя ли конкретнее?

– Что именно конкретнее? – не понял сеньор Кинтеро.

– К примеру, с кем он играл у вас в клубе за последнее время, выигрывал или проигрывал, с кем играл в других клубах, с каким результатом, может быть, что-то о его друзьях?

– Хммм... ладно! У себя в клубе я просто книги погляжу, и секретарь вам выписку сделает. А вот по другим клубам сложнее. А есть еще подпольные...

– Сеньор Кинтеро, – Амадо сложил руки в молитвенном жесте и похлопал глазами. – Очень надо!

– Очень?

– Действительно, – перестал изображать шута Амадо. – Вопрос жизни и смерти. И еще... может, вам что-то покажется сомнительным?

– Простите?

– Появится в списке кто-то, с кем Анхель играть не должен. Вот, как с этим Оливаресом, я же правильно понимаю, обычно Толедо выбирал другую добычу?

– Да, пожалуй.

– Даже если вы мне дадите списки, я не успею их отработать за оставшееся время. А опасность может быть очень серьезная. И для его величества в том числе.

– Насколько серьезная?

– Смертельно.

– Вы хотите сказать...

– Нет. И я этого не говорил. И не думал. Но зачем вам такое, в столице? Вам наоборот, тут бы королевский двор, придворных побольше, деньги будут...

– Плохо ты в нашем ремесле разбираешься, Риалон, – отбросил напускную вежливость мужчина. – Но я понял. Вечером заедешь.

– Этим вечером?

– Да. Мне нужно время... я сейчас и сам займусь, и секретарю скажу. Но это не быстро.

Амадо почтительно поклонился.

– Сеньор Кинтеро, буду должен.

– Будешь. А сейчас – до свидания. Тан, ритана...

Феола поднялась без единого слова. Разве что попрощалась. И уже в мобиле посмотрела на Амадо.

– Тан, я смогу получить записи об играх тана Толедо?

– Сможешь. Но вряд ли тебе это поможет.

Феола кивнула.

Да, она тоже об этом подумала. Играет – и играет... нет, это Лоуренсио в расчет не примет. Это обычное времяпрепровождение, даже и у них, на плантации. Феола и сама неплохо играла. Покер, преферанс, не говоря уж о простых играх.

Разве что Толедо окажется по уши замешан в этой грязи... и то может вывернуться.

Ладно, будем надеяться, тан Ортис не подведет. А пока...

– Я тебя подвезу к лавке мастера Агирре. И поеду.
– Хорошо, тан Амадо. Завтра утром?
– Обещаю, я тебе сегодня вечером телефонирую, – улыбнулся Амадо. А что, ночевать он все равно будет в управлении. Там и тихо, и спокойно, и камера, опять же, сегодня свободна. Хоть выспится.
– Правда? – Феола выглядела, как ребенок, которому пообещали большую конфету.
Огромную.
– Слово даю.
Феола довольно улыбалась.
Интересно же, таны! Интересно!
Впрочем, в магазине мастера Агирре ей стало еще интереснее.

* * *

– ОПЯТЬ?!

Амадо искренне удивлялся.
Да что ж за идиоты такие пошли? Не похитители, а демон знает что! Тут впору не им платить, а с них за моральный ущерб взыскивать.
Третий раз – и все мимо?
– Все логично, – отмахнулась Феола, в которую Мерседес вцепилась, как клещ. Кстати, одной-то рукой в Феолу, а другой в тана Мальдонадо. – Я не выгляжу опасной, дома... ну там, хорошо, там один раз случай сыграл. А тан Мальдонадо тоже оказался в нужном месте и в нужное время.
Тан, который сейчас выглядел, словно петух после драки: гордым и растрепанным, усмехнулся.
– С позволения сказать, я тоже не выгляжу опасным. Равно, как и ритана. Как и сеньорита Мерседес.
– Вот.
Амадо подумал пару минут.
– Все равно. Как-то это глупо...
– Значит, в ближайшее время будет еще одна попытка. Намного более серьезная, – прищурилась Феола на следователя.
Мерседес задрожала, словно осиновый лист.
– Я... я не...

– Спокойно, – цыкнула на нее Феола. – Мерче, тебя нельзя подвергать опасности, это и так понятно. Нам срочно кто-то нужен.

– И где я возьму этого кого-то? Да еще так быстро? – ахнул Амадо.

Феола развела руками.

– Не знаю... Алисия отпадает, даже если на нее парик натянуть, вряд ли сестра согласится. А еще кто... Треси? Они с Мерче совершенно не похожи. Треси в полтора раза мельче...

Амадо серьезно задумался.

Потом просиял и посмотрел на мастера Агирре.

– Сеньор, я могу телефонировать от вас в одно место?

– Да, конечно.

Амадо довольно кивнул.

Знает он, у кого можно попросить помощи. Действительно, Мерседес сейчас нельзя подвергать опасности. Да и... она – не боец. Упасть в обморок, завизжать, но и только. Она не защитит себя, ей требуется защита. А если он правильно понимает, защита понадобится и остальным Веласкесам.

Вот что бы сделал он сам?

Да взбесился бы! До белых глаз, до ушей в трубочку... взбесился и потребовал во что бы то ни стало доставить девчонку... куда? К кому?

Узнаем. Феола права, будет еще одна попытка. И кажется, он знает, кто может в ней поучаствовать.

Амадо отправился в кабинет сеньора Агирре. А Феола принялась расспрашивать Мерседес.

Выходило так, что герой дня – тан Мальдонадо. Феола искренне поблагодарила его за спасение подруги, но тан только отмахнулся.

– Я не позволю лишиться себя такой шикарной натурщицы! Пусть пеняют на себя мерзавцы, вставшие на пути искусства!

Феола хмыкнула.

Оно так, пусть пеняют. А у нее другой вопрос. Куда бы еще Мерседес пристроить на пару дней? Да так, чтобы быть за нее более-менее спокойно, и чтобы ее там искать не начали?

У Треси не та обстановка. И народу полно, и о появлении Мерседес даже крабы на пристани узнают... примерно так через час.

Может, через полтора.

Нет, это не вариант.

К самой Феоле? А куда деть тана Анхеля?

Отравить его? Чтобы два дня с горшка не слезал? Или сразу до смерти?

Феола раздумывала над этим вопросом недолго, вернулся Амадо.

– Через полчаса сюда приедет сеньорита. Висента Анна Дельрио.

Вот она нам поможет.

– Кто это такая? – тут же уточнила Феола.

– Совершенно замечательная девушка, – Амадо так улыбнулся, что Феолу обуяла ревность. Но ненадолго, потому что следователь продолжил: – У моей... родственницы в магазине подрабатывает юноша по имени Хуан Валерио Дельрио. И сестренка Висента ему частенько помогает. Заодно и супруга себе нашла... сейчас вот на приданое подрабатывает. Получит денежку от Департамента, проведу ее по бумагам как внештатного сотрудника... посмотрим, как лучше это оформить.

– А она за себя постоять сумеет, если что? – подозрительно уточнила Феола.

– Мне будет жаль тех, кто окажется рядом с ней, – Амадо улыбался откровенно хулигански. – Висента детство провела в трущобах, брат ее кое-чему поучил... если и не убьет, то покалечит – любого!

– А не разболтает?

Амадо пожал плечами.

– Если бы речь шла о длительном времени, я бы беспокоился. Но что-то мне подсказывает, что все должно решиться ДО коронации.

Феола думала точно так же. И потому тряхнула головой.

– Согласна. Только вот...

– Вот?

– С Веласкесами вы, наверное, договоритесь.

– Постараюсь.

– А Мерче куда на это время?

Амадо и не подумал колебаться.

– А Мерседес это время поживет у тана Мальдонадо.

– ЧТО?!

– Ты не...

Мерседес была громче, тан Мальдонадо конкретнее в своем диагнозе. Амадо посмотрел удивленно.

– А что такого? Тан, вы мне можете поклясться, что не подвергнете сеньориту опасности?

– Н-ну....

– И не станете покушаться на ее честь?

– Могу.

– Вот. Сеньорита, а вы мне поклянетесь, что не станете покушаться на тана Мальдонадо?

– Риалон, я тебя...

– Не получится. Я пока нужен и важен, – парировал Амадо. – И потом тоже, – его разобрало дурное веселье, но мужчина старался сдерживаться, как мог. Увы... Феола переливала ему свою силу. И между энергией семнадцатилетней девушки – и тридцатипятилетнего мужчины есть определенная разница. Этого они не учли, а вот последствия все равно получились. – Что вы так на меня смотрите? Это единственное место, где сеньориту не станут искать. Это же понятно!

– Хм... Риалон, у меня холостяцкий дом, – нахмурился Мальдонадо.

– У похитителей будет намного печальнее, чем у вас, – парировал Риалон. – Сеньорита потерпит ради собственной безопасности. Кровать у вас найдется? Свободная?

– Найдется. Но...

– Вот и все. Чего тут размышлять? Сейчас приедет Висента, поменяется одеждой с Мерседес – и сеньорита Веласкес уедет. А две другие девушки поедут домой к Веласкесам. И ритана Феола, случись что, сможет защищать младших... кто там? Хавьер? Гонсало?

– Хавьер Николас и Гонсало Самуэль, – Мерседес осознала, что опасность может грозить и ее братьям, и побледнела. – Фи... прошу тебя! Умоляю!

Что поделать.

Мединцы... кровь – сказывается. Мерседес была не то чтобы глупа, нет. Просто многое она воспринимала словно сквозь водяную призму. Вот она, вот стена воды, стена ее отделяет от происходящего, в этом нет ничего страшного, просто некоторые вещи осознаются

позднее, а некоторые не так остро, как могли бы. Теряют они свою силу, проходя через эту стену.

Девушка этого не осознавала, для нее все было в порядке вещей. Но угроза близким... вот это тоже было у мединцев в крови.

Свой – чужой.

Свои – по крови ли, по духу, они заслуживают полного и абсолютного доверия.

Чужие? К ним надо относиться равнодушно. Может, завтра Богиня кого-то из них пожелает в качестве закуски... что ж теперь – бутерброд любить? Любить, но не как одушевленный предмет, понятно. А если так относишься, то и о чувствах других людей тоже не думаешь. И про их судьбы тоже... зачем?

Раньше ближним кругом Мерседес, своими без оговорок, были мать и отец, Гонсало и Хавьер, бабушка и дедушка.

Всё.

Наталия Арандо, кстати, в этом списке не значилась. А зачем? Она ведь просто есть. Она Мерче не любит, она *не своя*.

Сейчас круг сначала уменьшился – умер отец, неясно, что будет с матерью. Потом – расширился. Тереса и Феола. Тан Мальдонадо.

Они уже свои. Они почти родные... Мерседес доверяла им безоговорочно.

На шаг дальше от привычного круга стояли тан Риалон и сеньор Агирре. Не свои, нет. Но ведь и не чужие уже! Учитель чужим не будет при всем желании.

А тан Риалон – он защищает. Пусть по должности, по обязанности, но ведь это можно выполнять по-разному.

Можно ловить на Мерседес, как на живца. Он бы мог, Мерседес не была глупой, она это все понимала. А можно вот так.

Ее спрятать, подставить кого-то другого, попросить Феолу позаботиться о мальчиках... мало?

Очень много, если кто понимает. Так что тан Риалон уже не чужой. А насколько он будет своим?

Время покажет.

Лоуренсио в отчаянии смотрел на полученную им записку.

Тан!

Если вы не дадите мне исчо денек, я все расскажу газетчикам.

С вас исчо сто реалов.

Оставьте там же.

Будите таргаваться – расскажу сразу!

Крыс.

Вот как, как это понимать? Хотя это-то ясно, негодяй хочет еще денег. И побольше, побольше...

А что делать Лоуренсио?

Платить?

Но аппетиты у него рано или поздно возрастут. И вообще, двести реалов за пару дней... вы уверены, что они УЖЕ не выросли непомерно?

Это не выход.

А что – выход?

Лоуренсио ждал прихода Анхеля, как манны небесной, и вот друг переступил порог дома.

– Рен! Рад тебя видеть!

– Анхель! Мне надо с тобой срочно поговорить!

Тан Анхель нахмурился. Вообще, он планировал такой вариант развития событий. И когда писал ту записку, и когда отправлял ее... вы представляете, сколько у него будет расходов? Просто ужас!

– Хорошо. Но я сначала засвидетельствую свое почтение твоей очаровательной сестре...

– Потом! – рявкнул Лоуренсио и, схватив друга за руку, потащил в кабинет. Как Анхель и был, вместе с букетом...

То, что их проводили внимательным взглядом и отправились телефонировать куда надо, благородные таны вообще не заметили. Не до того! Тут проблема, а они на слуг будут внимание обращать? Вот еще глупости!

– Рен, ну что, что такого случилось? Кто-то умер? – опустился в кресло Анхель, решив на будущее как-то подгадывать с запиской,

чтобы сначала поговорить с Алисией, а уж потом с ее малахольным братцем.

– Умер! – рыкнул Лоуренсио. – И у меня могут быть серьезные проблемы! Ты представляешь, КАК это раздуют газетчики?! А что со мной сделают родители?!

Письмо было подсунуто под нос Анхелю, который и изучил грязный клочок бумаги с пристрастием. Даже обнюхал. И решил, что ничем не пахнет.

– Рен, ну мало ли кто и что выдумает?

– Что делать, если у него есть доказательства?

– Какие? Бампер от мобилея?

– Ну.... Свидетели, – задумался Лоуренсио. – Или тот бедолага выжил... не знаю!

Как-то ему было не до размышлений. Все затмевал страх! Такой... как в детстве, когда в кровать писаешься... вот страшно, и что хочешь, то с собой и делай. А вот как мама посмотрит? Что папа скажет?

Тебе уже за двадцать?

А все равно... в душе ты тот же вихрастый мальчишка, который получал по попе за некоторые проказы. Например, не стоило подглядывать за купающимися женщинами...

Родители будут недовольны...

И Лоуренсио было страшно.

Ладно еще – гонки на мобилеях! Это можно как-то оправдать, ему бросили вызов, он заступился за друга.

Но гонки под одурманивающими веществами? Если уж честно, такое родители не одобряют.

А как насчет сбитого бедолага? И оставления его в канаве, без помощи?

Можно себя оправдывать, можно хоть на весь Римат орать, что не виноватый ты. А в глубине души ты отлично знаешь правду.

Виноват.

Во всем ты сам виноват.

И родителям ты противоположного не докажешь, даже не рассчитывай. А вот что они сделают?

Эммм... они будут недовольны. Этого – мало?

Если бы Лоуренсио попробовал поработать мозгами, он бы понял, что ничего такого со стороны родителей ему как раз не грозит. Ну,

отругают. Могут приказать приехать из Римата домой.

Ну, просидит он еще годик на плантации. Или даже два.

Это такое страшное наказание? Не убьют, не побьют... чего ты дергаешься? Но Лоуренсио так не думал. И совершал ошибку за ошибкой, накручивая горы нелепостей и неурядиц там, где можно было бы разобраться сразу.

Он даже не понимал, что ничего серьезного ему по закону не пришьешь. Не получится.

Его слово – против слова нищего, если тот вообще пойдет в полицию. Как-то не стремится туда подобная публика, предпочитает решать все между собой. Не по закону, а «по правилам». Неписанным. Написанным кровью тех, кто их не соблюдает.

Тан Анхель это знал.

Тан Ксарес – нет. А дураками грех не попользоваться.

Так что Анхель посмотрел на Лоуренсио вполне сочувственно, даже по плечу его похлопал.

– Рен, надо опять туда идти. Сегодня вечером.

– Бррррр, – передернуло Лоуренсио, когда он вспомнил омерзительно грязную таверну.

А морды завсегдатаев? Да на них посмотришь, навеки пить заречешься. Жуть жуткая!

– Надо, – сочувственно посмотрел тан Анхель. – Отдашь деньги, и давай с тобой напишем записку. Что ты больше ни монеты не дашь, пока не узнаешь, кто был там, в канаве. Ну... кого сбили.

Лоуренсио послушно кивнул головой.

– Да, наверное, так и надо. Но как-то страшновато. А если он опять не ответит?

– Делать-то все равно что-то надо. Не допускать же, чтобы вот это все попало в газеты? – сочувственно посмотрел тан Анхель.

– Да, – вздохнул Лоуренсио. – Не допускать... как ты думаешь, сколько денег положить?

– Ну... реалов пятьдесят, наверное.

– А у него аппетиты не вырастут?

– Рен, пока у нас нет выбора, – вздохнул Анхель, отлично зная, что вырастут. Уже растут! Расходы-то прибавляются...

Пока написали записку. Пока достали и отсчитали деньги. Пока кошелек приготовили. Пока Анхель осмотрел одежду друга. Пока то,

пока се...

Прошло не меньше получаса, прежде чем тан Анхель таки вышел из кабинета. И направился в гостиную.

А Лоуренсио поднялся на второй этаж, к сестре. Сказать Алисии, что пришел тан Анхель... да, к ней. Может, прогуляетесь, или еще чего...

Комната сестры была пуста.

– Эй... как там, – окликнул благородный тан служанку, которая занималась уборкой в коридоре. – Где моя сестра?

Неблагородная служанка, которую звали Инес, прищурилась на тана. Вот еще... его сестры, что одна, что вторая, с ходу запомнили имена всей прислуги и не стеснялись благодарить. Особенно младшая.

Старшая – та больше была собой занята, но азы вежливости в них матушка вбила.

Это мужчинам можно вести себя кое-как. И то... нехорошо. Да, слуги стоят на социальной лестнице ниже тебя. Но ты можешь быть уверен, что не скатишься вовсе в нищету? Что тебе не придется просить подавание, к примеру? Все возможно в этой жизни.

И настоящая ритана всегда, просто ВСЕГДА ведет себя вежливо. Даже если она сорвется... все мы живые люди, а женщины каждый месяц себя ощущают особенно живыми, так вот! Даже если ритана сорвется, она потом извинится! Даже перед служанкой.

А вот в Лоуренсио матушка этих правил не вбила. Увы.... Не повезло. Не до того ей было, честно говоря. Когда он был маленьким, надо было поднимать плантацию, надо восстанавливать дом, надо... столько всего было надо, что жутко вспомнить! И половина этого самого нужного висела на ее плечах.

А как иначе? Мужу надо помогать. Или это не семья, а так... два тела в одной кровати.

У Ксаресов вышло хорошо. Но сына они чуточку упустили. А может, еще и кровь сказала. Все же он мог пойти не в отца, а в дядюшку. Или вообще в деда.

– Ритана Алисия – или ритана Феола, тан?

– Ритана Алисия, – отмахнулся Лоуренсио. – Где она?

– Ритана уехала на прогулку.

– Куда?

– Не знаю, тан. Они не сказали.

– Они?

– Ритана Алисия и тан Ортис.

– Ортис?! – рыкнул Анхель, который поднялся наверх и часть разговора отлично слышал. – Откуда тут эта пакость?!

Ответа не было.

Алисии тоже.

У тана Анхеля было три варианта. Или сидеть и ждать, пока ритана вернется... зная Ортиса – до вечера, не раньше.

Или попробовать найти их в городе.

Или отправиться домой и лечь спать. Ночь-то предстоит бессонная.

Тан Анхель подумал и выбрал третий вариант. Правда, Лоуренсио сказал, что попробует поискать ритану Алисию по городу... но найдет ли?

Поехать со мной?

Нет-нет, друг, не надо. Ты сейчас ляг, отдохни, поспи... у тебя будет сложная ночь. Понимать надо!

Лоуренсио и не спорил. Приятно же, когда тебя кто-то понимает! Очень приятно! Так что тан Анхель и тан Лоуренсио отправились отсыпаться.

А дело было так...

Сеньора Торо о приходе тана Толедо узнала сразу же. А поскольку она любила этого гада, как садовник сорняки, то долго не раздумывала.

И набрала номер телефона, оставленный Феолой.

Отвечили ей почти сразу.

– Тан Ортис? Кто желает с ним говорить?

– Ритана Феола Ксарес, – решила сэкономить время сеньора Элена.

Она все же сеньора, экономка, сейчас начнется разбор полетов... и зачем звоните, и знает ли вас тан Ортис...

Ритане – проще.

О ней тану Ортису точно скажут. Мало ли что...

Так и получилось. Примерно через минуту в трубке послышался приятный голос:

– Ритана Феола?

– Тан Толедо прибыл. С букетом. К Алисии, – прошептала сеньора, старательно меняя голос.

Рауль, к его чести, сообразил все мгновенно.

– Спасибо, ритана. Сейчас буду.

И повесил трубку.

Сеньора Торо насмешливо улыbnулась.

Потом повесила трубку и отправилась на кухню, снимать пробу с обеда. Мало ли что наготовят отдельные одаренные?

И что? Повар – умничка, профессионал, сокровище... это – хорошо. Но даже у таких бывают проколы.

Нет-нет, она просто обязана попробовать все сама. И никому она не телефонировала.

И даже тана Ортиса в лицо не видела.

Вот!

* * *

Алисия сидела перед зеркалом в своей комнате.

Самое замечательное времяпрепровождение, которое только можно себе представить! Для нее – так точно!

Зеркало послушно отражало и высокую грудь, и лебединую шею, и мраморную кожу, и золотые локоны, и точеное личико, и огромные глаза...

Хороша?

Потрясающе хороша.

Вот, волосок, кажется, выбился из брови... Алисия взяла пинцет и аккуратно удалила негодника, который нарушал совершенный изгиб.

Она восхитительна! И ей надо постоянно восхищаться...

А еще ей надо замуж.

И надо бы решить, за кого именно. Пока были два варианта – тан Ортис и тан Толедо. Правда, была небольшая такая сложность – ни один из них не сделал еще предложения. Но...

Алисия и не была слишком строга к мужчинам. Понятно же, это не «Паоло и Франческа», это реальная жизнь. Паоло полюбил Франческу сразу же, и при первой же встрече упал к ее ногам,

признался ей в любви... в жизни так не бывает. Надо хотя бы три-четыре встречи.

Мужчина должен восхититься ее красотой – обязательно! Понять, что она самая-самая, что только она может составить его счастье, что никого лучше, умнее, очаровательнее Алисии он не встречал... это – сложно.

До мужчин все так долго доходит!

Хотя тан Анхель в этом отношении поумнее прочих, он начал восхищаться Алисией сразу. Тан Ортис?

Вроде бы он тоже неглуп. Но таких восхитительных комплиментов, как тан Анхель, не говорит. Зато подарки дарит намного более роскошные. Наверное, он богаче тана Анхеля.

Но ведь главное не деньги, а истинные чувства, правда? Вот во всех романах так сказано, а значит, это чистая правда!

Она, Алисия, может себе позволить выйти замуж по любви! Высокой и чистой!

А разве бывает другая?

Так что когда служанка доложила о визите тана Анхеля, Алисия понимающе улыбнулась. Конечно, он пришел. Конечно, к ней. Или...

А почему он не попросил ее спуститься сразу же?

Почему не пришел сам, не подарил букет, не...

Почему он отправился разговаривать с Лоуренсио? Он что – не к ней пришел?

Алисия даже головой помотала от такого дикого предположения.

Как это – не к ней?! Такого просто не может быть, не должно, это неправильно...

Но вот – реальность! Тан Анхель беседует с ее братом. И все равно ему, что ждет красивая девушка... не просто красивая! Самая очаровательная девушка острова!

Да что там того острова!

Колоний! А может, и всего Римата!

Алисия еще раз покосилась в зеркало и нервным жестом поправила золотой локон. Что это вообще за наглое пренебрежение?

Слов нет!

Может, пойти в кабинет? Как бы за книгой... нет-нет, Алисия отродясь ничего кроме романов не читала. А зачем?

Она ритана, она богата, работать ей не надо, она выйдет замуж и всю жизнь посвятит украшению дома своего супруга. Да, разумеется, супруг будет богатым и знатным, она ведь этого достойна!

Так что романы – идеальный вариант. Не мамины же бухгалтерские книги листать, хотя мама и намекала, что стоило бы! Но... зачем?

Нанять экономку и успокоиться! Пусть она считает, а муж, к примеру, раз в месяц проверит счета.

Так вот. Сходить за книгой, поздороваться... а не получится так, что она бегаёт за таном Толедо? Это уж вовсе её недостойно! Просто полное фи!

А что на этот счет говорится в романах?

Алисия вспоминала прочитанное недолго. Примерно через пятнадцать минут ей сообщили, что пришел тан Ортис.

С громадным букетом.

И умоляет ритану о милости – уделить ему хотя бы пять минут.

Алисия и думать не стала. Если прибыл, умоляет, если...

Конечно, она уделит. Только вот прядь волос поправит... она совсем развилась. Сейчас, буквально минуту... попросите тана Ортиса подождать в гостиной.

Нельзя сказать, что Рауль был влюблен. Но натянуть нос Анхелю Толедо?

Да со всем нашим удовольствием!

Это Ксарес, болван, не видит, что он просто коровья туша для мерзкой пиявки. А на самом-то деле Анхель его доит, как тупую скотину.

А Рауль все видит. Но Ксаресу не объяснишь.

А сейчас Толедо явно нацелился на сестру Ксареса. И... даже если бы Алисия была страшнее всех мединцев мира, Рауль бы начал за ней ухаживать.

Да... Анхель ему крупно задолжал.

Примерно три года назад, когда этот шакал только появился в столице... Рауль был молод. И влюблен.

И у него была почти невеста.

Почти...

Они были соседями с родителями Эмералд.

Их поместье, поместье Ортисов... конечно, дети были знакомы. И шуточки отцов по поводу свадьбы тоже слышали. Почему нет?

И даже воспринимали их... спокойно.

Обычно-то молодежь бесится, топает ногами, требует свободы... нет, Раулю нравилась Эмералд.

Нравился ее веселый характер, ее взрывной нрав, ее решительность, ее горячность и порывистость... она вся была – огонь и ветер.

Эмералд нравился Рауль.

Тогда он думал именно так.

Потом... Потом была столица.

Эмералд решила поехать и пожить немного в столице. Интересно же! Рауль принял это спокойно. Предложения он ей еще не делал, но все было практически решено. Вы мне нравитесь, я вам нравлюсь, семьи друг другу нравятся... чего еще надо-то?

Правильно, ничего.

В столице Эмералд и встретила с Анхелем Толедо.

Рауль тогда ничего не понял. Вообще ничего... ну, бывает же! Завертело-закрутило, ему и самому было интересно в столице. И что с того, что Эмералд волнуется одно, а его – другое?

Что ей нравится опера, а ему мобили?

Что она с удовольствием идет в театр, а он начинает там зевать через пять минут и мечтает удрать куда-нибудь в кабак... что, что в этом такого?

Ничего.

Для него, не для Эмералд.

Именно поэтому самоубийство девушки стало шоком для всех. Точнее... нет, это не признали самоубийством. Иначе ее нельзя было бы отпеть, ее бы похоронили за церковной оградой...

Это признали несчастным случаем.

Так тоже бывает.

Девушка пошла купаться. В море. И немного не рассчитала сил. Не смогла выплыть...

Это подошло для церкви.

Для ее родителей.

Но не для Рауля, который сам учил ее плавать. Он-то знал, КАК могла плавать его подруга. И плавать, и нырять, и...

Не могла она утонуть! Глупость это!

А если так...

Родители часто знают о своих детях меньше, чем близкие друзья. Вот Рауль и знал, что подруга вела дневник. Знал, где он лежит, примерно представлял, как до него добраться...

Добрался. На свою голову.

Эмералд действительно покончила с собой. Потому что была беременна от тана Анхеля.

Нет-нет, дело было не в ребенке, все было проще и грязнее. И намного гаже.

Да, любовь. Да, постель. Да, беременность.

А вот когда девчонка пришла к нему и сообщила о «счастье», тан Анхель поступил, как настоящий подонок. Девушка предполагала, что это – он, но доказательств у нее никаких не было.

Выкидыш у нее случился через два дня после признания. Эмералд даже предполагала, кто подлил ей в еду зелье.

Но... доказательств не было.

А еще... больше и детей у нее быть не могло. Там что-то было медицинское, Рауль точно не понял. Но если бы первого ребенка Эмералд выносила благополучно, у нее могло бы и со вторым сложиться. А если первого потеряла, то – все. Она была обречена на выкидыши.

Просто прожить жизнь. Бесплодной и бездетной. Не взять на руки своего малыша, не любить, не...

Добавьте еще разочарование в любимом мужчине.

Эмералд свое решение приняла. И исполнила.

Пил тогда Рауль по-черному. Наверное, дней десять. Потом протрезвел, пошел и набил Анхелю морду. Попал в полицию, был вынужден заплатить штраф...

А вот дальше...

А дальше начинались сплошные проблемы. Рауль просто не мог ничего доказать! Никому.

Если обнародовать дневник Эмералд, начнутся проблемы у ее родителей. Самоубийца, перезахоронение, пятно на семье... церковь к таким вещам относится строго. И ее маму было жалко, бедная женщина едва оправилась, хорошо, Эмералд не единственной дочкой в семье была, но врагу – и то такого не пожелаешь.

А что еще можно сделать? А ничего.

Слово против слова, и увы, тан Анхель более обаятелен, и язык у него лучше подвешен, и репутация у него... каждый подлец очень заботится о своей репутации. С ней обманывать проще.

Так что ничего у Рауля не получится. Разве что в глаза называть Анхеля мразью и надеяться на вызов. Уж на дуэли он бы постарался довести дело до смерти, но сейчас же не старые времена!

Это раньше, услышав такое, благородный тан обязан был смыть позор кровью. Иначе его нигде бы не приняли. Никогда.

А сейчас... отвратительно!

Хоть ты козлом назови – только доить не надо! Анхель изворачивался, как уж... да Рауль и не скрывал, за что его ненавидит. Но общественное мнение почему-то было на стороне Анхеля.

Как так получается?

Он девушку соблазнил, он ее довел до бесплодия, он от нее отказался, и Рауль даже знал, почему. Эмералд была небогата. Приданое там весьма скромное... вот и решил негодяй поохотиться удачнее.

А виновата при всем этом девушка!

Где справедливость?

Но Эмералд осуждали за глупость, за безответственность (хотя она их сполна искупила своей смертью), Рауля жалели (бедный мальчик, он так переживает из-за смерти подруги), а Анхель выглядел типичным страдающим героем. А то как же!

Может, он Эмералд тоже любил! Теперь-то не докажешь... он и жениться хотел. Просто не успел.

Но в доме родителей Эмералд он не появлялся. Официально, чтобы не растравлять старую рану (и общество в это верило), а неофициально потому, что Рауль просто пообещал прибить негодяя. Если, не дай бог, Анхель появится в его доме, или у родителей несчастной девушки, дуэли не будет. Рауль его пристрелит.

Посидит в тюрьме или на каторге киркой помашет, но – прикончит склизкую гадину.

Анхель внял. И старался с тех пор Рауля обходить и спиной не поворачиваться. Так, на всякий случай... нет-нет! Стрелять в спину Рауль не стал бы.

Но как можно пнуть подставленный организм!

Сейчас мужчина проделывал именно это. Ясно же – Анхель нацелился на Алисию Ксарес. А та... глуповата?

Да, пожалуй...

Очень красива, убеждена в собственной неотразимости, а еще полностью лишена критического мышления. Вот ее сестра совершенно не такая. Умненькая.

Даже странно, что столь разные дети родились в одной семье. Но тем не менее...

А Алисия...

Нет, ее нельзя называть глупой. Но мыслит она очень своеобразно. Только вот Анхелю это не помеха, скорее подмога.

Такой, как Феола, сколько комплиментов ни говори, она тебе в лицо посмеется. А Алисии только и надо, чтобы ей восхищались. И если уж так хорошо все сошлось... надо, надо испортить врагу всю малину! И апельсины ободрать, до кучи.

Рауль протянул Алисии букет, протянул коробку бешено дорогой пастилы и рассыпался в комплиментах, пока красавица не согласилась с ним прогуляться.

Набережная?

Помилуйте, что там есть такого интересного?

А вот театр марионеток, к примеру... вы согласны?

Конечно, Алисия была согласна развлекаться. И через десять минут мобиль Рауля уносил и его, и красивую девушку подальше от Анхеля Толедо. Рауль думал, что после театра надо бы посидеть в кафе, потом еще где-нибудь погулять... раньше вечера он красавицу домой не вернет. И та будет настолько усталой... сегодня он Анхеля нейтрализует. А завтра?

Завтра и будет видно...

Вообще, если уж очень сложно будет... можно ли найти кого-то для Алисии? Сам Рауль жениться на ней не хотел. Особенно после вчерашнего... нет-нет, поймите правильно! Алисия мила, очаровательна, на нее можно часами любоваться. Но семья – это нечто совсем другое. Для Рауля уж точно.

Ему бы и поддержку хотелось, и помощь, и дружбу, и много чего еще... он готов поухаживать за Алисией, отвлечь ее от негодяя, но не ценой же собственной жизни?

Так, кто у него есть подходящий из приятелей? Чтобы нравились красивые дуры? Ладно, Раулю такие тоже нравятся, но не для семейной жизни!

Будем искать!

Глава 9

Чего хочет человек?

Если отбросить сиюминутные желания, которых много, ответ найдется быстро.

Жить. Радоваться жизни. Любить свою вторую половинку. Растить детей и быть уверенным в появлении внуков. И правнуков, чтоб уж наверняка. А если и пра-пра, так вообще великолепно!

И это хорошо, и правильно, и находит у всех понимание.

А как быть, если ты – нечисть?

Или нежить?

Или...

Короче, не человек ты. А вот кто по классификации матери ее, церкви?

Вот в этом Элора совершенно не разбиралась. И идти, спрашивать, не тянуло. Жить хотелось, наверное.

А еще хотелось радоваться жизни. Любить свою вторую половинку. И далее, по сути, то же самое.

Только вот...

А дадут?

У девушки в этом были бо-ольшие сомнения. Хотя бы потому, что она была одним из тех существ, что люди прозвали мединцами.

Женщина, безусловно.

А что у нее есть небольшие плавнички... всего-то четыре штуки, в районе лопаток... и что? Они почти не помогают плавать. И дышать под водой она может... ладно. Жаберные щели у нее тоже есть. На ребрах.

Но что, что в этом такого страшного? В остальном она почти человек! Глаза синие – так и у людей бывает!

Волосы гладкие и черные, тоже ничего страшного. Она вообще красивая, и если Элора одета, ее никто не отличит от человека... разве что улыбаться не надо. Потому что клычки у нее чуточку длиннее, чем людям положено. И вместо прямых коренных зубов у нее тоже клыки.

Это так страшно?

За это ее надо убить без жалости и сомнений?

С точки зрения людей – да!

Не зная жалости, ни о чем не задумываясь, не разбирая, чего она там хочет...

Просто – убить.

А ей жить хочется.

И еще... она сильный маг воды. Вода покоряется ей, вода ее слушается, вода покорна ее воле... Эллора могла бы шторм вызвать, если пожелает. И корабли спокойно потопить.

Она – может.

Вот у Дареи другой талант. Она поет.

Нет-нет, оставьте в стороне всякую чушь о сиренах. Нет никаких завораживающих песен, все намного проще. Есть или сверхвысокие ноты, или сверхнизкие. Только вот люди не могут воспринимать ни первые, ни вторые. А воздействие ощущают.

Кажется, они это называют инфразвук и ультразвук.

Вот это Дарейя может. А Эллора нет.

Зато Эллора повелевает волнами, а Дарейя и луже приказать не способна.

Но людям все равно. Не увидят они талантов Дареи. Они вместо этого увидят черную чешую, которая покрывает девушку с головы до ног. И щупальца вместо этих самых ног.

Дарейя намного меньше похожа на человека, чем Эллора. Но жить под водой может сколько угодно. Вода ей и дом, и стол, и жизнь, и стихия.... Только вот повелевает ей Эллора.

Несправедливо, конечно.

А еще...

Вот тоже шутит судьба.

Если бы талант мага достался Дарее, она бы плясала от счастья. А Эллора...

Эллоре хотелось жить на земле. Среди людей, с людьми, и чтобы ей не брезговали, не отворачивались, не пытались убить. И замуж за человека выйти, и вообще...

Не нравились ей мединцы. И щупальца не нравились.

А вот Дарее нравились.

– О чем думаешь, Эль?

Легка на помине. Вползла, ничуть не стесняясь своей наготы, побрякивает бусами...

– Хочу на землю, – честно ответила Эллора. – И мороженого.

– Пффффф! Скоро получишь! Когда Владычица Синэри вернется! А в этом Эллора сомневалась.

Честно говоря, она тогда была еще совсем ребенком. Крохотным, не особенно умным... ну что там того ума в два года? Мединцы вообще развиваются достаточно медленно, и маги тоже, и...

Эллоре просто повезло.

Как размножаются мединцы?

В основном они плодились с помощью Владычицы. Но некоторая их часть появлялась на свет естественным путем, как и все дети. И только потом, позднее, их приносили к Ней.

И проводили посвящение.

Эллора не знала, что случилось после этого. Они точно не умирали, но – что? Мама молчала. Она и сама не знала. И в этом было везение Эллоры.

Мама была слабым магом воды.

Нет-нет, ничего удивительного в этом и рядом не было. Ну, маг воды. Обычный, непроявленный. Если хотите, маг, который не может применить свои способности, не раскрытый вовремя... и какие уж там раскрытия? В бедняцком квартале, в трущобах, в борделе, куда продали мать за долги ее отца, деда Эллоры?

Там-то ее и нашел отец самой Эллоры.

И вот он был полноправным мединцем, с посвящением, как положено...

Мать честно рассказала Эль, что боялась. И больно было, и жутко, и понимала она, что ничем хорошим это не закончится. Но – какая разница? В борделе она бы тоже сдохла. Быстро и качественно. Может, еще год бы протянула, и то не обязательно.

Здесь появлялась возможность пожить подольше. Опять же, с одним мужиком, не с сотней.

Детей от него родить...

Что дальше?

Что-нибудь. Так далеко женщина просто не заглядывала, не принято это в трущобах. Так что...

Она согласилась. И родила Эллору. И кормила ее грудью сначала до года, а потом и дальше... для магов важно материнское молоко. Что-то в нем есть такое, полезное, для раскрытия сил. Потом?

Потом она бы еще родила. И еще... и кто знает, что было бы в этом – потом?

Умерла при родах?

Умерла, когда не сможет больше рожать?

Прошла посвящение у Синэри и умерла бы вместе со всеми? С большинством?

Все было реально. Но кто ж знал, что умрет сама Синэри Ярадан?

Сама повелительница?!

Вечная, великая, непредставимая... нет, никто не догадывался. О таком и помыслить-то было страшно! Чудовищно!

Нереально!

Но ведь случилось же!

Случилось, произошло, и вот!

Мама говорила, что в один миг осталась с двумя детьми на руках, и без мудрого руководства супруга. Рухнул он в корчах, забился, да и помер спустя сутки. Что та ни ни делала.

Хотя... зная маму, Эллора подозревала, что та ничего и не делала особо. Вещи собирала, искала тайники, выгребала, что поценнее... и она не могла ее за это осуждать.

Мама ведь их не бросила!

Ни ее, ни Дарею. Дарею муж просто принес однажды домой и сказал, что это тоже его ребенок. Да, вот такой... чешуйчатый. С кем и как он ее прижил?

Что стало с ее матерью?

Мама говорила, что не знает. И Эллора опять ей верила. Будучи сама магом, она подозревала, что мать пережила и беременность, и роды только благодаря своему дару. Пусть непроявленному!

Силы-то он придает?

А что еще магу нужно?

Ничего.

Выжить – и все. И выжить, и выкормить ребенка, и еще не раз послужить инкубатором... и чужого ребенка выкормить. Хотя кусалась Дарея уже в два месяца...

Не бросать же было... мама рассказывала, как грудь пыталась уберечь. С трудом получалось и через раз. А вот Эль не кусалась очень долго.

Так что они с Дареей молочные сестры. А может, и сводные, по отцу.

Мама могла бы уйти тогда. Кто бы ее осудил? Кто вообще что узнал?

Ушла и ушла, и новую жизнь начала. А в одном из домов на побережье сдохли от голода и холода два крохотных уродца... и что?

Мало ли детей погибает в трущобах?

Лучше и не знать, сколько...

Не ушла.

Не бросила, не оставила, и чего ей стоило выжить, и вывернуться, и найти место... ладно – Эль! Эллору можно было принять за человека, если не приглядываться.

Дарею – нет!

Мама их не бросила. Вырастила, выучила, как могла... учителя нанимались для Эллары, сама мама и читать-то как следует не умела. А Эллора уже учила Дарею.

И замуж мама больше не вышла, говорила, что сыта по горло, и мужчин себе не искала.

И все вроде у них было хорошо.

Девочки выросли, Эллора подумывала, как бы найти себе работу где-то на побережье... там магу воды легко скрывать свою силу. Пока вот в порту работала.

На побегушках, сидела, бумажки перебелила, ну так что же? За это тоже платят, и маме полегче, и море рядом, и вообще...

А вот Даря....

Эль была довольна своей жизнью.

Даря же...

Эль могла жить среди людей. Даря – нет. А если не среди людей, то в море. И в море-то...

Да, вот с морских прогулочек Дарей и начались их беды.

Как оказалось, мединцы не вымерли. И было, было у них свое мнение о том, кого, куда и зачем. И если Эллоре, честно говоря, их

мнение и стремления были по самое... да, вот то, откуда хвост растет, то Да-рее...

Эль отлично понимала свою сестренку.

Если она могла жить среди людей, она прекрасно изображала из себя человека, она рано или поздно и найдет себе мужа из людей.... И вот не надо про отличия! Это легко решается!

Мама рассказывала, есть такие странные женщины, которые с мужем всегда только в темноте и в ночной рубашке... Эль тоже так может.

А может и клятву взять. О молчании.

Она – маг. Она с этим справится.

И есть у нее уже молодой человек на примете. Но это – она!

А Дарей так не сможет. У нее дорога или в море, в полное одиночество, или к мединцам. И мама, и сестра не заменят ей мужа, не дадут детей.... Хотя Эль подозревала, что Дарей может быть стерильна.

Но... с другой стороны – почему не попробовать?

Замуж она выйти не сможет, но завожоржить какого-нибудь моряка для нее может Эль. На один раз, на два... там будет видно, сможет ли Дарей иметь детей – или нет?

Пока они об этом еще не говорили. Потому что во время своих прогулок Дарей встретила мединцев. И... началось.

Сначала она просто уходила.

Потом рассказала матери и сестре о своих новых знакомых. Тут уж за голову схватились обе. И Лидия, и Эллора.

Лидии совершенно не хотелось обратно к мединцам.

Эллоре... а ей туда не хотелось в принципе.

Эти существа... да, она тоже, но все же Эллора считала, что она ближе к людям! Так вот, эти существа пытались убить ее мать. Наказание за это – смерть!

Быстрая и беспощадная.

И даже владычица Синэри не докажет ей обратного. Разве что мозги выжжет напрочь.

– Эль, хватит ветер в море ловить!

– Дари, ты мне скажи сразу, что тебе нужно. А потом решим. Решимся...

Даря сдвинула брови. Попыталась. Мимика-то у нее была человеческая, а вот морда... да, на покрытом чешуей лице это как-то не смотрелось. Хотелось взвыть от ужаса и выпрыгнуть в окно.

– Эль, ты не хочешь сходить со мной?

– Куда и зачем?

– Ну... к нам.

– То есть к ним. К мединцам.

– Ты – одна из нас, – напомнила Даря. – И когда нас будут убивать, не посмотрят, более ты человекоподобна или менее. Может, таких как ты, убивать будут даже страшнее. За сходство. За обман...

Эллора задумчиво кивнула. Может быть.

Только вот все равно ей не хочется ничего делать с людьми. Нет, не хочется... пусть живут себе, лишь бы и ей жить давали.

А вот так, как Даря...

Нет, она не может ненавидеть людей. Не умеет.

– Может, я и одна из мединцев...

– Не называй нас так! Мы дети Владычицы Синэри!

– Синэри? Дари, хватит, а? Мне и так жить сложновато...

– Когда вернется владычица, нам всем станет легче. Мы будем править людьми...

– И мной? – тихо спросила Лидия. – Дари, ты и мной хочешь править? За что?

Даря опустила глаза. Красивые, синие, яркие... только вот без белка и зрачка, одна лазурная синь.

– Мам... я ведь правда не человек.

– А я человек. Но я люблю тебя, ты моя дочь...

– Не твоя ведь.

– Моя, – отрезала мама. – Что вы хотите сделать? Вернуть Владычицу?

– Да.

– Хорошо. Зачем тебе нужна Эль?

Даря поковыряла ковер кончиком щупальца. Выглядело это достаточно умилительно... если не считать, что дырка тут же образовалась и в ковре, и на полу. В сосновой такой толстой доске.

– Ой...

– Дари, не надо паясничать. Я все равно не отвлекусь.

– Ладно. Мам, дело в том, что нам не хватает магов. Я толком не понимаю всех этих ритуалов, но силы будет вложено много, и надо ее направлять.

– И для этого вам нужна и Эль, и все остальные, кого вы сможете собрать.

– Да.

– Хорошо. Мы подумаем.

– Мама...

– Дари, я тебя хорошо знаю. Ты рассчитывала на отказ и готовилась долго нас уговаривать.

Мимика Дарей была вполне выразительной. Лидия попала не в бровь, а в глаз.

– Да, мам. Ты угадала.

– Вот и замечательно. Мы прошли первую стадию, с отказом и уговорами, и сразу перешли к раздумьям. Это хорошо?

– Я... мам, я ведь тебя тоже неплохо знаю. Что именно ты задумала?

– Ничего особенного, – Лидия даже не дрогнула, встречая синий взгляд. – Просто оказаться на стороне победителя.

Дарей мгновенно успокоилась и даже расслабилась.

– Понятно. Мам, все действительно будет хорошо. Мы все продумали...

– Ты в этом не разбираешься.

– Эль разберется...

– Если согласится участвовать. Если решится. Если... да, все – если.

Дарей кивнула.

– Да, мама. Но ведь Элора согласится?

– Мы подумаем, – улыбнулась ей Лидия. И погладила по голове свою младшую дочку. Боже, как бы она хотела счастья и для нее. Обычного человеческого счастья...

Элора готовилась спать, когда в ее спальню зашла мама.

– Дарей ушла. Эль, ты не проверишь дом? Нас не подслушают?

Элора кивнула.

Заклинание было несложным. Просто почувствовать нечто чужеродное.

– Мама, все чисто.

– Тем лучше. Что ты собираешься делать, Эль?

– Ничего, – отмахнулась Эллора. – Я думала сходить и узнать, в чем дело, но боюсь, что с меня возьмут клятвы. А потом я не выберусь, это дело такое.... Нехорошее.

– Я тоже этого боюсь. И очень боюсь того, что хочет сделать Дарей.

– Ты не хочешь возвращения Владычицы?

– Нет. А ты хочешь?

– Нет, мама.

– Тогда... Эль, ты сможешь проследить за сестрой? Так, чтобы никто не заметил? И в первую очередь она сама?

Эллора кивнула.

– Да, смогу.

– Сделай это, пожалуйста. Я сказала Дарее правду. Я не хочу оказаться на стороне побежденных. Один раз я едва унесла ноги, второй раз у нас это может и не получиться. Твой отец мне кое-что рассказывал... Чтобы Владычица прошла в наш мир, потребовались массовые жертвоприношения.

Другого намека Эллоре было не нужно.

– Ты хочешь сказать...

– Слишком уж неприятно все складывается. С этими планами, с коронацией... я ничему не удивлюсь, Эль. И я хочу знать, куда и когда надо сбежать.

– Хорошо.

Эллора не хотела бежать. Но был Кармело, который придет посмотреть на коронацию. Да и она сама.

И вообще...

Нет-нет, ей совершенно не хочется умирать.

И служить кровожадной богине – тоже. И принимать посвящение. Обойдется любая богиня без ее души и разума. И без ее детей тоже.

Эллора понимала, что чудом осталась свободна. Просто рано было проходить посвящение, вот и все. А еще год, может два.... С магами это происходило намного раньше. И все. Ее бы тоже на свете не было.

Нет, она на такое не соглашалась.

– Я попробую проследить за сестренкой, мама. Я хочу жить.

Лидия поцеловала дочку в пушистую макушку, еще немного поболтала о своем, о женском, вышла из комнаты – и уже в коридоре прислонилась головой к стене. Едва не застонала от боли.

Господь, за что? За что караешь, за что заставляешь выбирать между двумя девочками, между двумя родными дочками? Разве Лидия так глупа? Разве она не понимает?

Если победят мединцы, не жить ни ей, ни Эллоре. Она – человек, а Эллора любит свободу. Она уже не станет марионеткой бога. Никакого.

Победят люди?

Тогда не жить Дарее. Ее вторая девочка будет сражаться до конца за то, во что верит. Да, такой уж она родилась, ее маленькая воительница. Во многом благодаря божеству, но теперь уже ничего не исправить.

Дарее нет места среди людей. Эллоре – среди мединцев.

А ей, Лидии...

Кто бы ни победил, она проиграет. Но это совершенно не важно. Важно, чтобы остались в живых ее малышки. Обе.

Ах, если бы действительно можно было поторговаться с богами?

Лидия и на колени бы упала, и рыдала бы, и жизнью пожертвовала... сколько той жизни осталось? Ей и пятидесяти нет, а чувствует она себя плохо. И выглядит плохо.

Пусть она и маг воды, но не проявленный. А выносить ребенка-мага, да еще от мединца.... Конечно, она заплатила и годами жизни, и здоровьем.

Она бы с радостью отдала свою жизнь. Только вот никто из богов не согласится на такой размен, кричи – не кричи... Нет, не согласится.

Разве что Ла Муэрте?

О ней ходят разные слухи. Но как попасть к ее алтарю? Где найти некроманта?

Как умолить божество ее выслушать?

Нет ответа. Просто – нет...

Значит, надо просто жить. А дальше... дальше будет видно.

Лидия с тоской смотрела в окно.

Где можно посплетничать?

Узнать все, что можно и что нельзя?

Подстроить совершенно случайную встречу?

Если речь идет о женщинах, то все это они могут прекрасно осуществить в одном месте.

В модном магазине.

Или, вот как сейчас, в ателье сеньоры Наранхо. К которой и зашла в гости Роза Ксарес.

Покупать что-то? Увы, таких денег у Розы Ксарес попросту не было. Разве что на шарфик бы хватило. Но ведь кроме денег есть еще и связи!

В каком-то смысле Роза была мужским вариантом тана Анхеля, разве что денег не требовала и с хозяйкой не спала. А так...

Она могла прийти, она могла посидеть, поболтать, а еще...

Всякое в жизни бывает.

К примеру, заказала дама платье, оставила аванс, платье пошили, и оказалось, что даме оно решительно не нравится. Или оно вышло из моды. Или даме пришлось срочно уехать, или дама попросту располнела, похудела, озверела, лишилась покровителя, который должен заплатить за тряпочку...

В любом ателье есть свой процент «неликвида». С этим надо просто смиряться, как с производственными потерями. Но... можно ведь и не смиряться?

Подогнать такое платье по фигуре той же Розы – несложно. И все довольны.

У Пилар Наранхо не залеживается лишняя тряпка, у Розы Ксарес новое платье, а в ателье новые клиенты, приведенные той же Розой.

Всем хорошо, всем выгода.

Так что Роза честь честью прошла в ателье, поудобнее устроилась в кресле, распорядилась принести ей чашку кофе и мармелад из дыни и приготовилась ждать хозяйку. Недолго.

Пилар свою выгоду тоже понимала.

– Роза, милая! Я так рада вас видеть!

– Пили, вы сегодня очаровательны. Впрочем, как и всегда...

Пилар действительно выглядела отлично – молодые любовники весьма полезны для здоровья. Глаза сияли, губы улыбались...

– Розы, вы мне льстите, право слово. Как ваши дела? Как ваш почтенный батюшка?

Когда этот старый демон скопытится наконец?

Приличные люди в таком возрасте уже на кладбище прописываются, а этому хоть бы что... наверное, такую пакость даже Бог забирать не торопится.

Впрочем, вслух ничего такого сказано не было. Роза поделилась новостями, поулыбалась и постепенно перешла к тому, что было для нее важно.

Ритана Ксарес.

Пилар Наранхо только кивнула.

Да, она тоже полагала, что это родственники. Все же Ксарес – достаточно редкая фамилия. И получить подтверждение своим догадкам было приятно. Младший сын? Уехал в Колонии?

И такое бывает в благородных семействах.

Пилар покивала и принялась рассказывать про Алисию. Как и многие ританы, Алисия обожала поболтать, пока ее обмеряли, пока примеряли платье...

Да, еще частенько болтают в парикмахерской. И с подругами. И умная женщина может все запомнить и воспользоваться информацией по своему разумению.

Роза мрачнела все сильнее.

Получалось так, что о возвращении блудного сына можно и не мечтать. Папенька будет весьма недоволен.

А еще... еще было обидно! За себя в том числе!

Вот Хулио, гад такой (А то кто еще? Конечно, гад!) уехал, сколотил состояние, наслаждается жизнью... а они что? Вынуждены плясать под папенькину дудку?

Нет-нет, вы не подумайте чего, она отца любит, и он самый лучший мужчина в мире, но даже вот тут, в ателье... платье купить – уже денег не хватит! Вот просто купить такое, чтобы пошили на нее, для нее, специально по ее вкусам... Столько денег отец ей никогда не даст. И это обидно.

А племянница, сопля, которой и двадцати лет нет, себе полный гардероб заказывает! Да есть ли в мире справедливость?!

Хулио, между прочим, даже и не писал ни разу за это время, а мог бы!

Узнать, как себя сестра чувствует, не нужна ли ей помощь... мысль, что и сестра могла бы написать брату, ну, хоть поискать его, Розе в голову не пришла. А зачем? Папа же против!

Даже если бы Хулио написал, скорее всего, она бы показала письмо отцу, и тот приказал бы порвать и выкинуть гадость. Но об этом сейчас тоже не думалось.

А уж платье из тарайского бархата и вовсе добило Розу. Тарайского! Бархата!

Ыыыыыы!!!

Быть в голос при посторонних людях Розе совершенно не хотелось. Поэтому она попрощалась с Пилар Наранхо и почти вылетела из ателье, наплевав на дождь, все равно он уже заканчивается. И без зонта обойдется! Да на ней сейчас те капли просто испарятся, так она зла! Почти промчалась по улице и со всего размаха налетела на какую-то ритану.

– Ой!

– Ай!

Роза была дико зла, а ритана шла под зонтом, и потому не увидела угрозу вовремя. И получила удар Розочкой со всего размаха, даже дыхание вышибло.

Ненадолго.

– Смотри, куда идешь!

– Смотри, где ноги ставишь!

Две ританы уставились друг на друга разъяренными кошками, и быть бы беде, если бы не случайность. Говорят, небеса любят позабавиться... так вот, кто-то умный, не дожидаясь начала драки, решил ее превентивно охладить.

Ледяной водичкой.

Из лужи.

«Удачно» проехавший мобиль превратил и ритану Розу, и ритану Альбу в нечто невообразимое.

– ГАД!!! – взвизгнули женщины на два голоса. Потом переглянулись – и решили заключить перемирие.

– Я знаю тут неплохую кофейню. Там можно будет привести себя в порядок.

Роза, хоть и выпила кофе, но во рту все равно стоял привкус хинина. И платье было мокрым, и нервы не в порядке...

– Буду рада составить вам компанию.

Альба Инес кивнула и показала на кофейню в конце улицы. Она туда как раз и направлялась, когда ее дождь застал на улице. А что?

Дешево, вкусно, можно кого-то из знакомых встретить и посплетничать...

А еще...

Хозяин кофейни, видя состояние двух ритан, не только предоставил в их распоряжение туалетную комнату. Он еще и плеснул в кофе ликера. Щедро так...

И в первую чашку.

И во вторую...

И даже в третью...

– Альба, милая, это ужасно!

– Да, Роза, ты представляешь? Совершенно он меня не понимает...

Две ританы упоенно жаловались друг другу. Хозяин кафе уже пожалел о подлитом ликере, но ведь и не выставишь их! Пусть сначала хотя бы протрезвеют!

– Альба, а у меня папа...

– Папа?

– Да, п-пап-па! И он теперь будет недоволен...

– Чем именно?

– Всем-mmm. То эсть мной!

– Роза, разве можно быть недовольным – тобой? Твоему отцу повезло, у него зам-чательная дочка!

– П-правда? – ритана Роза пьянела быстрее.

– Ч-стая, – заверила Альба, которая пьянела медленно, но основательно. – Х-чешь, я ему об этом скажу?

– Да...

– В-зовем мобиль?

Ритана Роза подумала пару минут, но подогретые ликером мысли вообще двигаться отказались. Решили, что им и так неплохо. В темноте, тишине и без движения. Так что...

Мобиль ританы вызвали.

И отправились в дом Ксаресов, который ждало серьезное потрясение. А правда? Чего они? А?

Кто – они, чего – они и что творится в головах у пьяных ритан?

Ни Роза, ни Альба не смогли бы ответить на эти вопросы. Но точно было одно.

Во всем происходящем виноват кто-то другой!

* * *

Есть благодарности – и Благодарности.

В зависимости от ситуации, отношения... да много от чего.

Москит считал себя человеком благодарным. А то и с большой буквы. И было, было за что.

Если бы лет пятнадцать тому назад кто-то спросил мальчишку по кличке Москит, какая его судьба ожидает, он бы ответил одним словом. Паршивая.

И было отчего так говорить.

Москит был из бедной семьи. Отец очень уважал три вещи, а именно – выпить, подраться и сделать матери очередного ребенка. А вот зарабатывать...

Вы, сеньоры и таны, в своем уме? Зарабатывать? Может, он еще и работать должен?!

Пфффф!

Он свое ценное дело сделал, то есть ребенка... а чего там баба дальше крутить будет, ее дело. Ее ж никто рожать не заставлял...

Нет, что-то он зарабатывал. И в дом приносил.

Но было этого так мало и так паршиво, что семья постоянно жила на грани... да что там! За гранью нищеты!

Мать и шила, и стирала, и подаяние просила, бывало... это уж когда здоровье вообще ничего не позволяло. А первым воспоминанием Хуана Валерио Дельрио, а именно такое имя дали Москиту при крещении, был голод.

Жуткий, острый, скручивающий все внутренности.

Вторым – холод.

Третьим – боль.

Папаша, чтоб его демоны на том свете драли, как им понравится, детей не любил, мог и пнуть, и подзатыльник дать, а единственное средство общения, которое ему было доступно... если без рукоприкладства – крик и ругательства.

Почему мать это терпела?

Хуан Валерио так и не понимал никогда. Вот правда – почему?

Могла бы и уйти от отца, и прибить его сковородкой, и много чего сделать... и не делала.

Почему?!

Дети рождались, дети выживали, часто вопреки всему...

Валерио, он предпочитал именно это имя, был на улице чуть ли не с младенчества, ходил вместе с соседом просить милостыню, потом сам, немного воровал, немного побирался, крутился то там, то здесь... нормальная судьба мальчишки из трущоб.

Прибиться к шайке и сдохнуть на каторге. Дело житейское.

Но ему повезло.

Да, к шайке он прибился. На посылках, туда-сюда... и дома стало чуточку повольтоннее. И он начал денежку домой приносить, хотя часто тащил не деньги, нет. Ткань какую, рыбу или овощи, крупу... так, чтобы можно было сразу к делу пристроить, а отец не пропил.

Младших подкармливал.

И... если уж вконец честно, мечтал о том моменте, когда вырастет и прирежет пьяную скотину, которая дала ему жизнь. Видимо, по недоразумению...

Нет, прирезать он бы смог и в семь лет, и в восемь. И рука бы не дрогнула, и совесть не замучила, была за ним к восьми годам парочка «подрезков», сами виноваты. Но ведь убить-то мало!

И мать переживать будет, и полицию кто-нибудь наверняка позовет.

Не пойдет!

Надо сделать так, чтобы папашу не нашли, а на Москита не пало никакого подозрения. И мальчишка терпел, мечтая о том времени, когда...

О, да!

А пока он мечтал, его приставили следить за магазином некромантки. Антонио Даэлис Лассара.

И его, и Крыса... и тут им с Крысом повезло.

Некромантку решили похитить, и мальчишкам удалось ей помочь. Крыс так вообще отличился, но и Москит помог, даже под проклятие попал. И тан Риалон, который потом на спасенной некромантке женился, им этого не забыл.

А добро некромантам делают редко.

И память у них отличная, и характер... своеобразный.

За зло некроманты отплатят десять раз, а за добро – двадцать. И будут считать, что это хорошо и правильно.

Эрнесто Риалон пригляделся к мальчишкам. А поскольку некромант всегда предпочитал давать людям не рыбку, а удочку, то и с мальчишками поступил своеобразно. Пристроил их работать в магазин и взялся устраивать их жизнь.

Никто и никогда не подумает на Эрнесто Риалона. Но...

Совершенно случайно сломал шею Дельрио-старший. Упал по пьяни в канаву, да так неудачно...

Может, Москит бы и поверил в случай, если б не испытал на себе проклятье, от которого ноги заплетались. И подозревал он такое же проклятье на папаше. Но поделиться догадками? Никогда!

Сам помер, сволочь! По пьяни!

Потом мать взяли на работу в хорошую артель, швеей. Да еще и разрешили с собой детей приводить, лишь бы те не сильно мешались. Там таких мелких дюжина бегала, кабы не больше, у каждой по одному, по два....

И мать начала зарабатывать.

Постепенно им удалось и вылезти из нищеты, и домик подходящий нашелся, и сам Валерио вырос – выучился, и работал он в том же антикварном магазине...

А почему нет, если к этому делу руки лежат?

Не все у него шло одинаково хорошо, но вот антикварная мебель... Москит ее просто обожал. Сам отыскивал, реставрировал, подбирал и дерево, и отделку, и ткань, и набивку...

И ведь замечательно получалось!

Но это, скорее, хобби, управлять магазином Москиту нравилось намного больше. И Риалоны-Лассара с радостью предоставляли ему эту возможность.

И магазин при деле, и управляющий хороший, и воровать не будет...

Ну да!

Там уж не один магазин получился!

У Крыса, кстати говоря, таланта к торговому делу не было. Зато оказалось, что он замечательно играет на клавесине, да еще и поет. И Риалоны приложили руки к его образованию.

Сейчас молодой исполнитель разъезжает по всей Астилии. От поклонниц отбоя нет, полные залы собирает, сам песни пишет, музыку...

И ведь хорошо получается!

Вылезли парни из нищеты! Зубами за воздух уцепились – и выбрались! И семьи свои вытащили!

Вот она, сестричка рядом.

Так-то Висента Анна Дельрио, а по-простому – Винни.

Умничка, в антиквариате разбирается, замуж скоро выйдет... остальные мелкие уже пристроены.

Сестры замужем, только Винни выдать мужу на руки осталось.

Братья себе тоже дело нашли. Один на лесопилке, два рыбаками стали, еще один... ну, тут уж безвыходно. Кому-то и воровать надо... ежели душа лежит.

Когда зазвонил телефон, и Амадо Риалон попросил о помощи, Москит даже не колебался. Единственное, что спросил:

– Оно опасно? Для сестры?

– Не знаю, – честно ответил Амадо Риалон. – До сих пор ее пытались не убить, а похитить. Но вдруг?

– Я ей скажу, – согласился Москит. – Сейчас приедет.

– С меня причитается, – благодарно откликнулся Амадо.

– Сестренке на приданое, – согласился Москит. А что? Если работа есть, то и оплата быть обязана! Так оно правильно!

И пошел общаться с сестрой.

А поскольку Винни тоже росла умненькой и серьезной, и примерно себе представляла, от чего ее спас в свое время братец, и ее уговаривать долго не пришлось.

– Еду.

И нож проверить. На ноге, с внутренней стороны бедра.

И еще один пристроить. В волосы. Аккуратный такой, скорее, длинная шпилька в специальном чехле. Дорогая, зараза. Но как иначе-

то ее носить? Никто не задумывается? Чтобы голову не поцарапать, половину волос не сбрить?

Только специальное наверху.

Эх, не позавидует он тому, кто решит похитить Винни. Была она девчонкой из трущоб, ей и осталась, в глубине души. И что делать с особо умными похитителями – отлично знает.

Жить они, может, и останутся. А вот размножаться точно не смогут.

* * *

Треси открыла дверь дома и поморщилась.

В нос ударил едкий запах вареной рыбы.

Да, вот так вот. Масло дорого, вода – бесплатно. Поэтому проще рыбу варить, а не жарить. Слова Треси о том, что можно ведь и запечь... ничего тут сложного нет! Взять глину, обмазать и запечь. Даже и печка не нужна, просто развести костер на полчаса. И можно рыбу ни во что не оборачивать...

Что, что в этом такого?

И дров еще поменьше уйдет...

Мать была против. Вареное – полезнее.

Да, конечно, но когда оно уже становится просто омерзительным? Когда в зубах навязает?

Когда сил нет вот ЭТО кушать, да каждый день, да по три раза в день?

Неблагодарность?

А вас бы так? Рыбная похлебка, вареная рыба, хлеб... все меню семьи Наранхо. Больше-то ни на что денег не хватает!

Хавьер хотел проводить свою помощницу, но Треси решительно отказалась. Унизительно это...

Да, это ее дом, ее братья и сестры, ее мать и отец.

И?..

Она их любит, она глотку за них хоть кому перегрызет, она работает, чтобы им помогать, но в том-то и дело. Она же их видит, как они есть! И оборванных, и с голодными глазами, и мать – сутулую, усталую, постаревшую раньше времени... никакую.

И отца...

Он симпатичный, конечно, но сеньорита Наранхо хорошо знает ему цену.

Безответственность. Нежелание и неумение подумать, хоть на шаг вперед.

И пословица, которую Треси тихо ненавидела. Дал Бог детей, даст и НА детей.

Замечательно! С голоду они и не помирают! Но и такой жизни не порадуются, уж точно. Священникам о таком говорить хорошо, не им же кормить придется!

Треси точно знала, Хавьер промолчит.

Но он *посмотрит*.

И это будет для нее страшно и унижительно.

– Ты сегодня рановато? – удивилась мама, только заметив ее.

Треси кивнула.

Да, это плюс. Тан Карраско обещал ее не задерживать больше необходимого. А тетушка могла и по ночам работать заставить.

Что ж...

– Мама, я уволилась.

– ЧТО?!

Выражение лица у матери было такое, словно Треси лично на королевский гроб нагадила.

– Я. Уволилась.

– Треси! Какой ужас! Я... ладно, папа придет, и я попрошу его сходить к дяде.

– Зачем?

– Чтобы он попросил сеньору Наранхо взять тебя обратно. Что ты такого натворила?! Что наделала?!

Треси сжала кулаки. Потом медленно, по пальцу, разжала их.

– Не. Надо.

– Что – не надо?! Что...

– Ничего. Ничего не надо.

– Я лично попрошу сеньору Наранхо!!! А отцу скажу, пусть тебя выпорот! Что за безответственность...

Треси заскрипела зубами. Пальцы снова сжались в кулаки.

Сеньору Наранхо!

Она попросит!

А мать-то кто?! Не сеньора Наранхо?! Нет?! Почему не сказать – попрошу Пилар? Попрошу сноху? Попрошу твою тетку...

Что ее всегда выбешивало, так это поведение родителей! Да, вы беднее! Но какого демона?! Вы НЕ бедные родственники! Вы ничего не просите! А насчет меня и работы... Это еще вопрос, кто и кого просить должен! То ли вы – тетку, то ли она – вас! Учитывая, что Треси за троих работала!

Вот как иногда так получается, что чужие люди понимают тебя лучше родных и близких? Как?!

Ответа, увы, не было.

А злость была.

– Мама, никого и ни о чем не надо просить. Я уволилась не просто так.

– Что ты натворила?!

Сказать правду? О том, что подслушивала тетку с любовником?

Еще бы и Треси нагорело... нет, это не выход. Поэтому...

– Мне предложили работу получше. Занятость меньше, зарплата больше. И я ушла.

– Да?

Два волшебных слова. Больше – денег! И мать уже готова слушать... хотя регулярно тыкает Треси носом в ее страшные недостатки.

Плевать, что ты зарабатываешь не меньше отца. Все равно – не заносись! Служи, приноси деньги, слушайся... и не вздумай даже плечи расправить! Нечего тут! Не положено!

– Да.

– И где же? Ты ведь ничего не умеешь!

– Научусь! Невелик труд – убирать.

– Убирать?

– Да, мам. В медицинской лаборатории при управлении полиции. Там некромантия, ну и все остальное. Оказалось, что я себя вполне прилично чувствую рядом с некромантами, и меня приняли на работу. Оклад достойный, работа не такая сложная, а там и учиться пошлют.

– Некроманты?!

– Да. А что?

– Треси, они же страшные!

Мать смотрела с таким священным ужасом, словно Треси каждый день собиралась в пасть ко льву. Или, там, в клетку со змеями.

– Разве? – Тан Хавьер вовсе не показался девушке страшным. А по сравнению с тетужкой, так и вовсе милейший человек!

– Это – НЕКРОМАНТЫ!

– Да, мама. Я знаю. Некромант и проводил собеседование, – с невинными глазами отозвалась Треси.

Мать поежилась.

– Ты... ты уверена? Может, все-таки...

– Там платят больше.

– Ну... – На лице матери изобразились раздумья. С одной стороны – ДЕНЬГИ! Больше! Это ж хорошо, правда? С другой стороны – дочь. Несколько минут материнская любовь боролась с материальными благами, и деньги победили с разгромным счетом. – Ладно... если ты уверена...

– Уверена.

– Но отцу расскажешь сама. Поняла?

– Расскажу, конечно. Что в этом такого страшного?

Треси даже и не задумывалась. А что? Дело совершенно житейское, с одной работы ушла, на другую пришла. Что может не устраивать отца?

– Некроманты, – эхом отозвалась мать.

– Мама, полы мне все равно, где мыть. И остальное... что у нас котелок, что там посуда... и что?

– Да... ты голодная? Сядь, поешь...

Треси качнула головой. Хавьер почти принудительно затащил ее в кафе и накормил. Еще и заявил, что предпочитает живых помощниц, на них-де силы тратить не надо. Поднимать, управлять, приказывать...

После хорошего куска мяса с овощами на рыбный суп и смотреть не хотелось.

А еще...

– Мама, я кое-что купила. Чтобы на новой работе хорошо работалось...

А точнее, купил Хавьер. Сам. Как «гостинцы малышам». Треси попробовала отказаться, но...

Коробка была большой. И в ней были засахаренные фрукты, мармелад, пастила...

Малышня налетела вихрем, и Треси довольно улыбнулась. Пусть порадуются.

Если все хорошо пойдет, она им будет регулярно такое покупать. Что ж не побаловать? Дети же...

Мать покачала головой, но дольку засахаренного апельсина взяла. Треси тихонько перевела дух. Все, опасный участок пройден, а отцу будет все равно. Это уж точно.

Ему в принципе все равно... увы.

* * *

– Знакомьтесь – Висента Анна Дельрио, – представил Амадо симпатичную девушку, входящую в комнату.

– Похожа, – оценила Феола.

Действительно, у девушек было достаточно много общего. Издали.

Черные волосы, статная фигура, темные глаза. Разве что личико у Висенты подкачало. Мерседес могла вдохновлять скульптора.

Висента – разве что зоолога. Очень уж она походила на умную лошадку.

Симпатичную, никто и не спорит, живую, обаятельную, но... некая лошадеобразность в ней была. И зубы крупноваты, и рот великоват, и пропорции лица чуточку нарушены. Симпатичная, но не красавица.

Впрочем...

– Да, пожалуй, – прищурилась Висента. – Ладно, сейчас кое-что подправим...

Косметика меняет человека. Это знают все женщины, просто не все умеют ей пользоваться. Но Висента могла. Здесь пудра, там румяна, тут немножко туши...

Нет, Мерседес все равно оставалась намного красивее. Но определенное сходство появилось. Плюс прическа, плюс одежда, дом, родные, друзья...

Если кто-то выглядит, как собака, живет в конуре и лает... это – собака?

Наверное... а вдруг койот? Или волк?

Проверить это можно только опытным путем.

Амадо критически оглядел девушку.

– Винни, пока неплохо. Но двигаться надо медленнее. И руки в карманы не суй.

Висента, которая знала Амадо уже лет пятнадцать, с тех пор, как братик начал работать на ритану Лассара, показала мужчине язык. И привычно увернулась от подзатыльника.

Да, было и такое.

После неудавшегося похищения Тони взяла к себе в магазин двоих ребят. У одного из них оказалась куча родни... нет-нет, всех в магазин не тянули. Но кое-кого к делу пристраивали.

Помыть, протереть, принести-унести, доставить заказ... все лучше, чем по улицам шляться! А Висенте и вообще нравились старинные вещи. Она и разбиралась в этом неплохо, и замуж выходила за историка, и в магазине будет подрабатывать после свадьбы. Может, не на полный день, когда дети появятся, но обязательно будет.

Тони не возражала.

Нашел человек свое призвание? Радоваться надо!

– Сейчас мы садимся в мой мобиль, – инструктировал Амадо девушек, которые переодевались за ширмой. – И мы отправляемся домой к Веласкесам. Потом, убедившись в отсутствии слежки, тан Мальдонадо выводит Мерче через черный ход, грузит в свой мобиль и едет к себе домой. Думаю, это ненадолго. Но пока придется потерпеть. Всем.

Нельзя сказать, что присутствующим это нравилось. Но выбора не было.

* * *

Если бы Треси видела сейчас свою тетку, она бы очень удивилась.

Пилар Наранхо расхаживала по своему кабинету, и ее явно что-то не устраивало. А что?

Несложно догадаться.

Плевать ей было на супружескую измену и на рога у любимого мужа. Вот еще.... Проблема! Да тьфу на него, идиота!

А вот другое...

Нет, не огласка! Да пусть племянница хоть на главной площади стоит и в голос о ее изменах орет. Кто поверит-то?

Анхель промолчит, остальные тоже...

Нет, сеньору Наранхо злило не это.

Треси была...

Незаменима?

Тоже неправильно. Заменяма. Но не меньше чем тремя-четырьмя мастерицами. И платить им придется больше. И перерабатывать не заставишь.

И следить за ними надо, чтобы чего не напортачили...

Да, зря она сегодня сорвалась. Но так разозлилась... и Анхель еще рядом...

Ладно!

Она даст девчонке несколько дней помыкаться. А после коронации позовет ее обратно.

Надо бы ДО, но тогда воспитательного эффекта не будет. Тоже додумалась!

Подслушивать...

Дрянь мелкая!

Пусть помыкается, прочувствует, как это, когда без работы и без перспектив, а потом-то тетушка Пили и выступит благодетельницей.

Потом-то она и пригласит дурочку на работу, обратно. А если Тереса и откажется, ее родители за ухо притащат. Она знает, что сказать супругу, и что тот скажет своему брату.

Да, пожалуй... несколько дней она подождет – и займется. Благо большинство заказов готовы, а остальные... сделают!

По случаю коронации женщины заказывают наряды срочно, и платят дороже... денег хватит. Жалко их тратить, конечно, ну да ладно! Один раз можно.

А потом Треси наверстает упущенное. В три смены работать будет.

Сеньора Наранхо приятно улыбнулась и подошла к зеркалу.

Надо, надо привести лицо в порядок. И пятна на скулах замазать, и ресницы снова подкрасить... и обязательно сходить на днях к куаферу. Ниточки седины... ладно, вот этот волосок она просто вырвет, но все равно для молодой женщины это недопустимо.

Решения были приняты, все расставлено по местам, и Пилар Наранхо улыбнулась своему отражению. Все у нее получится. Это же – она!

* * *

Адэхи с тоской во взгляде смотрел на море.

Старому шаману совершенно не хотелось во все это ввязываться. Дожить бы свои дни спокойно, да и хватит с него! А выбора-то и не было. Нет, не было...

Кто будет слушать старого шамана, когда замешаны интересы богов?

Да никто...

Ему предстоял путь за море. Не на корабле, нет. Он шаман, он может многое. А вот что именно он успеет...

Нет ответа.

Просто – нет.

Смертельный танец людей и богов набирал разбег и мощь, становился более страстным, яростным, даже жестоким... а вот чем он закончится?

Адэхи этого не знал. И подозревал, что не переживет узнавания.

Что ж. Такая судьба.

Да будет так, как судят боги. А шаман – проводник их воли.

Никто не вступит на песок на этом клочке земли еще десять дней. А потом... потом все будет кончено. Либо он выйдет сам, либо его отсюда вынесут. Ксаресы обещали похоронить его, как подобает. И да исполнится воля богов!

notes

СНОСКИ

Синэри Ярадан была не богиней, а демонессой, но убедить в этом ее прихожан возможным не представляется. Сожрут. В буквальном смысле. – *Здесь и далее прим. авт.*

2

Один из методов определения подделки. За пару минут обсидиан не нагреется в человеческих руках. Если нагрелся – подделка.

3

В нашем мире подобной святой не обнаружено.

4

Чистая правда.

5

Поли – презрительное прозвище для полицейских.

6

Такие водоросли действительно есть. К примеру, *Alexandrium catenella*. Есть и другие, но перечислять долго.

Мулат – 50 % «белой» и 50 % «чёрной» крови. Квартерон 75 % «белой» и 25 % «чёрной» крови. Окторон (то же, что квинтерон) 87,5 % «белой» и 12,5 % «чёрной» крови.

Кому интересно, почитайте про кроликов в Австралии. А если нужен именно остров, можно и про остров Маккуори. Чтобы представить этих милых зверушек именно на острове. Но вреда от них и там, и тут – много.

Древние греки считали, что асфодель растет на полях Аида, по которым гуляют ушедшие.

Пока дождик из морковки не пойдет, аналог «дождичка в четверг».

Закройщик работает с клиентом и определяет вид-цвет-фасон-ткань одежды, швея сшивает по готовым эскизам и лекалам, портной может работать и за швею, и за закройщика. Интересная градация, но факт.

12

Автор в курсе, что расписной покер – изобретение времен СССР. Но – почему бы не изобрести его пораньше и в другой стране?

В нашей истории тоже. Ацтеки, майя – они считали, что без человеческой крови солнце светить не будет. А значит – надо платить. И добровольно шли на смерть. Чтобы выживали остальные.

Кому интересно, те же нитроглицериновые фабрики Нобеля взрывались регулярно. Аммиачно-селитряные ВВ тоже могут преподнести сюрприз. Да и современная взрывчатка не идеальна.